

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Российская история

В номере:

Основан
в марте
1957 года

Выходит
6 раз
в год

Актуальные проблемы исторической науки

Когнитивно-информационная теория в современном гуманитарном познании

Имперская бюрократия и реформы начала XIX века

«Реформа администрации должна быть предпочтительнее конституции»

Правительствующий Сенат в начале XIX в.: подготовка и реализация реформы 1805 г.

Внутренняя политика России в начале XX века

Император Николай II как реформатор: к постановке проблемы

Механизмы взаимодействия исполнительной и представительной ветвей власти, 1906–1914 гг.

Внутриправительственные конфликты в период кризиса третьеиюньской системы (1911–1917 гг.)

Публикации

В августе 68-го: взгляд с другой стороны. К выходу русского перевода воспоминаний Александра Дубчека

МОСКВА
НАУКА

4

июль
август
2009

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.Н. МЕДУШЕВСКИЙ (главный редактор),
А.В. ГОЛУБЕВ (зам. главного редактора), **Д. ДАЛЬМАНН** (Германия),
А.Е. ИВАНОВ, А.В. ИГНАТЬЕВ, А.П. КОРЕЛИН, В.А. КУЧКИН,
Л.Н. НЕЖИНСКИЙ, Е.И. ПИВОВАР, Ю.С. ПИВОВАРОВ,
В.Н. ПЛЕШКОВ, Н.М. РОГОЖИН, А.Н. САХАРОВ,
Д. СВАК (Венгрия), **С.С. СЕКИРИНСКИЙ, В.А. ТИШКОВ, В.В. ТРЕПАВЛОВ,**
ДЖ. ХОСКИНГ (Великобритания), **В.В. ШЕЛОХАЕВ**

Адрес редакции:

117036, Москва В-36, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел. 8-499 723-69-10; 8-499 723-69-41
Наша электронная почта:
otech_ist@mail.ru
otech_ist1@mail.ru

Ответственный секретарь М.А. Новикова
Тел. 8-499 723-69-10

EDITORIAL BOARD

A.N. MEDUSHEVSKY (*Editor-in-Chief*),
A.V. GOLUBEV (*Deputy Editor-in-Chief*), **DITTMAR DAHLMANN** (*Germany*), **A.E. IVANOV,**
A.V. IGNATIEV, A.P. KORELIN, V.A. KUCHKIN, L.N. NEZHINSKY,
E.I. PIVOVAR, Yu.S. PIVOVAROV, V.N. PLESHKOV, N.M. ROGOZHIN,
A.N. SAKHAROV, GYULA SZVÁK (*Hungary*), **S.S. SEKIRINSKY, V.A. TISHKOV,**
V.V. TREPAVLOV, GEOFFREY HOSKING (*United Kingdom*), **V.V. SHELOKHAEV**

Address:

19, Dm. Ulianova, Moscow, Russia. Tel. 8-499 723-69-10; 8-499 723-69-41

Managing Editor M.A. Novikova
Tel. 8-499 723-69-10

РУКОПИСИ ПРЕДСТАВЛЯЮТСЯ В РЕДАКЦИЮ В ЧЕТЫРЕХ ЭКЗЕМПЛЯРАХ, ОБЪЕМОМ НЕ БОЛЕЕ 1,5 АВТОРСКОГО ЛИСТА (36 СТР. МАШИНОПИСИ ЧЕРЕЗ ДВА ИНТЕРВАЛА), А ТАКЖЕ В ЭЛЕКТРОННОМ ВАРИАНТЕ (ДИСК И РАСПЕЧАТКА НЕ БОЛЕЕ 1,5 ПЕЧАТНОГО ЛИСТА). В СЛУЧАЕ ОТКЛОНЕНИЯ МАТЕРИАЛА РУКОПИСИ И ДИСКИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ.

МНЕНИЯ, ВЫРАЖЕННЫЕ В СТАТЬЯХ, ОТРАЖАЮТ ЛИЧНЫЕ ВЗГЛЯДЫ АВТОРОВ И НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО СОВПАДАЮТ С ТОЧКОЙ ЗРЕНИЯ РЕДКОЛЛЕГИИ И РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА.

© 2009 г. А. Н. МЕДУШЕВСКИЙ*

КОГНИТИВНО-ИНФОРМАЦИОННАЯ ТЕОРИЯ В СОВРЕМЕННОМ ГУМАНИТАРНОМ ПОЗНАНИИ

Цель настоящей статьи – раскрыть значение когнитивно-информационной теории для гуманитарного познания вообще и исторической науки в частности. Данная теория, разработанная выдающимся российским ученым профессором О.М. Медушевской (1922–2007), предлагает принципиально новое решение проблемы гуманитарного (исторического) познания: определяет предмет и методологию данной области знаний, раскрывает логику научного познания – путь, по которому научная мысль должна следовать, если она действительно стремится к достижению доказательных и эмпирически верифицируемых результатов.

Ключевые параметры когнитивно-информационной теории гуманитарного познания таковы: объяснение особенностей современной ситуации в гуманитарном познании и способы преодоления трудностей; информационный феномен и необходимость разработки нового понятийного аппарата науки; обоснование концепции и метода когнитивной истории; смена парадигм в современной науке; определение места истории как строгой науки в междисциплинарном поиске; наукоучение как признак зрелой науки и раскрытие значения источниковедческой парадигмы в XX в.; создание основ социологии гуманитарного познания – выяснение соотношения науки, образования и профессионального выбора исследователей. На этой основе становится возможным определение общего значения когнитивно-информационной теории в создании целостной и достоверной системы представлений об обществе и его познании¹.

Как многие крупные мыслители, О.М. Медушевская чрезвычайно внимательно относилась к формулированию своих идей и понятий, а потому не спешила публиковать их. В основу исследования положены, поэтому, как опубликованные труды, так и материалы личного архива². В нашу задачу входит изложить основы этой теории, метод и структуру подхода к познанию социальных явлений и показать возможные пути ее развития и применения.

Гуманитарное познание XX в.: методологические трудности и способы их преодоления

В гуманитарном познании XX в. констатируются трудности, связанные с отсутствием как теории, адекватной современному состоянию науки, так и четких понятий, которыми могли бы оперировать разные области знаний. Основная причина этих трудностей – *несоответствие традиционных методов познания новой социальной реальности*. Три основных проблемы приобрели ключевое значение в новейшее время: глобализация, информатизация и познание «другого», т.е. мотивации поведения индивида, картина мира которого отличается от установившихся стереотипов данной цивилизации. Первый из этих процессов – глобализация – привел к разрушению устойчивых исторически сформировавшихся границ культурной и национальной идентично-

* Медушевский Андрей Николаевич, доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала «Российская история».

сти, а его следствием стало крушение европоцентризма как доминирующего подхода гуманитарных наук и связанных с ним иерархических приоритетов (постепенное осознание этого процесса происходило по мере расширения контактов с обществами, ранее находившимися на периферии магистрального пути мирового развития). Второй процесс – информатизация (рост объема информации и скорости ее распространения в результате появления новых технологий) – уже к середине XX в. привел к крушению линейной модели истории (поскольку стал возможен непосредственный обмен информацией между представителями разных культур вне учета их исторического генезиса). Третий процесс – познание «другого» – связан с необходимостью восприятия чужой культуры, мотивации поведения (человеческой одушевленности) и ее интерпретации в нейтральных научных понятиях (т.е. таких, которые не были бы перенесены автоматически из одной культуры в другую как эталон для сравнения).

Общим результатом этих процессов стал *кризис традиционной*, восходящей к метафизическим и эволюционистским философским доктринам XIX в., *методологии гуманитарного познания*. Он проявился в отказе от системности концепции мировой истории, в отрицании за историей звания полноценной науки (известное противопоставление наук о природе и наук о духе, выдвинутое в германской неокантианской философии истории начала XX в.), отрицании сравнительного метода как способа познания общественных закономерностей и явлений (как идиографических – неповторимых и уникальных), наконец, в отсутствии единых критериев доказательности в гуманитарном познании. Действительно, основная проблема методологии исторического познания связана с самим объектом исследования: внутренний мир человека ненаблюдаем и подвижен; внешнее поведение индивида и групп не охватывает сущностных свойств человека; эксперимент и непосредственное наблюдение возможны лишь в ограниченной степени. Это приводит многих современных исследователей к выводу о невозможности исторического познания в принципе или, во всяком случае, невозможности такого познания как строго научного.

С проблемой доказательного познания социальных явлений оказались неспособны справиться основные философские доктрины XIX–XX вв. – классический позитивизм и исторический материализм (поскольку они придерживались в общем и целом упрощенной теории «отражения»); неокантианский релятивизм и постмодернизм (поскольку исходили из другой крайности – непознаваемости мира и привнесения сознания исследователя в историю). Феноменологический подход предложил альтернативный двум предшествующим доктринам вариант решения, сформулировав проблему различения объекта и предмета познания – соотношения вещи и информации, которую из нее возможно получить (вещь сама по себе и вещь для нас). Феноменологический подход означал несомненный шаг вперед, приняв идею познаваемости явлений, но он не разработал методов такого познания в гуманитарных науках.

Решение данной проблемы стало возможно в результате *создания когнитивного метода в гуманитарном познании*. Отправной точкой стал поиск ответа на главный общий вопрос в философской и эмпирической эпистемологии: какова эмпирическая база для изучения самоорганизации сообществ, групп, систем, их функционирования в режиме целостности (диахрония, настоящее). Концепция когнитивной истории стала результатом научного синтеза ряда направлений гуманитарного знания – информатики и когнитивных наук (изучающих человеческое мышление), с одной стороны, историографии, источниковедения, структурной лингвистики, антропологии, – с другой³. Речь идет о новом синтезе теории информации и методологии классического источниковедения, получившего особое развитие в России XX в.

Человек в информационном пространстве: основные понятия когнитивно-информационной концепции

В результате этого подхода выстраивается принципиально *новая теория исторического познания*, основанная на рассмотрении информационного феномена.

Вне целостности информационной системы общество не может функционировать в принципе. Не выработав научного общего понятия информационной системы, нельзя анализировать способы ее функционирования и изучать структуры. Для историка это означает невозможность перехода от диахронного мониторинга развития к изучению действующей системы исторического настоящего. Поэтому ключевое значение имеет выработка адекватных понятий, отражающих информационный феномен как системный и целостный. Прежде всего, необходима критика того понятийного инструментария, который не соответствует этим требованиям, отказ от вводящего в заблуждение распространенного понятия «информационное общество»: этот термин возник в связи с доминированием информационного сектора, информационных технологий в новейшее время. Но общество «неинформационным» не бывает: его информационная системность и целостность присуща общественной организации любого типа, выступая в качестве универсального способа его связи, представленного как в истории, так и в современности, она охватывает как общество в целом, так и отдельные социальные группы, проявляет себя на различных уровнях социальной иерархии. И, следовательно, именно способ его связей, прежде всего информационных, оказался в центре внимания исследователей настоящего.

В связи с неадекватностью существующих подходов когнитивно-информационная теория выдвигает *ряд новых системных категорий*: это понятие информационной сферы, которая (по аналогии с категориями биосферы и ноосферы) определяет материально-вещественный след совокупного когнитивного феномена человеческого мышления, проявлявшегося в деятельности; информационной среды человека – пространства, в котором реализуется способность опосредованного (через материальный продукт) и информационного обмена, охватывающего, таким образом все разумное человечество в его истории. Информационный обмен существует по горизонтали (он имеет непосредственный характер, поскольку обмен идет в режиме настоящего времени – наблюдения вещей, обмена ими) и по вертикали (ретроспективный или опосредованный информационный обмен).

Ключевое значение для когнитивной концепции гуманитарного познания имеет именно *понятие опосредованного информационного обмена* – специфически человеческой способности обмена информацией через посредство целенаправленно созданных единиц интеллектуального продукта. Опосредованный информационный обмен осуществляется через материальный продукт, представляющий собой результат целенаправленной человеческой деятельности – осознанного поведения индивида, направленного к достижению поставленной цели.

Сама возможность данного вида обмена, принципиального для исторического познания, обусловлена *процессами социальной адаптации*, включающими две фазы – антропологическую адаптацию (помощь общества в освоении навыков человеческого поведения в виде становления «на ноги» в буквальном смысле слова) и когнитивную адаптацию – условие вхождения индивида в человеческую информационную среду через способность воплощать идею мышления в вещь и также, соответственно, способность распознавать в структуре целенаправленно созданной вещи ее назначение, функцию и смысл ее создания, распознавать идею другого индивида. Способность фиксировать информацию вовне и распознавать информацию, зафиксированную в вещи (как умение «писать» и соответственно «читать» продукт интеллекта), есть ключевой момент в становлении личности и сообщества.

Вся логика построения когнитивной теории гуманитарного познания и выработанных ею категорий связана, следовательно, с основополагающим *понятием информации*, которое до сих пор не получило в науке единого определения. Важно проследить, поэтому, как решает проблему данная концепция. Современная теория отправляется от идей Н. Винера: «Информация, – говорит он, – это обозначение содержания, полученного из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему и приспособления к нему наших чувств. Процесс получения и использования информации является процессом нашего приспособления к случайностям внешней среды и нашей жизнедеятель-

ности в этой среде»⁴. Отсюда – возможность *определения информации* по ряду параметров: во-первых, – это совокупность данных, востребованных системой для идентификации себя в окружающем (реальном) мире, т.е. совокупность данных о состоянии внешней среды, необходимых живой системе для обеспечения ее нормального функционирования; во-вторых, – это процесс, содержание которого состоит в истолковании внешне проявленных явлений: продукт истолкования живой системой внешних сигналов как признаков состояния окружающей среды; в-третьих, – результат познавательной деятельности системы, качеством которой является направленность на оптимизацию функционирования во внешнем мире; в-четвертых, информация – изложение, разъяснение, закрепление навыков распознавания глубинных изменений, процессов, по их внешним, непосредственно данным признакам; в-пятых, – способность живой системы прогнозировать изменения окружающей среды по внешним проявлениям, мера способности живой системы отслеживать состояние окружающей среды по внешним проявлениям⁵.

Центральная проблема когнитивных наук – это *феномен преобразования мысли (живой или динамичной информации) в вещь (информацию статичную)*. Естественные науки изучают процессы функционирования мышления, психология – психические аспекты мышления – действия и поведения, а историческая наука – изучает эмпирически данный продукт, целенаправленно создаваемый человеком. Феномен преобразования информации в вещь и вещи в информацию на разных уровнях испытывает качественные изменения. Он многократно описан и со стороны и изнутри: как возникает идея, смысл, как идея находит понимание, адекватный отклик в другом сознании, как происходит постепенное осуществление проекта: возникает замысел, материалы, средства, команда, воплощение продукта и его опробование, коррекция, развитие проекта, отношение к нему социума. В ходе этого процесса происходит расщепление идеи и продукта, превращение идеи в продукт, продукта в общее достояние – вещь (товар). Преобразованию идеи в продукт могут мешать социальные условия (работа «в стол»). Но, будучи преобразованной и фиксированной в материальном продукте, идея обретает свое эмпирическое воплощение.

На основании данного подхода становится возможным введение понятия *макрообъекта исторической науки* как всей совокупности интеллектуальных продуктов – целенаправленно создаваемых продуктов человеческой деятельности, всегда структурированных под цель их создания.

Наука когнитивной истории: предмет, метод и цель

Наука – область профессиональной деятельности, направленной на достижение нового, точного (ориентированного на степень точности) и систематизированного знания. Это знание представляет интеллектуальный продукт (изделие), которое обладает структурными свойствами, отвечающими его функции. Научное сообщество контролирует качество данного изделия. Наука обладает объективным содержанием лишь в той мере, в какой ведет самостоятельное существование в виде письменных произведений: в этой форме она живет тысячелетиями и переживает личности, поколения и нации.

История, – подчеркивает О.М. Медушевская, – «может быть наукой» в том случае, если имеет реальный, доступный для повторных интерпретаций и, следовательно, стабильно существующий объект; опирается на данные такого объекта, который охватывал бы человечество в целом (исторический процесс); этот объект должен отвечать главному условию, выражать системообразующее свойство феномена человека⁶. Концепция когнитивной истории видит решение проблемы в изучении целенаправленного человеческого поведения, которое, развиваясь в эмпирической реальности, неизбежно сопровождается фиксацией результатов исследования, созданием интеллектуальных продуктов. Эти последние и становятся отправной точкой доказательного исторического познания, возможного на основе методов классического источниковедения. Та-

ким образом, *когнитивная история* – «наука о человеческом мышлении, которое проявляет себя созданием интеллектуального продукта вовне, созданием информационного продукта своей целенаправленной деятельностью»⁷. Исходя из этого определяется предмет и объект исследования, а также его метод и цель.

Предмет изучения везде и всегда в науке и в жизни – это выявление смысла, т.е. механизма функционирования реальности. *Объект* – отграниченная часть реальности, наблюдение той ее части, которая предположительно представляется перспективной (адекватной, т.е. необходимой и достаточной) для установления механизмов функционирования явления. Отсюда первый вопрос исследователю – эта ли часть необходима, эта ли часть реальности достаточна для понимания данного механизма.

Метод – есть путь, который дает возможность, двигаясь от изучения эмпирического объекта, получить новое знание в соответствии с предметом, который представляет цель изучения. Под когнитивной историей, соответственно, понимается исследование универсальных характеристик человеческого мышления, и исходный постулат состоит в том, что такое изучение возможно: разум позволяет воплотить результат мышления в материал, а он познаваем в принципе. В данной ситуации метод есть путь движения от объекта (продукта) к мышлению. Изучается фундаментальная характеристика познания – создание целенаправленного продукта как свойство деятельности.

Универсальная цель мышления есть постижение способов функционирования окружающей индивида реальности. Индивид использует реальность как информационный ресурс, этот процесс наблюдаем, его можно изучать. Затем происходит постижение смысла: как это происходит, не известно, и наблюдать это невозможно, но достигнутый смысл, будучи воплощен в вещь, уже наблюдаем. Можно судить, какую часть реального мира изучал индивид и что заметил, какой смысл постиг.

С этих позиций «*исторический процесс* есть процесс взаимодействия индивидов, которые осуществляют свою целенаправленную деятельность в рамках эволюционно и глобально единого информационного пространства». Ключевое значение имеет в этой связи понятие деятельности, определяемой как «способ существования человека (самореализации индивида), преобразующего энергию своего замысла посредством последовательного воплощения в ряд целенаправленно созданных интеллектуальных продуктов». Это определение опирается на ключевое понятие реализованного продукта, что делает «исторический процесс в принципе исторически познаваемым через посредство совокупности интеллектуальных продуктов человеческой деятельности»⁸.

На этой основе становится возможной реабилитация понятия прогресса, неоднократно подвергавшегося сомнению и снисходительной критике в так называемой постмодернистской историографии. *Прогресс* – понятие, вполне объяснимое с позиций когнитивно-информационной теории. Каждый индивид, фиксирующий свой личностный опыт в создании интеллектуального продукта как вещи (реализованного в пространственных рамках), вносит свой вклад в общий информационный ресурс человечества. Следовательно, каждое последующее поколение обладает новым уровнем информации о мире, обществе и человеке. Этот постоянно пополняемый информационный ресурс открывает все новые возможности динамичного развития человечества, т.е. прогресса. Чтобы превратить эту возможность в действительность, наука о человеке должна совершенствовать свои методы получения нового знания.

В итоге выдвигается принципиально *новое определение исторической науки*. Это – «фундаментальная наука о всех видах и формах человеческой деятельности, которые реализовались в ходе эволюционно и глобально целостного исторического процесса. История – эмпирическая наука, ибо она имеет реальный, доступный в принципе человеческому восприятию целостный макрообъект. Этот объект – совокупность продуктов целенаправленной человеческой деятельности, возникший на протяжении исторического процесса, целостного во времени и пространстве»⁹.

Целью исторической науки, исходя из этого, следует считать выявление новой информации о феномене человека и человечества, жизненно необходимой ему для определения перспектив своего места во вселенной, своей судьбы и путей выживания. Бес-

численные эксперименты индивидуальных судеб – это единственный реальный шанс для осмысления феномена человека в мире живого, в мире планеты и вселенной. У нас нет пока возможности сопоставить судьбы человечества с другими судьбами разумных существ. Следовательно, история – наш единственный шанс провести идентификацию и самоидентификацию себя в мире.

В результате можно реконструировать весь *цикл познания*, включающий три фазы. Первая – исходная картина мира автора, способы получения информации. Вторая – реальность произведения – интеллектуального продукта: его структура, замысел, определение того, насколько он выражен, информационный ресурс, которым обладал автор, постигнутый им смысл, его интерпретация. Между первой и второй фазами оказывается разрыв – ненаблюдаемый процесс аккумуляции информационного ресурса и его трансформации в произведение. Именно этот процесс становится объектом научного изучения. Третья фаза – использование данного продукта (произведения) как источника информации исследователем – фиксированное знание о мире, выводимое логическим путем. На этом этапе происходит наше (исследовательское) *постижение* смысла, функционирования мира в когнитивной истории, установление путей и способов мышления.

Смена парадигм в науке: от нарративизма к когнитивно-информационной концепции

Современная ситуация в науке определяется как смена парадигм, а именно – *переход от одной парадигмы (нарративизма) к другой (когнитивной истории)*¹⁰.

Нарративизм вообще – это традиционный способ историописания, при котором задача историка сводится по сути к задаче рассказчика, повествующего о событиях прошлого. В этом смысле нарративизм есть логика повседневного мышления, когда стремятся осмыслить причинно-следственные связи состоявшегося события, идя от результата к причине, с целью извлечения «уроков». С позиций когнитивного подхода следует различать традиционный (наивный) нарративизм, не ставящий задачей какую-либо проверку подлинности своих утверждений и нарративизм как метод историографии, предполагающий ограниченную проверку таких утверждений.

Коренные общие методологические пороки нарративистской логики состоят в следующем. Во-первых, она не предусматривает критериев различия истинного и ложного утверждений: истинный нарратив нельзя отличить от ложного, каждый опирается на «точку зрения» автора, под которую автор и собирает свои исторические «высказывания» или «примеры». Сообщество историков-нарративистов способно предъявить друг другу бесчисленное количество своих интерпретаций «прошлого» (что возводится в добродетель постмодернистской историографией, оперирующей понятием «смыслы» во множественном числе и утверждающей, что все понятия имеют исключительно конвенциональный характер, т.е. конструируются на основе «непротивления сторон» в отношении того, что есть истина). Кто бы спорил, что такой подход не является научным, что он не содержит явных различий исторического сочинения от исторического романа и т.д. Но это несколько не приближает нас к решению задач научного познания.

Во-вторых, констатируя этот факт, нарративная логика демонстративно противопоставляет науку (идеальным типом которой служат естественные науки, в которых есть предикат, т.е. возможность выразить в языке соотношение высказывания и реальности) и не науку – искусство (гуманитарные дисциплины, прежде всего история, поскольку у историографа-нарративиста действительно нет предиката, а только высказывания).

В-третьих, данная логика отрицает и полностью закрывает экспериментальный путь в историографии и, следовательно, возможность построения вариативных моделей и их эмпирической проверки. Исторический нарратив отличается от простого нарратива тем, что отдельные элементы создаваемого нарративистом произведения пред-

варительно проходят проверку: реальные объекты – на их соответствие пространственно-временным параметрам, а свидетельства очевидцев – на «искренность» и «точность» их авторов. Сути нарративной логики, однако, это не меняет: исторический нарратив восходит от результата (поэтому ему нужна «историческая дистанция») и исключает альтернативность («сослагательное наклонение»), ибо логика рассказа движется от результата к причинно-следственным связям без возможности выбора.

В результате возникает методологический тупик, в котором оказалась значительная часть современной историографии. Однако этот негативный результат, раскрытый логично и убедительно в рамках традиционного нарративизма – тоже результат. Он подтверждает то, о чем хорошо известно – история как искусство повествования, как искусство рассказывания о прошлом традиционна и постоянно воспроизводит все новые опыты такого рода, только это – не научное знание, не научное исследование. Но гораздо интереснее другой уровень логической нарративистики. Попытка преодолеть методологический тупик внутри нарративистской логики приводит к появлению новых модификаций нарративизма. Наиболее важная из них – осмысление данного метода в историографии (представленная прежде всего классическим позитивизмом, а затем современными неокантианскими философскими и лингвистическими теориями). Исследуя природу исторического нарратива как рассказа, включающего в себя исторические высказывания и примеры, исследователь берет письменные, т.е. доступные наблюдению и эмпирической проверке произведения. Эти произведения принадлежат к одному жанру, поскольку в них есть однородность и сопоставимость. И убеждается, что эта «суперструктура» рассказа не меняется в принципе, от Фукидида до современных нарративистов. Эта-то универсалия человеческого мышления и становится благодаря усилиям нарративной логики (на материале исторических нарративов) предметом исследования. Исследователя интересует в данной ситуации способ синтеза сознанием чувственных восприятий нарратива (Ф. Анкерсмит)¹¹.

Говоря более привычным языком теоретического источниковедения, можно констатировать, что, взяв в качестве совокупности источников продукты творчества историков-нарративистов, написанных в жанре рассказа, исследователь смог извлечь из этих произведений глубинную структурную информацию – не об историческом «прошлом», остающемся при таком подходе, естественно, за рамками наблюдателя, не о реальном способе человеческого мышления, которое является принципиально общим и, по-видимому, широко распространенным. Каждый такой нарратив имеет название, общие жанровые признаки, и каждый интересен не тем, насколько он «достоверно» изобразил «прошлое», но тем, что предстает как продукт человеческого (нарративистского) мышления, группирующего, упорядочивающего имеющиеся у него в наличии высказывания, фрагменты, примеры – в определенный порядок, соответственно собственной «точке зрения». «Не зная ничего об источниковедческом подходе, логик-философ, исследователь исторического нарратива сам для себя формулирует необходимые параметры своей экспериментальной источниковой базы: это реально существующие источники (письменность), это однородный жанр – повествование, это именно повествование с привлечением исторических высказываний. Важно, что уже осознана грань, с которой может работать исследователь человеческого мышления: это не россыпь высказываний, но целостный продукт, произведение, имеющее свой замысел и приданную структуру – в нарративе это структура рассказа»¹². Нарративист решал задачу исторического синтеза, связывая фрагментарные сообщения в новое целое, синтез понимался как априорное повествование, скрепленное с помощью метафор, поэтических средств и идеологических предпочтений. Данный подход давал историку возможность создавать образ прошлого, следуя а priori своему историческому воображению.

В этих условиях гуманитарное знание обратилось к традиционной проблематике герменевтики – искусства понимать и переводить старинные тексты, поднимая искусство понимания другого на более высокий философский уровень. Само по себе внимание к герменевтике – важный признак актуализации проблемы понимания чужого со-

знания – путем сравнения иного с собственным опытом, с системой различий, присущей интерпретатору. Герменевтика – искусство применения своей системы различий к чужому «тексту», к чужому способу мыслить и высказывать. При этом собственный способ мыслить и высказывать берется за образец. Но этот образ не абстрагирован, не обобщен. Находясь внутри системы с ее различиями, интерпретатор-герменевтик берет различия как само собой разумеющееся. В этом контексте становится возможным определить границы герменевтики как традиционного (восходящего к донаучному сознанию) приема истолкования и понимания смысла, заложенного в текст его автором, путем воссоздания логики его автора по аналогии с собственной логикой мышления интерпретатора. Поскольку разделить две эти логики невозможно, возникает так называемый герменевтический круг.

Другая трудность обнаруживается при попытках «привить» к логике традиционно-герменевтического мышления усвоенные интерпретатором новые знания о человеке (лингвистика, антропология, психоанализ и др.). Герменевтика – способ существования познающего человека, кристаллизованный в опыте, языке, смысле. В рамках когнитивной теории (в отличие от релятивистской) смысл имеет характер знания, и потому создание смысла заново – некорректное выражение (равно как и отмечавшееся ранее использование понятия «смыслы» – во множественном числе). В этих трактовках смысл лишен объективного знания, он не проверяем и не является достижением. «Смыслы» – не накапливаются, а для тех, кто их коллекционирует, исчезает реальное содержание данного понятия. Напротив, когнитивная теория утверждает, что смысл (в единственном числе) – постигается и ведет к накоплению знаний, прогресс – это аккумулярованное достоверное знание. В формуле «Я ищущий» – смысл постигается разумом, но будучи постигнут, он становится общим достоянием. Яблоки падали до Ньютона, но именно он постиг смысл связи яблока с притяжением земли. Модернизировать традиционную герменевтику путем «прививки к феноменологии» попытался П. Рикер¹³, и его неудача – важный вывод: чем богаче культурный опыт интерпретатора, тем более умножает он сущности интерпретируемого текста: он применяет современные достижения лингвистики, структурной антропологии, психоанализа и т.п., но в результате получает вместо одной интерпретации текста целый «букет» интерпретаций. В результате возникает *конфликт интерпретаций*, а чужое сознание от него ускользает по-прежнему. Выход из герменевтического круга один – переход сознания интерпретатора из повседневного уровня на уровень общенаучных универсалий. Его уже показала лингвистика: язык сопоставляется не с другим языком, но с общими понятиями грамматики. Разрешение этой дилеммы – обоснование критериев истории как строгой науки (основанной на доказательном знании).

Профессиональное сообщество историков, таким образом, находится в *ситуации смены парадигм*. Речь не идет о парадигме лишь в узком науковедческом смысле, – как разделяемой сообществом господствующей дисциплинарной концепции или нормативов принятого способа исследовательской деятельности, но прежде всего – о парадигме в более широком философском смысле, как общем для сообщества видении своего объекта и его соотносительности с мировым универсумом, понимании предмета истории как науки и пределов ее познавательных возможностей. По отношению к философской парадигме исторического познания на современном этапе следует говорить, возможно, даже не столько о смене, сколько о сосуществовании и постоянном противоборстве двух взаимоисключающих парадигм.

Одна парадигма (нарративизм), неотделимая от массового повседневного исторического сознания, опирается на многовековую традицию и в новейшее время нашла свое объяснение в идее уникальности и идиографичности исторического знания (противопоставление номотетических и идиографических наук), исключающего перспективу поиска закономерности и видящего организующий момент такого знания лишь в ценностной выборке историка как познающего субъекта. Другая – когнитивная парадигма истории как строгой науки, стремящаяся выработать совместно с науками о природе и науками о жизни общие критерии системности, точности и доказательности пред-

ставляемого обществу нового знания, – существует, скорее как исключение, не будучи общепризнанной.

Конфликтный потенциал глобальной истории разворачивается таким образом, что не оставляет перспектив для усвоения традиционного констатирующего знания, лишь обостряя противоречия разных нарративов и не открывая простора для выявления общечеловеческих параметров исторического процесса. Напротив, парадигма истории как строгого знания открывает путь для новых интерпретаций, для исторической компаративистики, для исследования общих механизмов, порядка вещей реального мира и познавательных инициатив человеческого разума. История возможна и перспективна как наука, чьим предметом остаются возможности и пределы человеческого мышления, а эмпирическим объектом является совокупность созданных человеческим мышлением продуктов интеллектуальной деятельности.

История как строгая наука в междисциплинарном поиске

Философия гуманитарного знания как строгого и проверяемого оказывается перед главной эпистемологической проблемой – она исследует динамику соотношения между своим объектом (доступным для стабильного наблюдения) и своим предметом, который определяется как процесс функционирования внутрисистемных и внесистемных связей, выступающих условием существования человека в реальном мире. Материальный эмпирический образ изучаемого объекта необходим для строгого знания, но недостаточен (что и показала критика позитивизма, столь долго занимавшая внимание теоретиков исторического профессионализма традиционного типа). Для получения точного, проверяемого знания необходим выход наблюдателя (исследователя) за пределы наблюдаемой им системы. Выход был найден в утверждении системного подхода к структурно-функциональным закономерностям систем разного типа. Самостоятельное значение имеет при этом компаративистика, поскольку позволяет устанавливать внешне схожие параметры социальных систем, структур и функций в рамках исторического процесса (например, при сопоставлении юридических норм или грамматических правил разных обществ)¹⁴.

Структура – проявление феномена устойчивости информационно-когнитивных связей и отношений элементов в системе целого. Совокупность отношений внутри единой целостности сообществ осознается как общая теоретическая проблема гуманитарного знания. Направленный поиск этих структур, как индикаторов системной целостности, становится общей задачей гуманитаристики, а само направление разнонаправленных поисков получает общее название – структурализм. Опираясь на стабильные, узнаваемые структуры, в принципе возможно понять, как именно функционирует та или иная системная целостность («повседневность») человеческих сообществ. В свою очередь, по ряду направлений обнаружилось то ли отсутствие структур, то ли неготовность их распознать. Структуралистский поиск сменился постструктуралистским. Данный подход актуализирует такие области знаний, которые достигли наибольших успехов в применении точных методов – теория информации, структурно-функциональный подход, структурная лингвистика, а также те области прикладного исторического знания, которые связаны с разработкой методики добывания достоверных и доказательных знаний¹⁵. Различные познавательные методы (философские, антропологические, лингвистические) хорошо раскрываются в объяснении понятия вещи. Недостаток существующих подходов до последнего времени состоял, однако, в отсутствии единой единицы измерения информационного ресурса, поддающейся научному изучению и доказательной проверке выводов.

Универсум реального мира природы, в сущности, не имеет дискретного характера. *Дискретность* – это разделенность, прерывистость явлений. В природе нет отчетливой, индивидуально идентифицируемой прерывистости, нет и соответствующего восприятия у живых систем. Невозможно провести четкие и наблюдаемые границы отдельных объектов. Принципы дискретизации являются принципами человеческого

восприятия и потому сильно различаются между собой. На это обращает внимание лингвистика, говоря о том, что именно человек придает понимание дискретности окружающему миру (через систему понятий, отраженных в языке).

Каков механизм образования понятий, выражающих информационный ресурс человечества? Для понимания проблемы в рамках когнитивного метода важно различие понятий динамичной (живой) и статичной (фиксированной) информации, а также анализ процесса перехода от одного типа информации к другому в процессе создания интеллектуального продукта.

Динамичная (живая) информация – это способность живой системы улавливать связь между внешним проявлением окружающей среды, доступным чувственному восприятию, или, в ситуации человека, усилением чувственного восприятия с помощью техники (например, подзорная труба, усиливающая возможность увидеть на более далеком расстоянии, термометр и т.п.). Это – способность живой системы интерпретировать внешнее проявление окружающей среды как сигнал о состоянии данной среды. Итак, одна из составляющих для получения более полного объема живой информации – это способность улавливать связи, воспринимать физическое явление как сигнал о внутреннем состоянии окружающей среды. Вероятно, эта способность может быть развита путем ее постоянного функционирования, как и другие способности индивида. Другой составляющей для пополнения объема живой информации является разнообразие форм общения с внешней средой, возможность личного опыта взаимодействий с нею и в ней. Разнообразие внешних впечатлений является, как нам известно по опыту, важным моментом в формировании информационного объема, разнообразия и качества живой информации. Любознательность, любопытство, страсть к путешествиям («охота к перемене мест») суть разные проявления потребности живой системы в пополнении информационного ресурса посредством наблюдения, процесса формирования живой информации.

Живой информации противопоставляется *статичная (фиксированная) информация*, представленная в интеллектуальных продуктах. Поэтому она неподвластна рамкам времени и пространства. Рукописи в этом смысле – «не горят». Информационный обмен происходит по всему пространству деятельности человечества и в любой точке пространства. Человек отдает свой информационный ресурс на общее информационное пространство. В свою очередь, человек в принципе располагает всем ресурсом фиксированной информации, накопленной человечеством.

Разрабатывается *три основных ситуации*: 1) ситуация непосредственного – живого информационного обмена (все живые системы, в том числе и человек); 2) фиксирование уже добытого ресурса в вещественный – целенаправленно (намеренно) созданный продукт (при этом происходит высвобождение памяти); 3) ситуация обращения к этому реализованному продукту как источнику информации¹⁶. В качестве наглядного примера информационного обмена в опосредованной форме приведем следующий: используя глиняные таблички с рецептами варения пива древними шумерами, современные исследователи расшифровали запись, а пивовары, выполнив инструктивные указания, не только сварили пиво, но даже попробовали его. При этом выяснилось, что *живое* обращение к *опосредованной информации* не исчерпывается *намеренным* сообщением (посланием), но проявляется еще и на других уровнях *ненамеренной* информации: оказалось, что инструкция была записана древними пивоварами ритмичными «стихами». Значит, возможно предположить какое-то культовое действо, связанное со сложным делом пивоварения, что позволяет получить новые данные об атмосфере действа.

Ситуация превращения живой информации в фиксированную имеет важное эвристическое значение. *Остановленное мгновение* – открывает индивиду новые информационные возможности: а) для сохранения и передачи информации; в) для самопознания; с) для совершенствования движения к цели. От одномоментного соединения мышление-действие необходимо отличать деятельность. *Деятельность* – последовательность развернутых во времени действий, направляемых не отдельными импульсами окружающей среды, но заранее осознанной целью. Она отличается (от действий), во-первых,

возможностью неограничения во времени; во-вторых, возможностью неоднократной коррекции промежуточных результатов (позапной фиксации и поэтапной коррекции); в-третьих, возможностью уточнения цели осмысления проблемной ситуации. Деятельность, следовательно, есть осознанная последовательность актов мышления-действия, характеризующаяся созданием интеллектуальных продуктов, возможностью самокоррекции, осмысления пути к цели и осознанного выбора средств. Внешним отличием действия и деятельности как раз и является наличие интеллектуальных продуктов, осмысливаемых общностью замысла.

В этом контексте становится возможной интерпретация деятельности как творчества и раскрытие смысла последнего как осознанного и целенаправленного производства интеллектуального продукта. Творчество интуитивно, самоочевидно и само себя объясняет. Но оно включает *структурированный набор признаков*, один из которых (способность создавать) является самообразующим. Этот процесс включает *воспроизводство эталона* – воплощение видовых (оптимальных для данного процесса) форм интеллектуального продукта; организацию знания в памяти человека или программе определенным образом – в виде схемы. Результатом деятельности как творческого процесса становится реализованный интеллектуальный продукт или *изделие* – «идея (энергия мышления), преобразованная в вещественную форму». Для этого нужен материал, намеренное его структурирование, технология преобразования идеи в вещь. Все три компонента уверенно свидетельствуют о замысле: материал соответствует цели; форма – структуре; знаки – способам изготовления. Понятия «мастерить», «мастерство», «мастер» ассоциируются в творческой деятельности с такими понятиями как «творение», «сотворенное» и «тварь»¹⁷. Творческий процесс включает такие (*врожденные универсальные понятия*) как способность человека говорить и делать. Данный подход актуализирует такие понятия феноменологии и эпистемологии как морфология, пространство, симметрия, научная очевидность – знаки, формы, репрезентации. Он выражается, в частности, в антропологии письма: конструировании понятия автора – кто пишет (автор, писец), для чего (литературное произведение, письмо, научный труд), что это означает (например, подпись)¹⁸.

Вещь – личностна по происхождению, социальна по функциям, общечеловеческая – по информационному ресурсу. В соответствии с этими свойствами интеллектуального продукта различаются уровни создания, формирования и развития информационного ресурса. Первый уровень – личностное творение, созидание, функционирование человеческого мышления, индивидуальная человеческая деятельность, когда происходит переход от идеи к вещи (возникает интеллектуальный продукт и выражающие его понятия – соответствующие слова, термины). Второй уровень – социальный: его мотив – изделие для повседневности: интеллектуальный продукт раз возникнув, уже имеет свойства быть освоенным обществом; продукт на этом уровне функционирует как изделие, имеет социальное предназначение, выражаемое понятием «успех» (востребованность, объяснение, усвоение и присвоение достижений, тиражирование, трансляция, товарная цена – все это категории социума). Третий уровень – превращение статической (фиксированной) информации продукта в живую. Это уровень когнитивный или познавательный, фактически, метаяровень, когда происходит самопознание процессов понимания: *вытеснение* внутреннего мира вовне, постижение смысла. Возникает интроспекция (самонаблюдение), научный анализ. На этом уровне информационный ресурс вещи оказывается важнее ее социальной (практической) пригодности (сохранение архива, старой вещи, произведений искусства)¹⁹.

Вывод об изделии (вещи) как единице дискретной эмпирической реальности, доступной научному познанию, закладывает основу нового метадисциплинарного синтеза, поскольку позволяет определить возможности каждой дисциплины гуманитарного познания на пути продвижения к точному и доказательному знанию.

В рамках когнитивной теории новое объяснение получает логика развития самой исторической науки, ключевой фазой становления которой признается появление методологического ядра – самостоятельного раздела или области знаний – *наукоучения*, в котором обобщаются представления и знания сообщества о методах исследования. Появление наукоучения есть состояние «зрелой науки»²⁰. В XX в. разные гуманитарные дисциплины и методы претендовали на роль такого наукоучения – структурализм, герменевтика и структурная лингвистика. Но они не достигли цели, поскольку не отвечали критерию точности и доказательности: структурализм так и не дал единое определение структуры, герменевтика оказалась зависима от субъективной интерпретации смысла, философия языка, предложив ценные методы анализа грамматических структур и деконструкции текста, не пошла дальше этого в направлении точного знания (методологическая беспомощность понятия так называемого «дискурса» выражается лучше всего в неспособности установить эмпирическую единицу его измерения).

Когнитивно-информационная теория выдвигает свою концепцию наукоучения – им является *методология истории как теоретическое источниковедение*. Ключевыми фигурами в этом отношении признаются такие мыслители как И.Г. Дройзен²¹, Ш. Ланглау и Ш. Сеньобос²², Э. Бернгейм²³, разрабатывавшие проблему на традиционной (позитивистской) основе. Переломный момент представлен феноменологической концепцией А.С. Лаппо-Данилевского²⁴ и его школы, разработавших классическую теорию познания и систему методов исторической науки в начале XX в.²⁵ В конечном счете, именно концепция Лаппо-Данилевского оказалась той основой, на которой развивалась подлинная историческая наука и источниковедение в России XX в. Исторический источник – традиционно сложившийся термин, рассматривающий интеллектуальный продукт с позиций изучения содержащегося в нем информационного ресурса. Определив понятие исторического источника с теоретических позиций, классика методологии источниковедения (труды А.С. Лаппо-Данилевского) акцентировала внимание на его эмпирической данности (реализованный продукт), на его когнитивной универсальности (продукт человеческой психики) и его принципиальной познаваемости как продукта, созданного осознанно и целенаправленно, и потому доступного для изучения²⁶.

На этой основе когнитивная теория выдвигает *новое определение источниковедения*: это «эмпирическая гуманитарная наука, объектом которой являются интеллектуальные продукты, созданные в ходе целенаправленной человеческой деятельности, а предметом – конкретная содержательная значимость их информационного ресурса как источников для изучения человека, общества и мира в целом. Предметом источниковедения выступает изучение свойств эмпирического макрообъекта как источника информации, разработка его свойств и методов оценки значимости информационного ресурса»²⁷.

Данный подход, как было показано, позволяет осуществить новый междисциплинарный синтез (в частности – учитывая достижения теории информации) и объяснить смену парадигм в современной науке. Одновременно он позволяет найти решения ключевых проблем гуманитарного познания, которые не могли быть получены на основе предшествующих традиционных методов: во-первых, доказательно решить проблему качества информации в условиях быстрого изменения ее форм; во-вторых, раскрыть фундаментальную структуру универсального информационного ресурса исторической науки; в-третьих, указать на понятие интеллектуального продукта (вещи) как интегральной исследовательской категории гуманитарного познания вообще, исторического – в частности.

Понятие *качества информации* связано прежде всего с интерпретацией целенаправленной человеческой деятельности. Информационные технологии изменили восприятие мира, став между исследователем и историческим источником. Это привело, с одной стороны, к быстрому неконтролируемому увеличению объема информационно-

го ресурса, но с другой – резко снизило качество информации (которая не подвергается необходимой критической проверке и в возрастающей степени становится объектом манипулирования). В этих условиях встает проблема *различения подлинной и мнимой информации* (которая отнюдь не тождественна традиционной дилемме различения истинной и ложной информации)²⁸.

Появление *подлинной информации* связано с целенаправленной человеческой деятельностью и является ее функцией. Поскольку выработка информационного объема есть часть деятельности, подлинная информация всегда идет от реальности, актуализируя данные, фиксированные в вещественных формах или отложенные в памяти. Уникальные свойства человеческой натуры, отличающие человека от других живых существ, проявляются, в частности, в его способности привносить в процесс познания окружающего мира категорию меры, меры пространства, меры времени, а также его способность фиксировать свою деятельность в знаковых системах документирования²⁹. Новая информационная картина, поэтому, ориентирована на деятельность, создание интеллектуального продукта, когда идет проверка полученного результата. Познавательный информационный обмен (в отличие от пустого – непознавательного) проявляет себя в актуализации интеллектуальных продуктов в их ненамеренной информации (архивы, музеи, коллекционирование, новая модель образования, наука как профессия). В ходе этого процесса активизировано мышление и поиск (например, поиск того, как преодолеть отсутствие какого-либо материала, необходимого для создания продукта, или изобретения инструмента, размышление о том, в каких понятиях и словах выразить этот результат).

Напротив, появление *мнимой информации*, ведущей к созданию имитационного информационного ресурса, предполагает внедеятельностное состояние индивида. Подобный имитационный информационный ресурс – не обязательно включает фактически ложную информацию, но создает в целом иллюзорную картину реальности, основанную на манипулировании отдельными элементами информационного ресурса. Его отличительные особенности: а) информационный продукт представляется в готовом для потребления виде; в) его формирование не содержит индивидуального деятельностного компонента (отсутствует полноценная энергетика познания, информационный магнетизм, связанный с индивидуальным отбором, проверкой и актуализацией данных); с) предлагается имитация познавательной деятельности. Поскольку поставка информационного ресурса является в современных условиях коммерческим предприятием, то поставщик имитирующего продукта оснащает его стимулирующими добавками: вместо информационной энергетике – апелляция к энергетике эмоций (страха, отвращения, преодоления тайны и т.п.); вместо рационального познания – апелляция к бессознательным структурам дочеловеческого, биологического, в частности – к потреблению (быстрая утрата этих дополнительных стимулов субъективно ощущается в феномене «скуки»); вместо накопления подлинного знания – дефицит реальной информации; вместо творчества – выработка определенных стереотипов и их банализация (понятие информационной «моды»); вместо кооперации исследователей – направленное навязывание информационного ресурса, ведущего к страху выпадения из стандартного информационного поля (того, что «все» видели, слышали, читали). В целом, «информацией» оказывается то, что уже есть у всех и одновременно, – нет ни у кого». *Манипулирование информационным обменом возможно вне связи информации с деятельностью.*

Информационная агрессивность, как следствие манипуляции, избирает ситуацию индивидов, которые не заняты познавательной деятельностью и уже в силу этого испытывают дефицит информационной энергетике, формирующей личность в ее интеллектуальной, а следовательно, и физической форме. Вакуум информации определяется понятием «скучно», которое на коммерческом уровне стремятся преодолеть извне путем привлечения суррогатных информационных добавок: «хлеба и зрелищ» требует интеллектуальный плебс – нетворческий индивид; он же – манипулируемый индивид.

Иммунитет против псевдоинформации может иметь только индивид, самостоятельно добывающий информацию, а это возможно лишь в состоянии деятельности.

Когнитивный подход позволяет раскрыть фундаментальную *структуру информационного ресурса*. Если принять совокупность интеллектуального продукта, созданного в ходе исторического процесса, как однородное множество (макрообъект исторической науки), то вид можно определить, в свою очередь, как классификационную единицу для обозначения отдельных подмножеств этого продукта. *Вид* – категория, обозначающая такое подмножество интеллектуального продукта, которое имеет общие признаки внешнего и внутреннего строения. Это общее определение, тем не менее, позволяет использовать видовой подход для изучения как одних видовых свойств определенного продукта (летописи, писцовые книги, мемуары, законодательство и пр.), так и проводить анализ видовой конфигурации эпохи, страны, социального целого, культурной целостности³⁰.

На уровне эмпирического знания можно применять *видовой подход* к изучению целостных сообществ, в рамках которых эти виды продукта возникают на определенном этапе развития. *Видовая конфигурация* – это состав набора видовых единиц множества интеллектуальных продуктов, находящихся в непосредственном обращении в изучаемой системе (сообществе, стране, культурной общности). Этот состав видовых единиц создает возможность корректного сопоставления видовых конфигураций изучаемых сообществ, стран, культур. Видовая конфигурация, представленные в ней виды продукта, дают основание для сопоставительной компаративистики: как по горизонтали синхронно существующих сообществ (синхронный подход), так и по временной вертикали (асинхронный подход), т.е. в сравнении этапов того же сообщества во времени – в разные периоды его исторического развития.

Появляется *интегральный объект исследования* – интеллектуальный продукт, информация которого доступна доказательному познанию с позиций источниковедения. Источниковедческий подход, как отмечалось, имеет исключительно важные преимущества в сравнении с традиционным нарративизмом. Нарратив с необходимостью предполагает авторский взгляд историка, конструирующего свой сюжет, свой способ организации фрагментарного материала. Именно поэтому его ценностная иерархия непосредственно доминирует в созданном произведении (тексте). Источниковедческая парадигма, напротив, исходит из методологического противопоставления объекта исследования (произведения) и его субъекта (исследователя-интерпретатора), делая акцент на критическую проверку выводов последнего³¹. Она предлагает читателю сами источники – документы как отправную точку исследования. Исторический документ – явление своего времени, и аналитик должен разработать систему критериев выведения доказательного знания, представленного в исследовании или научной публикации источника.

Синдром смешения свойств реального материального объекта и фрагментов знания – не допустим в науке. В физике он исчез сам собой со сменой парадигмы классической механики и переходом к квантовой концепции. Для исторического сообщества вопрос до сих пор актуален: достаточно посмотреть как в диссертациях трактуется вопрос о соотношении объекта (материального объекта наблюдаемой реальности) и предмета исследования. Независимость наблюдения внешней реальности и наблюдателя «извне» аксиоматична и здесь. Следует, однако, не упустить и другую сторону проблемы: независимость эта в физике возникает естественно (ибо физическая реальность не реагирует на наблюдение), а в истории она не возникает сама по себе – в человеческой эмпирической реальности наблюдатель извне и наблюдатель внутри системы – должны специально различаться. Этот вопрос давно и внимательно изучался методологами: он имеет место уже в классификации Дройзена: остатки внешней реальности и, наряду с ними, смешанные формы остатка и результатов наблюдения. Бернгейм четко различает собственно остатки изучаемой реальности и ее наблюдение (традиция), подчеркивая различие методов их изучения. В методологии когнитивной

истории (наукоучении) эта задача получает окончательное теоретическое разрешение в концепции отношения познания, познающего субъекта и объекта познания (вещи).

С этих позиций принципиально важен анализ *развития российского источниковедения XX столетия*, основные заслуги которого состояли в следующем. Во-первых, в условиях идеократического режима была сохранена научная (исследовательская) составляющая метода. Необходимое разделение науки и политики (о котором как идеальном типе писал М. Вебер) не могло быть реализовано в России XX в. Интеллигенция, не обладая возможностью открыто выступить против режима, стремилась противостоять ему на культурном уровне, особенно в тех областях, которые требовали профессиональных знаний и наименее поддавались идеологическому манипулированию. Выход был найден в теоретическом источниковедении и практической реализации его установок³². Подобно средневековым глоссаторам и комментаторам, которые не могли обсуждать смысл канонических текстов, но занимались сравнением редакций и толкованием терминов, выдающиеся представители научного сообщества (как, например, С.Н. Валк) противопоставляли официальному историческому нарративу источниковедческую парадигму точного знания (в основном, в виде академических публикаций источников по древней истории, но иногда даже идеологических документов, например, сочинений В.И. Ленина).

Во-вторых, обоснован видовой подход к классификации исторических источников (наиболее адекватный концепции когнитивной истории). Проблематика российских подходов в теории источниковедения и структурных параметрах исторических источников соответствует общим тенденциям эпистемологии гуманитарного знания XX в., содержательно и хронологически совпадает с эпохой подъема структурализма. В дискуссиях 50–60-х гг. XX в. о концепции курса общего источниковедения и принципах классификации источников в создававшейся тогда программе курса четко представлена эпистемологическая дилемма: либо – размытое представление о неструктурированном «океане» источников, в котором познающий субъект свободен выбрать нечто «важное» по его собственной иерархии ценностей, либо научная классификация «по видам», отражающим устойчивые, исторически сформировавшиеся и фиксированные информационные связи. Сходная альтернатива представлена в дискуссии того же времени о классификационных представлениях в архивистике: либо искусственные тематические серии, либо, напротив, сохранение естественно-исторических связей документа и фонда (известный принцип недробимости фонда). В этом споре удалось отстоять видовой принцип и отвести настойчиво предлагавшуюся альтернативу – группировать источники тематически (по принципу обзоров, «отнесением к ценности» более важных, менее и т.п.). Тем самым были остановлены попытки конъюнктурного идеологического перестроения источниковой базы российской истории³³.

В-третьих, дана концепция логически непротиворечивого, доказательного пути установления и передачи значимости информационного ресурса. Если говорить о влиянии источниковедческой парадигмы на восприятие исторического знания в современной России, то на первое место следует поставить тот несомненный факт, что преподавание истории основано на изучении всего корпуса интеллектуального продукта – исторических источников по видовому признаку: видовая конфигурация российской истории с древнейших времен до настоящего времени была положена в основу структуры университетских учебников XX–XXI вв. (издания МГИАИ, РГГУ, МГУ, региональных университетов России и ряда других стран)³⁴. Этот подход, представленный прежде всего школой теоретического источниковедения О.М. Медушевской, является системным, позволяя осуществлять восприятие истории в рамках исторического настоящего в его видовой конкретной реальности и применять единые критерии доказательности выводов³⁵.

Общее значение источниковедческой парадигмы – способность отделить истинное знание от ложного и подлинную информацию от мнимой (или псевдознания).

Механизмы информационных процессов с позиций когнитивной методологии предполагают выяснение социальных параметров информационного феномена; взаимного отношения таких понятий как объяснение и понимание, наука и образование, факторов, влияющих на этический и профессиональный выбор ученого³⁶.

Когнитивная наука – это не только теория и исследовательская практика ученого. Это также образовательная модель истории как эмпирической науки, имеющей свой объект и потому вступающей в исследовательские контакты с науками о человеке и науками о природе. Проблема реорганизации (переориентирования) гуманитарной науки и университетского образования стоит в центре внимания. Общая их линия определена следующим образом: наука выделяет предметную область метода и рассматривает ее. Именно методы исследования – преподаются. Информационный ресурс исторического опыта востребован, но необходима актуализация дисциплин цикла методологии истории в университетском образовании.

При конструировании образовательной модели с позиций когнитивной теории важно различать объяснение и понимание. *Объяснение* – трансляция исследователем постигнутого им смысла другому. Это – познавательная ситуация двух неравнозначных индивидов, один из которых уже сделал открытие, изобретение, постижение смысла, и он транслирует суть этого смысла другому, для этого он выстраивает цепь понятий, излагает свою логику, или изображает модель – схему принципа действия, способствуя в итоге пониманию. *Понимание* есть выявление смысла и методов, которыми он постигается. В педагогике объяснение и понимание лежат в основе разных моделей.

Представлено, исходя из этого, две образовательных модели – *транслирующая и когнитивная*, между которыми существует принципиальное различие. Первая (транслирующая) объясняет, означает, убеждает эмоционально. При этом не создается информационной энергетике и потому нужны особые приемы занимательности, привлечение эмоций и т.п., иначе «скучно». Вторая (когнитивная) – учит понимать: сообщает исходные данные и излагает способы выведения смысла, открытия из эмпирики данных. Здесь информационная энергетика возникает сама – на уровне самостоятельного выведения смысла³⁷.

Данная (когнитивная) концепция дает дополнительные *аргументы в пользу сохранения фундаментального гуманитарного университетского образования*, основное преимущество которого (по сравнению с различными вариантами прагматического или прикладного образования) усматривается прежде всего в передаче молодым поколениям навыков самостоятельной оценки и критического анализа информации³⁸. Сформировать образ науки в университетском образовании – значит представить, как данная наука добывает новое знание. Образовательная концепция, конструируемая для данной цели обучения уже не есть традиционная транслирующая модель (по определению не способная различить известное и новое знание): востребована именно «модель когнитивно-информационная, потому что она ориентирована на познание, а в познавательном процессе самое ценное – это обучение методу»³⁹. В частности, способности различать истинную информацию от ложной с позиций интересов творчески формируемой картины мира социума и отдельного индивида.

Когнитивная концепция составляет, поэтому, основу такой образовательной модели, которая должна стать доминирующей в современном обществе. Три составляющих фундаментального университетского образования, которые открывают перспективные наддисциплинарного диалога наук о природе в широком смысле и наук о человеке, имеют принципиальное значение: когнитивная методология, поскольку она определяет связь философии и эмпирической науки в познании реального мира; структурализм когнитивной истории, поскольку он выявляет специфику структурно-функционального подхода в гуманитарном познании; источниковедческая компетентность, поскольку

она определяет специфику человеческого (опосредованного) информационного обмена, дает метод распознавания информационного ресурса⁴⁰.

Нельзя сказать, что когнитивная образовательная модель нейтральна в отношении *этических категорий*, таких как *истина* и *добро*. Напротив, они выступают как важнейшие параметры и предмет когнитивного процесса, определяя этику профессионального сообщества. Смена парадигм (переход от нарративизма к когнитивной истории) ставит научное сообщество перед вполне реальной дилеммой – занятие строгой наукой (и тогда разработка методов критической проверки данных и установление критериев доказательности выводов) или искусством, т.е. следование релятивистским установкам, размывающим научные методы и оперирующим псевдопонятиями, лишёнными научного значения). Выбор на индивидуальном и коллективном уровне зависит от ряда внешних факторов, определяемых социологией науки, но в то же время диктуется осознанной нравственной позицией. Проблемы научного сообщества как самостоятельного объекта исследования получают осмысление в рамках когнитивной теории по следующим параметрам: конфликты школ, традиционализм и модернизм, повседневность и открытия, догматизм и инновации, ориентация на постижение смысла или сознательный уход от этой установки под влиянием страха, сомнений, эгоистических интересов или политических установок. Все эти психологические состояния исследователей значимы с когнитивной точки зрения, поскольку позволяют раскрыть разные ситуации соотношения науки и политики XX в., отражающие логику и трудности человеческого познания⁴¹.

Решение проблемы на современном этапе состоит в *профессионализации научного сообщества* как осознанном этическом выборе. Соотнесенность интеллектуального успеха (новое знание) и коммерческого успеха (заработанные средства при продаже науки как товара) всегда составляют проблему соотношения научного сообщества и власти. Одним из вариантов решения данной проблемы является такая *самоидентификация* и такое *структурирование научного сообщества*, которые основаны на понимании и принятии когнитивного процесса достижения нового знания (и отчета перед обществом интеллектуальным продуктом в виде новых трудов); другой вариант – такое соединение науки и образования (университетская наука), которое обеспечивает переход от транслирующей модели к когнитивной и позволяет выдвигать в виде интеллектуального продукта учебные издания (дающие новое качество понимания, а не только коммерческую отдачу), третий вариант – создание системы ценностей, закрепляющих приоритетный статус специалистов, способных создавать новое знание, определенный интеллектуальный продукт, имеющий фундаментальное познавательное значение⁴². Наука, конечно, не отграничена от общества и потому направления ее исследований соотнесены с потребностями общества, с его амбициями и ожиданиями. Однако, это отношение более опосредованно, нежели знания, потому что в противном случае кардинально новые идеи, опережающие массовое сознание, не могли бы состояться. Ученый – это тот, кто свободно выбирает предмет своих исследований, в отличие от знатока, ориентированного на практическое использование.

Вклад когнитивно-информационной теории в формирование научной картины мира

Когнитивно-информационная теория О.М. Медушевской, преодолевая односторонность традиционных познавательных схем, создает основы новой методологии гуманитарного познания и показывает пути ее практического применения. Масштаб теории определяется уровнем подхода автора когнитивной теории к изучению общества, сопоставимым с философией истории Гегеля, нравственным абсолютизмом Канта, поиском отточенных логических категорий Гуссерля, сравнительным подходом к глобальному историческому процессу А. Тойнби, стремлением к целостной разработке методологии науки в традициях В.И. Вернадского и А.С. Лаппо-Данилевского.

Во-первых, данная теория вводит в науку новый системообразующий принцип – универсальных когнитивно-информационных взаимосвязей общества, и разрабатывает на этой основе категориальный аппарат – систему оригинальных логически взаимосвязанных понятий. Присущее индивиду свойство воспринимать информационный ресурс, заключенный в интеллектуальных продуктах, созданных другим человеком и включать его в свою информационную картину, позволяет раскрыть различие между антропологическим и когнитивным видами социальной адаптации: последняя состоит как раз в освоении способности индивида завершить цикл активного мышления фазой фиксации его результата в виде интеллектуального продукта, вещи, и умения расшифровать ее информацию. Целенаправленная деятельность фиксирует самое себя и создает множество интеллектуальных продуктов. Интеллектуальный продукт есть та фундаментальная связь, которая через опосредованный информационный обмен соединяет социум и обеспечивает его информационный ресурс – макрообъект истории.

Во-вторых, теория обосновывает предмет и метод истории как когнитивной науки. История выступает как эмпирическая наука, она изучает интеллектуальный продукт. Предмет когнитивной истории, следовательно, – сознание, мышление. Но одновременно становится определенным изучение этого сознания как эмпирической реальности. Оно возможно через привлечение источника – реализованного продукта целенаправленной человеческой деятельности. Так когнитивная деятельность выступает как предмет науки, а эмпирическим ее объектом становится сам реализованный продукт.

В-третьих, когнитивистская теория раскрывает механизм познавательной деятельности. Важно, что каждый новый уровень преобразований информации – динамичной в статичную (продукт) и продукта в динамичную информацию участников социума – происходит непрерывно: даже если индивид по тем или иным причинам выбывает из этого функционирования, его продукт продолжает свое участие в информационном обмене. Поэтому каждый новый виток информационного обмена идет не по кругу, а постоянно наращивает общий объем информационного ресурса, участвующего в опосредованном информационном обмене. Есть в этой схеме преобразовательные ситуации, которые индивид совершает в глубине своего сознания. Это – *идея обретения смысла*, понимания, творчества, когда мысль выступает в виде идеального образа будущего интеллектуального продукта. Накопление информации в вещественных формах составляет содержание прогресса в истории. Информационные связи внутри социума замкнуты. Это его общая картина мира.

В-четвертых, на этой основе сформулировано новое наукоучение – методология истории как зрелой (строгой и точной) науки, способной к достижению достоверного и доказательного знания. Если фундаментальное свойство человека это мышление, то ключевая проблема – в какой мере мышление познаваемо, в какой мере оно может быть предметом эмпирического изучения. Когнитивная теория отвечает на этот вопрос, раскрывая логику гуманитарного научного познания, включающую ряд основных стадий – от гипотезы к постижению и фиксации смысла и от него – к новой познавательной деятельности.

В-пятых, данная теория решает проблемы, с которыми не удалось справиться традиционной методологии истории – экзегетике (включающей различные формы нарративизма и герменевтики). Главная из них – проблема доказательного познания в гуманитарных науках. Эта ситуация в науке определяется как смена парадигм – переход от нарративизма к когнитивно-информационной парадигме. Что особенно важно для преодоления нарративистской парадигмы – это новый подход к историческому синтезу: он не воображается историком априорно, но выстраивается как следствие самого феномена источника. Культура мыслится как целое, познаваемое через продукт, который она произвела.

В-шестых, теория акцентирует такие параметры познавательного процесса как метод, логика, когнитивная устремленность к смыслу. Путь к истории как точной науке ведет свое начало от теории и методологии понимания смысла: она утверждает цельность продукта как следствие целеполагания индивида, определяя его (продукт) как ре-

зультат и воплощение человеческой психики, источник информации, и утверждая исследовательский метод через постулирование чужой одушевленности. Материальный образ продукта воссоздается как явление культуры (методология теоретического источниковедения и исторического построения).

В-седьмых, теория определяет критерии качества информационного ресурса, его структурные параметры, а также интегральную единицу измерения. На этой основе становится возможным решение проблем соотношения опыта и знания, объяснения и понимания, науки и образования, создания его современной концепции в университетском преподавании.

В целом, когнитивно-информационная теория – это *новая парадигма* в науке, открывающая перспективы формирования доказательного гуманитарного познания, критериев отделения подлинной информации от мнимой, познавательной модели образования от транслирующей, превращения истории в строгую и точную науку⁴³. Ее создание радикально меняет ситуацию в науке и принципиально важно для определения стратегии научных исследований и гуманитарного образования, этического и профессионального выбора интеллигенции.

Примечания

¹ Медушевская О.М. Теория и методология истории. М., 2008.

² Архив исследователя включает следующие виды документов: рукописи опубликованных работ, материалы лекционных курсов, конспекты научной литературы с элементами критического анализа, переписку с российскими и иностранными учеными. В данной статье используется ряд понятийных определений, не вошедших в опубликованные труды или получивших в них иную формулировку.

³ Направления данного синтеза представлены в следующих изданиях: Точное гуманитарное знание: традиции, проблемы, методы, результаты. М., 1999; Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании. М., 1996. Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. М., 1998; Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания. М., 2002.

⁴ Винер Н. Кибернетика и общество. М., 1959. С. 31.

⁵ Эти направления интерпретации понятия «информация» очень подробно представлены в неопубликованных рукописных текстах: набросках теории информации, а также конспектах литературы по этому вопросу.

⁶ Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008. С. 11–12.

⁷ Там же. С. 353.

⁸ Цитируется по рукописным материалам архива. В опубликованных работах представлены несколько иные формулировки.

⁹ Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. С. 351.

¹⁰ Медушевская О.М. История в общей системе познания: смена парадигм // Единство гуманитарного знания: новый синтез. М., 2007.

¹¹ Анкерсмит Ф. Нарративная логика: Семантический анализ языка историков. М., 2003.

¹² Критика нарративизма представлена здесь по рукописному тексту анализа книги Анкерсмита.

¹³ Рикер П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. М., 1995.

¹⁴ Медушевская О.М. Источниковедение и сравнительный метод в гуманитарном знании: проблемы методологии // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании. М., 1996.

¹⁵ Этот вопрос подробно разработан в опубликованном труде: Медушевская О.М. Методология истории как строгой науки // Точное гуманитарное знание: традиции, проблемы, методы, результаты. М., 1999.

¹⁶ Данная концепция – соотношения живой и фиксированной информации и преобразования одного вида в другой – подробно представлена в архиве в рамках рукописного текста лекционного курса по методологии истории, где она раскрывается на большом эмпирическом материале. Все последующие примеры взяты отсюда.

¹⁷ В этом смысле актуализируется метафора М. Блока о ремесле историка. См.: Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986.

¹⁸ «Scribantur haec...». Проблема автора и авторства в истории культуры. М., 1993; О феномене письма и палеографическом методе в науках о человеке см.: «Я иду на занятия»: вспомогательные исторические дисциплины. М., 2004. С. 188–191.

¹⁹ Данный подход представлен в специальном курсе «Вещь в культуре: Источниковедческий метод историко-антропологического исследования» // «Я иду на занятия»: источниковедение. М., 2004. С. 202–225.

²⁰ В философии постановка проблемы принадлежит Гуссерлю: Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994.

²¹ Дройзен И.Г. Историки. СПб., 2004.

²² Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. СПб., 1899.

²³ Бернгейм Э. Введение в историческую науку. СПб., 1909.

²⁴ Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. СПб., 1910–1913.

²⁵ Подробнее: Медушевская О.М. Феноменология культуры: концепция А.С. Лаппо-Данилевского в гуманитарном познании новейшего времени // Исторические записки. М., 1999. Т. 2 (120). С. 100–136.

²⁶ Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания. М., 2002.

²⁷ Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. С. 352.

²⁸ Эти понятия не были в полной мере введены автором в научный оборот и приводятся здесь по архивным рукописям.

²⁹ Вспомогательные дисциплины помогают понять фундаментальные человеческие свойства – привнести в познание окружающего мира человеческую меру пространства (метрология), меру времени (хронология) и способность документировать познание в знаках (палеография). Поднимаясь над страноведческими, локальными, региональными разделяющими историю границами, они дают простор для движения мысли – от наглядного, доступного чувственному восприятию материала, цвета, графики, объема – к философской антропологии или компаративистике. См.: Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания. М., 2008.

³⁰ Постановка проблемы представлена в работе: Медушевская О.М. Точное знание в истории: структуралистский аспект // Вспомогательные исторические дисциплины: классическое наследие и новые направления. М., 2006.

³¹ Медушевская О.М. Источниковедение. Теория, история и метод. М., 1996.

³² Медушевская О.М. Источниковедение в России XX в.: научная мысль и социальная реальность // Советская историография. М., 1996.

³³ Подробнее о дискуссиях этого периода: Бельский И.Л. Путь научного поиска О.М. Медушевской // Археографический ежегодник. М., 1994. С. 212–220.

³⁴ Источниковедение: Теория. История. Метод. М., 2004.

³⁵ Казаков Р.Б., Румянцев М.Ф. О.М. Медушевская и формирование российской школы теоретического источниковедения // Российская история. 2009. № 1.

³⁶ Медушевская О.М. Когнитивно-информационная модель образования в науках о человеке // Образ науки в университетском образовании. М., 2005.

³⁷ Данная идея является лейтмотивом сборника: Образ науки в университетском образовании. М., 2005.

³⁸ Эта тема отражена в последнем интервью О.М. Медушевской. См.: Аудитория, 2007. № 35–36. С. 2–3.

³⁹ Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. С. 313.

⁴⁰ Именно эти параметры положены О.М. Медушевской в основу концепции РГГУ как университета нового типа. Они отражены в ее выступлениях на Ученом совете университета, в архивных документах, в частности, тезисах доклада «Условия превращения РГГУ в современный открытый вуз».

⁴¹ На когнитивную значимость эмоциональных процессов в науке обратили внимание рецензенты труда О.М. Медушевской. См.: Сабенникова И.В. // Российская история. 2009. № 2.

⁴² Медушевская О.М. История как наука: когнитивный аспект и профессиональное сообщество // Вестник РГГУ. 2008. № 4.

⁴³ Именно этот вывод определяет стратегию научных исследований на современном этапе. См.: Аналитическая история: Журнал и приоритетные направления его деятельности // Отечественная история. 2008. № 5.

© 2009 г. К. С. ЧЕРНОВ*

«РЕФОРМА АДМИНИСТРАЦИИ ДОЛЖНА БЫТЬ ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНЕЕ КОНСТИТУЦИИ»¹

Слова, вынесенные в заголовок данной статьи, император Александр I адресовал молодым друзьям на заседании Негласного комитета 25 апреля 1801 г. При этом он подчеркнул, что реформы должны быть «исключительно делом самого императора и никого другого»². Подобные взгляды на процесс реформирования страны сложились у Александра I еще в царствование Екатерины II, а при Павле I переросли в осознанную программу. О ней написана огромная научная литература, ее обобщение и анализ могут составить предмет не одного самостоятельного исследования. Принципиально важно согласие большинства исследователей в понимании ее сущности. В основе этой программы лежали три фундаментальные составляющие: самодержавность императорской власти, сословный строй и осознанная потребность в создании системы управления территориями. Объединяла эти три тезиса идея «истинной монархии». «Суть ее заключалась в том, что в правильной монархии верховная власть всецело принадлежит монарху, но в то же время существуют фундаментальные законы, не изменяемые никакой властью, и учреждения, гарантирующие их неизменность»³. Процесс складывания подобной всеобъемлющей социально-политической конструкции государственности, т.е. собственно процесс генезиса абсолютизма, начался не в царствование Александра I и не в его правление окончился: это был полуторавековой процесс, охвативший весь XVIII в. и первую половину XIX в.

Самодержавность и неограниченность верховной власти монарха были отвоеваны русскими царями в многовековой борьбе с феодальной знатью и местным сепаратизмом. Они были философски осмыслены в «Правде воли монаршей» – официальном публицистическом трактате, написанном в 1722 г. по поручению Петра I. В нем Ф.Прокопович в полном соответствии с теорией договорного происхождения верховной власти утверждал отказ русского народа от прав суверенитета и тем самым передавал его в руки Петра, провозглашая императора самодержавным⁴. «Его величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен; но силу и власть имеет свои государства и земли, яко христианский государь по своей воле и благонамеренно управлять»⁵. «С Петра I верховная власть становится в полном объеме самодержавной, т.е. независимой ни от кого – ни от каких-либо групп населения, ни от государственных учреждений, ни от церкви»⁶. Эту независимость мало было провозгласить, ее необходимо было обеспечить стройной системой «непременных законов», которые дали бы в руки монарху механизмы «обережения» своей власти. В силу этого с возникновением самодержавия неразрывно связаны преобразования в области государственного управления.

Государственное управление принято в исторической литературе трактовать исключительно как бюрократизированную администрацию, что исключает из этого понятия его существеннейшую часть – социальные отношения, выводя всю историю социальной политики самодержавия в самостоятельную тему. Такой подход не только

* Чернов Кирилл Сергеевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель Института бизнеса и политики.

сужает поле исследования, но и не дает возможность увидеть всю совокупность социально-политических отношений и институтов в русском обществе XVIII – первой половины XIX в., в то время как именно социальная проблематика, сфокусировавшаяся со второй половины XVIII в. в крестьянском вопросе, занимает не меньшее место во внутренней политике этого периода, чем собственно администрирование, т.е. создание структуры органов государственного управления.

Основные принципы социальной регламентации были определены еще в XVIII в. В период «дворцовых переворотов» платой за обеспечение дворянской поддержки при продвижении претендента к власти и возведении его на престол стала серия указов Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны и Петра III. В результате дворянство окончательно превратилось из служилого сословия, тянувшего в пользу государя и государства «служилое тягло», в неподатной привилегированный слой⁷, обладавший рядом гражданских прав, важнейшими из которых были освобождение от податей, т.е. от обязательной службы, и гарантированное право частной собственности на населенные земли. В 1785 г. разрозненное законодательство о дворянстве было кодифицировано и расширено. Тогда же были кодифицированы гражданские права и обязанности городского населения империи. В результате горожане, также как и дворянство, были стратифицированы, во-первых, по принципу отношения к собственности (домовладельцы – собственники земли и городских строений и гильдейское купечество – собственники движимых имуществ), а во-вторых, по принципу отношения к верховной власти (податные и неподатные слои города). Примечательно, что сословная стратификация общества реализовывалась самодержавием в двух плоскостях. С одной стороны, с целью определения отношений между сословиями царизм избрал путь разделения сословий по принципу имущественных прав, что, безусловно, было значительным шагом вперед, по сравнению с предшествующей практикой. Иными словами, критерием горизонтальной сословной идентификации стало отношение к собственности. С другой, краеугольным камнем регламентации отношений сословий с верховной властью и в целом с государством, т.е. критерием вертикальной сословной идентификации, стал принцип отправления или не отправления податей, что было, безусловно, возвращением к временам русского средневековья. Следует особо подчеркнуть, что освобождение дворянства от обязательной «служилой подати» в корне противоречило процессу укрепления самодержавия и объективно тормозило генезис абсолютизма, поскольку лишало царизм механизмов непосредственного контроля над сословиями. Видимо, во многом именно фактом выхода дворянства за пределы патерналистской модели взаимоотношений монарха с подданными объясняется стремление самодержавия к поиску новых форм доминирования над сословиями. Неудавшимися крайностями стали как «павловский деспотизм», т.е. стремление вновь поставить дворянство в зависимость от верховной власти; так и широко распространенные в правительственных кругах первой четверти XIX в. идеи «народного представительства», т.е. проекты превращения самодержавия в третейского судью, примиряющего в интересах всего государства разнонаправленные социальные стремления. Реализовавшейся следует признать модель «законной монархии», основы которой были заложены при Екатерине II, а полномасштабная реализация пришлась на вторую четверть XIX в. Таким образом, русские *droits de l'homme* (права человека. – *франц.*) были законодательно реализованы в XVIII в. в виде сословного строя, сохранившего в неизменном виде свое значение и в первой половине XIX в.

Ряд современных исследователей считает, что, несмотря на все старания самодержавия, окончательно сословный строй в России так и не сложился⁸. Во-первых, дворянство было выведено за пределы патерналистской модели. Во-вторых, монопольное право дворянства владеть населенными землями и крайние формы дворянского патернализма в отношении помещного крестьянства, т.е. лишение крестьянина прав личности, которыми он обладал еще в первой половине XVIII в., делало невозможным завершение процесса складывания в России абсолютизма. Попытки самодержавия законодательно определить права крестьянства (проект жалованной грамоты крестьянству,

указ 1803 г. и история секретных комитетов по крестьянскому вопросу в царствование Николая I) наглядно свидетельствуют одновременно об осознании верховной властью необходимости включения крестьянства в сословную структуру общества и о невозможности завершить процесс строительства сословного строя, не затронув интересов дворянства, т.е. не разрушив имевшуюся сословную конструкцию.

В отличие от самодержавности верховной власти и сословного строя, которые непосредственно заимствовались из практики русского просвещенного абсолютизма, реформы государственного аппарата не были подготовлены XVIII в. Разбалансированность и неэффективность системы административного управления в начале XIX в. была вызвана объективным историческим процессом становления и развития русской государственности, который с фатальной неизбежностью вел к существенному расширению исторического ядра. В результате под властью русских царей оказались территории, различные по географическому положению, а значит, и по доминирующему типу хозяйства, который определял типологию социальных отношений. Россия не была также едина ни в этническом, ни в конфессиональном отношениях⁹. Социальная, экономическая, конфессиональная, общественная, географическая разнolikость страны принималась властителями и обществом как данность потому, что само по себе историческое ядро государства никогда не было однородным, экономически единым образованием¹⁰. В силу этого основное внимание Александра I в довоенный период было сконцентрировано на создании системы центральных государственных учреждений: преимущественно этой проблематике посвящена деятельность Негласного комитета и М.М. Сперанского. В результате к 1812 г. была в полном объеме проведена министерская реформа. Однако со всей отчетливостью проявился дисбаланс между принципом единоначалия, положенным в основу системы центральных учреждений, и коллегиальности, на котором строилось местное управление. Устранение этого противоречия стало предметом послевоенного генерал-губернаторского проекта, который представлял собой ничто иное, как попытку выстроить «линейную» систему, при которой каждое местное учреждение было бы подчинено напрямую определенному министерству.

Потребность в кодифицированном праве возникла в России еще в XVIII в. Однако с еще большей актуальностью она проявилась в начале XIX в. как результат двух, казалось бы, не взаимосвязанных между собой процессов. Во-первых, в целом завершившегося к началу XIX в. процесса определения и прав сословий и, напротив, назревшей в результате павловской деспотии необходимости кодификации имеющихся и разработки недостающих механизмов реализации, с одной стороны, сословиями своих прав, а с другой – самодержавием своего надсословного статуса. Период правления Павла I наглядно продемонстрировал насущную общественную потребность в сочетании уже имевшихся в екатерининском законодательстве о сословиях деклараций с действенными механизмами, гарантирующими эти декларации, т.е. в превращении самодержавия в третейского судью. Неудавшимся проектом такого рода стала «Жалованная Грамота Российскому Народу». Отличительной чертой этого проекта является декларация прав и свобод подданных российского императора, наличие которой в кодифицированном рамочном законе превращало монарха в гаранта их ненарушимости, и, следовательно, возвышало самодержавие над сословиями, придавая ему надсословный статус. Примечательно, что стремление к надсословности верховной власти пройдет красной нитью через всю социальную политику александровского царствования. Механизмом приобретения этого статуса в разное время становились различные проекты «непременных» законов, или, как их принято трактовать в литературе, конституций, которые превращались в инструмент упрочения самодержавности власти и ее перерастания в надсословный институт. В этом смысле Александр во многом предвосхитил ту политическую тенденцию, которая возобладает в наполеоновской Европе и получит название легитимизма, когда «конституционализм становится общепризнанной формой легитимизации всякой власти, в том числе и монархической»¹¹. Выделение основополагающих принципов и их декларация в «непременном» законе в сочетании с обещанием подкрепить декларацию изданием соответствующих бюрократических процедур –

вот путь Александра. На мой взгляд, именно потребность в легитимизации своей власти лежала в основе стремления молодого императора к изданию «непременных» законов или конституций.

Во-вторых, усложнение системы административного управления империи, создание губерний и министерств потребовало незамедлительно предоставить в руки нарождавшейся бюрократии инструмент управления. Последний имевшийся в их распоряжении свод законов – Соборное Уложение 1649 г. – не отражал уже ни наличной социальной структуры общества, ни административной модели, и потому не мог удовлетворить нужды управления.

Таким образом, кодификация разрозненного российского законодательства была предопределена поступательным развитием феодальных отношений. Для реализации этой задачи был необходим инструмент. Он был найден во Франции, где революция впервые в истории породила модель кодифицированного рамочного законодательства, которая как нельзя лучше подходила для решения стоящей перед российским самодержавием задачи последовательного упрочения самодержавной власти императора за счет построения новой для России модели общественно-государственного устройства – абсолютизма.

Эти принципы – неограниченное самодержавие, опирающееся на сословный строй, и бюрократический аппарат управления – являются краеугольным камнем правительственного конституционализма первой четверти XIX в. Сам по себе правительственный конституционализм есть ничто иное, как один из применявшихся самодержавием механизмов для построения абсолютизма, т.е. всеобъемлющего общественно-политического строя, где самодержавие, бюрократия и сословный строй являются отдельными составными элементами более общей конструкции.

Дошедший до нас проект «Государственной Уставной Грамоты» представляет собой попытку правительства Александра I создать на основе французской модели рамочный кодекс законов, т.е. реализовать на практике идею «законной монархии». Анализ содержания Грамоты позволит выявить, в какой мере ее авторам удалось соединить насущные потребности нарождавшегося абсолютизма – создание административно-социальной модели организации законосовещательных, исполнительных и судебных органов, позволяющих самодержавию эффективно управлять социальными, политическими и административными процессами в империи – с предложенной революцией кодификационной моделью.

Под именем «Государственная Уставная Грамота Российской Империи» в отечественную историю вошел проект преобразований, созданный в правительственных кругах в первой половине 20-х годов XIX в. В соответствующей исследовательской литературе¹² в состав корпуса текстов Грамоты традиционно включают четыре документа¹³: «*Précis de la Charte constitutionnelle de l'Empire Russe*»¹⁴, «*Charte constitutionnelle de l'Empire de Russie*»¹⁵, «Государственная Уставная Грамота Российской Империи» и «*Tableau sommaire des matières qui entreront dans les livres II et III du projet de Règlement Organique*»¹⁶.

К первой редакции относится текст на французском языке, озаглавленный «*Précis de la Charte constitutionnelle de l'Empire Russe*»¹⁷. Подлинный текст документа не сохранился. Имеются два списка с него. Первый содержится в донесении прусского генерального консула в Варшаве Ю. Шмидта¹⁸ («список Шмидта»), второй – в донесении прусского посланника в России Ф. фон Шелера¹⁹ («список Шелера»). Публикация французского текста «списка Шмидта» состоялась в 1894 г.²⁰; «список Шелера» не публиковался никогда.

Ко второй редакции причисляют два документа – «*Charte constitutionnelle de l'Empire de Russie*» и «Государственная Уставная Грамота Российской Империи». Французский текст второй редакции Грамоты не является первоисточником, а русский текст не является простым переводом с французского. Первоисточником можно считать оба языка в зависимости от того, какая юридическая норма легла в основу той или иной статьи Государственной Уставной Грамоты. Если источником статьи является юридическая

норма, заимствованная из европейского законодательства, то языком оригинала следует признать французский. Если же в основе рассматриваемой статьи лежат русские правовые реалии, то для данной статьи русский язык, безусловно, должен быть признан языком оригинала, французский же вариант является переводом.

Писарские копии второй редакции были впервые найдены в ходе польского восстания 1830–1831 гг. среди бумаг Н.Н. Новосильцева. Они были опубликованы в 1831 г. отдельной брошюрой в Варшаве²¹ («публикация Гродынского»). Печатные экземпляры были реквизированы И.Ф. Паскевичем, так же как и рукописные писарские копии русского и французского текстов хартии, и доставлены в Москву, где первые были сожжены, а вторые переданы в Секретный Государственный Архив²². Ныне эта рукопись хранится в РГАДА²³ («список Паскевича»). Основным отличием публикации Гродынского от списка Паскевича является пропуск статьи 154 во франкоязычном варианте. Первая и единственная публикация списка Паскевича состоялась в 1903 г. в Берлине («публикация Шиманна») ²⁴.

Часть печатных экземпляров, проданных до штурма Варшавы (1831), получила распространение в России и Европе, однако стараниями правительства Николая I они уже в 1830-е гг. представляли собой библиографическую редкость, а потому распространялись в русском обществе, в первую очередь, в рукописных списках. Мне удалось обнаружить два ранее неизвестных в историографии рукописных списка, сделанных в 1830-х гг. Первый хранится в делах «фонда Строгановых» в РГАДА²⁵, второй – в ОР РГБ, в «фонде Елагиных»²⁶. В списках во франкоязычном варианте пропущена статья 154. Это свидетельствует, что оба списка являются копиями публикации Гродынского. В ОР РНБ в «фонде Шильдера»²⁷ хранится еще один рукописный список русского текста второй редакции, который был введен историком в научный оборот в 1898 г.²⁸ Он также является рукописной копией публикации Гродынского. Кроме рукописных копий, публикация Гродынского послужила источником для серии переизданий. К ним относятся: переиздание 1837 г. в британском сборнике документов «Портофолио или собрание государственных бумаг и других документов», издававшемся как на островах на английском языке, так и на континенте на французском²⁹; парижское переиздание А. Франка 1859 г.³⁰; переиздание А.И. Герцена³¹; публикация в книге «Материалы к царствованию Николая I»³²; и публикация 1905 г. в «Русском архиве» П.И. Бартенева³³.

В РГИА в делах Комитета 6 декабря 1826 г. среди бумаг, изъятых в кабинете А.А. Аракчеева после его смерти, мне удалось обнаружить следы еще двух, ранее в историографии не упоминавшихся, рукописных списков первой и второй редакций, которые, наравне со списком Паскевича, должны рассматриваться как наиболее ранние списки, относящиеся к 1820-м гг. По описи Комитета 6 декабря 1826 г. числятся, но, к сожалению, не имеются в наличии, два дела, имеющие прямое отношение ко второй редакции. В описи сохранились две записи. Первая: «дело 235/5. Запечатанный пакет с надписью "Прислано от его Императорского Величества"»³⁴. Вторая: «дело 235/6. Тоже в портфеле: а) *Précis de la Charte Constitutionnelle pour l'Empire Russe*; б) *Charte Constitutionnelle de l'Empire de Russie*; в) *Charte constitutionnelle et statuts organiques du Royaume de Pologne (impr.)*»³⁵. Наличие этих записей, безусловно, свидетельствует, что в 1824–1825 гг., на заключительном этапе разработки новой административной системы, Александр I намеренно привлек А.А. Аракчеева к проекту Государственной Уставной Грамоты.

В 1836 г. при разборе бароном М.А. Корфом бумаг, оставшихся от покойного Н.Н. Новосильцева, был обнаружен еще один экземпляр второй редакции. Его, как и в случае со списками Аракчеева, император Николай I оставил у себя и его дальнейшая судьба неизвестна³⁶. Таким образом, до настоящего времени сохранились три двуязычных рукописных списка второй редакции («список Паскевича»; копия Строганова и копия Елагиной) и один русскоязычный («список Шильдера»), которые составляют корпус текстов второй редакции.

Под именем третьей редакции фигурирует документ на французском языке, озаглавленный «*Tableau sommaire des matières qui entreront dans les livres II et III du projet de Règlement Organique*». Писарская копия этого документа вместе со списком Паскевича

была найдена польскими повстанцами, привезена в Москву И.Ф.Паскевичем и передана на хранение в Секретный Государственный Архив. Ныне рукопись хранится в РГАДА³⁷. Впервые она была издана в публикации Гродынского 1831 г., и потому текст третьей редакции является составной частью всех рукописных копий (копия Строганова и копия Елагиной) и печатных переизданий второй редакции.

Дореволюционная историография не сформулировала единого мнения по вопросу, что представляет собой Государственная Уставная Грамота – проект конституции или административного кодекса и к каким последствиям для Российской империи привело бы ее официальное оглашение. Взгляды историков колеблются от признания Грамоты наиболее значительной ошибкой всего царствования императора Александра I³⁸, до апологетических взглядов на Грамоту, как на самый буржуазный европейский документ своей эпохи, реализация которого превратила бы Россию в демократическое буржуазное государство³⁹.

Получив в наследство всеоразличных мнений, советская историческая школа также не сумела выработать единого понимания сущности проекта Новосильцева. Во-первых, Грамота рассматривалась «как документ, осуществление которого превратило бы Россию в конституционную монархию»⁴⁰, и даже более – «Россия, прими она этот документ, прочно вставала бы на путь буржуазной монархии, на путь цивилизационного для своего времени развития»⁴¹. Эта точка зрения основана на мнении, что в тексте Грамоты содержатся «такие важные понятия буржуазного правопорядка, как политическая свобода, представительное правление, федерализм»⁴², что, по мнению исследователей, безусловно, свидетельствовало о процессе превращения феодальной надстройки в буржуазную. В 1920-е гг. в эмигрантских кругах была высказана более умеренная позиция, положившая начало концепции модернизации. Ее сторонники рассматривали проект Новосильцева как этап «в развитии всей политической системы императора Александра», которая «заклучалась в том, чтобы приспособить начала западной (французской, английской, американской) политической теории к основам русской исторической жизни»⁴³. В советской историографии эта мысль получила развитие и привела исследователей к выводу, что в случае введения Грамоты Российская империя сделала бы только первый шаг по пути модернизации. Это приводило советских историков к мысли, что «Государственная Уставная Грамота ... представляет собою некоторую уступку развивающимся новым явлениям в стране, ... уступку, которая ни в какой степени не должна была поколебать основ феодально-крепостного строя, ибо сохранялись самодержавие и крепостное право, оставалось политическое и экономическое господство помещиков-крепостников»⁴⁴. Во-вторых, была высказана мысль, что «подготавливаемая для России конституция основана на политической доктрине Карамзина о государе как "единственном законодателе, единственном источнике власти"»⁴⁵. Этот постулат свидетельствовал о преемственности Грамоты по отношению к русскому просвещенному абсолютизму XVIII в. и тем самым ставил под вопрос мнение о буржуазности проекта Новосильцева. В-третьих, советской исторической школе присуще понимание, что сохранявшиеся Грамотой сословное деление общества и крепостное право «были явлениями несовместимыми» с декларируемыми гражданскими свободами. Эта мысль неизбежно приводила к выводу, что Грамота оставляла неизменным феодально-крепостнический строй самодержавной монархии⁴⁶.

Таким образом, в историографии отсутствует четкое понимание сути тех изменений общественно-политического устройства империи, которые вводились положениями Грамоты. Более того, в литературе невозможно найти аргументированного взгляда на сущность предлагавшихся реформ: является ли Грамота проектом политической или же, напротив, административной реформы? Для решения этой проблемы необходимо рассмотреть ряд вопросов. Во-первых, краеугольный вопрос любой государственности – вопрос о власти. Кому, каким социальным группам, в каком объеме и на каких основаниях принадлежит суверенитет, т.е. верховная власть. Во-вторых, вопрос о социальной базе политического строя. В-третьих – об административной системе. Такое последовательное рассмотрение позволит прояснить цели и задачи правительства

при создании Грамоты и дать четкое определение предполагаемому Грамотой государственному строю Российской империи.

Грамота состоит из пяти глав, которые по содержанию могут быть разделены на три смысловые группы: права самодержавия, институты управления сословиями, институты администрирования территорий.

В отличие от современной составителям Грамоты европейской конституционной мысли, которая, несмотря на сохранение за европейскими монархами значительных законодательных привилегий, выраженных в «монархическом принципе», рассматривала теорию общественного договора в качестве одного из краеугольных камней всей политической системы европейских государств, что приводило к признанию прав суверенитета за нацией и, как следствие, парламентаризму буржуазного типа, статья 11 Грамоты передавала суверенитет безраздельно в руки монарха. Отрицание того, что суверенитет принадлежит нации, проводит непреодолимую черту между, с одной стороны, французской и английской конституционными традициями, а с другой – Государственной Уставной Грамотой. Напротив, средоточие суверенитета в лице монарха позволяет соотносить проект Новосильцева с южногерманскими конституциями. Однако коренным отличием данного проекта от активированных конституций является то, что Грамота не должна была стать результатом договора между сувереном и представителями сословий. Грамота ни в каком виде не предполагала наличия каких бы то ни было договорных отношений суверена и сословий. Характерно, что понятие *сословия* заменено в Грамоте термином *верноподданные*. Немаловажно также и то, что процедура принятия в подданство передается французским термином «*naturaliser*», который в европейской традиции используется для обозначения процедуры вступления в гражданство. Таким образом, гражданство подменяется в Грамоте подданством, т.е. принадлежностью не государству, а монарху. Это отражает суть политической системы Грамоты, в основе которой отсутствует теория общественного договора. Общественный договор заменен единоличным волеизъявлением суверена, дарующим своим верноподданным кодифицированный свод законов. Таким образом, Грамота не вносила никаких новшеств в основу всей политической системы империи. Она не превращала самодержавие в конституционную монархию. Напротив, самодержавие в Грамоте выступает в значительно более оформленном и зрелом виде, чем это было в XVIII в. Это достигается за счет кодификации разрозненного законодательства, структуризации отдельных прав и привилегий самодержца в единую, стройную, неразрывную правовую систему.

В тексте Грамоты доминирование самодержавия над обществом проявляется в двух плоскостях: в надгосударственном и надсословном характере, который приобретает самодержавие. Надгосударственный характер самодержавной власти обеспечивается за счет соединения в руках самодержца всех административно-хозяйственных рычагов управления. Это дает контроль над всеми ветвями власти в империи – исполнительной, законодательной и судебной. Надгосударственный характер института самодержавия формируется за счет присвоения сувереном отдельных видов власти. Согласно положениям проекта Новосильцева, императору принадлежит вся полнота исполнительной, судебной и законодательной власти. Эти три вида власти представляют собой сущность понятия суверенитет, заключаются в нем и составляют его. Надсословный характер самодержавной власти обеспечивается двумя механизмами – сословно-представительным органом, «содействующим» законодательной власти императора, и сословными общественно-политическими правами подданных императора. Примечательно, что оба эти механизма наследуются Грамотой из отечественного законодательства XVIII. в.

Таким образом, авторы Грамоты впервые в русской истории срывают абсолютистско-монархическую идеологию «законной монархии», высказанную Н.М. Карамзиным в «Записке» и восходящую к «Наказу», с конституционно-монархическим механизмом реализации монархом своих прав и привилегий, восходящим к французской конституционной практике 1791 г., переосмысленной с учетом российских потребностей М.М. Сперанским и вновь воскрешенной европейской действительностью в Хар-

тии 1814 г. и работах Б. Констана. Тем самым создается конструкция взаимопроникновения европейского легитимизма и российского просвещенного абсолютизма.

Целью создания такой конструкции является превращение монарха – верховного главы государства в суверена – сакрального единовластного правителя, который есть начало и конец всей государственности. За счет этого формируется первая составляющая часть всей политической конструкции Грамоты – самодержавие. Понимание сущности и механизмы реализации самодержавием своих властных полномочий, как они представлены в Грамоте, свидетельствуют о превращении самодержавия Феофана Прокоповича в полновесный политико-социальный институт власти. Такая трансформация оказывается возможной только при условии развития и модернизации основных постулатов политики «просвещенного абсолютизма», чья законотворческая деятельность и административная практика основаны на трех концепциях эпохи просвещения – теории мудреца на троне, сословной трактовке теорий общественного договора и естественного права, а также принципе разделения властей.

Включение этих просветительских концепций в контекст российского самодержавия позволяет впервые в отечественной истории реализовать многовековое стремление российской верховной власти к выделению самой себя из числа себе подобных, т.е. к превращению в самостоятельный институт власти. Первый из трех просветительских принципов, видоизменяясь по сравнению с екатерининским временем в духе «Записки» Н.М. Карамзина, сохраняется в Грамоте в полном объеме. Второй получает в статьях Грамоты новую интерпретацию, приобретая псевдо парламентскую форму, что наиболее четко прослеживается при анализе статей, которые регламентируют работу сеймов и описывают процедуру выборов. Третий получает развитие в системе построения исполнительной вертикали власти, что наглядно подтверждается анализом статей, описывающих систему центральной и местной администрации.

Все это свидетельствует о неразрывной связи роли и статуса верховной власти, продемонстрированного авторами Грамоты, с русской практикой просвещенного абсолютизма XVIII в., который в основу понимания державной власти в полном соответствии с политическим учением Монтескье кладет просветительскую концепцию «мудреца на троне». В результате возникала политическая конструкция, отражающая суть всего проекта. Основная цель Грамоты – законодательно закрепить самодержавный, ничем не ограниченный статус абсолютистской власти.

Сословная трактовка теорий общественного договора и естественного права реализована в Грамоте в виде псевдо парламентской формы народного представительства. В силу введения нового административно-территориального деления империи на наместничества статья 100 Грамоты декларировала создание двух инстанций: Частных сеймов или Дум наместнических областей и Общего государственного сейма или Думы. Сеймы наместнических областей совокупно с Общим государственным сеймом образовывали Государственный сейм или Государственную Думу. Последний институт власти, согласно положениям статьи 91, представлял собой народное представительство. Кроме того, в Санкт-Петербурге и Москве, которые не включались в наместническую систему административно-территориального деления империи, образовывались, согласно положениям статьи 124, «Столичные сеймы». Выделение авторами Грамоты Столичных сеймов в самостоятельную категорию, видимо, должно быть отнесено на счет исключительного статуса столиц. Таким образом, следуя логике нового административно-территориального деления страны, Грамота выделяет три категории сеймов – общеимперский, наместнический и столичный.

Основными источниками статей проекта Новосильцева, описывающих систему выборов послов и депутатов в наместнический сейм, являются отечественные правовые нормы, регулирующие сословный строй – «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» и «Грамота на права и выгоды городам Российской империи». Выбор этих документов не случаен, поскольку именно они даруют подданным российского императора феодальное право местного сословного самоуправления в виде дворянских собраний и градских обществ, на базе которых в про-

екте Новосильцева формируются две сословные избирательные курии – дворянская и городская. Таким образом, сопоставительный анализ положений Грамоты и сословного законодательства екатерининской эпохи дает возможность проследить изменения в социальной структуре общества, произошедшие за первую четверть XIX в.

Проект Новосильцева не вносил каких бы то ни было существенных изменений в социальное положение дворянина. Это недвусмысленно свидетельствует, что дворянская курия по своей сути носит ярко выраженный сословный характер, а избирательные права дворянства являются логическим следствием их имущественных прав – монополии на владение населенными землями. Следует подчеркнуть, что дворянство уже в XVIII в. предстает в документах Вольного экономического общества, дворянских наказах в Уложенную комиссию и, конечно же, в Жалованной грамоте дворянству как консолидированная социальная группа, стремящаяся закрепить свое уникальное положение в сословных правах и привилегиях. В силу этого у авторов проекта не было необходимости давать какие бы то ни было дополнительные характеристики дворянству. Оно и без того уже было организационно и законодательно оформлено в сословную корпорацию.

По сравнению с Жалованной грамотой городам, Государственная Уставная Грамота не вносила каких бы то ни было существенных изменений в социальное положение мещанина. Как и дворянство, городская курия по своей сути носит ярко выраженный сословный характер, а избирательные права мещанства являются логическим следствием их имущественных прав. Фактически следует признать, что описанная в проекте Новосильцева городская курия лишь фиксировала уже существовавший на практике *status quo*, в основе которого лежали, безусловно, положения екатерининской эпохи. Те категории мещан, кто ранее на практике не имел возможности избирать представителей в городские органы самоуправления, законодательно лишались и права избирать депутатов в наместнические сеймы. Тем самым эти категории населения, как и все иные социальные слои русского общества, исключенные из избирательной системы (все категории крестьянства, духовенство, казачество, нерусские народности Поволжья, Урала, Сибири, Дальнего Востока, Кавказа и Закавказья), лишались гражданских прав. Наиболее значимым является то обстоятельство, что подавляющее большинство категорий населения, лишенных гражданских прав, не включалось и в рамки сословного строя. Это свидетельствует о продолжении екатерининской и павловской политики унификации социальных слоев населения империи на основе сословных принципов.

Напротив, сословные права тех, кто ранее имел реальную возможность избирать, расширялись, и тем самым дворянство и наиболее состоятельные слои русского города получали активное избирательное право, т.е. право составлять избирательную курию для выборов всех уровней, как местного самоуправления, так и наместнического сейма. В результате и в юридической теории, и в практическом правоприменении формировалось понятие «гражданские права», которые объединяли в себе сословное право избирать местные органы самоуправления с правом выбирать послов и депутатов в наместнический сейм. Таким образом, в основе «гражданских прав», как их понимает Уставная Грамота, лежит сословный строй, а сами «гражданские права» предстают в Грамоте в виде сословной привилегии, строго ограниченной имущественным цензом. В этом смысле «гражданские права» есть не что иное, как развитие на новом этапе положений жалованных грамот Екатерины II.

Таким образом, по социальному составу народное представительство непосредственно восходит к практике Уложенной Комиссии Екатерины II, но, что характерно, полностью исключает из состава выборных курий черносошных крестьян, имевших представительство в 1767 г. Расширяя сословные права дворянства и верхушки города, самодержавие стремилось методами социальной политики упрочить социальную базу общественно-политического строя – абсолютизма. Не имея возможности решить крестьянский вопрос и тем самым завершить процесс формирования сословного строя, самодержавие вынужденно искало паллиативные меры, направленные на сохранение и упрочение абсолютизма.

О неприкрытой правительственной опеке над выборным органом свидетельствует и организационная структура Сеймов, которые «составляются» из Государя и двух палат. Первую, под именем «Высшей Палаты», образует Сенатский Департамент. Сенат – один из высших административно-управленческих органов империи – представляет собой единый административный орган управления, распространяющий свою власть на всю территорию страны путем создания в его бюрократической структуре местных отделений. В Грамоте предпринята попытка создать особое сенатское сословие, что достигается за счет придания Сенату «во время сейма ... купно с посольскою палатою» права «содействовать» «законодательной власти государя». В основе принципа комплектования верхних палат Сеймов лежит, с одной стороны, имущественный и возрастной цензы, прямо коррелирующие с основными принципами построения в России сословного строя, а с другой – формально бюрократический принцип, восходящий как по форме, так и по сути к «Табели о рангах». Предусмотренная Грамотой система выборов во вторую палату являлась двухступенчатой: курии выбирали не депутатов, а лишь кандидатов в депутаты, из которых император две трети назначал по своему усмотрению. Этот механизм свидетельствует о стремлении контролировать не только социальный, но и персональный состав народного представительства.

Обе палаты сеймов равноправны, что фактически уравнивает бюрократический административный правительственный орган с выборными представителями сословий. Таким образом, сама система двухпалатного построения сеймов теряет в результате такого механизма комплектования палат свой истинный первоначальный смысл. Более того, принципы формирования обеих палат сеймов свидетельствуют о четко выраженном стремлении авторов Грамоты подменить представительные механизмы бюрократическими. Это позволяет не только контролировать «непредсказуемую» активность выборных членов сейма, но и предоставляет в руки правительства механизм опеки над всем обществом. Примечательно, что эта политическая конструкция до некоторой степени возвращает дворянское сословие в рамки патерналистской модели российского государства.

Право законодательной инициативы безраздельно передано в руки императора и административных органов, посредством которых он реализует свои властные полномочия – Государственного Совета, если дело касается Общеимперского сейма, и Наместнического совета, в случае с Наместническими сеймами. Именно этим бюрократическим инстанциям вверено право составлять проекты законов, а также решать, вносить в них или нет изменения, дополнения и т.д., которые высказаны членами палат при «рассмотрении» проектов. При этом учет или игнорирование мнения зависят исключительно от воли административных инстанций, контролируемых лично императором. Сочетание этих механизмов правительственной опеки полностью лишает сейм присущей буржуазному парламенту законотворческой инициативы.

Организационная структура, механизмы функционирования и юрисдикция сеймов наглядно свидетельствуют о стремлении авторов свести к нулю любую возможность выборных представителей сословий оказать влияние на законотворческий процесс как таковой и общественно-политическую жизнь в том виде, как она представлена в России в начале XIX в. Сеймы Государственной Уставной Грамоты ни в коей мере нельзя назвать парламентами, а политическую составляющую сеймовой структуры парламентаризмом. Более того, представляется необоснованной точка зрения, что создававшиеся Грамотой сеймы могли бы когда-нибудь в будущем перерасти стадию сословного народного представительства и превратиться в парламент западноевропейского типа.

Какие же цели преследовало правительство, создавая народное представительство? Ответ на этот вопрос следует искать в особенностях экономического развития России. Бурно протекавший на протяжении всего XVIII в. процесс складывания и развития феодально-барщинного хозяйства, в основе которого лежало экстенсивное земледелие, потребовал от государства значительных территориальных приобретений. Стремительное увеличение территории страны поставило перед верховной исполнительной властью управленческую задачу администрирования территорий. Для повседневного

управления потребовался механизм сбора информации о положении на местах. Таким механизмом и должна была стать двухчленная сеймовая структура. Впервые информационная действенность такого рода модели была продемонстрирована в период работы Уложенной комиссии, которая позволила накопить огромный материал о реальном положении дел на местах. Этот материал лег в основу позднейшего сословного и административного законодательства Екатерины II. Уложенная комиссия выполнила, в первую очередь, социологическую функцию. Однако в условиях начала XIX в. потребовалось создать постоянно действующий институт сбора информации с мест. Таким институтом должны были стать сеймы. Именно поэтому нет ничего удивительного в том, что в основе выборов лежат сословные принципы, которые формировались в процессе работы Уложенной комиссии, а механизм функционирования сеймов направлен на максимальное сужение юрисдикции этого органа. Абсолютизму был нужен послушный управляемый информационный орган, своего рода постоянно действующий канал ретрансляции мнений. Сбор и обработка информации с мест есть основная цель создания сеймов. Одновременно сейм принимал на себя и функцию механизма апробации законодательных инициатив. Этот механизм позволял до начала реализации управленческой идеи протестировать ее на своего рода «фокус группе», каковой становилась палата послов и депутатов. Такая модель была призвана нивелировать социальные последствия претворения в жизнь идей, не отвечающих реальным потребностям населения, и «водворить мир и тишину в губерниях». Иначе говоря, сеймы проекта Новосильцева – это постоянно действующая Уложенная комиссия.

Принцип разделения властей положен авторами Грамоты в основу всей системы административно-бюрократических институтов. Законосовещательные функции оказались размытыми между тремя различными органами управления: Комитетом Министров (составление законопроекта), Общим собранием Государственного Совета (согласование законопроекта) и Государственным сеймом (одобрение законопроекта). Император при этом выступал в двойной роли. С одной стороны, он наделял Комитет Министров имманентно присущим исключительно ему преимуществом источника законов, передавая тем самым административному органу полномочия на составление проектов новых законов и непосредственно, в качестве Председателя Комитета Министров, участвуя в этом процессе. С другой стороны, за императором в любом случае оставалось последнее слово, он утверждал или отвергал согласованный проект закона.

Именно в этой трехчленной конструкции законосовещательных органов состоит одна из сторон применения авторами Грамоты принципа разделения властей. Буржуазный по своей сути принцип, на страницах Грамоты не направлен на то, чтобы четко и последовательно оградить ветви власти от посягательств со стороны администрации. Напротив, Грамота наглядно демонстрирует применение этого принципа с целью узурпировать существенные атрибуты законодательной власти и сконцентрировать все рычаги управления и манипулирования политической системой в руках исполнительной вертикали. В данном случае синонимом разделения властей является не охранение прав и привилегий одной власти от посягательств другой, но отделение частей власти. Иными словами, принцип разделения властей в применении к Грамоте есть механизм формирования администрации и создания бюрократического аппарата контроля и управления. Таким образом, принцип разделения властей в данном случае – это механизм, обеспечивающий соблюдение бюрократической процедуры в законотворческом процессе.

Грамота – первый в истории России документ, в котором в полном объеме удалось реализовать построенный на концепции разделения властей министерский принцип управления, т.е. единоначалие в принятии решения, соблюдение норм действующего законодательства при принятии решения, подчинение нижестоящих административных инстанций вышестоящим, ответственность за принятое решение и функциональное разделение полномочий между соответствующими исполнительными структурами. В основе организации всей общеимперской, наместнической и губернской администрации лежит принцип унитаризма, высказанный еще в королевской конституции

1791 г. и унаследованный Грамотой в полном объеме. Его внедрение на русской почве, конечно же, потребовало значительной адаптации, но это лишь усилило унитаристский характер всей системы. Таким образом, принцип разделения властей, в применении к исполнительной вертикали власти, превратился в механизм укрепления унитарной государственности. Создаваемая Грамотой система органов исполнительной власти была нацелена на решение одной единственной, но наиболее принципиальной для самодержавия задачи – создания простой, внутренне не противоречивой и работоспособной системы для реализации прерогатив державной власти.

В отношении губернского и подчиненных ему окружного и волостного административных уровней управления следует признать, что положения соответствующих статей Грамоты фактически подразумевали пересмотр основных положений Учреждения о губерниях. Последовательное проведение министерского принципа вызвало к жизни потребность в более четком разграничении исполнительных и судебных инстанций, смещение функций которых присутствует в Учреждении о губерниях. Это дает возможность впервые в историографии на конкретном историческом материале поставить вопрос о взаимовлиянии Грамоты и генерал-губернаторских опытов А.Д.Балашова, нацеленных на создание и апробацию местных полицейских учреждений⁴⁷.

Анализ положений второй и третьей редакций Грамоты об устройстве судебной власти позволяет сделать несколько важных выводов. Во-первых, всей системе соподчинения судебных мест (кроме Мировых судов) свойственно строгое разделение уголовных и административных дел. Это показывает, что в первой половине 1820-х гг. правительство в полной мере осознавало потребность в создании соответствующих гражданского и уголовного кодекса, т.е. вплотную подошло к поиску механизмов кодификации законодательства. Во-вторых, предлагаемые Грамотой структурные изменения системы судебных учреждений никоим образом не соотносятся с положениями Учреждения о губерниях 1775 г. Это свидетельствует о том, что судоустройство екатерининских времен должно было остаться в истории, уступив место новым, более отвечающим управленческим потребностям империи, судебным органам.

Взойдя на престол, Александр I оказался преемником огромного и многообразного наследия, оставленного ему XVIII в. Разросшаяся за XVIII столетие до колоссальных размеров империя оставалась по сути неуправляемой. Предпринятые Петром I, Елизаветой и Екатериной II попытки создания административной системы управления к началу XIX в. продемонстрировали свою несостоятельность.

В результате перед Александром I стояла поистине неразрешимая дилемма – создать такую систему, которая отвечала бы двум основным принципам. Во-первых, сохранила бы в эксклюзивном ведении самодержавия все виды власти – законодательную, исполнительную и судебную. Во-вторых, предоставила бы в руки императора гибкий и эффективный управленческий аппарат, дававший возможность реализовывать свою власть в масштабах такой огромной страны как Российская империя.

Имевшиеся западноевропейские образчики не могли быть использованы для реализации первого принципа. Они не удовлетворяли русских самодержцев, поскольку в Европе уже начались процессы буржуазного развития и, как следствие, процессы ломки старых управленческих систем и создания новых, в которых реализовывалось и новое соотношение сил, нашедшее свое выражение в идее, что не монарх, а сообщество граждан является носителем верховной неограниченной власти. Императору же требовалось реализовать на практике идею о том, что ни один из создаваемых управленческих органов не мог быть наделен властью. Максимум, что в его компетенцию могло передать самодержавие – это набор функций, позволивших соответствующим инстанциям в полной мере и наилучшим образом реализовывать волю верховного неограниченного правителя.

Напротив, для реализации второго принципа были нужны новейшие западноевропейские управленческие идеи, концепции и технологии. Только они могли обеспечить четкость, слаженность и безотказность работы разветвленного управленческого аппарата империи. В екатерининскую эпоху была предпринята первая попытка создания

аппарата управления – реализована сословная структура социальной организации общества и создана губернская административная система. К началу XIX в. стало очевидно, что механизмы, которые были адекватны XVIII в. и на которых базировались проведенные Екатериной реформы, более не отвечают управленческим потребностям страны. Встал вопрос о необходимости новых реформ, которые были бы реализованы с помощью более новых, а, значит, более совершенных инструментов.

Государственная Уставная Грамота есть пример применения теории общественного договора и принципа разделения властей с целью реализации самодержавных прав русского императора. Подводя итоги, следует признать, что управленческая система, в понимании авторов Грамоты, включает в себя все сферы государственного управления: судебные, законосовещательные и исполнительные органы во всем их многообразии. Ни один из управленческих органов Грамоты не наделен даже подобием власти. Им принадлежат только и исключительно функции. Все они созданы с единственной целью – предоставить в распоряжение самодержца механизм реализации его и только его неограниченной власти. Реальная власть сконцентрирована в священной особе верховного самодержавного правителя. В отношении органов управления Грамота фактически подменяет понятие власти различными функциями, которыми в большем или меньшем объеме наделяются различные административные органы.

В силу этого по отношению к Государственной Уставной Грамоте неправомерно ставить вопрос о большей или меньшей степени реализации принципа разделения властей или теории общественного договора в том виде, как эти концепции существовали в Европе. Даже минимальная попытка их реализации в европейском понимании неизбежно вела не просто к ограничению, а к ликвидации самодержавия, поскольку каждый из этих принципов в отдельности и, тем более, оба в совокупности подразумевали делегирование властных полномочий соответствующим органам, тем самым превращая последние во властные институты. В Грамоте же есть лишь один властный институт – самодержавие. Все остальное суть механизм, обеспечивающий функционирование этого института.

Таким образом, принцип разделения властей и теория общественного договора реализованы в Грамоте в качестве средства, обеспечивающего доминирующее положение императора по отношению к обществу. Принцип разделения властей и общественный договор мутировали на русской почве в механизм упрочения феодальной патерналистской модели государственности.

Использование в процессе складывания административных структур самодержавной монархии западноевропейских управленческих механизмов было лишь одним из возможных способов построения абсолютистской государственности. В силу этого Грамоту следует рассматривать как одну из нереализованных моделей устройства абсолютистской государственности. Со смертью Александра I и в результате восстания декабристов она была отброшена. В николаевское время была реализована иная модель. Общее между ними то, что обе они являются хотя и различными, но моделями одного и того же – абсолютизма.

Примечания

¹ В № 4 журнала «Отечественная история» за 2008 г. была опубликована рецензия В.Ю.Захарова на вышедшую в 2007 г. книгу К.С. Чернова «Забывтая конституция. "Государственная Уставная Грамота Российской Империи"». Автор благодарит редакцию за предоставленную возможность познакомиться аудитории журнала со своей точкой зрения и тем самым продолжить дискуссию по теме монографии.

² *Николай Михайлович, вел. кн. Граф Павел Александрович Строганов (1774–1817)*. Т. 2. СПб., 1909. С. 9.

³ *Сафонов М.М.* Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988. С. 128.

⁴ *Чернов С.Л.* К вопросу о времени возникновения абсолютизма в России // Россия в XVIII–XX веках. М., 2000. С. 35–38.

⁵ ПСЗ-И. Т. 5. № 3006.

⁶ *Чернов С.Л.* Указ. соч. С. 38.

⁷Le Donne J.P. Ruling Russia. Politics and Administration in the Age of Absolutism 1762–1796. Princeton, 1984; Yanev G. The systematization of Russian Government. Urbana, 1973.

⁸Каменский А.Б. Российское дворянство в 1767 г. (К проблеме консолидации) // История СССР. 1990. № 1. С. 58–77; Рубер А. Социальная идентификация и политическая воля: русское дворянство от Петра I до 1861 г. // П.А. Зайончковский (1904–1983 гг.): Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998. С. 273–314.

⁹Цимбаев Н.И. Идеи федерализма и федеративного устройства России в общественной мысли // Очерки русской культуры XIX века. М., 2003. С. 469.

¹⁰Подробнее см.: Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII – начало XX века. Опыт количественного анализа. М., 1974; Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.

¹¹Медушевский А.Н. Конституционные проекты в России // Конституционные проекты в России. XVIII – начало XX в. М., 2000. С. 111.

¹²Вернадский Г.В. Государственная уставная грамота Российской империи 1820 года. Прага, 1925; Минаева В.Н. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX века. Саратов, 1982; Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989; *его же*. Страницы тайной истории самодержавия М., 1990; Парусов А.И. Государственная уставная грамота 1820 года // Ученые записки Горьковского государственного университета. Горький, 1964. Сер. ист.-фил. Вып. № 72; Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. М.; Л., 1957; Пытин А.Н. Общественное движение при Александре I. СПб., 1871; Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909; Шиман Т. Александр I. М., 1908; Шебальский П.К. Идеалисты и реалисты // Русский Вестник. 1871. Т. 94; Якушкин В.Е. Государственная власть и проекты государственных реформ в России. СПб., 1906.

¹³Подробнее сведения о рукописях и изданиях каждой из трех редакций см.: Чернов К.С. Забытая Конституция. Государственная Уставная Грамота Российской Империи. М., 2007. С.135–137.

¹⁴«Краткое изложение основ конституционной хартии Российской империи» (франц.).

¹⁵«Конституционная грамота Российской империи» (франц.).

¹⁶«Общий свод предметов, входящих во вторую и третью книги проекта Органического регламента» (франц.).

¹⁷Перевод см.: Чернов К.С. Забытая Конституция. Государственная Уставная Грамота Российской Империи. С. 133–134.

¹⁸Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz III. HA (2.4.1.) № 6576. S. 1–5v.

¹⁹Ibid. HA (2.4.1.) № 6381. S. 24–26v.

²⁰Schiemann Th. Eine Konstitution für Russland vom Jahre 1819. // Historische Zeitschrift. 1894. Bd. 72. S. 65–68.

²¹Charte Constitutionnelle de l'Empire de la Russie. Varsovie, 1831; Государственная Уставная Грамота Российской Империи, Варшава, 1831.

²²ОР РНБ, ф. 859. Н.К. Шильдер, карт. 19, ед. хр. 6. Подробнее см.: Минаева Н.В. Указ. соч. С. 190–191; Государственная Уставная Грамота 1818 года. С предисловием Д.Д.Оболенского // Русский архив. М., 1905. Кн. 3. С. 102.

²³РГАДА, ф. 3 (разряд III), д. 25, л. 1–98.

²⁴Schiemann Th. Государственная Уставная Грамота. La Charte Constitutionnelle de l'Empire de Russie. Publiée d'après l'original des archives de St.-Pétersbourg. Berlin, 1903.

²⁵РГАДА, ф. 1278, он. 1, д. 504.

²⁶ОР РГБ, ф. 99, карт. 16, д. 32.

²⁷ОР РНБ, ф. 859, карт. 19, ед. хр. 6. Государственная Уставная Грамота.

²⁸Шильдер Н.К. Император Александр I. СПб., 1898. С. 499–526.

²⁹The portfolio of collection of state papiers and other documents. Vol. V. L., 1837; Le portfolio ou collection des documents relatifs à l'histoire contemporain. T. V. P. 1837; Le portfolio ou collection des documents relatifs à l'histoire contemporain. Hambourg, 1837.

³⁰Projet d'une charte constitutionnelle d'Alexandre Ier empereur de Russie. Paris. Librairie A. Franck. 1859.

³¹Исторический сборник вольной русской типографии в Лондоне. Кн. II. Лондон, 1861. М., 1971. С. 193–194.

³²Материалы к царствованию Николая I. Лейпциг, 1880.

³³Русский архив. М, 1905. Кн. 3.

³⁴РГИА, ф. 1167, оп. Д.А.Г.С. Т. XVI, д. 235/5.

³⁵«а) Краткий очерк конституционной грамоты для Российской империи, б) Конституционная грамота Российской империи, в) Конституционная грамота и органические статуты Королевства Польского» (франц.). Там же, д. 235/6.

³⁶Из записок барона (впоследствии графа) М.А.Корфа // Русская старина. 1890. Т. 95. С. 534.

³⁷РГАДА, ф. 3 (разряд III), д. 25, л. 99–109 об.

³⁸См.: Семевский В.И. Указ. соч. С. 58; Шебальский П.К. Указ. соч. С. 184–252.

³⁹«...leur proclamation officielle aurait marqué une ère nouvelle dans la vie du peuple russe, et même dans l'histoire de l'Europe» (... ее официальное провозглашение явилось бы началом новой эры в жизни русского народа и даже европейской истории. – франц.) // Schieman Th. Государственная Уставная Грамота Российской Империи. С. 6.

⁴⁰Мироненко С.В. Указ. соч. С. 184.

⁴¹Россия. XX век. Исследования. М., 2002. С. 8.

⁴²Минаева Н.В. Указ. соч. С. 193.

⁴³Вернадский Г.В. Указ. соч. С. 1.

⁴⁴Парусов А.И. Государственная уставная грамота 1820 года // Ученые записки Горьковского государственного университета. Горький, 1964. Сер. ист-фил. Вып. № 72. С. 38.

⁴⁵Ланда С.С. Дух революционных преобразований... 1816–1825. М., 1975. С. 37.

⁴⁶Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М., 1957. С. 391–393.

⁴⁷Чернов К.С. Забытая Конституция... С. 112–113.

© 2009 г. Г. Г. МАНАЕВ *

ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩИЙ СЕНАТ В НАЧАЛЕ XIX века: ПОДГОТОВКА И РЕАЛИЗАЦИЯ РЕФОРМЫ 1805 года

Вопрос об укреплении положения Правительствующего Сената в системе государственного управления Российской империи стал одним из центральных среди преобразовательных проектов начала царствования Александра I. Созданный Петром I как высшее государственное учреждение, объединяющее все виды власти, в царствования Екатерины II и Павла I, по мере умножения отраслей управления, Сенат испытывал все большие трудности, пытаясь контролировать разные ветви государственного управления. Назревала необходимость сенатской реформы, которая прежде всего должна была решить вопросы как о функциях самого Сената, так и о распределении полномочий между ним и другими государственными учреждениями.

Общие очерки истории Сената на рубеже XVIII–XIX вв. содержатся в работах дореволюционных исследователей Г.Г. Тельберга¹, И. Блинова², В.Г. Щеглова³, С.М. Середонина⁴, Н.И. Лазаревского⁵. Наиболее подробно положение Сената рассмотрено в юбилейном издании «История Правительствующего Сената за 200 лет»⁶, над которым работали ведущие историки и правоведы начала XX столетия. Проблемы организации и деятельности Сената в начале XIX в. касались в своих трудах советские историки Н.П. Ерошкин⁷, М.М. Сафонов⁸, А.В. Предтеченский⁹. Сенат как высшее государственное учреждение фигурирует в большинстве трудов по истории русской государственности. Однако во всех работах недостаточно подробно освещаются реальные, практические меры, предпринятые Александром I для улучшения сенатского делопроизводства и функционального изменения структуры учреждения. В данной статье предпринимается попытка проанализировать подготовку и реализацию реформы 1805 г., и тем самым восполнить существующий в историографии пробел.

Среди первостепенных задач, стоявших перед императором Александром I в начале его царствования, особое место занимал вопрос о систематизации российского законодательства, что являлось необходимым условием для создания стройной государственной системы. Как пишет в своих воспоминаниях современник, «законоположения по всем предметам рассеяны были в неисчислимом множестве отдельных указов и постановлений, не приведенных ни в какую систему... Делопроизводители, обязанные в своих докладах приводить законы, составляли сами для своего употребления небольшие своды и указатели, да и в них не было ручательства, что приводимый указ имеет полную обязательную силу, что он не был отменен или видоизменен позднейшим постановлением»¹⁰. Однако для приведения законодательных актов в стройную систему необходимо было прежде всего преобразовать Правительствующий Сенат – учреждение, которое Екатерина II в «Наказе Комиссии о сочинении проекта нового Уложения» назвала «хранилищем законов». Для Александра I, намеревавшегося править «по заве-

* Манаев Георгий Георгиевич, аспирант Института российской истории РАН.

там бабки», логично было опереться именно на Сенат в целях утверждения принципов законности в империи. 5 июня 1801 г. указом «О сочинении Сенату особого доклада о правах и обязанностях его» Александр I предписал сенаторам установить причины упадка старейшего учреждения империи и найти способы восстановить Сенат, как «верховное место правосудия и исполнения законов», на «прежнюю степень, ему причиную»¹¹. Составление проекта указа «О правах и обязанностях Сената» было поручено сенатору, председателю Комиссии составления законов, графу П. В. Завадовскому.

Как писал член Негласного комитета граф П.А. Строганов, Сенат – это «единственное учреждение в империи, в рамках которого вследствие его древности и авторитета может быть создано что-нибудь хорошее»¹². Не случайно, что проект указа, первый вариант которого был представлен графом Завадовским в 1-й департамент Сената уже 6 июля 1801 г., вызвал дискуссию в среде государственных деятелей, в том числе и по причине того, что их представления о будущем Сената весьма разнились в зависимости от их политических убеждений.

Недостатки существовавшей организации были более или менее очевидны. Как пишет Э.Н. Берендтс, в результате произведенного при Екатерине II разделения Сената на департаменты единство учреждения было утеряно; кроме того, генерал-прокурор был превращен в обособленного от Сената министра юстиции, фактически контролировавшего деятельность всего учреждения. В результате «проводниками взглядов Верховной власти... стали государевы наместники, лично-доверенные политические деятели и администраторы... Личное начало все более заслоняло собой начало коллегиальное»¹³. Это положение еще более усугубилось при Павле I. Сенату была фактически оставлена лишь роль высшего судебного учреждения. Намечавшимся преобразованием Сената Александр I намеревался исправить это положение.

Дискуссия по поводу представленного П.В. Завадовским проекта указа «О правах и обязанностях Сената» развернулась между представителями, условно говоря, «консервативного» и «либерального» направлений тогдашней государственной мысли. И те, и другие были активно заняты обработкой и интерпретацией идей европейского Просвещения, стремясь по возможности взрастить его плоды на отечественной почве.

Представители консервативного крыла, развивая идеи Монтескье, отстаивали идею о том, что, хотя монарх и является источником всякой власти в государстве, однако власть его изливается на подданных с помощью «посредствующих» государственных учреждений, подчиняющихся определенным законам, обязательным и для монарха. За соблюдением законности в государстве следит Правительствующий Сенат, как «хранилище законов». Он «публикует законы, вновь издаваемые, и напоминает о существующих, когда их забывают»¹⁴. Однако Сенат, по мнению консерваторов, должен был стать и первой из «властей посредствующих», будучи наделен всей полнотой исполнительной власти (так, например, в проектах братьев Воронцовых и гр. Румянцева фигурирует предложение предоставить Сенату право избирать губернаторов и президентов коллегий, положение о том, что только из Сената могут исходить побудительные указы присутственным местам и т.п.)¹⁵.

Либеральное течение, представленное в большей части членами Негласного комитета, не подразумевало участие Сената в законодательной или законосовещательной деятельности. Аргументируя такую позицию, Новосильцев, в частности, заявлял: «такая организация Сената не позволяет и думать о вручении власти столь важной учреждению, которое уже по своему составу не может заслужить доверия нации; будучи, к тому же, заполняемо членами исключительно по назначению суверена, оно не дает возможности обществу принять участие в составлении законов»¹⁶. Негласный комитет также не предполагал вручения Сенату какой-либо меры исполнительной власти, считая более целесообразным в будущем распределить ее между министрами, каждый из которых отвечал бы за свою часть управления. Таким образом, в либеральных конструкциях Сенату отводилась лишь роль высшего судебного учреждения.

Проект Завадовского после обсуждения в I-м департаменте был вынесен в Общее собрание петербургских департаментов Сената и поднесен на рассмотрение императора как всеподанный доклад. Александром I он был направлен на тайное обсуждение в Негласном комитете и уже оттуда поступил на официальное рассмотрение в Государственный совет. В проекте Сенат определялся как «первое государственное правительство, снабженное от Государя и законодателя силою и всею исполнительною властью», которое «управляет всеми гражданскими местами в Империи, высшей власти над собой не имеет, кроме единой самодержавного Государя, коего единое же лицо председатель в оном»¹⁷. Проект предполагал также вверение Сенату определенной доли законосовещательных функций – «права представления» на указы императора: «если бы закон или указ от него вышел противен прежде изданным, вреден или неясен был, но когда бы по представлению о том, негодно будет отменить, тогда уже исполняется оный безмолвно»¹⁸.

Вопрос о «праве представления на высочайшие указы» стал камнем преткновения при обсуждении доклада в Государственном совете. Нужно заметить, что значительная часть членов Совета, придерживавшаяся крайне правых убеждений, была в принципе против сенатской реформы. Князь Куракин, в частности, утверждал, что «вновь чинимое преобразование», в чем бы оно ни состояло, «никогда не сравнится пользой своей» с тем учреждением, которое, «многие годы существуя, прочность и влияние свое ко благу общественному неисчислимыми доказательствами ознаменовало»¹⁹. Занимая такую позицию, члены Государственного совета восприняли «право представления» как непосредственное посягательство на сущность самодержавной власти, дававшее Сенату право обсуждать императорскую волю и противоречить ей.

Очевидно, что сущность «права представления» заключалась скорее в желании составителей проекта указа ограничить возможный произвол частных лиц, всеподанные доклады которых, получая высочайшее одобрение, обретали силу указов, при этом контрольная инстанция фактически отсутствовала. Отсюда происходила возможность ошибок и злоупотреблений, прикрываемых высочайшей санкцией. В предотвращении этих ошибок и заключался практический смысл «права представления», которое становилось одним из средств сенатского контроля над министерской системой.

Указ «О правах и обязанностях Сената»²⁰ был окончательно утвержден 8 сентября 1802 г. Согласно указу, Сенат сохранил значение «верховного места» империи и «хранителя законов», наделенного, помимо судебных и надзорных, также административными функциями (статьи 1, 2, 4, 6, 7). Однако в тот же день был издан и Манифест об учреждении министерств²¹ (само позиционирование этого узаконения как манифеста обозначало его приоритет по отношению к указу о Сенате). Именно министерства, как и задумывали члены Негласного комитета, должны были принять на себя большую часть исполнительных властей. Согласно указу «О правах и обязанностях», министры были подотчетны Сенату, как верховному учреждению, не имевшему над собой власти, кроме царской. Однако последующая практика показала, что на деле Сенат, как учреждение коллегиальное, не мог иметь существенного влияния на отдельные личности, напрямую сносившиеся с императором по конкретным делам. Что касается министерских отчетов Сенату, то уже в первые годы после образования министерств их количество постепенно уменьшалось: в 1802 г. в Сенат поступило 8 отчетов, в 1803 г. – 7, в 1804 г. – 4, а с 1805 г. «ввиду малой эффективности сенатского "свидетельствования" министры предпочитали передавать свои отчеты в Комитет министров»²².

Право сенатского «представления на высочайшие указы» все же вошло в утвержденный указ «О правах и обязанностях Сената» в следующей формулировке: «Дозволяется Сенату, если бы по общим государственным делам существовал указ, который был бы сопряжен с великими неудобствами в исполнении, или по частным судебным не согласен с прочими узаконениями, или же неясен, представлять о том императорскому величеству; но когда по таковому представлению не будет учинено перемены, то остается он в своей силе» (п. 9). Как видно, в окончательной редакции формулировка «если бы указ вышел» была заменена на «если бы существовал указ». Эта поправка, внесен-

ная членами Негласного комитета, и дала возможность обратиться сущность «права представления» в пустой звук.

На заседании Комитета министров 5 декабря 1802 г. военный министр представил доклад, в котором предлагал дворян, не дослужившихся до первого офицерского чина, не увольнять в отставку до тех пор, пока они не прослужат в унтер-офицерских чинах по крайней мере 12 лет. Эта мера не вызвала возражений со стороны членов Комитета, и председательствовавший государь утвердил доклад. Однако после передачи доклада в Сенат для опубликования член Сената гр. Северин Потоцкий выступил с довольно резкой критикой утвержденного доклада, который, с точки зрения графа, посягал на исконные права дворянства. Вопреки увещаниям генерал-прокурора Г.Р. Державина, сенаторы решили в этом случае воспользоваться «правом представления» и в марте 1803 г. обратились к императору. Холодно приняв депутацию и не входя в обсуждение деталей вопроса, государь обещал дать по этому поводу особый указ, который и был опубликован 23 марта 1803 г. В нем, помимо обоснования правильности доклада военного министра, содержалось толкование 9 пункта указа «О правах и обязанностях Сената» в том смысле, что любые сенатские представления могли относиться только к указам, опубликованным до 1802 г.; все указы, состоявшиеся после этого срока, должны были приниматься к безоговорочному исполнению. Так Сенат был фактически лишен «права представления на высочайшие указы», что существенно умало долю его законосовещательной власти.

Несмотря на вышеуказанные обстоятельства, указ «О правах и обязанностях Сената» восстановил поколебленный авторитет высшего учреждения империи и формально поставил министерства в подчиненное по отношению к Сенату положение. Однако полноценной реформой этот указ не позволяет считать тот факт, что структурная организация учреждения все же не была изменена.

Более существенным преобразованием Сената, произведенным в царствование Александра I, следует считать высочайше утвержденный доклад министра юстиции П.В. Лопухина «О разделении дел по департаментам Сената»²³. В историографии этот указ не получил пока должного рассмотрения; между тем, он не только изменил статус и значение московских департаментов Сената, но и определил развитие всего учреждения более чем на полвека вперед.

Впервые московские департаменты Сената были организованы при Екатерине II. 15 декабря 1763 г. вышел Манифест «О постановлении штатов разным присутственным местам»²⁴, согласно которому Сенат был разделен на 6 департаментов, 2 из которых (5-й и 6-й) были учреждены в Москве, вместо бывшей Сенатской канцелярии. Дела по департаментам были распределены согласно институциональному (а не географическому) принципу. В компетенцию 5-го департамента вошло «отправление всяких государственных текущих дел», которые прежде исправляла Сенатская канцелярия, 6-го – «апелляционные дела и по Герольдии против 2-го департамента».

Сенат в составе 6 департаментов функционировал без существенных изменений на протяжении практически всей второй половины XVIII в. В результате к декабрю 1796 г. в Сенате скопилось почти 11,5 тыс. нерешенных дел, в большинстве своем судебных²⁵. По предложению генерал-прокурора князя А.Б. Куракина в Петербурге были созданы три временных департамента²⁶. Однако и это не помогло, наплыв дел был столь велик, что канцелярии департаментов Сената не могли управиться с ними в срок.

Подобное положение сохранялось и весной 1802 г., когда один из вариантов проекта указа «О правах и обязанностях Сената», представленный П.В. Завадовским, обсуждался в собрании Государственного совета. Генерал-прокурор А.А. Беклешов поста- тейно раскритиковал проект, назвав его «для пользы государственной и выгоды народной не только недостаточным, но и собственной своей цели и намерению, в нем предположенному, не соответствующим». Он представил предложение о реорганизации Сената, с приложением примерного расписания штата сенатской канцелярии. По мнению Беклешова, первый департамент следовало разделить на два особых департамента, которым вверить исключительно административные функции; прочие же де-

партаменты, число которых также увеличивалось на один, должны были исправлять все судебные дела Сената. Разделение дел нужно было построить по географическому принципу. Заметив, что сенатские дела поступали сначала в петербургский Сенат, и только затем, «пропуская наперед немало времени, препровождались в московский департамент», генерал-прокурор предложил, «в предупреждение и накопления и напрасного времени упущения... назначить и отделить непосредственно губернии, из которых дела прямо туда (в Москву. – Г.М.) поступать могут»²⁷.

Мнение Беклешова поддержал тогдашний член Государственного совета, будущий министр юстиции кн. П.В. Лопухин, который считал «прежде всего нужным исправить производство дел в Сенате, принимая в соображение мысли, от генерал-прокурора на сие представленные, а потом можно будет издать указ, подтверждающий и права Сената»²⁸. Указ «О правах и обязанностях Сената» был принят без учета организационных предложений Беклешова, однако Лопухин, став в 1803 г. министром юстиции, воплотил предложения генерал-прокурора в жизнь, положив их в основу реформы Сената 1805 г.

В утвержденном 27 января 1805 г. докладе П.В. Лопухина констатировалось, что, несмотря на наличие учрежденных Павлом I временных департаментов, дела в Сенате умножаются так быстро, что «вся известная деятельность гг. сенаторов и неутомимые труды чиновников, канцелярию Правительствующего Сената составляющих, теряются в бесполезности, потому что нет средства достигнуть до той желаемой цели, чтобы дела, при теперешнем их положении, текли без препинания, свободно, успешно и скоро»²⁹. К докладу прилагалась ведомость «О решенных и нерешенных делах Правительствующего Сената в непрменных департаментах со времени учреждения Временных департаментов по конец 1804 г.», из которой видно, что наибольшее количество нерешенных дел было во 2-м (апелляционном) департаменте в Петербурге (3 270 дел) и 6-м (также апелляционным) департаменте в Москве (1 389 дел). Для того, чтобы разгрузить эти департаменты от дел, «в необъятном количестве поступающих», министр юстиции предложил организовать два дополнительных непрменных департамента – 4-й апелляционный в Петербурге и 8-й апелляционный в Москве.

Временные департаменты упразднялись, их неоконченные дела распределялись между существующими департаментами. Упразднение временных департаментов частично решало и финансовую проблему – их чиновники переводились с сохранением жалования на соответствующие должности в новоорганизованных департаментах Сената (Беклешов также указывал в своем «предложении» на эту возможность экономии средств).

Кроме того, для каждого из департаментов Сената определялись губернии, из которых туда должны были поступать апелляционные и уголовные дела. На долю московских департаментов Сената приходилась довольно существенная в масштабе империи часть дел. В 6-м уголовном департаменте рассматривались дела Московской, Тверской, Смоленской, Астраханской, Кавказской, Владимирской, Воронежской, Калужской, Курской, Нижегородской, Слободско-Украинской, Орловской, Пензенской, Рязанской, Саратовской, Симбирской, Тамбовской, Тульской, Екатеринославской, Таврической, Херсонской, Костромской, Ярославской, Вологодской, Вятской, Казанской и Оренбургской губерний (27 из 50 губерний).

В 7-й апелляционный департамент поступали дела из Московской, Астраханской, Кавказской, Владимирской, Воронежской, Калужской, Курской, Нижегородской и Слободско-Украинской губерний. В 8-м департаменте рассматривались апелляционные гражданские дела Пензенской, Рязанской, Орловской, Саратовской, Симбирской, Тамбовской, Тульской, Екатеринославской, Таврической и Херсонской губерний.

Указом 27 января 1805 г. также было впервые учреждено Общее Собрание московских департаментов. Значение этого решения весьма велико. Если раньше московские департаменты не имели никакой степени самостоятельности (и в этом были скорее подобны бывшей Сенатской канцелярии), то теперь три департамента со своим собственным общим собранием составляли отдельное политическое тело, способное выносить соб-

ственное мнение и действовать в своих интересах, ведя служебную переписку с Государственным советом, Комитетом министров, императором и первым департаментом самого Сената уже не как структурная часть Правительствующего Сената, расположенного в Петербурге, а как «московский Сенат» (это выражение входит в обиход именно с 1805 г.). Причины такого решения представляются ясными: за счет реорганизации московских департаментов произошла разгрузка Общего Собрания петербургских департаментов Сената – теперь значительное количество дел (как, опять же, и предполагал Беклешов) могло решаться прямо в Москве. Таким образом, после реформы 1805 г. московские департаменты Сената стали высшей судебной и надзорной инстанцией, «верховным правлением» присутственных мест большей части Российской империи.

Не случайным в свете произошедшей реорганизации представляется увеличение количества сенаторских ревизий губернских присутственных мест. Еще до реформы 1805 г., в 1801 – 1805 гг., было проведено 11 сенаторских ревизий³⁰; при этом 7 ревизованных губерний – Вятская, Слободско-Украинская, Саратовская, Калужская, Казанская, Воронежская, Курская – впоследствии были отнесены к ведению московских департаментов (остальные четыре ревизии были проведены соответственно в Финляндской и Петербургской губерниях, в Сибири, а также в Берг-коллегии). Вскоре после реформы, 1 августа 1805 г., была издана новая «Высочайше утвержденная инструкция сенаторам, назначаемым для осмотра губерний»³¹. Исследователь Э.С. Паина соотносит издание инструкции с учреждением министерств и объясняет повышенную активность ревизионной деятельности тем, что «министерства, как центральные органы управления, более соответствовавшие абсолютной монархии, еще не развернули своей деятельности», а также «стремлением Александра I его "молодых друзей", собиравшихся в Негласном комитете, быстрее привести все звенья государственного аппарата в соответствие с предпринятой им реформой»³². Не отрицая важности этих мотивов, при анализе инструкции не следует упускать из виду то, какие отношения выстраивались этим документом между Сенатом, министерствами и самодержавной властью. В инструкции подчеркивалось, что сенаторы обязаны осматривать «равномерно все места и части, вверенные управлению министров по губерниям... и в каком состоянии каждая из них найдена будет, уведомлять министров, от коих те части зависят, и доносить Сенату» (п. 14). Тем самым подтверждалась надзорная позиция Сената по отношению к министерствам, заявленная еще в указе «О правах и обязанностях Сената». Хотя сенаторы не имели прямого права входить в дела министерств на местах (в отличие от присутственных мест, над которыми Сенат имел прямой надзор), однако часть возможных решительных действий по исправлению положения дел в губерниях, часто весьма плачевного, разрешалась пунктом 18 инструкции: «Если бы чего в сих пунктах именно и не означено было, а сенаторы усмотрят и рассудят что-либо за достойное уважения, как по интересам и пользам государственным, так и по добру общему; в таковых обстоятельствах не должны оставить того без внимания, руководствуясь во всем важностью своей присяги, достоинством их звания и правилами чести». Еще более важным представляется пункт 17: «По окончании в каждой губернии повеленного осмотра доносить его императорскому величеству о том, что найдется достойным высочайшего сведения и внимания, а о дальнейших подробностях Правительствующему Сенату. Но ежели и в самое продолжение осмотра встретится какое обстоятельство, отлагательства нетерпящее, об оном донесения делать и не ожидая окончания осмотра всей губернии». Таким образом, сенаторы-ревизоры получали формальное право личных сношений с императором, даже отчет Сенату был в этом отношении второстепенен. Фактически ревизоры в данном случае являлись единственными проводниками административной власти на местах, при том, что систематического осмотра присутственных мест в провинции, кроме сенаторских ревизий, в рассматриваемый период не проводилось.

Однако при проведении ревизий на местах сенаторы столкнулись с целым комплексом проблем. Властные вертикали, которые должны были соединять местные органы

управления с центральными, фактически отсутствовали. Присутственные места, ответственные перед Сенатом, из-за упадка последнего были практически бесконтрольны; местные учреждения государственных ведомств были крайне слабо связаны с центром в отсутствие регулярных инспекций, а министерская система только вступала в свои права. О том, насколько сложным было положение в губерниях, дает представление инструкция сенаторам, вышедшая 17 марта 1819 г.³³ В отличие от достаточно общей инструкции 1805 г., она содержит подробнейший «вопросник», предусматривающий вхождение сенаторов-ревизоров во множество требующих проверки дел губернии. Сравнивая две инструкции, можно сделать вывод, что в губерниях крайне неаккуратно велись ведомости решенным и нерешенным делам в губернском правлении; колодники, дела которых не решались в течение долгого времени, содержались под стражей в плачевных условиях, на нерегулярном питании; был недостаток образованных канцелярских служащих, состоявшие же на службе недополучали жалованье, и, как следствие, процветало лихоимство; в казенных палатах не велся учет сборам, состоящим по губернии, при этом накапливались недоимки; в присутственных местах служащие пренебрегали наблюдением сроков заседания и нерегулярно посещали присутствие и т. д. Отдельным пунктом сенаторам предписывалось осматривать «все вообще части, вверенные управлению министерств в губернии... исполняются ли в точности постановленные на оные части правила?... И буде сенаторы найдут что-либо тому противное, немедленно исправляя, доносят Сенату, и тогда же уведомляют министров, от коих те части зависят» (п. 17). Помимо ревизии губернии, сенаторам предписывалось ревизовать все уездные города, лежавшие на пути в губернию (п. 21), а по особым просьбам и соседние с губернией уезды (п. 25). Сенаторам дозволялось смещать местных чиновников (п. 23), назначать по своему выбору новых из числа местного дворянства (п. 24); кроме того, в нужных случаях ревизор имел право «требовать содействия» не только от начальников внутренней стражи губернии, но и «от прочих воинских команд, в губернии расположенных» (п. 26).

Этот краткий обзор ясно показывает, с каким масштабом трудностей столкнулись сенаторы в российских губерниях; но он также дает представление и о значении, которое члены Сената приобретали, исполняя свои обязанности в качестве ревизоров. Инструкция 1819 г. в еще большей мере, нежели инструкция 1805 г., наделяла сенаторов прямой исполнительной властью, причем властью *немедленного действия*, ибо сенаторам предписывалось сначала действовать, а потом рапортовать о своих действиях в центр – Сенату, министрам или прямо на высочайшее имя.

Очевидно, что возросшее значение сенаторских ревизий напрямую связано с указами 8 сентября 1802 г. и 27 января 1805 г. Если первый, восстановив значение и авторитет Сената, формально обязал министров отчитываться перед Сенатом о своей деятельности, то второй, распределив губернии между департаментами Сената и создав отдельное политическое тело в виде московских департаментов, возглавляемых Общим собранием, укрепил позиции сенаторов-ревизоров в губерниях, подотчетных 6, 7 и 8 департаментам, получившим право осуществлять исполнительную власть на «своих» территориях.

Несмотря на кажущийся «технический» характер реформы 27 января 1805 г., ее значение для функционирования Правительствующего Сената нельзя недооценивать. Структурная организация Сената, установленная в 1805 г., действовала вплоть до упразднения московских департаментов, которое постепенно произошло в 1870-х гг.

Подводя итог обзору реформы, можно заключить, что она:

1. Четко распределила дела по департаментам Сената;
2. Впервые основала распределение дел по территориальному принципу, который, учитывая огромную территорию империи и фактическую низкую скорость доставления дел из провинции в столицы, был гораздо более рационален, нежели институциональный;
3. Выделила все административные функции Сената в 1 департамент, распределив дела судебные по остальным 7 департаментам. Фактически этим было произведено разделение административной и судебной властей внутри самого Сената. Таким образом, цели, которые ставили перед со-

бой представители консервативного течения государственной мысли начала XIX в., в результате реформы частично были достигнуты; 4. Освободив сенаторов «судебных» департаментов от разбора общесенатских административных дел, позволила им сосредоточиться на проведении сенаторских ревизий – одного из самых действенных способов непосредственного осуществления исполнительной составляющей административной функции Сената как «верховного места империи». При этом нужно заметить, что в административных условиях первой четверти XIX в. все же именно отдельным личностям (имевшим к тому же право личной переписки с царем практически по любым вопросам) удавалось сделать больше на благо государственной службы, нежели целым учреждениям, запутанным в сетях множества инстанций и согласований.

Примечания

¹ *Тельберг Г.Г.* Сенат и «право представления на высочайшие указы» // Журнал Министерства народного просвещения. 1910. Январь. С. 1–56; *его же.* Правительствующий Сенат и самодержавная власть в начале XIX века (очерк из истории консервативных политических идей в России на рубеже XVIII и XIX веков). М., 1914.

² *Блинов И.* Губернаторы: Историко-юридический очерк. СПб., 1905.

³ *Щеглов В.Г.* Государственный совет в царствование императора Александра I: Историко-юридическое исследование. Ярославль, 1895.

⁴ *Середонин С.М.* Исторический обзор деятельности Комитета Министров. СПб., 1902.

⁵ *Лазаревский Н.И.* Правительствующий Сенат как орган надзора // Право. 1901. № 15. С. 765–776.

⁶ История Правительствующего Сената за 200 лет. В 5 т. СПб., 1911.

⁷ *Ерошкин Н.П.* Крепостническое самодержавие и его политические институты (первая половина XIX века). М., 1981.

⁸ *Сафонов М.М.* Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988.

⁹ *Предтеченский А.В.* Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.; Л., 1957.

¹⁰ *Пржецлавский О.А.* Воспоминания // Русская старина. 1874. № 11. С. 456.

¹¹ ПСЗ-И. Т. 26. № 19 908.

¹² Цит. по: *Предтеченский А.В.* Указ. соч. С. 101.

¹³ История Правительствующего Сената за 200 лет. Т. 3. СПб., 1911. С. 6.

¹⁴ *Тельберг Г.Г.* Сенат и «право представления на высочайшие указы». С. 5.

¹⁵ Там же. С. 8.

¹⁶ Цит. по: *Тельберг Г.Г.* Сенат и «право представления на высочайшие указы». С. 16.

¹⁷ Цит. по: История Правительствующего Сената за 200 лет. Т. 3. С. 36.

¹⁸ Там же. С. 37.

¹⁹ Цит. по: *Тельберг Г.Г.* Сенат и «право представления на высочайшие указы». С. 23.

²⁰ ПСЗ-И. Т. 27. № 20 405.

²¹ Там же. № 20 406.

²² *Ерошкин Н.П.* Указ. соч. С. 107.

²³ ПСЗ-И. Т. 28. № 21 605.

²⁴ Там же. Т. 16. № 11 989.

²⁵ *Писарькова Л.Ф.* Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: Эволюция бюрократической системы. М., 2007. С. 484.

²⁶ ПСЗ-И. Т. 24. № 17 639.

²⁷ Архив Государственного Совета. Т. 3: Царствование императора Александра I (1801–1810). Ч. 1. СПб., 1878. Ст. 19–31.

²⁸ Там же. Ст. 19.

²⁹ ПСЗ-И. Т. 28. № 21 605.

³⁰ История Правительствующего Сената... Т. 4. С. 503.

³¹ ПСЗ-И. Т. 28. № 21 861.

³² *Паина Э.С.* Сенаторские ревизии и их архивные материалы (XIX – начало XX в.) // Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX–начала XX века: Сборник статей. Л., 1967. С. 157.

³³ ПСЗ-И. Т. 36. № 27 722.

© 2009 г. С. В. КУЛИКОВ*

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II КАК РЕФОРМАТОР: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В последние два десятилетия исследователи российской истории стали уделять больше внимания, «реформам» а не «революциям». Это объясняется не только влиянием политической конъюнктуры, но и попыткой восстановления преемственных связей с дореволюционной (и эмигрантской) историографией, в которой изучению «реформ» придавалось особое значение. Если ранее, согласно классовой парадигме, происходила деперсонификация преобразований и делался акцент на роли массовых революционных или оппозиционных движений, то ныне реабилитированная элитистская парадигма ставит во главу угла конкретную личность, видя в ней главный фактор человеческой истории. В связи с этим тщательнее рассматриваются судьбы реформаторов, меняется оценка влияния царской власти на развитие России и признается, что вплоть до начала XX в. «российское самодержавие являлось лидером модернизации»¹. Тем не менее, во многих работах, посвященных Николаю II и его царствованию, причем написанных как в советское время, так и позднее, говорится о принципиальной враждебности последнего самодержца модернизации, т.е. либеральным реформам, которые если и проводились им, то лишь вопреки своей воле и под давлением оппозиционного и революционного движения². И хотя это мнение не является общепризнанным (в историографии имеются работы, авторы которых признают, хотя бы частично, реформаторские заслуги Николая II³), едва ли не большинство историков видит в нем прежде всего «порядочного человека», «примерного семьянина», «царя-мученика». В результате, политика императора и его роль в реформировании империи ступшеваются и растворяются в частной жизни.

Реформаторский проект Николая II. Считается, что политический ритуал, культивировавшийся Николаем II, отличался антиреформизмом⁴. Между тем с самого начала своего царствования и впоследствии, в манифестах 20 октября 1894 г. и 26 февраля 1903 г., в указе 12 декабря 1904 г. и т.д. он публично идентифицировал себя как реформатора⁵. Не просто сторонником, но и инициатором реформ, проводившихся в его правление, считали последнего царя и некоторые осведомленные современники⁶. Даже те, кто упрекал его в сопротивлении преобразованиям, признавали в нем... реформатора⁷. Реформатором признавало Николая II и массовое сознание начала XX в. Вопреки распространенному в историографии представлению, он отнюдь не всегда воспринимался как «царь-неудачник». Характеризуя общественные настроения июля 1914 г., либеральный чиновник Г.Н. Михайловский вспоминал: «Повсюду в обществе я слышал одну и ту же стереотипную фразу, что какой он ни есть, наш царь, а в историю он войдет Великим, наподобие Петра I или хотя бы Александра I»⁸. В данном случае Николай II оценивался именно как реформатор.

Будучи реформатором, император, однако, считал, что модернизация России должна проводиться эволюционно, в соответствии с ее национально-историческими особенностями⁹. Его реформаторский проект имел консервативно-либеральный характер.

* Куликов Сергей Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

Под этим «проектом» следует, разумеется, понимать не некий конкретный документ, а систему представлений царя об актуальности и объеме либеральных преобразований, которая лежала в основе его государственной деятельности и выражалась в Высочайших манифестах, указах, рескриптах и важнейших законодательных актах и правительственных распоряжениях. Тот факт, что они зачастую готовились не самим императором, а его ближайшими сотрудниками, отнюдь не преуменьшает личного участия Николая II в подготовке реформ, поскольку почти все известные российские (да и не только) реформаторы, как монархи, так и их министры, поручали конкретизацию и изложение своих идей другим лицам. Типичный пример – отношения Александра I и М.М. Сперанского.

Реализацией реформаторских замыслов, сложившихся уже в 1894 г., Николай II систематически занимался в течение всего царствования, вплоть до 1917 г. В книге генерала А.Г. Елчанинова (цензором которой являлся сам монарх), опубликованной в 1913 г., подчеркивалось, что «обширные и всесторонние преобразования, которые были намерены государем императором при самом восшествии его на престол, неукоснительно осуществлялись и продолжают осуществляться»¹⁰.

В основе реформаторского проекта Николая II лежало политическое завещание его любимого преподавателя, видного представителя бюрократического либерализма, председателя Комитета министров Н.Х. Бунге¹¹. Вступив на престол, Николай II постоянно ориентировался на «завещание» Бунге и призывал к этому представителей правящей элиты¹². Первой попыткой формулирования реформаторского проекта нового царя стало «Предисловие» к «Своду высочайших отметок по всеподданнейшим отчетам за 1894 г. генерал-губернаторов, губернаторов, военных губернаторов и градоначальников». В проекте «Предисловия», как вспоминал один из сотрудников председателя Комитета министров Н.Н. Покровский, «с одобрения Н.Х. Бунге были изложены начала как бы программы нового царствования во внутренней политике». «Предисловие» подразумевало проведение аграрной реформы, развитие промышленности и народного просвещения, меры социального характера, преобразование местного управления и самоуправления. На его корректуре молодой император написал: «Хорошо»¹³. Несмотря на осторожность выражений данного документа, он как бы в зародыше содержал основные положения, воплощавшиеся впоследствии царем.

В 1902–1904 гг., учитывая мнение монарха, программу преобразований разрабатывал министр внутренних дел В.К. Плеве. Часть этого плана, уже подразумевавшего создание Государственной думы, очевидно, вошла в манифест 26 февраля 1903 г.¹⁴ Развитием идей данного манифеста стал всеподданнейший доклад преемника Плеве кн. П.Д. Святополк-Мирского, представленный императору 24 ноября 1904 г. Этот доклад явился непосредственной причиной появления указа 12 декабря 1904 г., но, как программный документ, имел и самостоятельное значение (Николай II оставил на нем многочисленные пометки и активно использовал его впоследствии). Указ 12 декабря являлся торжеством не только общественного, но и правительственного либерализма, будучи, по свидетельству А.Н. Куломзина, «полным осуществлением» завещания Бунге¹⁵. В апреле 1905 г., во исполнение царской воли, главноуправляющий Канцелярией по принятию прошений барон А.А. Будберг представил Николаю II проект манифеста, идеи которого легли в основу манифеста 17 октября 1905 г.¹⁶ Современники и исследователи связывают его появление с именем графа С.Ю. Витте, хотя сам он утверждал, что инициатива издания манифеста исходила непосредственно от монарха¹⁷. Наряду с манифестом 17 октября 1905 г., программный характер имел и утвержденный царем тогда же всеподданнейший доклад Витте, и одобренная Николаем II в апреле 1906 г. «Программа вопросов», подготовленная в связи с открытием Государственной думы. Положения реформаторского проекта императора вошли также в проекты новых Основных государственных законов, составленные по его повелению в ноябре-декабре 1905 г. товарищем государственного секретаря П.А. Харитоновым, директором Александровского лицея А.П. Саломоном и начальником Военно-походной канцелярии царя графом А.Ф. Гейденом (их окончательная редакция была утверждена 23 апреля 1906 г.)¹⁸.

В 1906–1916 гг. эти положения развивались в правительственных декларациях И.Л. Горемыкина, П.А. Столыпина, В.Н. Коковцова, Б.В. Штюрмера и А.Ф. Трепова, предварительно получавших Высочайшее утверждение, и в «Проекте государственных преобразований», составленном Столыпиным с ведома царя в мае 1911 г.¹⁹ Каждый из этих программных документов, начиная с «Предисловия» к «Своду высочайших отметок» и заканчивая декларацией Трепова, с одной стороны, сохранял преемственность по отношению к предыдущему, а с другой стороны – дополнял его в соответствии с выявившимися потребностями времени. Насколько реформаторский проект императора предопределял политику правительства, настолько ее результаты влияли на содержание проекта, выдвигая на первый план те или иные положения. В то же время умеренные, консервативно-либеральные преобразования, проводившиеся Николаем II, отрицательно воспринимались оппозиционерами, программа которых была более радикальна. Конкуренция между двумя этими реформаторскими проектами, протекавшая в плоскости политического дискурса, стала одной из причин обострения конфликта между властью и обществом, завершившегося революцией 1917 г.

В какой степени реформаторский проект Николая II воплощался в его реальной политике? Конечно же, историческое значение любого государственного деятеля определяется не его декларациями о намерениях, а тем, как они реализуются. Поэтому необходимо раскрыть личное участие Николая II в осуществлении наиболее важных социальных и политических реформ его царствования²⁰.

Аграрная реформа. Еще будучи наследником, Николай II хорошо понимал необходимость осуществления аграрной реформы. В 1893 г. министр финансов Витте заметил, что цесаревич «относится в высокой степени милостиво к крестьянским интересам и считает их первенствующими». Вступив на престол, Николай II не раз публично свидетельствовал о приоритетности для него аграрной реформы и, в конечном итоге, стал ее инициатором²¹. При этом в ходе ее осуществления следовало соблюдать неприкосновенность частной собственности. Приверженность этому основополагающему принципу консервативного либерализма Николай II усвоил от Бунге, полагавшего, что «для урегулирования крестьянского землевладения не надо никакого коренного преобразования, необходимо лишь облегчить условия для образования частной собственности»²². Аграрную реформу, нацеленную на насаждение в деревне частной собственности, Бунге советовал проводить, избегая резких скачков. Осуществляя ее постепенно, царь не только воплощал идеи, привитые ему наставником, но и учитывал опасность дестабилизации обстановки в деревне вследствие возбуждения у крестьян неоправданных надежд на даровое увеличение наделов за счет помещичьей земли. Крестьянские ожидания монарх неоднократно пытался нейтрализовать публичными выступлениями. Первые из них прозвучали еще в начале царствования²³.

В отчете государственного контролера Т.И. Филиппова за 1896 г. прямо указывалось на то, что «платежные силы сельского населения находятся в чрезвычайном напряжении». Напротив этих слов царь написал: «Мне то же кажется». Весной 1898 г. Комитет министров, рассматривая отчет Филиппова, поддержал предложение министра финансов об образовании особой комиссии по крестьянскому вопросу. Николай II повелел оставить этот журнал Комитета «без движения», однако уже в декабре 1898 г. он утвердил доклад Витте, в котором упоминалось «о необходимости урегулировать положение крестьян», и сделал на полях отметку «о полном согласии со взглядами, высказанными относительно крестьянского дела». С образованием же особой комиссии император считал нужным «повременить»: студенческие волнения начала 1899 г. отвлекли его от аграрной реформы, хотя он по-прежнему продолжал усиленно размышлять о способах ее проведения. В сентябре 1901 г. в Компьене царь говорил французскому президенту Э. Лубе «о необходимости земельной реформы», заверяя его, что «давно думает об этом». «Когда реформа землеустройства была проведена, – вспоминал Лубе, имея в виду указ 9 ноября 1906 г., – мне было сообщено об этом через посла, причем любезно вспомнут был наш разговор»²⁴. Таким образом, уже в 1901 г. Николай II намечал реформу, проведенную через 5 лет якобы под влиянием революции.

Отсутствие причинно-следственной связи между революцией и аграрной реформой подтверждается и тем, что еще в январе 1902 г. царь возложил на МВД пересмотр узаконений о крестьянах, который предписывалось осуществить за 5 лет, т.е. к 1907 г. В январе 1902 г. монарх учредил под председательством Витте Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Хотя Витте всячески преувеличивал роль Особого совещания, в действительности, собрав обширный материал, оно за 3 года так и не разработало ни одного реального проекта. Между тем, в 1902–1904 гг. созданная при МВД Редакционная комиссия по пересмотру законодательства о крестьянах подготовила проекты, которые, по свидетельству В.И. Гурко, «дали толчок разрешению вопроса о крестьянской земельной общине и легли в основу» указа 9 ноября 1906 г.²⁵ Следует отметить, что подготовка аграрной реформы проходила по указаниям и под личным контролем Николая II²⁶, а манифест 26 февраля 1903 г. и указ 12 декабря 1904 г. наметили ее новые этапы²⁷.

В марте 1905 г. Особое совещание Витте было закрыто и вместо него образовано под председательством Горемыкина Особое совещание о мерах к укреплению крестьянского землевладения. Вслед за Витте, современники и исследователи обычно трактовали это событие как отказ от реформирования деревни, хотя рескрипт, данный Горемыкину 30 марта 1905 г., содержал программу аграрной реформы, выполнявшуюся впоследствии Столыпиным. Во всеподданнейшем докладе Горемыкина по поводу начала деятельности Особого совещания говорилось, что его цель заключается «в создании условий, которые облегчили бы крестьянам процесс превращения наделов... в индивидуальную собственность». «Это главная цель», – написал напротив данных слов император²⁸. Для ускорения аграрной реформы 6 мая 1905 г. Николай II учредил Комитет по земельным делам и преобразовал Министерство земледелия и государственных имуществ в Главное управление землеустройства и земледелия (4 марта 1906 г. Комитет по земельным делам был преобразован в Комитет по землеустроительным делам при Главном управлении, а на местах началось создание губернских и уездных землеустроительных комиссий). Таким образом, только общая постановка вопроса об аграрной реформе заняла 10 лет. В эти годы расширению крестьянского землевладения должны были способствовать в первую очередь переселенческая политика и деятельность Крестьянского банка.

Переселенческое движение. Переселенческим движением крестьян Николай II серьезно заинтересовался еще до восшествия на престол (в частности, за его всемерное развитие выступал Бунге)²⁹. Решением переселенческого вопроса наследник непосредственно занялся в 1892 г. в Особом комитете Сибирской железной дороги, и уже тогда, по словам Витте, «решительно встал на сторону интересов крестьянства». В 1895 г., как вспоминал Куломзин, занимавший тогда пост управляющего делами Комитета министров, император «был слишком... заинтересован переселенческим делом, чтобы не пожелать поставить этот вопрос ребром». Благодаря Николаю, признавал Витте, настала «новая эра для сибирского переселения». На заседании Особого комитета 8 марта 1895 г. монарх заявил, что «к крестьянским переселениям следует относиться без особых опасений, правительственное же воздействие должно направляться лишь к тому, чтобы переселение носило характер более сознательный и получило вполне правильную постановку». Развитию переселенческого движения способствовало создание в 1896 г. по инициативе Николая II Переселенческого управления. На губернаторском отчете за 1894 г. он написал по поводу организации переселения крестьян: «Невозможно оставлять такое государственное дело в заведовании какого-то маленького отделения Земского отдела!». 6 июня 1904 г. царь утвердил Временные правила о добровольном переселении крестьян и мещан в Сибирь и на Дальний Восток, распространенные затем и на другие категории переселенцев. Между тем в условиях русско-японской войны реализация Временных правил была крайне затруднена. «Теперь, с окончанием войны, нужно двинуть переселенческое дело», – указывал император на полях одного из губернаторских отчетов за 1904 г. 10 марта 1906 г. Николай II повелел установить новый порядок переселения, создав «особо льготные условия для

переселенцев»³⁰. 26 апреля 1906 г. все узаконения по переселенческой части были приведены в соответствие с Временными правилами 6 июня 1904 г.

Деятельность Крестьянского банка. Кроме переселенческого движения, Николай II уделял особое внимание деятельности Крестьянского банка, созданного в 1882 г. по инициативе Бунге для содействия увеличению площади крестьянских земель³¹. Уже манифестом 14 ноября 1894 г. Крестьянскому банку было выделено 50 млн руб. для закупок земли. 24 ноября 1895 г. царь утвердил новый Устав Крестьянского банка, предоставивший ему право покупки помещичьей земли за свой счет и перепродажи ее крестьянам. Законом 2 июня 1900 г. было разрешено продавать крестьянам земли должников Дворянского банка. На губернаторских отчетах за 1902 г. царь указывал на то, что «необходимо поставить деятельность Крестьянского банка в ближайшую и теснейшую связь с землеустроительною политикою», и требовал «ускорить пересмотр Положения о Крестьянском банке совместно Министерствами внутренних дел и финансов». Решение этой задачи подразумевалось и в манифесте 26 февраля 1903 г., однако после начала русско-японской войны оно было отложено³². 3 ноября 1905 г. император наделил Крестьянский банк правом неограниченного выпуска своих свидетельств, что позволяло увеличивать его капитал, и установил более льготные правила для выдачи ссуд, возросших отныне до 100%³³.

Ликвидация общины. Столь же постепенно, сколь и неуклонно Николай II добивался и замены общинного землевладения частным. Как и Бунге, он являлся принципиальным противником общины³⁴. На губернаторском отчете за 1897 г., в котором утверждалось, что упразднение общины «послужило бы к подъему нравственности и благосостояния деревни», Николай II написал: «И я в этом вполне убежден». Но, соглашаясь с тем, что община «может быть только терпима как наследие старины», на губернаторском отчете за 1900 г. он сделал важную оговорку: «Все это так; но я никогда не решусь покончить с общиной одним росчерком пера»³⁵. Будучи консервативным либералом, император выступал за поэтапное упразднение общины.

В 1896 г. министры финансов и внутренних дел Витте и Горемыкин начали разработку проекта частичной ликвидации круговой поруки, которую император еще в 1894 г. признал «непрактичной» и «несправедливой»³⁶. Утвержденные 23 июня 1899 г. «Временные правила о порядке взыскания окладных сборов» отменили круговую поруку для крестьян в мелких селениях и для подворных владельцев³⁷. 12 июня 1900 г. она была упразднена при уплате продовольственных сборов. Наконец, о необходимости полной отмены круговой поруки Николай II заявил в манифесте 26 февраля 1903 г., после чего 12 марта последовал указ, ликвидировавший ее окончательно³⁸.

Вместе с тем, с 1894 г., несмотря на сопротивление Витте, царь призывал «обратить внимание» на необходимость уменьшения выкупных платежей. Манифестами 13 мая 1896 г. и 11 августа 1904 г. продлялся срок выплаты выкупных платежей и прощались недоимки по ним на сумму в 500 тыс. руб. После окончания русско-японской войны, в конце октября – начале ноября 1905 г. Николай II высказался за полное сложение выкупных платежей, против чего поначалу вновь возражал Витте³⁹. Тем не менее манифестом 3 ноября 1905 г., изданным по личной инициативе Николая II, выкупные платежи уменьшались с 1 января 1906 г. наполовину, а с 1 января 1907 г. прекращались вообще.

Отмена круговой поруки и выкупных платежей во многом обуславливала ликвидацию общинного землевладения. Эту цель преследовали законопроекты, представленные, по повелению монарха, кабинетом Горемыкина в I Думу, и указ 9 ноября 1906 г., основанный на проектах Редакционной комиссии при МВД 1902–1904 гг. В свою очередь, ликвидация общины подразумевала уравнение крестьян в правах с остальными сословиями⁴⁰. Манифестом 11 августа 1904 г. крестьяне были освобождены от телесных наказаний, а указом 5 октября 1906 г. фактически они получили гражданское равноправие.

Насаждение отрубов и хуторов. Столь же поэтапно, как и ликвидация общины, происходило и насаждение отрубов и хуторов, на необходимость которого указывал

еще Бунге⁴¹. Император заявил себя сторонником отрубно-хуторской системы и «уничтожения чересполосности» уже в начале своего царствования. На губернаторском отчете за 1895 г., в котором обосновывалась необходимость «расселения усадеб на запольные земли», он отметил: «Очень важный вопрос». Именно для увеличения численности хуторов Николай II учредил 26 февраля 1896 г. при Министерстве земледелия и государственных имуществ должности надзирателей, призванных помогать образованию хуторов на казенных землях. На губернаторском отчете за 1897 г., в котором шла речь о создании казенных ферм, Николай II наложил резолюцию: «Мне кажется, лучше было бы образовывать мелкие фермы – путем сдачи небольших участков из казенных земель в долгосрочную аренду. Тщательно обсудить этот вопрос». Однако известная зависимость министра земледелия А.С. Ермолова от Витте, не считавшего аграрную реформу приоритетным направлением правительственной политики, замедлила решение вопроса об увеличении числа хуторских хозяйств⁴². Тем не менее, Редакционная комиссия при МВД в 1902–1904 гг. разработала проекты, предусматривавшие создание отрубно-хуторской системы. Впоследствии они легли в основу одного из разделов указа 9 ноября 1906 г., получившего затем развитие в законах 14 июня 1910 г. и 29 мая 1911 г.

Анализ личного участия царя в осуществлении аграрной реформы позволяет утверждать, что при ее подготовке и проведении Николай II, воплощал собственные планы, созвучные его консервативно-либеральным взглядам, воспринятым от Бунге. Царь фактически явился инициатором аграрной реформы, приступив к ее постепенной реализации сразу же после воцарения, задолго до усиления оппозиционного и революционного движения и независимо от них. Так называемая «стольпинская аграрная реформа» 1906–1911 гг., предпосылки которой были заложены намного ранее, являлась лишь одним из этапов аграрной реформы Николая II продолжавшего и в 1906–1911 гг. давать руководящие указания по этому предмету. Император имел все основания считать аграрную реформу собственным детищем и неудивительно, что он, как отмечал генерал Н.А. Епанчин, был «недоволен», когда ее называли «стольпинской», поскольку «это преобразование исходило от него». Попытку отстоять свое авторство по отношению к аграрной реформе Николай II предпринял в рескрипте, данном Столыпину 19 февраля 1911 г. по поводу юбилея освобождения крепостных крестьян. «Я, – заявил тогда царь, – поставил себе целью завершение предуказанной еще в 1861 г. задачи – создать в лице русского крестьянина не только свободного, но и хозяйственно сильного собственника»⁴³. Действительно, «стольпинскую» аграрную реформу с таким же, если не большим, основанием можно называть «николаевской».

Рабочий вопрос. Необходимость решения рабочего вопроса также была осознана Николаем II под влиянием Бунге⁴⁴. Отметки, сделанные императором на отчетах градоначальников и губернаторов в первые годы царствования, свидетельствуют о том, что монарх являлся сознательным сторонником учета западно-европейского опыта при решении рабочего вопроса. При этом Николай II полагал, что меры в пользу рабочих должны приниматься прежде всего по добровольной инициативе самих предпринимателей. Соглашаясь с тем, что средством предотвращения забастовок является «улучшение быта рабочих и, в особенности, устранение со стороны фабрикантов всех тех неблагоприятных условий, которые ухудшают быт рабочих», монарх выразил свою позицию в резолюциях: «нужно настойчиво проводить этот взгляд» и «на развитии подобных мер следует настаивать»⁴⁵. «Государь сказал, – записал 17 декабря 1896 г. в своем дневнике А.С. Суворин со слов министра финансов, – чтобы скорей устроили рабочий вопрос, и Витте работает над введением 8-часового дня, но в величайшей тайне». В результате, 2 июня 1897 г. Николай II подписал закон, нормировавший продолжительность рабочего времени (днем – до 11 с половиной часов, а ночью и накануне праздников до 10 часов). Первоначально предполагалось сократить рабочее время еще на один час, но по настоянию Витте в этом вопросе сделали уступку предпринимателям.

15 марта 1899 г. Николай II повелел «путем законодательных мер удовлетворить, при денежном содействии самих предпринимателей, назревшей потребности ограждения нравственных и материальных интересов фабричного люда»⁴⁶. Таким образом, именно царь поставил на повестку дня вопрос о страховании рабочих за счет предпринимателей. Временные правила 15 мая 1901 г. обеспечивали пенсии рабочим, потерявшим трудоспособность на казенных предприятиях, а законом 2 июня 1903 г. вводилось страхование за счет предпринимателей рабочих и членов их семей от несчастных случаев на производстве. Тогда же министру финансов было поручено до 1909 г. внести в Государственный совет проект введения государственного страхования рабочих (о необходимости «озаботиться» введением государственного страхования говорилось и в указе 12 декабря 1904 г.)⁴⁷. 10 июня 1903 г. Николай II создал институт фабрично-заводских старост, а 23 июня 1912 г. утвердил страховые законопроекты.

Веротерпимость и свобода совести. Дарование гражданских и политических прав и свобод при Николае II происходило поэтапно, начиная с провозглашения свободы веры (совести), на необходимость которой монарху указывал лютеранин Бунге⁴⁸. Под его влиянием Николай II стал сознательным сторонником веротерпимости, хотя положение покровителя православной Церкви не позволяло ему выражать либеральные взгляды в этом вопросе слишком открыто⁴⁹. Тем не менее, уже в начале своего правления он неоднократно заявлял о себе как о защитнике веротерпимости в отношении к раскольникам, униатам и католикам. В частности об этом свидетельствуют его отчеты и резолюции на губернаторских отчетах за 1895–1896 гг.⁵⁰

В январе 1896 г., как констатировал в своем всеподданнейшем докладе министр внутренних дел Горемыкин, МВД на основании царской резолюции «взяло за правило не стеснять иностранных исповеданий в их духовных делах». В ноябре 1897 г. Горемыкин сообщил Суворину, что монарх «желает веротерпимости» и именно «инициатива государя» стояла за указом 25 июня 1897 г., отменившим обязательное посещение учащимися-иноверцами православного богослужения и общую для всех учеников-христиан предклассную молитву (отныне она должна была совершаться по отдельным исповеданиям)⁵¹. Указ 17 апреля 1905 г., изданный в развитие указа 12 декабря 1904 г., отменил ограничения по конфессиональному признаку, касавшиеся старообрядцев и представителей инославных и иноверных исповеданий. Манифестом 17 октября 1905 г. Николай II даровал своим подданным свободу совести, обязав правительство обеспечить ее осуществление. Статьи о веротерпимости и свободе веры содержали и новые Основные государственные законы, утвержденные 23 апреля 1906 г. С согласия Николая II правительство вносило во II и III Думу 7 вероисповедных законопроектов (из них 3 были изданы в виде указов, 3 завязли в законодательных палатах, а закон об отмене ограничений в правах для лиц, лишенных церковного сана, не утвердил сам император)⁵².

Национальное равноправие. Опираясь на слова Витте, исследователи обычно не ставят под сомнение то, что Николай II был противником еврейского равноправия и разделял антисемитские взгляды⁵³. Однако при этом не учитывается, что и в данном вопросе он оставался учеником Бунге – противника антиеврейских законов⁵⁴. Тезис об антисемитизме последнего самодержца опровергается совокупностью свидетельств современников⁵⁵. В отличие от Александра III и черносотенцев, Николай II не являлся принципиальным антисемитом, а потому отрицательно относился к неравноправному положению евреев⁵⁶. 5 мая 1905 г. он утвердил журнал Комитета министров, в котором указывалось, что «правильное разрешение» еврейского вопроса заключается «в уравнении евреев в правах с прочим населением империи»⁵⁷. Почему же, в таком случае, евреи не были немедленно уравнены в правах с остальными подданными?

Николай II искренне верил в существование массового антисемитизма и опасался стихийных погромов в случае успешного проведения данной реформы. В этом его поддерживали министры, в том числе Святополк-Мирский и Витте. Тем не менее, как вспоминал Витте, сравнивая политику по отношению к евреям Александра III и его сына, «со вступлением на престол императора Николая II последовало другое направление»: «началось медленное и постепенное уничтожение сделанных ограничений». Следова-

но, при решении еврейского вопроса Николай держался консервативно-либеральной, сверхосторожной тактики, в чем сходилась... с тем же Витте⁵⁸. Манифестами 14 ноября 1894 г. и 13 мая 1896 г. монарх сложил с евреев значительную часть штрафа за уклонение от воинской повинности (38 из 50-ти млн руб.). В декабре 1895 г. он повелел министру внутренних дел начать подготовку пересмотра Временных правил 3 мая 1882 г. о черте оседлости с тем, чтобы внутри нее евреям было разрешено свободно проживать в сельских поселениях. 10 мая 1903 г. император утвердил список, насчитывавший 101 сельское поселение в черте оседлости, где евреи могли проживать свободно, и даровал им право на приобретение недвижимости, расположенной в сельской местности внутри черты (впоследствии этот список неоднократно пополнялся), а 7 июня 1904 г. евреи получили право свободного проживания в 50-ти верстной полосе вдоль западной границы России. Манифестом 11 августа 1904 г. монарх разрешил евреям, пользовавшимся правом на повсеместное жительство, селиться в сельских местностях внутри черты и даровал право на повсеместное жительство евреям, получившим звание коммерции или мануфактур-советников, их женам и детям, а также женам евреев, имеющих высшее образование или участвовавших в русско-японской войне. Тем же манифестом царь повысил процентные нормы для евреев, поступающих в высшие учебные заведения, с 3 (в столицах), 5 (в других городах) и 10 (в городах черты оседлости) до 5, 7 и 15% соответственно⁵⁹. Таким образом, происходило постепенное смягчение ограничений, связанных с существованием черты оседлости и процентных норм.

5 мая 1905 г. Николай II одобрил предложение Комитета министров во главе с Витте передать разрешение еврейского вопроса на усмотрение Государственной думы, чтобы противопоставить закон, опирающийся «на мнение выборных народом людей», антисемитским настроениям масс. Тем не менее еще 16 июня 1905 г. царь дополнил и расширил правила 1904 г., разрешавшие евреям селиться в сельских местностях в пределах черты оседлости. В июле 1905 г., при обсуждении проекта «бульгинской Думы», Николай II выступил за дарование евреям избирательного права. Впрочем, на мемории Совета министров об отмене процентных норм в высших учебных заведениях царь написал 2 февраля 1906 г.: «Еврейский вопрос должен быть рассмотрен в общей совокупности тогда, когда я признаю это благовременным»⁶⁰. Чем же объяснялась столь сложная позиция?

Отношение императора к положению евреев в 1906–1917 гг. определялось не его антисемитизмом, а верой в то, что черносотенцы выражают настроения народных масс. В июле 1906 г. Николай II говорил А.И. Гучкову о том, что расширение прав евреев может «повести к громадному всероссийскому погрому». То же самое мнение разделял Витте, (по свидетельству М.М. Ковалевского), Столыпин и другие министры. Именно поэтому 15 декабря 1906 г. царь отказался утвердить представленный Столыпиным проект указа об отмене некоторых узаконений и распоряжений, ограничивавших права евреев, написав на Особом журнале Совета министров: «Внести на рассмотрение Государственной думы»⁶¹. Эта резолюция была вызвана желанием монарха предотвратить погромы, принципиальным противником которых он являлся⁶².

Николай II постоянно приказывал не допускать погромов не только лидерам черносотенцев, но и местной администрации⁶³. Нельзя считать проявлением сочувствия Николая II к антисемитизму и то, что по представлению министра юстиции И.Г. Щегловитова им было помиловано 476 лиц, осужденных за участие в погромах⁶⁴. Действительно, среди помилованных императором лиц погромщиков насчитывалось больше, чем революционеров, поскольку помилованы могли быть только те, кто подавал на имя монарха соответствующее прошения, что делали погромщики и от чего отказывались революционеры (классический пример – А.И. Ульянов). Последние же получали свободу не по собственной воле, а по воле... царя. Манифестами 14 ноября 1894 г., 13 мая 1896 г., 11 августа 1904 г. и 21 февраля 1913 г. и указом 21 октября 1905 г. были амнистированы тысячи революционеров, в том числе и евреи.

Содействуя постепенному проведению еврейского равноправия, император полностью расходился с черносотенцами, которые с 1906 г. выступали за отмену всех «юдо-

фильских» законов, изданных с 1903 г. Между тем 24 августа и 14 сентября 1906 г. он разрешил открывать еврейские частные учебные заведения за пределами черты оседлости и дозволил министерству собственной власти расширять евреям доступ в университеты. Николай II впервые со времени Александра II произвел еврея в офицеры и в конце апреля 1907 г. дал ему аудиенцию. 1 июля 1907 г. евреям было предоставлено право занимать должности маклеров на Петербургской бирже, 16 сентября 1908 г. — установлены процентные нормы в тех высших учебных заведениях, где они отсутствовали, и куда, следовательно, евреи не могли поступать вообще (3, 5 и 10%), 22 августа 1909 г. император повысил нормы приема евреев в средние учебные заведения (с 3, 5 и 10 до 5, 10 и 15%), 6 октября 1910 г. разрешил дальнейшее жительство в Москве и Московской губ. сыновьям евреев-купцов 1-й гильдии. В 1913 г. Николай II, в отличие от черносотенцев, не придавал особого значения делу М. Бейлиса и радовался его оправданию. В июле 1914 г. монарх отменил ограничения на участие евреев в руководстве акционерных кампаний, приобретающих землю в сельской местности⁶⁵. Таким образом, при Николае II права евреев, будучи еще в значительной мере ограниченными, постепенно расширялись, однако с точки зрения оппозиции принимаемые им меры выглядели слишком осторожными и рассматривались как повод для обвинения его в антисемитизме. Вместе с тем они явно противоречили программе черносотенцев.

Массовые выселения евреев из губерний, оказавшихся в зоне боевых действий, проводившиеся в 1914–1915 гг. Ставкой, вопреки мнению царя и правительства, создали неустранимые предпосылки для почти полной отмены антиеврейских узаконений. 6 августа 1915 г. Николай II фактически упразднил черту оседлости, разрешив евреям проживание во всех городах империи, за исключением столиц, императорских резиденций и казачьих областей. При этом он игнорировал рекомендации черносотенцев, которые выступали против поселения евреев во внутренних губерниях и предлагали направлять их на Кавказ и в Закавказье. 10 августа 1915 г. Николай II ликвидировал в высших учебных заведениях процентные нормы для евреев-участников войны и их детей, а также детей евреев, служивших по Министерству народного просвещения, что также вызвало протесты черносотенцев. Приняв на себя 23 августа 1915 г. обязанности верховного главнокомандующего, царь «по собственной инициативе» прекратил притеснения евреев, практиковавшиеся прежде Ставкой. 29 октября того же года евреи получили право заниматься адвокатской практикой. С согласия царя министр внутренних дел А.Д. Протопопов подписал 18 ноября 1916 г. циркуляр, который разрешал евреям жительство без регистрации в Москве и городах, не находящихся на театре военных действий, а также выдачу им промысловых и торговых свидетельств. О готовности императора в ближайшем будущем уравнивать евреев в правах с остальными подданными Протопопов писал 19 января 1917 г. барону Э.Ротшильду. Соответствующий указ предполагалось объявить «на Пасху», т.е. 2 апреля 1917 г.⁶⁶

Свобода слова (печати). Наряду со свободой веры и национальным равноправием уже в начале царствования в поле зрения Николая II находилось и постепенное расширение свободы слова (печати). Сочувствие молодого монарха идее свободы слова сразу же отразилось на политике Главного управления по делам печати МВД. Тогда же царь принял поданную ему группой литераторов петицию о даровании свободы печати, однако в марте 1895 г. совещание министров признало петицию «не заслуживающей удовлетворения». Отношение Николая II к свободе слова, как и к другим реформам, имели консервативно-либеральный характер. На губернаторском отчете за 1894 г., в котором утверждалось, что «одним из могущественнейших средств просвещения является повременная печать, при правильном направлении ее», император отметил: «Только при этом условии». Но одновременно, в мае 1895 г., Николай II писал королеве Виктории, что не может «запретить людям открыто высказывать свои мнения в печати». В салоне генерала Е.В. Богдановича звучали жалобы на то, что в 1900–1902 гг. Главное управление по делам печати с ведома императора разрешило открыть «массу маленьких провинциальных газет, которым позволено про все писать». В указе 12 декабря 1904 г. прямо заявлялось о необходимости свободы печати, дарованной затем манифе-

стом 17 октября 1905 г. и закрепленной в Основных законах 1906 г. (ее реализация на практике регулировалась указами 24 ноября 1905 г. и 18 марта и 26 апреля 1906 г.)⁶⁷. В октябре 1913 г. на рассмотрение IV Думы правительством был внесен проект нового Устава о печати, который депутаты так и не успели обсудить вплоть до Февральской революции⁶⁸.

Неприкосновенность личности. Аналогичная ситуация сложилась и с юридическим обеспечением свободы (неприкосновенности) личности, также дарованной манифестом 17 октября 1905 г. и признанной Основными законами 1906 г.⁶⁹ Несомненно, что и в этом случае Николай II находился под влиянием Бунге, выступавшего против административного произвола⁷⁰. Вспышки оппозиционного и революционного движения затрудняли пересмотр исключительных законов 1881 г. о чрезвычайной и усиленной охране, которые резко ограничивали свободу личности. Тем не менее с согласия Николая II правительство внесло во II Думу законопроекты «О пересмотре исключительных законоположений» и «О неприкосновенности личности и жилища и тайны переписки». Позднее они вносились и в III Думу. Однако их рассмотрение депутатами затянулось до февраля 1917 г. Народное представительство вновь выступило в роли тормоза реформаторского процесса. Исключительные законы были отменены указом 27 августа 1913 г. (чрезвычайная охрана сохранялась только в Ялте и ее окрестностях, а усиленная – в столицах, столичных губерниях и некоторых промышленных городах)⁷¹. Впрочем, уже в июле 1914 г. действие исключительных законов частично возобновилось в связи с началом Первой мировой войны.

Свобода собраний, обществ и союзов. Дарование свободы собраний, обществ и союзов было теснейшим образом связано с учреждением Государственной думы. Уже в апреле 1905 г. Николай II рассматривал представленный А.А. Будбергом проект манифеста о предоставлении свободы собраний, а 12 октября издал соответствующий указ⁷². Манифестом 17 октября 1905 г. царь предписал правительству обеспечить население свободу собраний и союзов, а 4 марта 1906 г. утвердил временные правила, регулировавшие их деятельность вплоть до Февральской революции⁷³. Статьи о свободе собраний и союзов содержались и в Основных законах 1906 г.

Развитие местного самоуправления. Судя по отметкам Николая II на губернаторских отчетах за 1894, 1899 и 1902 гг.⁷⁴, его отношение к земским учреждениям было созвучно, как и в других случаях, мнению Бунге, который являлся сторонником «расширения круга их деятельности», но «без права и возможности переступать определенную законом черту», т.е. без вмешательства в политику⁷⁵. На рубеже XIX–XX вв. земские учреждения получали дополнительные казенные субсидии (в частности, на устройство хлебных складов, на проведение оценочных работ и т.д.) и освобождались от некоторых обязательных расходов. Изданный 12 июня 1900 г. закон о предельности земского обложения, вопреки мнению оппозиции, не имел антиземского характера: он действовал временно, до окончания земствами оценочных работ, и гарантировал предоставление органам самоуправления новых субсидий⁷⁶. В 1912 г. на казенные средства царь учредил при МВД Кассу земского и городского кредита.

В царствование Николая II не раз поднимался вопрос о распространении земских учреждений на окраины империи (в пользу этого высказывался в своей записке Бунге)⁷⁷. Уже на отчете за 1894 г. волынского губернатора Ф.Ф. Трепова, высказавшегося за открытие в своей губернии «учреждений земских», Николай II написал: «Мне кажется, он прав. Представить разъяснения». Исполняя царскую волю, в 1896–1898 гг. Горемыкин подготовил проекты введения земских учреждений в Западном крае, а также в Архангельской, Астраханской, Оренбургской и Ставропольской губерниях. Однако против этого выступил Витте, усмотревший в предложениях Горемыкина подкуп под самодержавие. Тем не менее, преемнику Горемыкина, Д.С. Сипягину, Николай II снова повелел «обратить особое внимание» на данный вопрос. Впоследствии, с согласия Николая II, Столыпин внес в III Думу законопроект о создании земства в Витебской, Волынской, Киевской, Минской, Могилевской и Подольской губерниях. Отвергнутый Государственным советом, он был введен императорским указом 14 марта 1911 г.

9 июня 1912 г. Положение о земских учреждениях было распространено на Астраханскую, Оренбургскую и Ставропольскую губернии. В 1916 г. предполагалось распространить его также на Архангельскую губ., Область Войска Донского, Терскую обл., Сибирь, Кавказ и прибалтийские губернии⁷⁸. Осуществлению этих планов помешала Февральская революция.

Сложнее обстояло дело с пересмотром самого Положения о земских учреждениях 1890 г. Несмотря на то, что он намечался еще манифестом 26 февраля 1903 г. и указом 12 декабря 1904 г., лишь в феврале 1916 г. правительство окончательно согласилось «на расширение прав земских учреждений»⁷⁹. Не осуществилась и идея создания мелкой земской единицы, волостного земства, провозглашенная в манифесте 26 февраля 1903 г. и указе 12 декабря 1904 г., – «Положение о волостном управлении», внесенное Столыпиным еще во II Думу, в мае 1914 г. было отвергнуто Государственным советом. К разработке законопроекта о волостном земстве правительство вернулось только в марте 1916 г.⁸⁰ На стадии разработки проектов остановилась также городская реформа, начало которой было положено преобразованием петербургского городского общественного управления 8 июня 1903 г.⁸¹ В результате пересмотр Земского и Городового положений и создание волостного земства провело Временное правительство, использовавшее проекты своих предшественников.

Судебная реформа. На долю Николая II выпало завершить, как и в случае с аграрной реформой, судебную реформу Александра II. При этом он учитывал мнение Бунге «об улучшениях, требуемых высшими судебными учреждениями»⁸². Со своей стороны, в марте 1903 г. Николай II заявил, что стремится «к наибольшей охране гражданского порядка и к укреплению в народе чувства законности»⁸³. Продолжалось введение Судебных уставов 1864 г. на окраинах. «По вступлении моем на престол, – указывал царь в рескрипте, данном в июле 1899 г. министру юстиции Н.В. Муравьеву, – я обратил особое внимание на необходимость распространения области применения Судебных уставов императора Александра II, дабы во всех, даже самых отдаленных местностях России действовало скорое, беспристрастное и близкое к народу правосудие». Данное заявление вполне соотносится с императорскими резолюциями. В декабре 1895 г. на всеподданнейшем докладе Муравьева Николай II написал: «Дай Бог, чтобы Сибирь через два года получила столь необходимое ей правосудие, наравне с остальной Россией»⁸⁴. В 1896–1899 гг. Судебные уставы были введены в Архангельской и Вологодской губерниях, в Степной и Закаспийской областях, в Сибири и Туркестане. Таким образом, к началу XX в. они стали действовать уже на всей территории империи. 16 февраля 1898 г. император отменил ограничения несменяемости судей в Закавказье и Польше. 15 июня 1912 г. был восстановлен мировой суд, и судебные полномочия земских начальников вновь перешли к мировым судьям⁸⁵. Однако с началом Первой мировой войны поэтапное восстановление мировых судов прервалось.

Николай II содействовал постепенной гуманизации пенитенциарной системы, передав в 1895 г. Главное тюремное управление из МВД в ведение Министерства юстиции. В 1899 г. император особо благодарил начальника ГТУ А.П. Саломона «за гуманное отношение» к арестованным студентам, участвовавшим в студенческих беспорядках в Петербурге. 10 июня 1900 г. царь отменил ссылку в Сибирь, 6 декабря 1901 г. – телесные наказания для ссыльных, 21 октября и 8 декабря 1905 г. – даровал политическую амнистию и упразднил Шлиссельбургскую тюрьму, 18 марта и 10 апреля 1906 г. – облегчил положение сосланных на Сахалин и упразднил ссылку на этот остров. Гуманизации карательной системы содействовало также внимание Николая II к подготовке нового Уголовного уложения, утвержденного 22 марта 1903 г. и затем постепенно вводившегося в действие⁸⁶. Революция 1905–1907 гг. вынудила Николая II в августе 1906 г. пойти на введение военно-полевых судов, однако они действовали меньше года.

Во исполнение указа 12 декабря 1904 г., 24 декабря 1916 г. Николай II утвердил закон о реформе административных департаментов Сената, который окончательно ограничил полномочия монарха в судебной сфере. 1 мая 1917 г. закон должен был вступить в силу и в этот день Временное правительство ввело его в действие, не подвергнув

сколько-нибудь существенным изменениям⁸⁷. На проектах царского правительства, разрабатывавшихся и обсуждавшихся затем в Думе более 10 лет, во многом основывалось и изданное в мае 1917 г. Положение о судах по административным делам⁸⁸.

* * *

К 1917 г. большинство либеральных реформ, упомянутых выше, было осуществлено по инициативе и под контролем Николая II в законодательном или административном порядке, что заставляет видеть в нем царя-реформатора. Реформаторство последнего самодержца, обусловленное его консервативно-либеральными взглядами, отличал системный, а не случайный характер, поскольку монарх имел собственный реформаторский проект, основанный на завещании Н.Х. Бунге и последовательно воплощавшийся вплоть до Февральской революции. Ни один из российских монархов не издавал за короткий период времени целых три программных документа, направленных на «усовершенствование государственного порядка» (манифест 26 февраля 1903 г., указ 12 декабря 1904 г. и манифест 17 октября 1905 г.). Вместе с тем, реформы Николая II имели, используя терминологию С. Хантингтона, преимущественно «фабианский» характер и осуществлялись императором не сразу, а поэтапно, эволюционно, по частям. «Фабианская стратегия», соответствуя консервативному либерализму царя, противоречила радикальному либерализму оппозиционеров, которые предпочитали «стратегию блицкрига» и желали получить «все и сразу».

Консервативный либерализм Николая II придавал реформаторскому процессу постепенность, излишнюю, с точки зрения оппозиции, и порождавшую у нее иллюзию, будто монарх сопротивляется возникновению нового строя и идет на уступки лишь под давлением извне. Постепенность при проведении либеральных реформ раздражала оппозицию более, чем отказ от их осуществления. Между тем, император, как и его оппоненты, являлся сторонником либеральных преобразований, и спор шел не о том, проводить их или нет, а о том, кому их проводить (проблема политического лидерства), когда именно (проблема актуальности реформ), в каком объеме и темпе (проблема соотношения прагматизма и доктринерства). Последний самодержец проводил реформы не под давлением оппозиционного и революционного движения, а параллельно и, подчас, вопреки им. Модернизации препятствовали не взгляды Николая II, а, прежде всего, оппозиция и революция, борьба с которыми отвлекала власть от исполнения реформаторских планов, на что обращал внимание и сам император⁸⁹. Также отнюдь не способствовали ей внешнеполитические затруднения, войны, сопротивление министров (например, С.Ю. Витте) и деятельность законодательных палат, которые либо вообще не законодательствовали (как I и II Думы), либо слишком медленно обсуждали законопроекты (III и IV Думы), либо, наконец, их просто отвергали (Государственный совет).

Примечания

¹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода Империи (XVIII – начало XX в.). Т. 2. СПб., 2000. С. 227.

² Захарова Л.Г. Кризис самодержавия накануне революции 1905 г. // Вопросы истории. 1972. № 8; Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М., 1989; Ферро М. Николай II. М., 1991; Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Николай II // Вопросы истории. 1993. № 2; Подболотов С. Николай II как русский националист // Ab Imperio. 2003. № 3; Verner A.M. The Crisis of Russian Autocracy: Nicholas II and the 1905 Revolution. Princeton, 1990; Lieven D. Nicholas II. Emperor of all Russias. L., 1993.

³ Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. СПб., 1991; Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984; Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 г. Реформы и революция. СПб., 1991; Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 399–678; Боханов А.Н. Император Николай II. М., 1998; Искендеров А.А. Закат Империи. М., 2001.

⁴ Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2. М., 2004.

⁵ ПСЗ-III. Т. 14. № 11 014; Савич Г.Г. Новый государственный строй России. Справочная книга. СПб., 1907. С. 3, 6–7.

⁶ Восьма ценны в этом смысле свидетельства А.А. Клопова, почти 20 лет общавшегося с монархом, а также ряда других лиц. См.: Тайный советник императора. СПб., 2002. С. 51, 87, 89, 110, 161, 215, 236, 279; *Стремоухов П.П.* Император Николай II и русское общество в конце его царствования в освещении иностранцев // Русская летопись. 1925. Кн. 7. С. 103; *Толстой И.И.* Дневник. 1906–1916. СПб., 1997. С. 64; Политические проекты Н.А. Демчинского // Российский архив. 2005. Т. MMIV. С. 618; *Тери Э.* Экономическое преобразование России. М., 2008. С. 6.

⁷ *Бубнов А.Д.* В Царской Ставке. СПб., 1995. С. 86; *Шавельский Г.И., прот.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М., 1996. Т. 1. С. 42.

⁸ *Михайловский Г.Н.* Записки. Из истории российского Внешнеполитического ведомства. 1914–1920. Т. 1. М., 1993. С. 31.

⁹ *Савич Г.Г.* Указ. соч. С. 13.

¹⁰ *Елчанинов А.Г.* Царствование государя императора Николая Александровича. СПб.; М., 1913. С. 116. См. также: Николай II и великие князья. Л.; М., 1925. С. 58; Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894–1914 гг. М., 2007. С. 278, 285, 303; *Ольденбург С.С.* Указ. соч. С. 437; *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. М., 2000. С. 637.

¹¹ РГИА, ф. 1642, оп. 1, д. 199, л. 50; *Бунге Н.Х.* «Загробные заметки». 1890–1894 гг. // Судьбы России. Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.). СПб., 1999. См. также: *Степанов В.Л.* Н.Х. Бунге. Судьба реформатора. М., 1998; *его же.* Самодержец на распутье: Николай II между К.П. Победоносцевым и Н.Х. Бунге // Император Николай II и его время. Екатеринбург, 2008.

¹² *Степанов В.Л.* Н.Х. Бунге. С. 291.

¹³ Свод высочайших отметок по всеподданнейшим отчетам за 1894 г. генерал-губернаторов, губернаторов, военных губернаторов и градоначальников. СПб., 1896. С. I–IV; Воспоминания Н.Н. Покровского о Комитете министров в 90-е гг. XIX в. // Исторический архив. 2002. № 2. С. 188–189.

¹⁴ *Савич Г.Г.* Указ. соч. С. 3–5. Ср.: Николай II и самодержавие в 1903 г. // Былое. 1918. № 2. С. 217, 221; *Орлов В.Н.* Из дневника // Былое. 1919. № 14. С. 57; *Суворин А.С.* Дневник. М., 2000. С. 465; Тайный советник императора. С. 210, 211. См. также: *Соловьев Ю.Б.* К истории происхождения манифеста 26 февраля 1903 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 11. Л., 1979.; *Ананьин Б.В.* О тексте манифеста 26 февраля 1903 г. (Из архива В.П. Мещерского) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 15. Л., 1983.

¹⁵ РГИА, ф. 1642, оп. 1, д. 195, л. 83; *Савич Г.Г.* Указ. соч. С. 6–8; *Крыжановский С.Е.* Воспоминания. Берлин, 1938. С. 27; Всеподданнейший доклад П.Д. Святополк-Мирского. 24 ноября 1904 г. // Река времен (книга истории и культуры). Кн. 5. М., 1996. См. также: *Ганелин Р.Ш.* Указ. соч. С. 27–42.

¹⁶ Красный архив. 1925. Т. 4–5. С. 108–115.

¹⁷ Из архива С.Ю.Витте. Воспоминания. Т. 2. СПб., 2003. С. 215–218. См. также: *Островский А.В., Сафонов М.М.* Манифест 17 октября 1905 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 12. Л., 1981; *Ганелин Р.Ш.* Указ. соч. С. 192–222.

¹⁸ *Савич Г.Г.* Указ. соч. С. 25–27; Совет министров Российской империи 1905–1906 гг. Документы и материалы. Л., 1990. С. 449–459; Новые материалы к истории создания Основных государственных законов 1906 г. // Русское прошлое. 1998. Кн. 8; Институт экспертизы при создании Основных законов 1906 г. Неопубликованные документы // Нестор. 2004. № 4.

¹⁹ Интересная находка (Допрос графа В.Н. Коковцова в ЧСК Временного правительства) // Вопросы истории. 1964. № 4. С. 100; *Зеньковский А.В.* Правда о Столыпине. М., 2002; П.А. Столыпин. Программа реформ. Документы и материалы. Т. 1. М., 2003. С. 28–32; Ораторы России в Государственной думе (1906–1917). Т. 1. СПб., 2004. С. 101–107, 320–332; Т. 2. СПб., 2004. С. 85–89, 160–161, 311–318, 369–373.

²⁰ О роли Николая II в создании Государственной думы см.: *Куликов С.В.* Император Николай II и Государственная дума: неизвестные планы и упущенные возможности // Таврические чтения 2007. Актуальные проблемы истории парламентаризма в России в нач. XX в. СПб., 2008. С. 14–45.

²¹ Свод высочайших отметок по всеподданнейшим отчетам за 1896 г. генерал-губернаторов, губернаторов, военных губернаторов и градоначальников. СПб., 1898. С. 131; Полное собрание речей императора Николая II 1894–1906. СПб., 1906. С. 8, 32, 62–63, 70, 71, 73–75; *Савич Г.Г.* Указ. соч. С. 6–7, 192; *Елчанинов А.Г.* Указ. соч. С. 76; *Друнковский В.Ф.* Воспоминания. Т. 1. М., 1997. С. 553; *Гурко В.И.* Указ. соч. С. 278; Тайный советник императора. С. 88, 106, 132, 277; Из архива С.Ю.Витте. Воспоминания. Т. 1. Ч. 2. М., 2003. С. 531.

²² *Бунге Н.Х.* Указ. соч. С. 253, 254.

²³ Полное собрание речей Николая II. С. 8, 32, 70, 71, 74. Ср.: Тайный советник императора. С. 136.

²⁴ *Половцов А.А.* Из дневника (1895–1900) // Красный архив. Т. 46. 1931. С. 118; *Ольденбург С.С.* Указ. соч. С. 437–438; Тайный советник императора. С. 64.

²⁵ *Гурко В.И.* Указ. соч. С. 158–159, 161, 171, 219, 278; Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Кн. 2. С. 531. См. также: *Нестерова Л.Б.* Вопрос о крестьянском наделном землевладении в Редакционной комиссии МВД (1902–1904 гг.) // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1960. № 2; *Симонова М.С.* Кризис аграрной политики царизма накануне Первой российской революции. М., 1987.

²⁶ *Гурко В.И.* Указ. соч. С. 158–159, 161, 171, 219, 278; Тайный советник императора. С. 178.

²⁷ *Савич Г.Г.* Указ. соч. С. 3–4, 6–7.

²⁸ Там же. С. 14–15; *Полежаев П.* Эксперимент Столыпина. М., 1992. С. 61. См. также: *Дейч Г.М.* К истории аграрной политики царского правительства в первые месяцы революции 1905–1907 гг. // Вопросы истории СССР XIX–XX вв. Ученые записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 298. Л., 1971. С. 152–156.

²⁹ *Бунге Н.Х.* Указ. соч. С. 253, 254.

³⁰ РГИА, ф. 1642, оп. 1, д. 199, л. 42; Свод высочайших отметок... за 1894 г. С. 166, 166–167; Свод высочайших отметок по всеподданнейшим отчетам за 1895 г. генерал-губернаторов, губернаторов, военных губернаторов и градоначальников. СПб., 1897. С. 168; Свод высочайших отметок по всеподданнейшим отчетам за 1903 и 1904 гг. губернаторов, военных губернаторов, градоначальников и наказных атаманов казацких войск. СПб., 1907. С. 1; Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Кн. 2. С. 532; Всеподданнейший доклад министра финансов по поездке на Дальний Восток. Октябрь 1902 г. // *Bumme С.Ю.* Собрание сочинений и документальных материалов. Т. 1. Кн. 2. Ч. 1. М., 2004. С. 336–337, 341.

³¹ *Бунге Н.Х.* Указ. соч. С. 253. Судя по отметке на одном губернаторском отчете за 1895 г., Николай II был «вполне согласен с этим». См.: Свод высочайших отметок... за 1895 г. С. 32–33.

³² Свод высочайших отметок по всеподданнейшим отчетам за 1902 г. губернаторов, военных губернаторов и градоначальников. СПб., 1905. С. 8, 9, 41, 42; Полное собрание речей Николая II. С. 72; *Савич Г.Г.* Указ. соч. С. 3–4.

³³ Подробнее см.: *Дякин В.С.* Деньги для сельского хозяйства. 1892–1914 гг. Аграрный кредит в экономической политике царизма. СПб., 1997.

³⁴ *Бунге Н.Х.* Указ. соч. С. 245, 253.

³⁵ Свод высочайших отметок по всеподданнейшим отчетам за 1897 г. губернаторов, военных губернаторов и градоначальников. СПб., 1899. С. 96; Свод высочайших отметок по всеподданнейшим отчетам за 1900 г. генерал-губернаторов, губернаторов, военных губернаторов и градоначальников. СПб., 1903. С. 78, 81; *Савич Г.Г.* Указ. соч. С. 4; Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Кн. 2. С. 531.

³⁶ Свод высочайших отметок... за 1894 г. С. 162.

³⁷ Всеподданнейший доклад министра финансов о государственной росписи доходов и расходов на 1900 г. // *Bumme С.Ю.* Собрание сочинений и документальных материалов. Т. 2. Кн. 2. М., 2003. С. 161.

³⁸ Подробнее см.: *Симонова М.С.* Отмена круговой поруки // Исторические записки. Т. 83. М., 1969.

³⁹ Свод высочайших отметок... за 1894 г. С. 205; Совет министров Российской империи. С. 31–38; *Гурко В.И.* Указ. соч. С. 402.

⁴⁰ *Бунге Н.Х.* Указ. соч. С. 254.

⁴¹ Там же. С. 253.

⁴² Свод высочайших отметок... за 1894 г. С. 150; Свод высочайших отметок... за 1895 г. С. 76; Свод высочайших отметок... за 1897 г. С. 21, 100, 101; *Гурко В.И.* Указ. соч. С. 71–72.

⁴³ *Богданович Е.В.* Трехсотлетие державному Дому Романовых. 1613–1913. СПб., 1913. С. 142; Переписка Н.А. Романова и П.А. Столыпина // Красный архив. 1924. Т. 5. С. 121–122; *Еланчин Н.А.* На службе трех императоров. М., 1996. С. 383; *Джунковский В.Ф.* Указ. соч. Т. 1. С. 553–554.

⁴⁴ *Бунге Н.Х.* Указ. соч. С. 254, 255.

⁴⁵ Свод высочайших отметок... за 1896 г. С. 143, 199; Свод высочайших отметок... за 1897 г. С. 56–57; Свод высочайших отметок... за 1900 г. С. 14; Свод высочайших отметок... за 1901 г. С. 18; Тайный советник императора. С. 308. Ср.: Полное собрание речей Николая II. С. 55; Царствование государя императора Николая Александровича. Очерк для рабочих. СПб., 1913. С. 23.

⁴⁶ Документы по истории монополистического капитализма в России. М., 1959. С. 208; *Гурко В.И.* Указ. соч. С. 140; *Суворин А.С.* Указ. соч. С. 272.

⁴⁷ Полное собрание речей Николая II. С. 55; *Савич Г.Г.* Указ. соч. С. 6–7. См. также: Рабочий вопрос в Комиссии В.Н. Коковцова в 1905 г. М.; Л., 1926.

⁴⁸ *Бунге Н.Х.* Указ. соч. С. 202.

⁴⁹ *Святополк-Мирская Е.А.* Дневник // Исторические записки. Т. 77. М., 1966. С. 242; *Ольденбург С.С.* Указ. соч. С. 211.

⁵⁰ Свод высочайших отметок... за 1895 г. С. 88; Свод высочайших отметок... за 1896 г. С. 119, 133, 150; Ср.: Указ 17 апреля 1905 г. // *Савич Г.Г.* Указ. соч. С. 310; *Сухомлинов В.А.* Воспоминания. Берлин, 1924. С. 129; *Суворин А.С.* Указ. соч. С. 474; Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2. С. 123.

⁵¹ *Дякин В.С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – нач. XX в.). СПб., 1998. С. 203; *Суворин А.С.* Указ. соч. С. 310.

⁵² Подробнее см.: *Дорская А.А.* Российское законодательство о свободе совести в 1905–1917 гг. // Проблемы социально-экономической и политической истории XIX–XX вв. СПб., 1999.

⁵³ *Миндлин А.Б.* Государственные, политические и общественные деятели Российской империи в судьбах евреев. 1762–1917 гг. СПб., 2007. С. 247–251.

⁵⁴ *Бунге Н.Х.* Указ. соч. С. 214.

⁵⁵ *Куропаткин А.Н.* Дневник // Красный архив. 1922. Т. 2. С. 82; *Барк П.Л.* Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн. 172. С. 99; *Спиридович А.И.* Охрана и антисемитизм в дореволюционной России // Вопросы истории. 2003. № 8. С. 30, 31.

⁵⁶ *Урусов С.Д.* Император Николай II. Жизнь и деяния венценосного царя. Лондон, 1908. С. 47; *Ольденбург С.С.* Указ. соч. С. 54.

⁵⁷ *Савич Г.Г.* Указ. соч. С. 425–426.

⁵⁸ Там же; Всеподданнейший доклад П.Д. Святополк-Мирского. С. 243; Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Кн. 2. С. 842, 843.

⁵⁹ В 1901 г., в связи со студенческими волнениями, по инициативе министра народного просвещения П.С. Ванновского существовавшие с 1887 г. процентные нормы были уменьшены с 3, 5 и 10 до 2, 3 и 7% соответственно. Однако уже в июне 1903 г. последовало восстановление прежних, более высоких норм. См.: Особые журналы Совета министров царской России. 1906 г. Ч. 4. М., 1982. С. 752–755, 763, 777.

- ⁶⁰ Савич Г.Г. Указ. соч. С. 425, 426; Николай II. Материалы для характеристики личности и царствования. М., 1917. С. 218, 219; Особые журналы Совета министров царской России. 1906 г. Ч. 4. С. 754–755, 763, 777; Совет министров Российской империи. С. 196, 279, 280; Новые материалы к истории создания Основных государственных законов. С. 139–140.
- ⁶¹ Ковалевский М.М. Воспоминания. // История СССР. 1969. № 5. С. 94; Особые журналы Совета министров царской России. 1906 г. Ч. 4. С. 741, 794; А.И. Гучков рассказывает... // Вопросы истории. 1991. № 9–10. С. 193.
- ⁶² Павлов Н.А. Его величество государь Николай II. СПб., 2003. С. 80; Каган Г. Пророк во фраке. Русская миссия Т. Герцля. СПб., М., 2005. С. 93.
- ⁶³ Полное собрание речей. С. 64, 73–74; Сухомлинов В.А. Указ. соч. С. 129; Совет министров Российской империи. С. 280; Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Т. 1. М., 1992. С. 411; Волков А.А. Около царской семьи. М., 1993. С. 54.
- ⁶⁴ Тагер А.С. Царская Россия и дело Бейлиса. М.; Иерусалим, 1995. С. 47, 48.
- ⁶⁵ Особые журналы Совета министров царской России. 1906 г. Ч. 1. С. 203; Ч. 2. С. 270; Шенелев Л.Е. Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1987. С. 212, 214; Толстой И.И. Дневник. 1906–1916. СПб., 1997. С. 110; Правые партии. Документы и материалы. Т. 1. М., 1998. С. 192; Дело Менделя Бейлиса. СПб., 1999. С. 334; Спиридович А.И. Указ. соч. С. 31.
- ⁶⁶ Правые партии. Т. 2. М., 1998. С. 452, 456, 470, 488–489, 519–520; Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004. С. 56, 107, 146, 160, 296, 377; Куликов С.В., Трибуцкий П.А. К истории еврейского вопроса накануне Февральской революции (документы из архива С.Г. Сватикова) // Политическая история России первой четверти XX в. СПб., 2006. С. 247.
- ⁶⁷ Свод высочайших отметок... за 1894 г. С. 46; Николай II. Материалы для характеристики. С. 99; Красный архив. 1927. Т. 20. С. 237–240; Ананьич Б.В. Указ. соч. С. 163; Богданович А.В. Три последних самодержца. М., 1990. С. 278; «Дражайшая бабушка...». Письма Николая II королеве Виктории. 1894–1900 гг. // Исторический архив. 1995. № 1. С. 196. Ср.: Суворин А.С. Указ. соч. С. 417; Тайный советник императора. С. 85, 305.
- ⁶⁸ Подробнее см.: Шестакова И.В. К истории законопроекта о печати от 26 апреля 1914 г. // Вопросы истории СССР XIX–XX вв. Ученые записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 298. Л., 1971.
- ⁶⁹ Институт экспертизы при создании Основных законов 1906 г. С. 57.
- ⁷⁰ Бунге Н.Х. Указ. соч. С. 240.
- ⁷¹ Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение третьеиюньской системы. Л., 1988. С. 158.
- ⁷² Красный архив. 1925. Т. 4–5. С. 108–115.
- ⁷³ Подробнее см.: Туманова А.С. Об одной незавершенной реформе: история осуществления свободы союзов в дореволюционной России // Власть, общество и реформы в России (XVI – начало XX в.). СПб., 2004.
- ⁷⁴ Свод высочайших отметок... за 1894 г. С. 132, 215, 222–223; Свод высочайших отметок по всеподданнейшим отчетам за 1899 г. губернаторов, военных губернаторов и градоначальников. СПб., 1901. С. 26–27; Свод высочайших отметок... за 1902 г. С. 26.
- ⁷⁵ Бунге Н.Х. Указ. соч. С. 241, 242.
- ⁷⁶ Куликов С.В. С.Ю. Витте и земство. Взаимодействие государства и гражданского общества в России кон. XIX – нач. XX в. // Правовые состояния и взаимодействия: историко-теоретический, отраслевой и межатраслевой анализ. СПб., 2006. Ч. II. С. 363–372.
- ⁷⁷ Бунге Н.Х. Указ. соч. С. 223.
- ⁷⁸ Свод высочайших отметок... за 1894 г. С. 109; Кризис самодержавия в России. С. 93–120; Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – нач. XX в.). СПб., 1998. С. 332–333; Куликов С.В. Бюрократическая элита. С. 186–188, 264, 265.
- ⁷⁹ Свод высочайших отметок... за 1895 г. С. 90; Савич Г.Г. Указ. соч. С. 4; Куликов С.В. Бюрократическая элита. С. 186–187, 264.
- ⁸⁰ Куликов С.В. Бюрократическая элита. С. 186–187, 264. См. также: Бородин А.П. Государственный совет и волостная реформа. // На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX – начала XX века. СПб.; Кишинев, 2001.
- ⁸¹ Свод высочайших отметок... за 1894 г. С. 204; Свод высочайших отметок... за 1896 г. С. 65, 160, 196; Куликов С.В. Бюрократическая элита. С. 44, 142–143, 186–187, 264. См. также: Нардова В.А. Самодержавие и городские думы в России в конце XIX – начале XX века. СПб., 1994. С. 68–135; *её же*. К вопросу о реформе Городового положения (1905–1916 гг.). // На пути к революционным потрясениям.
- ⁸² Бунге Н.Х. Указ. соч. С. 238.
- ⁸³ Коронационный сборник. Т. 2. СПб., 1899. С. 43; Российское законодательство X–XX вв. Т. 9. М., 1994. С. 272.
- ⁸⁴ Свод высочайших отметок... за 1894 г. С. 23; Министерство юстиции за сто лет. 1802–1902. М., 2001. С. 248, 256, 259.
- ⁸⁵ Еще в 1889 г. отношение наследника престола к судебным полномочиям земских начальников было неоднозначным, что по-видимому объяснялось влиянием Бунге. См.: Бунге Н.Х. Указ. соч. С. 244, 245; Половцов А.А. Дневник государственного секретаря. Т. 2. М., 2005. С. 263.
- ⁸⁶ Савич Г.Г. Указ. соч. С. 272; Волконский С.М. Мои воспоминания. Т. 2. М., 1992. С. 72. См. также: Корнева Н.М. Политика самодержавия в области судостроительства и судопроизводства (1881–1905). Дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1990.

⁸⁷ Куликов С.В. Бюрократическая элита. С. 350–351, 388.

⁸⁸ Правилова Е.А. Законность и права личности: административная юстиция в России (вторая половина XIX – октябрь 1917). СПб., 2000. С. 219.

⁸⁹ Савич Г.Г. Указ. соч. С. 4, 12.

© 2009 г. К. А. СОЛОВЬЕВ *

МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ И ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ ВЕТВЕЙ ВЛАСТИ, 1906–1914 годы

Дискуссия о политической системе думской монархии – один из «вечных вопросов» отечественной историографии. Спор о природе новой политической системы (и главное – о том, насколько она была новой) начался еще до ее рождения. Многие аргументы последующих исследователей были озвучены участниками царскосельских совещаний, разработавшими текст «Основных законов». В значительной мере это объясняется тем, что и у тех, и у других был один предмет обсуждения – законы, которые одни составляли, а другие – анализировали. Формально-юридический подход оставлял политическую практику на периферии исследований, рассматривающих государственно-правовую систему Российской империи.

Показательно, что большинство работ по истории Государственной думы посвящено ее первым двум созывам народного представительства, короткое существование которых не дало примера конструктивного взаимодействия правительства и депутатов. В краткой библиографии, представленной в недавно изданной «Энциклопедии Государственной думы», 98 позиций относятся к историографии, освещающей деятельность Дум всех четырех созывов, 117 – I и II Дум, 68 – III и IV-й¹. В этом отношении характерны и юбилейные конференции, проводившиеся в 2006 г. Так, на конференции в Петербурге 20–21 марта 2006 г. «Парламентаризм в России: проблемы и перспективы» было 12 докладов о деятельности I и II Думы, и 5 – о III и IV-й². На конференции «Государственная дума Российской империи: традиции прошлого и настоящее», состоявшейся в Пензе 26–27 мая 2006 г., соотношение материалов было соответственно 16 и 9³. Подобный дисбаланс невольно приводил и к искажению общей картины. Непримируемый конфликт между Думой и Советом министров 1906–1907 гг. удачно соответствовал представлению об ущербной «русской конституции», которая не создавала условий для плодотворной парламентской деятельности.

За рамками данной статьи останутся фундаментальные вопросы, непосредственно относящиеся к нормативной базе, определяющей характер взаимодействия исполнительной и представительной власти. При всей разнголосоце оценок этот сюжет хорошо изучен. В данном случае предметом особого рассмотрения будет не писанное, а, в сущности, обычное право, возникшее в результате деятельности Дум III и IV созывов. III Государственная дума, удостоенная в литературе самых уничижительных оценок, приняла более 2 200 законов, многие из которых имели принципиальное значение⁴. Столь масштабная законотворческая деятельность требовала отработанной технологии взаимодействия представительной и исполнительной власти. Формы сотрудничества между ними не могут быть досконально прописаны в законодательстве: они опре-

* Соловьев Кирилл Андреевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель Российского государственного гуманитарного университета.

деляются политической расстановкой сил, особенностями партийной системы, политической культурой участников.

По словам юриста начала XX в. К.Н. Соколова, «конституционные нормы, на которых покоится парламентный строй, как известно, нигде не получили формального признания в официальных юридических текстах. Исследование их правовой природы требует поэтому специального анализа тех многообразных парламентских и правительственных манифестаций, резолюций, деклараций, адресов, посланий, речей, ... которыми, к сожалению, слишком часто пренебрегает в своих изысканиях современное государственное ведение»⁵. В России это осложнялось тем, что новая политическая система формировалась в условиях острого политического кризиса, когда ее модернизация предполагала не упразднение прежних правовых форм, а скорее их деформацию. Помимо этого, следует учесть, что представительство возникало в стране с отсутствовавшим единым правовым пространством, неравномерным экономическим и культурным развитием.

Пробелы в праве свойственны любой конституционной системе, однако для российской они были особенно характерны. Уже в юридической литературе начала XX в. высказывалось мнение о неправомерности ограничиваться текстом «Основных законов» при анализе политической системы Российской империи. Любая конституционная хартия не может в полной мере определить формы законотворческой деятельности, которые та примет на практике. Реальные механизмы взаимодействия властей являются следствием расстановки сил в обществе, особенностей правосознания населения, степени легитимности той или иной ветви власти и т.д.

Конституционный акт всегда имеет «рамочный» характер. Он не создает политико-правовую систему, а лишь способствует ее созданию. Соответственно, его содержание больше говорит не о будущем политическом устройстве, а об устроении людей, которые его составляли. «Основные законы» 23 апреля 1906 г. в этом смысле весьма показательны. Казалось бы, отстаивание принципа монархического суверенитета – их очевидная черта. Как писал правовед С.А. Котляревский, «Русские Основные Законы 23 апреля 1906 г. исходят как бы из предположения, что форма правления в России осталась прежняя; они лишь закрепляют совершившиеся перемены, произведенные единоличной властью монарха»⁶. Действительно, при первом же прочтении документа бросается в глаза диспропорция между непомерно длинным перечнем прав и полномочий императора и сравнительно коротким разделом, посвященным прерогативам Думы⁷. Более детальное описание ее функционирования было вынесено в «Учреждение Государственной думы» – т.е. оказалось за рамками основного закона. «Русский государственный строй является совершенно дуалистическим в смысле противоположности парламентаризму и вообще недопущения в какой бы то ни было степени начал политической ответственности. Дуалистический отпечаток в нем выражен явственнее, чем в таком классическом образце этого типа, как прусская конституция, не говоря уже об австрийской», – писал Котляревский⁸.

Иначе говоря, если использовать характеристику чиновника канцелярии Комитета министров П.П. Менделеева, «усилить значение монаршей власти по отношению к новым законодательным учреждениям, обеспечить государю возможность править в случае надобности и без их участия» было главной заботой С.Ю. Витте и большинства участников царскосельских совещаний, на которых и разрабатывались эти юридические нормы⁹. Они аргументировали свою позицию опасностью предоставить то или иное полномочие Государственной думе, так как это может поколебать основы самодержавной власти¹⁰. Исходя из этой логики, следовало бы сохранить за императором неограниченную власть, к чему и призывал член Государственного совета и будущий председатель Совета министров И.Л. Горемыкин¹¹. Однако большинство участников совещаний высказалось за изъятие слова «неограниченный» из «Основных законов» и вместо этого попыталось подробнейшим образом обозначить прерогативы монарха. Участники совещаний предлагали закрепить за монархом право вводить по собственному усмотрению чрезвычайное положение в любой местности Российской империи;

оградить сферу внешней политики от вмешательства со стороны народных представителей; предотвратить возможность участия депутатского корпуса в делах армии и флота; предоставлять императору право назначать усиленные пособия и пенсии государственным служащим; лишить Думу возможности принимать решение относительно имущественного положения царской семьи, и т.д.

Иными словами, рассматривая еще не созданную Думу как орган власти, обладающий реальной силой, высшие сановники империи пытались сделать все возможное, чтобы ограничить его роль. В результате сильно «хромающий на одну ногу» конституционный акт изобилует правовыми пробелами. Столь расширенное толкование монаршей прерогативы неизбежно вступало в противоречие с понятием закона, требовавшим для своего принятия санкции народных представителей. С точки зрения авторов «Основных законов», они писались для Думы, для Государственного совета, наконец – для правительства, но ни в коем случае не для императора. Естественно, в этом случае не могло быть и речи о выработке конституционных форм взаимодействия между различными органами власти.

Яркое свидетельство тому – чрезвычайная лаконичность законодателя в определении сферы компетенции Совета министров¹². По сути дела, соответствующая глава ограничивается констатацией того, что министры ответственны исключительно перед императором. Было отвергнуто предложение установить принцип их судебной ответственности за служебные правонарушения перед Государственной думой и Государственным советом¹³. В устойчивой конституционной системе это не имело бы большого значения, т.к. полномочия правительства определялись в такой системе политической практикой.

Не проясняло ситуацию и наличие принятого еще 19 октября 1905 г. «Учреждения Совета министров». По словам правоведа Б.Э. Нольде, «ни в одном из современных законодательств мы не находим столь же подробного и столь же обстоятельного организационного закона, определяющего устройства и функции кабинета. В большинстве случаев совет министров живет обычаями и "конституционными соглашениями", опирающимися изредка на самые общие законодательные тексты»¹⁴. Но столь детальная регламентация не столько создавала юридическую базу для работы Совета министров, сколько ограничивала его власть. Кроме того, зыбкость положения Совета подчеркивалась параллельным существованием других коллегиальных административных учреждений, независимых от него: Комитета финансов, Адмиралтейств-совета, Военного совета, Опекунского совета, Комитета о службе чинов гражданского ведомства, департаментов и особых присутствий Государственного совета, и т.д.¹⁵ В итоге, по словам кн. З.Д. Авалова, возникало два равноценных пути осуществления административной власти: посредством Совета министров или помимо его воли¹⁶. Это превращало «кабинет» лишь в один из инструментов управления, *все* нити которого по-прежнему оставались у императора.

Вместе с тем, именно Совет министров вел диалог с представительной властью. По мнению Нольде, он был создан исключительно в связи с ожидавшимся созывом Государственной думы¹⁷. При этом «Основные законы» исключали любую возможность интерпретации статуса Совета как «кабинета», т.е. правительства с политической окраской. По словам Котляревского, речь шла о правительстве «чисто исполнительного характера»¹⁸. При этом сферы компетенции исполнительной и верховной власти были фактически не разграничены. Возникла удивительная ситуация, когда формально исполнительная власть должна была концентрироваться в руках императора, но представлять ее в законодательных учреждениях должен был Совет министров, чьи полномочия оставались очень расплывчатыми. Формально лишенное какой-либо политической роли, правительство, тем не менее, неизбежно оказывалось в центре законотворческой деятельности, так как только оно обладало «необходимыми техническими ресурсами для предварительной разработки законопроектов»¹⁹.

Примечательно, что эта проблема осознавалась и наиболее консервативными представителями сановного мира. Так, И.Л. Горемыкин 19 июля 1906 г. доносил царю:

«В ряду государственных учреждений, созданных недавно изданными Основными законами, Совет министров имеет наименее определенное устройство». Он «явился учреждением столь же новым, сколь мало согласованным с законом, определяющим существование и действия наших министров»²⁰. Анализируя события 1905–1906 гг., Горемыкин приходил к выводу, что создать объединенное правительство не удалось. Перед Государственной думой, в принципиально новых политических условиях предстало прежнее министерство образца 1904 г. Возникла неразрешимая коллизия, когда народные избранники дружно нападали на будто бы существовавший «кабинет министров», которого в действительности не было. По мнению же Горемыкина, правительство, оставаясь лишь орудием в руках верховной власти, должно быть действительно объединенным для поддержания дисциплины в рядах администрации, а также для того, чтобы принимать на себя «удары» депутатов, направленные против власти монарха²¹.

Принципиально иначе рассуждал преемник Горемыкина на посту председателя Совета министров П.А. Столыпин. В беседах с журналистами он часто оперировал понятием «кабинет министров» и говорил о необходимости выработки его программы²². 6 марта 1907 г. он выступил перед II Государственной думой с цельной, концептуально выстроенной программой²³. Иными словами, он рассматривал объединенное правительство в качестве самостоятельной политической силы. Эта позиция вполне вписывалась в систему взглядов Столыпина, который утверждал, что в России к 1906 г. сложился «конституционализм, как и в Германии или даже в Американской республике»²⁴.

По сравнению с кабинетом Столыпина министерство В.Н. Коковцова расценивалось современниками как лишенное какой-либо определенной политической окраски. Во время его существования и октябристы, и националисты констатировали отсутствие в России объединенного правительства, которое было бы способно проводить системные преобразования²⁵. Подобная ситуация давала основания одному из лидеров националистов П.Н. Балашову к весьма пессимистическим прогнозам на будущее: «Теперьшее беспресветное топтание на одном месте не открывает никакого выхода из тупика, в который попала Дума. Без большинства, без центра, с разрозненными фракциями, разобщенная с правительством, с Государственным советом, спешащим зарыть как можно глубже все ее благие пожелания, Государственная дума IV созыва обречена на бесцветное, бесплодное, тусклое прозябание»²⁶.

Между тем постепенно, по словам Котляревского, «вокруг текста Основных законов вырастает – как он вырос вокруг параграфов классической прусской конституции – ряд "соглашений" (conventions), требующих известного минимума солидарности, хотя бы центр тяжести государственного механизма, согласно категорическому решению, принятому при его постройке, неизменно помещался в правительстве, а не в палатах и не в избирателях»²⁷. Однако такого рода конституционное строительство происходило в условиях постоянного конфликта между органами власти, что делало эти «соглашения» весьма подвижными, динамично меняющимися. Так, неопределенность prerogative Совета министров становилась поводом для сложной политической игры. При обсуждении в мае 1913 г. проекта Министерства юстиции о подчинении общеимперским законам жителей Великого княжества Финляндского сторонниками неприкосновенности prerogative верховной власти выступали, как ни странно, кадеты, тогда как правые защищали министерскую инициативу: «В.А. Маклаков отвечал, что кадеты всегда защищали и будут защищать prerogative короны против покушений на них со стороны министров и справа»²⁸.

Традиционно одним из основных контрагентов переговоров правительства с представительным учреждением является фракция²⁹. Более того, по мнению К.Н. Соколова, своеобразие той или иной конституционной системы определяют «не какие-либо конституционные нормы... а особенности партийно-политической структуры данной страны», прежде всего, выражающиеся в фракционной организации законодательного собрания³⁰. Впрочем, в условиях России начала XX в. подобная постановка вопроса едва ли была оправдана. Во-первых, фракции были идеологически чрезвычайно разнородны и мало дисциплинированы. Так, разговоры о возможности распада фракции ок-

тябристов шли с момента ее образования³¹. «Члены Думы многократно могли наблюдать, как в течение одного и того же заседания менялось настроение центра, могущественной фракции "Союз 17 октября", что влекло за собой порой весьма неожиданный и неприятный для А.И. Гучкова исход», – констатировал один из лидеров правых А.И. Вязигин³². Аналогичным образом оценивалось положение во фракции националистов. По мнению одного из депутатов Н.И. Антонова, существовал «глубокий внутренний разлад» между большинством депутатов-националистов и их лидерами³³.

Схожие настроения имели место и среди правых. 14 июня 1913 г. чиновник особых поручений при Министерском павильоне Таврического дворца Л.К. Куманин констатировал: «Здесь давно уже таилось глубокое недовольство слишком самодержавным поведением фракционных лидеров, которые лишь предписывали голосовать за те или иные решения, но никогда не давали своим софракционерам возможности высказаться по существу предлагаемых постановлений. Этот абсолютический способ ведения фракционных дел сам по себе был несносен, но с ним мирились, принося в жертву собственное самолюбие воспеваемой фракционными лидерами "железной партийной дисциплине"». Часть фракции правых (Радкевич, Голицын, Струков) выступила с резкой критикой своего руководства. Представители духовенства предприняли попытку выделиться в отдельную фракцию, и лишь обер-прокурор Св. Синода отговорил их от этого шага. Тихое брожение происходило и в крестьянской среде. 1 ноября 1913 г. Куманин доносил: «Во фракции правых – полный развал; крестьяне и священники недовольны политикой своих "господ"... У националистов – жестокая борьба двух течений... У кадетов все более обостряется борьба между правыми кадетами, требующими образования коалиционного центра для положительного законодательства, и левыми кадетами, призывающими к отрицательной законодательной работе и к переходу в безответственную оппозицию»³⁴.

Тем более неустойчивыми были межфракционные связи, а при отсутствии консолидированного большинства это делало результаты голосования часто непредсказуемыми. Так, 13 ноября 1912 г. Куманин сообщал в правительство о сложившемся правополитическом большинстве, готовом поддержать кандидатуру П.Н. Балашева на пост председателя Думы, но 14 ноября левое большинство проголосовало за М.В. Родзянко, а правые и националисты были вынуждены демонстративно покинуть зал заседаний³⁵. Был невысок и уровень доверия между фракциями. Например, в мае 1913 г. в ходе обсуждения государственного бюджета правые и националисты выдвинули формулу перехода к очередным делам, резко оппозиционную по отношению к действующему Совету министров. Они надеялись собрать абсолютное большинство голосов. Ради этого они вели переговоры с октябристами, прогрессистами, кадетами и даже с трудовиками и социал-демократами, доказывая последним, что «долг демократических масс повелевает им поднять свой голос против "кулачески-капиталистической политики нынешнего главы правительства (В.Н. Коковцова, – К.С.)"». Эта активность принесла правому крылу Думы обратный результат. Депутаты расценили эту инициативу как «интригу», направленную против правительства, участвовать в которой они не пожелали. В итоге по предложению октябристов голосование по этой формуле было отложено³⁶.

Низкий уровень фракционной дисциплины способствовал поиску иных форм объединения депутатов. Формировались группы, связанные общим интересом: земская, деятелей городского самоуправления, предпринимателей. Так, в феврале 1913 г. образовалась межфракционная городская, а в марте – земская группа, в которую вошли председатели земских управ, земские гласные и все, кто когда-либо служил в земстве по выборам – всего 96 депутатов разных фракций. Она рассчитывала на тесное взаимодействие с земской группой Государственного совета и участниками очередной сессии Совета по делам местного хозяйства³⁷. И в III и в IV Думах делались попытки сформировать группу священников³⁸. Всегда своеобразием отличалась позиция крестьян вне зависимости от того, к какой фракции они принадлежали. Как представители левых фракций, так и октябристы не оставляли надежду объединить крестьян в одной группе. В конце 1912 г. с этой инициативой вышел думский центр. «Однако попытки

эти, не успевая выразиться ни в каких конкретных данных, терпели неудачи в начале каждого первого собрания»³⁹. Чуть раньше, в ноябре 1912 г., образовалась особая казачья группа, в которую вошли кадеты, прогрессисты и беспартийные⁴⁰.

Возникали также депутатские группы, связанные общими коммерческими интересами. В конце 1907 г. образовалась торгово-промышленная группа, состоявшая из членов Думы и Государственного совета⁴¹. Депутаты, близко стоящие к нефтепромышленности, объединились вокруг фигуры Салазкина⁴². Существовала группа членов Государственной думы, связанная с интересами железнодорожного дела⁴³. Таким образом, Государственная дума была сложно организованным учреждением, которое не могло выдвинуть одного субъекта для диалога с правительством. Последнее поэтому вынуждено было искать возможность для многоуровневого взаимодействия с депутатами.

Сам ритм, стиль работы как депутатов Думы, так и членов Государственного совета определялись не формальными требованиями закона, а образованием, профессиональными навыками, ценностной ориентацией народных представителей, к которым приходилось приравниваться и представителям высшей бюрократии. По воспоминаниям министра торговли и промышленности в 1909–1915 гг. С.И. Тимашева, «необыкновенно тяжеловесен был аппарат думских комиссий, конкурировавших в этом отношении с устаревшими бюрократическими учреждениями». Заседания комиссий редко начинались вовремя. Депутатам и министрам иногда приходилось долго дожидаться необходимого кворума. Порой из-за его отсутствия заседания комиссий и вовсе не начинались. Обсуждение часто носило своеобразный характер, так как обычно лишь 2–3 депутата были знакомы с текстом законопроекта. Редкий депутат мог высидеть все заседание. Кто-то уходил вскоре после начала, кто-то приходил ближе к концу. Таким образом, состав комиссий часто был случаен; случайными, непредсказуемыми были и ее решения. Иногда оказывалось, что не было кворума к моменту голосования. Тогда начинался поиск отсутствовавших депутатов в кулуарах или же в Таврическом саду. Очень многое определяло то, кто отправлялся за прогуливавшимися товарищами. «Если на поиски шли сторонники законопроекта, которые приводили своих единомышленников, то дело проходило благополучно. В противном случае законопроект отклонялся или в него вводились нежелательные поправки». Так принимались решения комиссиями, которые были чрезвычайно авторитетны для общего собрания, часто абсолютно не сведущего в обсуждаемом вопросе⁴⁴.

Для проведения законопроекта в общем собрании отводилось очень мало времени. В октябре, когда обычно начиналась сессия, кворум был слабым и проводить законопроекты было затруднительно. Причем осенью «депутаты, набравшись летом новых впечатлений, пользовались ими как материалами для запросов или политических затей, так что текущие дела подвигались медленно». В декабре же думцы жили в ожидании скорых каникул и часто спешили на места, чтобы дома отпраздновать Рождество. Когда во второй половине января они съезжались в Петербург, в Думу вносился проект государственного бюджета. Обсуждение росписи затягивалось на несколько месяцев. «К весенней сессии пленум загромождался горами законопроектов, и тогда начиналось не столько обсуждение, а скорее штемпелевание заключений комиссий, за исключением некоторых вопросов, на которых члены Думы останавливали внимание своих собратьев по соображениям политическим, ввиду острых спорных интересов или какой-нибудь личной подкладки. Все остальное происходило при полном равнодушии и невнимательности аудитории, в опустевшем зале, среди шумных посторонних разговоров немногочисленных депутатов. Если по таким делам дерзали выступать ораторы, их встречали враждебно, прерывали криками "довольно". Всем мерещились зеленеющие луга и нивы, всех манило на деревенский простор, всем хотелось отдохнуть после продолжительного томления в бесчисленных, подчас невыносимо скучных, заседаниях. В такой обстановке заключительного периода сессии возможны были самые удивительные неожиданности. Не успели проголосовать один законопроект как появляется на трибуне другой докладчик, который невнятным голосом, среди общего шума и оглушительных звонков председателя старается объяснить сущность следующего про-

екта. После него вбегает на трибуну кто-либо из членов Думы, вносит поправку или высказывает пожелание, часто весьма неопределенное, мало идущее к делу. Докладчик, – иногда по малому знакомству с предметом (нередко докладчиком в последнюю минуту являлось случайное лицо, за неприбытием официального докладчика), иногда с целью не затягивать прения, – не возражает. Предложение ставится на голосование, – при этом несогласные встают. Так как делом никто не интересуется, даже не знают, какой законопроект обсуждается и какое предложение голосуется, то все сидят, – в результате предложение считается принятым»⁴⁵.

Особенно остро вопрос о своевременном рассмотрении законопроектов встал в последние годы работы III Государственной думы: «Все министры пишут письма с просьбою ускорить рассмотрение внесенных ими законопроектов. Несмотря на то, что сессия прерывается не по воле депутатов и потому, казалось бы, следовало идти нормальным путем, все стараются исполнить желание правительства. На повестку заседания ставятся 100 законов, а в последний день пропущено 120. Что это было за заседание, нельзя себе представить. Три закона проходили в 1 1/2 минуты. Ни докладчики, ни сам председательствующий кн. Волконский не знали, что они голосуют, и когда возбуждался кем-либо какой вопрос, они отвечали: "Там разберутся", то есть Канцелярия [разберется]»⁴⁶.

Из Таврического дворца законопроект отправлялся в Государственный совет. По мнению Тимашева, «техника работы в Совете с его старыми традициями и образцовой канцелярией была поставлена неизмеримо выше, чем в Думе». При составлении комиссий Государственного совета жестко проводился принцип пропорционального участия представителей всех групп верхней палаты. Это делало решения верхней палаты значительно более предсказуемыми. Члены Совета были более дисциплинированы, чем их коллеги по Думе. Они приходили вовремя на заседания комиссии, редко уходили до их окончания, чаще всего были подготовлены к обсуждению внесенного законопроекта и скрупулезно обсуждали параграф за параграфом. «В этом отношении можно даже сделать упрек верхней палате, что по сравнению с Думой она впадала в другую крайность: слишком тщательная отшлифовка каждой статьи проекта нередко задерживала его на очень продолжительное время». Дисциплина царила и на общих собраниях Государственного совета. Казалось бы, законопроекты должны были проходить здесь легко и беспрепятственно. Однако именно Государственный совет, генетически связанный с дореформенными порядками, служил серьезнейшим тормозом для системных преобразований⁴⁷.

Безусловно, основным субъектом переговоров с правительством было официальное думское руководство – председатель, его товарищи, сеньорен-конвент (совет старейшин, состоявший из представителей фракций), комиссии. Причем предметом договоренностей служили отнюдь не только вопросы организационного характера. Благодаря фракционной рыхлости Думы, официальные лица, руководившие прениями, обретали важную роль, во многом предопределяя характер обсуждения. Отсутствие элементарного порядка во время пленарных заседаний с неизбежностью приводило к случайности многих решений общего собрания. Показательно, что даже часто проводивший заседания товарищ председателя В.М. Волконский порой не представлял, какой вопрос обсуждается. «Бывали случаи, когда его спрашиваешь, что баллотируется или что принято, и получается ответ: "А черт его знает"». Это также обуславливалось равнодушным отношением депутатов к соблюдению норм «Наказа», которые регулярно нарушались думским руководством⁴⁸. Осенью 1911 г. один из лидеров октябристов барон Тизенгаузен чрезвычайно высоко отзывался о товарище председателя В.М. Волконском за его способность «достигать» необходимого результата при голосовании: «Знаете, князь такой милый, с ним проведешь, что угодно, великолепно считает голоса. Положим, 103 [голоса] за, тогда он говорит: мой голос – 106-й, барона Тизенгаузена – 112-й и т. д. – принято и готово. Математику знает в превосходстве». «Эти вещи проходят, конечно, незамеченными для членов Государственной думы ввиду необычайного индиф-

ферентизма к сути дела всей Государственной думы», – констатировал фактический руководитель канцелярии Думы Я.В. Глинка⁴⁹.

Председатель Думы и глава правительства работали в тесном контакте. Глинка в дневниковой записи от 4 декабря 1910 г. посвятил несколько страниц А.И. Гучкову, который в бытность председателем «у себя в кабинете ежедневно на крошечного формата листочках пишет и все пишет. Вы спросите, кому? – министрам и премьеру, да так часто, что иногда становится совестно даже перед курьерами. Поэтому способы переписки меняются. Передаются письма через дежурного чиновника особых поручений при премьере, который находится в зале заседаний. Как он ни старается придать этой переписке частный характер, пока это ему не удастся, так как министры отвечают ему на эти письма в официальном тоне на официальных бланках за номером. Но это его не смущает, и он все-таки продолжает писать свои записки»⁵⁰.

Гучков и Столыпин созванивались несколько раз в день. Председатель Думы принимал многие решения, предварительно посоветовавшись с премьер-министром⁵¹. М.В. Родзянко требовал особого внимания со стороны правительства. Так, он возмущался тем, что «на звонки председателя Государственной думы телефонные барышни не сразу отвечают. По этому поводу происходит следующая сцена: в 12 ч. ночи звонок телефона у председателя Совета министров. «"Кто у телефона?" – "Председатель Государственной думы Родзянко. Владимир Николаевич, сделайте распоряжение, чтобы ваши телефонные барышни немедленно отвечали на звонок председателя Государственной думы". Ответ: "Михаил Владимирович, Вы в здравом уме и в твердой памяти?" Далее Родзянко превращает разговор в шутку»⁵².

Механизмы взаимодействия высшей бюрократии с официальным руководством Думы находились в состоянии постоянного становления. Причем обсуждались и технические подробности, например, где министрам встречаться с председателем законодательного собрания. С.А. Муромцев, Ф.А. Головин, Н.А. Хомяков принимали министров у себя в кабинете, Гучков посещал их в министерском павильоне. Не вполне очевиден был перечень вопросов, в обсуждении которых должны были принимать участие представители правительства. Так, министры чаще всего оставляли без внимания комиссионную разработку законопроектов, внесенных самими депутатами. Исключение составил проект об изменении порядка рассмотрения государственной росписи (т.е. бюджета). В остальных случаях министры и их товарищи либо присутствовали безмолвно, либо отсутствовали⁵³.

Приноровиться к комиссионной работе удавалось далеко не всем министрам. Не осознавая специфики этой фазы думской работы, они заметно затрудняли прохождение собственных законопроектов. Так, «медлительность» Совета министров при внесении законопроектов в Думу в 1912–1913 гг. вынуждала депутатов обращаться к собственным проектам. Председатель Комиссии по разработке законопроекта о печати В.В. Шульгин в марте 1913 г. намеренно отсрочил обсуждение проекта устава о печати, ожидая внесения правительственной инициативы. Если бы министерский вариант закона запоздал, то он бы служил лишь пособием при разработке окончательного текста⁵⁴. В итоге правительство так и не внесло собственный проект. Шульгин был вынужден разработать свой, который, благодаря умеренности представленных в нем положений, должен был стать базовым при подготовке закона⁵⁵.

Наиболее волнительны для министров были заседания бюджетной комиссии. С.И. Тимашев вспоминал, что туда «являлись как бы на экзамен, или, скорее, на суд в последовательном порядке все ведомства, одно за другим». «Задача комиссии заключалась в рассмотрении смет каждого ведомства на следующий год, – пишет он. – Но этим дело не ограничивалось, и по поводу смет представителей ведомств ставились самые разнообразные вопросы по их частям управления. В результате обсуждения выражались пожелания, нередко довольно фантастические. Я старался всегда быть лично в заседаниях Бюджетной комиссии, что хотя отнимало много времени, но зато устанавливало тесные деловые отношения к членам Думы, чем облегчалась совместная работа»⁵⁶. Депутаты всячески пользовались бюджетным правом для упрочения своего влия-

ния на правительство. 7 января 1910 г. Гучков писал своему соратнику по партии октябристов А.И. Звегинцеву: «Все думаю о чрезвычайных кредитах, за которыми к нам обратилось правительство на нужды обороны. Никак не следует упускать случай, чтобы поставить свои требования. Начать следует с экзамена ведомств о состоянии дела и о предположениях на будущее»⁵⁷. «Суровый экзамен» председателя бюджетной комиссии М.М. Алексеенко впоследствии вспоминали и депутаты Думы. Так, А.В. Еропкин уже в эмиграции писал: «Надо было видеть и полюбоваться, как искусно и с каким достоинством профессор Алексеенко вел заседания с приглашенными министрами: он был в высшей степени корректен и любезен. Но стоило какому-либо министру... поверхностно отнестись к делу или к задаче Государственной думы, как он моментально его осаживал. Хорошо помню, как он осадил министра торговли Шипова, который думал отвертеться на пустяках или с кондачка: профессор Алексеенко произвел ему такой экзамен, и министр отвечал так неудовлетворительно, что всем стало неловко»⁵⁸. Аналогичный случай имел место в апреле 1913 г., когда представители министерства внутренних дел – товарищ министра Золоторев и директор Департамента общих дел А.Д. Арбузов – не справились с возложенным на них заданием: «Представители ведомства оказались настолько неподготовленными, что либо вовсе не могли дать ответов на самые элементарные вопросы или, что производило еще более удручающее впечатление, начиная давать разъяснения, импровизировали, путались и встречными возражениями были принуждены сознаваться в неправильности сообщаемых требований. Члены Государственной думы, бывшие членами и в III Государственной думе, уверяют, что подобного "конфузного" выступления представителей ведомства они не помнят за все время деятельности Бюджетной комиссии»⁵⁹.

Особым испытанием для представителей высшей бюрократии были пленарные заседания Думы. Их значимость тем более повышалась, что далеко не всегда решение комиссии предreshало мнение всего законодательного собрания. Так, по воспоминаниям Н.Н. Покровского, бывшего товарищем министра финансов, финансовая комиссия не обладала необходимым авторитетом среди депутатов и представителям ведомства после многолетней коммиссионной работы приходилось отстаивать свои законопроекты и на общем собрании⁶⁰. Схожую ситуацию обрисовал один из лидеров октябристов Н.В. Савич в письме к брату от 13 июня 1908 г.: «Дума превратилась в земское собрание, партийная дисциплина рушилась, все сами за себя. В пять минут перерешают самые сложные дела, изученные и решенные в 2–3 комиссиях»⁶¹.

Далеко не все министры обладали необходимыми навыками для публичных выступлений. Например, известную речь председателя Совета министров И.Л. Горемыкина 13 мая 1906 г. мало кто слышал. Горемыкин обладал слишком слабым голосом и акустика в Таврическом дворце не годилась для работы законодательного учреждения. Так что бурная реакция депутатов I Думы была спровоцирована письменным текстом, предварительно розданным народным избранникам⁶². Неважным оратором был министр народного просвещения А.Н. Шварц, который говорил «бестолково и скучно»⁶³. В IV Думе было известно, что «военный министр не только говорить с думской трибуны не любит, но и не может»⁶⁴. Некоторые же министры уверенно себя чувствовали на думской трибуне и, благодаря своему красноречию, обретали значительный вес в общественном мнении. Особой славой думского оратора пользовался Столыпин. Депутат-октябрист И.С. Ключев писал после выступления премьера с декларацией правительства 6 марта 1907 г.: «Сам Столыпин производит чарующее впечатление, говорит он сильно, громко, уверенно и авторитетно. Декларация, чтение ее и сам Столыпин произвели на массу, не исключая и крайних левых, громадное впечатление... "Это сказано по-хозяйски", – уловил я фразу крестьянина-депутата. Лучше, сильней этих слов, сказанных от глубины души мужичка, и придумать трудно»⁶⁵. Яркие выступления удавались и Коковцову. Порой депутаты невольно ему аплодировали, хотя до этого предварительно сговаривались хранить враждебное молчание⁶⁶.

Невозможно провести жесткую грань между официальной и фракционной организацией народного представительства. Так, с фракционным руководством Думы прави-

тельствующие чиновники встречались еще в сенаторско-конвенте. Например, 26 июня 1908 г. министр финансов Коковцов обсуждал на нем порядок утверждения государственной росписи⁶⁷. Тем не менее, можно утверждать, что работе с фракциями правительство уделяло особое внимание. Оставляя за скобками очевидное влияние администрации на электоральный процесс, исполнительная власть принимала непосредственное участие в формировании депутатских объединений. Так, в марте 1913 г. Коковцов вел переговоры с депутатом П.Н. Крупенским о возможности создания думского центра, который смог бы сплотить большинство нижней палаты. Помимо всего прочего, предметом разговоров была программа реформ, которую в этой связи должно было инициировать правительство⁶⁸. Впоследствии, в январе 1914 г., председатель Совета министров обсуждал с депутатами В.М. Волконским и А.Г. Лелюхиным возможность их перехода во фракцию земцев-октябристов ради создания в ней правового большинства⁶⁹. Показательно, что в начале 1913 г. лидер националистов П.Н. Балашев обвинял именно кабинет министров в отсутствии консолидированного большинства в представительном учреждении. Он дал свое объяснение природе договоренностей между правительством и депутатскими объединениями: «И националисты, и правые неоднократно различными путями доводили до сведения председателя Совета министров, что свое пребывание в Думе они бы не считали бесплодным, если бы им была гарантирована политическая программа, осуществление которой выразилось бы в том, что правительство, с одной стороны, гарантировало бы проведение своим авторитетом через Государственный совет известного цикла законопроектов, а с другой стороны, твердое и неуклонное проведение на местах известного комплекта административных мер. И о согласии и о несогласии на эти заявления никто из лиц, стоящих во главе фракций, поставлен в известность не был. Вместо этого председатель Совета министров в отдельных беседах с рядовыми членами фракций высказывал мысли, которые немедленно докладывались фракционным лидером и которые могли бы быть истолкованы как известные авансы со стороны статс-секретаря Коковцова». Балашев удивлялся такой тактике премьер-министра, который не вел переговоров непосредственно с лидерами фракций, обладавшими организационными возможностями определять направление деятельности Думы⁷⁰. Иными словами, фракционное руководство было готово к «торговле» с правительством, исходя из того, что именно ему принадлежало ключевое слово в определении исхода голосования.

Министры регулярно приглашали представителей фракций для консультаций. Так, по сведениям депутата Э.А. Исева, в ноябре 1908 г. Столыпин пригласил к себе по два представителя от всех фракций (кроме кадетов и социалистов) для консультаций относительно прохождения в нижней палате законопроекта по указу 9 ноября 1906 г., инициировавшего земельную реформу. Премьер настаивал, чтобы правительственный проект был принят без изменений, однако эти усилия оказались тщетными⁷¹. Однако такого рода переговоры были возможны и с иного рода объединениями: представителями местного самоуправления⁷², священнослужителей. Последних правительство долго пыталось организовать в единую сплоченную группу. «Вообще я нахожу, что священнослужители должны быть исполнителями предписаний Св. Синода, этой достойнейшей главы церкви», – говорил один из депутатов епископ Митрофан в самом начале работы Думы третьего созыва⁷³. Однако, отчаявшись подчинить своей воле представителей церкви, правительство пыталось найти иные механизмы воздействия на духовенство. Так, депутат А.А. Уваров в своем выступлении от 8 марта 1912 г. утверждал, что один из чиновников Св. Синода, присутствовавший на пленарных заседаниях Думы, следил, как голосовали члены нижней палаты, принадлежавшие к духовному сословию⁷⁴.

Правительственные чиновники искали личных договоренностей и с наиболее влиятельными членами Думы, которые могли бы сыграть решающую роль при принятии того или иного решения. Так, они долго пытались установить неформальные отношения с председателем бюджетной комиссии М.М. Алексеенко⁷⁵. Октябрист А.А. Уваров регулярно перезванивался со Столыпиным⁷⁶ и т. д. Естественно, особый интерес пра-

вительства вызывали лидеры думских фракций, например, Гучков, который регулярно принимал участие в переговорах с представителями исполнительной власти и был ключевой фигурой при формировании позиции фракции октябристов. «Эти дни Столыпин старается конфиденциально обработать думские партии в пользу флота, но безуспешно, — писал он 20 мая 1908 г., в период обсуждения сметы Морского министерства. — Вчера был штурм на меня, но я остался скалой»⁷⁷.

Члены правительства стремились разрешать все возникающие противоречия во время непринужденной беседы при личной встрече или на банкете. Столыпин, А.П. Извольский, И.Г. Щегловитов, С.А. Воеводский и другие представители высшей бюрократии регулярно давали рауты, на которых присутствовали как депутаты Думы, так и члены Государственного совета⁷⁸. «Большое значение в деле сближения Столыпина с членами палат имели его известные приглашения "на чашку чая", которые привлекали в квартиру премьера огромное число лиц — членов Думы и Совета, министров и ближайших их сотрудников, представителей ученого мира, видных общественных деятелей. Принимал он с истинно русским радушием. Представители разных лагерей объединялись у столов, заваленных обильным угощением, знакомились друг с другом и вели деловую беседу, которая содействовала выяснению многих вопросов»⁷⁹. Иногда депутаты собирались министрами для консультации по той или иной проблеме. Так, 18 марта 1913 г. лидеры всех думских фракций, за исключением крайних левых, встретились на совещании у министра иностранных дел С.Д. Сазонова, который ознакомил их с внешнеполитическим курсом России. В личной беседе с лидером кадетов П.Н. Милоковым он признался, что не считает возможным в сложившихся условиях говорить об этом откровенно с думской трибуны, но вместе с тем признает необходимым действовать в тесной связи с народным представительством⁸⁰. Через пять дней, 23 марта 1913 г., депутаты были вновь приглашены к Сазонову для консультаций⁸¹.

Точно так же депутаты не довольствовались лишь официальными контактами с Советом министров. Они пытались взаимодействовать с отдельными министрами, ближайшим царским окружением и даже с самим императором. По мнению Я.В. Глинки, Гучков намеренно добивался кресла председателя Думы, чтобы иметь право личного доклада в Царском селе⁸². В ноябре 1912 г., вскоре после приема императором председателя Думы Родзянко, аудиенции удостоился и лидер правых А.Н. Хвостов. Он старался разъяснить императору «истинное положение в Государственной думе». Сразу после этого его принял председатель Совета министров Коковцов⁸³.

Император порой воспринимался как арбитр в спорах между правительством и законодательной палатой. 18 февраля 1913 г. на аудиенции у Николая II Родзянко обрушился с критикой на правительство, которое «искусственно бледнит думскую работу, заставляя Государственную думу заниматься второстепенными и даже третьестепенными законодательными делами, не внося ни одного из обещанных крупных принципиальных законопроектов... В порядке законодательной инициативы Дума пробует разрешить наиболее остро стоящие частичные вопросы, но правительство не только не принимает участия в разработке этих начинаний, но и относится к ним явно отрицательно». Кроме того, по мнению Родзянко, правительство намеренно не предоставляло депутатам необходимые для законотворчества материалы, тормозя, таким образом, работу народного представительства⁸⁴. Согласно рассказу Родзянко, в ходе аудиенции император вместе с председателем Думы возмущался «медлительностью» правительства. Схожие вопросы ставились перед Николаем II и в ходе аудиенции 8 апреля 1913 г. Родзянко жаловался, что представители ведомства часто являлись неподготовленными на заседания думских комиссий, что заметно осложняло процесс законотворчества⁸⁵.

Взаимодействие Думы с отдельными министрами, естественно, во многом определялось личными качествами последних. Так, Столыпин, Коковцов, Извольский и др. были нацелены на тесное сотрудничество с представительными учреждениями. В отличие от них министр внутренних дел (1913–1915) Н.А. Маклаков занимал весьма жесткую позицию по отношению к депутатам и договариваться с ним о чем-либо было

затруднительно. Например, беседуя с депутатом П.А. Неклюдовым, жаловавшимся на злоупотребления местной администрации, он заявлял: «Я всегда и во всем буду на стороне провинциальных властей»⁸⁶. При этом даже Маклаков в частных беседах с народными представителями всегда подчеркивал, что он всячески стремится к конструктивному взаимодействию с Государственной думой и лишь необычайная загруженность мешает ему вплотную приступить к установлению прочных связей с депутатами⁸⁷.

Думская тактика во многом определялась существованием личных контактов членов представительных учреждений с министрами. В январе 1913 г. правые депутаты и националисты, развернув кампанию против Коковцова, рассчитывали на поддержку его коллег из правительства. В результате такого «альянса» они надеялись сорвать все планы сформировать действительно объединенный кабинет⁸⁸. В начале работы IV Думы правые и националисты внесли законопроект о выкупе Киево-Воронежской железной дороги, с которой были связаны коммерческие интересы брата Коковцова. «Читали ли вы в "Новом времени" заметку, что националисты вносят законодательное предположение о выкупе Киево-Воронежской железной дороги, – звонил премьер-министру путей сообщений С.В. Рухлову. – Ведь это поход против меня». Показательно, что Рухлов сообщил об этом разговоре одному из лидеров националистов А.И. Савенко. Это известие очень обрадовало все правое крыло Думы, которое почувствовало, что премьер-министр видит в них силу и опасается ее. Правые и националисты не знали, как реагировать на возможные ответные действия председателя Совета министров. Националисты были склонны идти на уступки и договариваться с правительством; правые же занимали непримиримую позицию: «Проведение в жизнь законодательных актов является половиной и даже меньшей половиной дела; соглашение с правительством, чреватое реальными последствиями, возможно только в том случае, если председатель Совета министров гарантирует не только осуществление имеющего быть выработанным плана законодательных работ, но и проведение на местах целой системы административных мер, которые могли бы помочь правым организациям в их нелегкой борьбе с крепко вгнездившимися на местах оппозиционными ячейками». 30 января 1913 г., всего за один день, удалось собрать 146 подписей под законопроектом о выкупе Киево-Воронежской железной дороги, причем подписались лидеры всех фракций, кроме социал-демократической. На прием к Рухлову был вызван член фракции прогрессистов А.А. Бубликов. Министр ему разъяснил подлинное значение инициативы правых, и оппозиция (кадеты и прогрессисты) встревожилась, после чего инициатива правых была провалена⁸⁹.

Непосредственный диалог депутатов с правительством был лишь одним из способов повлиять на прохождение того или иного законопроекта. Часто министры шли иным путем, пытаясь воздействовать на лиц, стоявших за депутатом. Столыпин на первом заседании Совета по делам местного хозяйства 11 марта 1908 г. утверждал: «При громадном пространстве Российской империи, при разных условиях местностей, входящих в ее состав, между учреждениями исполнительными, которые разрабатывают законопроекты теоретически, и между законодательными учреждениями должно стоять еще промежуточное учреждение, промежуточная среда, оживотворяющая, вливающая живую силу в выработанные министерством предположения»⁹⁰. Законопроекты отдавались на заключение Совету по делам местного хозяйства⁹¹, созываемым правительством съездам предводителей губернского дворянства, съездам представителей промышленности и торговли⁹². Один из таких съездов был созван властями в Москве весной 1908 г. Его решение должно было способствовать успешному прохождению через Думу законопроекта о реформе промыслового налогообложения.

Существовала и обратная ситуация, когда депутаты консолидировали вокруг себя значительные группы влияния, чье положение становилось серьезным аргументом в борьбе с правительством за проведение того или иного решения. Прежде всего, фракции могли рассчитывать на местные отделения партий и союзов⁹³, экспертные советы при депутатских объединениях Государственной думы, которые образовывались для обсуждения какого-либо конкретного вопроса. Так, в декабре 1907 г. кадеты органи-

зовали при фракции группу специалистов, разрабатывавших проекты Земского положения для губерний, где еще не были учреждены органы местного самоуправления⁹⁴. В сентябре 1908 г. они провели совещания среди земцев, имевшие целью предварительное обсуждение законопроектов, внесенных в Думу⁹⁵. Октябристы приглашали деятелей местного самоуправления для независимой экспертизы правительственных инициатив⁹⁶. В Думе II и III созывов при фракции «Союза 17 октября» работала экспертная комиссия, разрабатывавшая проекты, связанные с церковной проблематикой⁹⁷. Осенью 1908 г. в Москве по инициативе одного из лидеров прогрессистов И.Н. Ефремова возник кружок профессоров для разработки проекта нового Университетского устава⁹⁸. В конце марта 1913 г. представители думского центра решили организовать совещание из депутатов Думы и редакторов крупнейших столичных и провинциальных изданий для подготовки устава о печати, проект которого долгое время не вносился правительством⁹⁹. Депутаты III и IV Государственной думы, члены комиссии по Государственной обороне Н.В. Савич и А.И. Звегинцев устраивали регулярные совещания с офицерами военно-морского флота. Они же были инициаторами неформальных собраний, в которых принимали участие депутаты, входившие в комиссию по государственной обороне, и представители Морского министерства¹⁰⁰. Тесные контакты с офицерским корпусом и с представителями дипломатического корпуса поддерживал и Гучков¹⁰¹. Представители городской группы запрашивали необходимую информацию непосредственно у городских местных управлений, а ее представители участвовали в съезде городских деятелей¹⁰².

Значимую роль в разработке законопроектов играло партийное руководство думских фракций, по тем или иным причинам не оказавшееся среди депутатов. В декабре 1912 г. Гучков, не будучи избранным в Думу, вел от имени своей партии переговоры с представителями всех фракций, кроме крайних левых и крайних правых¹⁰³. Согласно решению фракции октябристов, с января 1913 г. в ее работе, а также в заседаниях бюро фракции могли принимать участие члены ЦК, не прошедшие в IV Думу: Гучков, П.В. Каменский, Г.Г. Лерхе, Ю.Н. Глебов¹⁰⁴. Для того, чтобы их голос имел вес для депутатов, создавались фракционные комиссии, дублировавшие общедумские. Их решения были обязательными для депутатов-октябристов¹⁰⁵.

Это пример обратной ситуации, когда группа влияния пыталась воздействовать на депутатов с целью принятия необходимых законопроектов. Причем, речь могла идти не только о руководителях партий, которые по должности координировали деятельность своих соратников. Влиятельные фигуры в провинциальном обществе могли во многом предопределять позицию избранных своих губерний. Так, архимандрит Виталий оказывал существенное влияние на депутатов-крестьян Вольнской и Подольской губерний¹⁰⁶. В Бессарабии большим могуществом обладала семья Крупенских, с мнением представителей которой считались и все депутаты, прошедшие от этого региона¹⁰⁷. Постоянный совет Объединенного дворянства пытался воздействовать на членов Государственного совета¹⁰⁸, и т.д.

Особое внимание депутаты уделяли общественному мнению, которое могло стать серьезным инструментом воздействия на правительственные решения. Ради этого думские фракции стремились к организации кампаний в органах периодической печати. Конечно, прежде всего, следовало рассчитывать на собственные издания. Лидер кадетов Милоков едва ли не каждую ночь проводил в редакции газеты «Речь», откуда он не уходил, «не прокорректировав своей передовой статьи»¹⁰⁹. Гучков высылал многие правительственные проекты в «Голос Москвы» еще до начала их обсуждения в Государственной думе (например, смету Морского министерства на 1909 г.). При этом он четко определял характер ожидавшихся публикаций¹¹⁰. Кампания в прессе возбуждалась даже при обсуждении вопросов, не подлежавших огласке. «В связи с... военными кредитами, я подготовляю еще один важный шаг, – писал А.И. Гучков брату Ф.И. Гучкову. – Я имею в виду предложить Думе довести через своего председателя до сведения государя о беспомощном состоянии нашей обороны. Пока это секрет, да и кредиты будут рассматриваться при закрытых дверях. Но хорошо, если бы "Голос Москвы" посвя-

тил несколько статей на тему, какая большая ответственность тяготеет над Думой и как новая военная неудача ляжет тяжелой виной на народном представительстве, если оно не возвысится в нужный момент до нужной высоты»¹¹¹.

Ключевое значение приобретали те газеты и журналы, которые формально не были связаны с заинтересованной в публикации политической силой. Так, октябристы считали большим успехом договоренности с газетой «Новое время»¹¹². Агитируя в пользу своих законопроектов, они часто привлекали представителей оппозиционной печати. И хотя им удавалось договариваться лишь с публицистами наиболее умеренных взглядов, этих статей было достаточно для создания видимости всеобщей поддержки октябристских инициатив. Кадеты, зная об этом, всячески предупреждали редакции газет и журналов о «коварстве» «Союза 17 октября», призывая их не принимать участие в совещаниях, инициированных центром Государственной думы¹¹³.

Взаимодействие между исполнительной и представительной властями в России представляло собой не диалог, а многостороннюю дискуссию – по крайней мере потому, что Государственный совет как верхняя палата законодательного собрания обладал собственной линией поведения. С ним были вынуждены договариваться и депутаты Думы, и министры. В определенных случаях мнение Государственного совета оказывалось решающим. «Характерно и то, – констатировал Глинка, – что когда Столыпин и Щегловитов – последний, даже бия себя в грудь, доказывал перед Думой о необходимости уничтожения волостного суда – впоследствии в комиссии – Государственного совета отказались от своих предположений и согласились на сохранение его, Гучков в разговоре со мной сказал: "Ну что же, это компромисс, на который надо пойти, чтобы [Государственный] совет пропустил этот законопроект"»¹¹⁴. Однако многие депутаты верили, что правительство, контролируя назначаемых членов верхней палаты, может практически неограниченно влиять на ее деятельность. В частности, П.Н. Крупенский, обсуждая с Коковцовым возможность формирования думского большинства, обусловил свое участие в нем снятием «законодательной пробки» Государственного совета, причем, инициатива в этом должна была принадлежать Совету министров. Коковцов обещал содействие в нормализации отношений Думы и Государственного совета, однако при этом отметил, что правительство в действительности не может контролировать работу последнего¹¹⁵. А по мнению представителей польского коло, именно Государственный совет и осуществлял контроль над правительством: «К сожалению, в России нет теперь правительства его императорского величества, которое обязано быть последовательным в своих действиях. Россией управляет теперь правительство поистине парламентское в самом худшем смысле этого слова, так как оно считается даже не с мнениями большинства, а руководится в своей деятельности партийными соображениями, диктуемыми случайными голосованиями Государственного совета. В этом отношении очень характерны выступления в Государственном совете начальника Главного управления по делам местного хозяйства и в комиссии Государственной думы – его помощника. При рассмотрении дела в общем собрании Государственного совета начальник Главного управления, по-видимому, прекрасно осведомленный о настроениях в верхней палате, поспешил предать то польское дело, которое он сам по указаниям П.А. Столыпина разрабатывал, и заявил, что правительство не настаивает на своих первоначальных предположениях». Причем, с точки зрения польских депутатов, подобная ситуация была возможна, прежде всего, по причине фактического отсутствия объединенного правительства, когда министры, входившие в один кабинет, жестко враждовали друг с другом и были вынуждены рассчитывать на поддержку своей позиции какой-либо влиятельной силой, например, Государственного совета¹¹⁶.

И все же не следует преувеличивать возможности верхней палаты влиять на принятие решений. В силу особенностей ее функционирования она не могла осваивать весь объем законопроектов, приходявших из Государственной думы. По словам одного из ее членов Ф.Д. Самарина, «законопроекты присылались нам целыми ворохами, невозможно было даже бегло с ними ознакомиться. Словом, вся наша "работа" сведена была к простому зарегистрированию проектов, прошедших через Думу»¹¹⁷. Это высказыва-

ние Самарина подтверждается и цифрами. По подсчетам В.А. Демина, 93% законопроектов были утверждены Государственным советом без каких-либо поправок, лишь 1% был отклонен, 1% верхняя палата отказалась рассматривать¹¹⁸.

Невысокого мнения о работе Государственного совета были и в правительственных кругах. Один из чиновников Министерства народного просвещения в феврале 1912 г. жаловался на то, что приходилось бегать по квартирам членов Государственного совета и доказывать им неприемлемость того или иного законопроекта, вышедшего из недр Думы: «Обиднее всего, что в Государственном совете есть два [бывших] министра и три товарища министра народного просвещения, что в комиссиях заседают и товарищ министра народного просвещения и директор Департамента – и звезды считают, ворон ловят и пропускают просто невозможное или, не разобрав дел, даже возражают, разводя потом руками». Оставалось лишь надеяться на бывшего министра А.Н. Шварца, который, сохраняя отношения с прежними сослуживцами, защищал интересы ведомства¹¹⁹. Иными словами, при обсуждении законопроектов в правительственных сферах рассчитывали на бюрократическую квалификацию членов Государственного совета. По воспоминаниям М.М. Ковалевского, в нем имелся «не особенно численный, правда, но весьма работоспособный контингент юристов, взятых из среды кассационного департамента Сената, судебной палаты, из профессуры, а также дослужившихся до высших постов чиновников финансового ведомства, землеустройства и земледелия, министерства торговли и государственного контроля. И тем и другим в знании русских законов и указов отказать нельзя»¹²⁰. Причем именно эти элементы и играли ключевую роль в работе Государственного совета¹²¹. Этот институт бюрократической экспертизы в большей степени чувствовал свою зависимость от верховной власти, нежели от Совета министров, который зачастую находил в Маринском дворце весьма недружелюбный прием¹²².

Подводя итог, можно констатировать, что сам факт существования представительных учреждений при всей ограниченности их полномочий создавал принципиально новую политическую реальность, которую отличали привлечение новых элит к процессу принятия политических решений, а также сложные, «сетевые» связи между представителями законодательных палат и исполнительной власти. Благодаря этим связям депутаты Думы и члены Государственного совета были инкорпорированы во властвующую элиту Российской империи. По этой причине сфера полномочий законодательных учреждений заметно расширялась. Так, в действительности они могли оказывать влияние на внешнеполитический курс России¹²³, на правительственные меры в сфере государственной обороны¹²⁴, хотя это прямо противоречило «Основным законам». Динамично складывавшаяся новая политическая система становилась своего рода испытанием для всех ее структурных элементов. Их устойчивость определялась эластичностью, способностью меняться вместе с целым. В противном случае возникал чрезвычайной остроты конфликт, который ставил под вопрос не только динамику развития, но и существование формирующейся модели политического взаимодействия.

Примечания

¹ Государственная дума России: Энциклопедия: В 2 т. М., 2006. С. 760–763.

² Парламентаризм в России: проблемы и перспективы. СПб., 2006.

³ Государственная дума Российской империи: Традиции прошлого и настоящее. Пенза, 2006.

⁴ Там же. С. 646.

⁵ *околов К.Н.* Парламентаризм. Опыт правовой теории парламентарного строя. СПб., 1912. С. 397.

⁶ Там же. С. 327.

⁷ Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. М., 1994. С. 44–52.

⁸ *Котляревский С.А.* Конституционное государство. Юридические предпосылки русских Основных законов. М., 2004. С. 275.

⁹ ГА РФ, ф. Р-5971, оп. 1, д. 109, л. 60.

¹⁰ Протоколы царскосельских совещаний (1905–1906) // Русский конституционализм: От самодержавия к конституционно-парламентской монархии. М., 2001. С. 107–108, 118, 120.

¹¹ Там же. С. 120.

- ¹² Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. М., 1994. С. 44–52.
- ¹³ Институт экспертизы при создании Основных законов 1906 г. // Нестор. № 4. Наука и власть. СПб., 2004. С. 63.
- ¹⁴ *Нольде Б.Э.* Очерки русского государственного права. СПб., 1911. С. 155.
- ¹⁵ Там же. С. 214, 219–220.
- ¹⁶ Там же. С. 200.
- ¹⁷ Там же. С. 205.
- ¹⁸ *Котляревский С.А.* Указ. соч. С. 274.
- ¹⁹ Там же. С. 245.
- ²⁰ ГА РФ, ф. 543, оп. 1, д. 520, л. 18.
- ²¹ Там же, л. 18–21.
- ²² П.А. Столыпин: Грани таланта политика. М., 2006. С. 467.
- ²³ *Столыпин П.А.* Программа реформ. М., 2002. Т. 1. С. 32–42.
- ²⁴ П.А. Столыпин: Грани таланта политика. С. 469.
- ²⁵ Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 гг. // Вопросы истории. 1999. №8. С. 4–5.
- ²⁶ Там же. № 3. С. 5.
- ²⁷ *Котляревский С.А.* Указ. соч. С. 338.
- ²⁸ Донесения Л.К. Куманина... // Вопросы истории. 1999. № 6. С. 20.
- ²⁹ *Манен Б.* Принципы представительного правления. СПб., 2008. С. 262–263.
- ³⁰ *Соколов К.Н.* Новейшая эволюция парламентаризма // Право. 1909. №29. Стб. 1624.
- ³¹ ГА РФ, ф. 102, оп. 265, д. 331, л. 37; Донесения Л.К. Куманина ... // Вопросы истории. 1999. № 1. С. 9–10.
- ³² *Вязигин А.И.* Гололобовский инцидент. Харьков, 1909. С. 8.
- ³³ Донесения Л.К. Куманина... // Вопросы истории. 1999. № 7. С. 6.
- ³⁴ Там же. № 9. С. 6–8.
- ³⁵ Там же. № 1. С. 17–19.
- ³⁶ Там же. № 7. С. 4–5.
- ³⁷ Там же. № 4–5. С. 18.
- ³⁸ Там же. № 7. С. 16.
- ³⁹ Там же. № 2. С. 5.
- ⁴⁰ Там же. № 1. С. 21.
- ⁴¹ Русская торговля и промышленность // Голос Москвы. №285. 1907. 9 декабря. С. 3.
- ⁴² Донесения Л.К. Куманина... // Вопросы истории. 1999. № 6. С. 5.
- ⁴³ Там же. № 3. С. 7.
- ⁴⁴ П.А. Столыпин глазами современников. М., 2008. С. 84–85; ГА РФ, ф. Р-5881, оп. 2, д. 335, л. 51.
- ⁴⁵ П.А. Столыпин глазами современников. С. 86–87.
- ⁴⁶ *Глинка Я.В.* Одиннадцать лет в Государственной думе. М., 2001. С. 84.
- ⁴⁷ Там же. С. 123; См.: *Демин В.А.* Государственная дума России (1906–1917): Механизм функционирования. М., 1996. С. 52–53.
- ⁴⁸ *Глинка Я.В.* Указ. соч. С. 71.
- ⁴⁹ Там же. С. 89.
- ⁵⁰ Там же. С. 71.
- ⁵¹ Там же. С. 80.
- ⁵² Там же. С. 105–106.
- ⁵³ Донесения Л.К. Куманина... // Вопросы истории. 1999. № 1. С. 6–7.
- ⁵⁴ Там же. № 4–5. С. 13.
- ⁵⁵ Там же. № 6. С. 14.
- ⁵⁶ П.А. Столыпин глазами современников. С. 86.
- ⁵⁷ ГА РФ, ф. 932, оп. 1, д. 132, л. 17.
- ⁵⁸ Там же, ф. Р-5881, оп. 1, д. 43, л. 57.
- ⁵⁹ Донесения Л.К. Куманина... // Вопросы истории. 1999. № 6. С. 15–16.
- ⁶⁰ РГАЛИ, ф. 1208, оп. 1, д. 40, л. 7.
- ⁶¹ ГА РФ, ф. 102, оп. 265, д. 306, л. 24.
- ⁶² *Оболенский В.А.* Моя жизнь, мои современники. Париж, 1988. С. 346.
- ⁶³ ГА РФ, ф. 102, оп. 265, д. 303, л. 81.
- ⁶⁴ Донесения Л.К. Куманина... // Вопросы истории. 1999. № 7. С. 17.
- ⁶⁵ П.А. Столыпин глазами современников. С. 155–156.
- ⁶⁶ Донесения Л.К. Куманина... // Вопросы истории. 1999. № 7. С. 3.
- ⁶⁷ *Гройский П.* Совет старейшин // Право. 1910. № 5. С. 200.
- ⁶⁸ Донесения Л.К. Куманина... // Вопросы истории. 1999. № 4–5. С. 11–14.
- ⁶⁹ *Глинка Я.В.* Указ. соч. С. 125.
- ⁷⁰ Донесения Л.К. Куманина... // Вопросы истории. 1999. № 3. С. 4–5.
- ⁷¹ П.А. Столыпин глазами современников. С. 160–161.
- ⁷² Донесения Л.К. Куманина... // Вопросы истории. 1999. № 7. С. 22.
- ⁷³ Церковные дела // Голос Москвы. 1907. 9 декабря. № 285. С. 3.
- ⁷⁴ Государственная дума. Стеногр. отчеты. Созыв III. Сессия V. Ч. 3. Стб. 140.

- ⁷⁵ РГВИА, ф. 89, оп. 1, д. 42, л. 818.
- ⁷⁶ *Савич Н.В.* Воспоминания. М.: Дюссельдорф, 1993. С. 85.
- ⁷⁷ ГА РФ, ф. 102, оп. 265, д. 304, л. 92.
- ⁷⁸ П.А. Столыпин. Биохроника. М., 2006. С. 225, 231, 234, 238, 240, 242, 272, 273, 276, 307, 339, 342.
- ⁷⁹ *Тимашев С.И.* Указ. соч. С. 118.
- ⁸⁰ Донесения Л.К. Куманина... // Вопросы истории. 1999. № 4–5. С. 19.
- ⁸¹ Там же. № 6. С. 6–7.
- ⁸² *Глинка Я.В.* Указ. соч. С. 55.
- ⁸³ Донесения Л.К. Куманина... // Вопросы истории. 1999. № 1. С. 24.
- ⁸⁴ Там же. № 3. С. 18.
- ⁸⁵ Там же. № 6. С. 16.
- ⁸⁶ Там же. № 4–5. С. 11.
- ⁸⁷ Там же. С. 13.
- ⁸⁸ Там же. № 2. С. 27–28.
- ⁸⁹ Там же. С. 8.
- ⁹⁰ *Столыпин П.А.* Переписка. М., 2004. С. 621–622.
- ⁹¹ *Могилевский К.И.* Совет по делам местного хозяйства: Структура, функции, деятельность (1908–1910); Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 25–27.
- ⁹² РГАЛИ, ф. 1208, оп. 1, д. 40, л. 11–12; П.А. Столыпин: Биохроника. С. 312.
- ⁹³ ГА РФ, ф. 579, оп. 1, д. 4654, л. 29.
- ⁹⁴ Там же, ф. 5102, оп. 1, д. 283, л. 2–4.
- ⁹⁵ Там же, ф. 102, оп. 265, д. 311, л. 77.
- ⁹⁶ Там же, д. 557, л. 171.
- ⁹⁷ *Каменский П.В.* Вероисповедные и церковные вопросы в Государственной думе третьего созыва и отношение к ним «Союза 17 октября». М., 1909. С. 14–17.
- ⁹⁸ ГА РФ, ф. 102, оп. 265, д. 323, л. 80.
- ⁹⁹ Донесения Л.К. Куманина... // Вопросы истории. 1999. № 6. С. 12–13.
- ¹⁰⁰ *Савич Н.В.* Указ. соч. С. 38–39.
- ¹⁰¹ *Гучков А.* Московская сага: Летопись четырех поколений знаменитой купеческой семьи Гучковых. М., 2005. С. 415; ГА РФ, ф. 102, оп. 265, д. 304, л. 92.
- ¹⁰² Донесения Л.К. Куманина... // Вопросы истории. 1999. № 7. С. 19.
- ¹⁰³ Там же. № 2. С. 17.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 21.
- ¹⁰⁵ Там же. № 3. С. 8.
- ¹⁰⁶ ГА РФ, ф. 102, оп. 265, д. 314, л. 47.
- ¹⁰⁷ Там же, IV делопроизводство, 1912, д. 130, ч. 7, л. 1.
- ¹⁰⁸ РГАДА, ф. 1412, оп. 2, д. 463, л. 17.
- ¹⁰⁹ *Гессен И.В.* В двух веках: Жизненный отчет // Архив русской революции. Т. 21–22. М, 1993. С. 223.
- ¹¹⁰ ГА РФ, ф. 102, оп. 265, д. 324, л. 66.
- ¹¹¹ Там же, д. 372, л. 84.
- ¹¹² Донесения Л.К. Куманина... // Вопросы истории. 1999. № 3. С. 9.
- ¹¹³ Там же. № 6. С. 18.
- ¹¹⁴ *Глинка Я.В.* Указ. соч. С. 73.
- ¹¹⁵ Донесения Л.К. Куманина... // Вопросы истории. 1999. № 4–5. С. 11.
- ¹¹⁶ Там же. № 6. С. 27.
- ¹¹⁷ ГА РФ, ф. 102, оп. 265, д. 310, л. 64.
- ¹¹⁸ *Демин В.А.* Верхняя палата Российской империи. М., 2006. С. 97.
- ¹¹⁹ ГА РФ, ф. 102, оп. 265, д. 561, л. 531.
- ¹²⁰ *Ковалевский М.М.* Моя жизнь. М., 2005. С. 397–398.
- ¹²¹ *Демин В.А.* Верхняя палата Российской империи. С. 83–84.
- ¹²² П.А. Столыпин глазами современников. С. 90–91.
- ¹²³ *Савич Н.В.* Указ. соч. С. 100–123; *Кострикова Е.Г.* Российское общество и внешняя политика накануне Первой мировой войны. М., 2007. С. 322–340.
- ¹²⁴ Государственная дума России: Энциклопедия. Т. 1. С. 288.

ВНУТРИПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ В ПЕРИОД КРИЗИСА ТРЕТЬЕЙ ЮНЬСКОЙ СИСТЕМЫ (1911–1917 гг.)

Проблема внутриправительственных конфликтов крайне важна для понимания особенностей внутренней политики Российской империи в целом и ее третьей юньской системы в частности. Каждый министр, сохраняя право личного доклада императору, был относительно независим в управлении своим ведомством. Однако проведение им той или иной политики часто приводило к столкновениям с интересами других ведомств, что неизбежно оказывало влияние на правительственный курс и его реализацию в общегосударственных масштабах. С проявившимся весной 1911 г. упадком третьей юньской системы такие столкновения приняли особенно частый характер и со временем оказывали на ее эволюцию все большее влияние.

На изучение внутриправительственных конфликтов в период третьей юньской монархии впервые обратил внимание В.С. Дякин. Отмечая разнохарактерность их мотивов, он считал политические противоречия в Совете министров «значительными» (рассматривая, например, Л.А. Кассо, Н.А. Маклакова, В.К. Саблера и И.Г. Щегловитова, с одной стороны, и А.В. Кривошеина, с другой, как политических противников В.Н. Коковцова), но в то же время подчеркивал постоянный рост противоречий, связанных с решением экономических задач. Так, конфликт Коковцова и Кривошеина, по мнению историка, имел важную экономическую составляющую: вопрос о сельскохозяйственном кредите естественным образом привел к трениям между Министерством финансов и Министерством торговли и промышленности, с одной стороны, и Главным управлением земледелия и земледелия – с другой, а проблема правительственной политики в отношении синдикатов усиливала это противостояние, к которому на стороне ведомства Кривошеина примыкало еще и Министерство путей сообщения. В основании «Нового курса» правительства И.Л. Горемыкина Дякин также видел преимущественно экономические соображения¹. Основными виновниками перманентного политического конфликта в Совете министров он считал Горемыкина, А.Н. Хвостова, Б.В. Штюмерера и А.Д. Протопопова. В дальнейшем эта тема получила развитие в работах М.Ф. Флоринского, исследовавшего межведомственные конфликты, возникавшие в Совете министров². Рассмотрев расстановку сил в Совете министров осенью 1915 – начале 1916 г. Р.Ш. Ганелин и Флоринский пришли к выводу о том, что внутриправительственная борьба в этот период была, прежде всего, вызвана карьеристскими стремлениями А.Н. Хвостова³.

Борьба в правительственных сферах стала одной из главных тем вышедшей недавно монографии С.В. Куликова⁴. Опираясь на богатый документальный материал, автор выдвинул концепцию, которая практически полностью противоположна взгляду Дякина. Рассматривая бюрократию как часть интеллигенции, Куликов утверждает, что в период Первой мировой войны именно политические противоречия были в правительстве основными, причем борьба шла между двумя течениями «правительственного либерализма» – «дуалистами» (умеренными либералами, сторонниками сохранения существовавшего строя) во главе с императором Николаем II и Горемыкиным и «парламентаристами» (сторонниками установления парламентарного строя, близкими

* Гайда Федор Александрович, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проекты № 06-01-00154а, 07-01-94684 м/м.

по взглядам к кадетам), возглавляемыми Кривошеиным. Коренное различие между группами заключалось в том, что «дуалисты» были приверженцами идеи разделения властей, тогда как «парламентаристы» выступали за передачу верховной власти парламенту. Все министры распределяются Куликовым по этим двум группам. Их противостояние, в которое включились и общественные силы, спровоцировало, по мнению исследователя, политический кризис и падение монархии⁵. Такой вывод, как представляется, противоречит верному представлению Куликова о рациональности поведения представителей высшей бюрократии⁶. К сожалению, в монографии, где все подчинено магистральной идее, не анализируются непосредственные мотивы и специфика различных конфликтов. Между тем, исследование таких аспектов политического процесса неизбежно требует детального анализа и сочетания различного рода источников (официальной документации Совета министров⁷, стенограммы допросов Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства⁸, мемуаров и переписки министров и т.д.). Таким образом, несмотря на то, что внутриправительственная борьба в третьишюльсбургский период еще недостаточно разработана, можно говорить о наличии различных, и подчас противоположных, точек зрения на характер конфликтов в правительстве накануне падения Российской империи⁹.

После гибели П.А. Столыпина, политические вкусы которого оказывали значительное влияние на формирование правительства, уровень конфликтности в Совете министров заметно повысился. Недоброжелатели В.Н. Коковцова объясняли это личными свойствами нового председателя. С.Ю. Витте считал его человеком, чьи действия определялись исключительно карьерными соображениями и тем, «что он считает в данный момент для себя выгодным». При этом какого-либо изменения столыпинского курса Витте не ожидал. Схожей была и позднейшая оценка бывшего товарища министра внутренних дел П.Г. Курлова, полагавшего, что для Коковцова, в отличие от Столыпина и Кривошеина, наибольшее значение имели личные интересы. «На посту председателя Совета министров, т.е. руководителя политики, у В.Н. Коковцова никакой системы не было, – утверждал он, – так как нельзя назвать системой изменчивость взглядов, свойственную только капризной женщине»¹⁰. Более лояльно относившийся к главе правительства министр иностранных дел С.Д. Сазонов отмечал, что «у Коковцова была масса врагов, благодаря его малоуживчивому нраву, отсутствию гибкости и вкорененной долгой бюрократической службой привычке поступать по своим убеждениям, не принимая во внимание мнений своих противников». В результате, он испортил отношения и с Государственной думой, и с императрицей (из-за резко неприязненного отношения к Распутину)¹¹.

Сам Коковцов не склонен был объяснять конфликты в правительстве политическими разногласиями. В то же время едва ли не всех своих коллег по Совету министров он обвинял во властных амбициях. Прежде всего, это касалось министра юстиции И.Г. Щегловитова, которого Коковцов подозревал в стремлении занять его место (напротив, явное несовпадение их взглядов на национальный вопрос и политику в Финляндии и Польше представлялось главе правительства несущественным)¹². Коковцов не рассматривал «консервативное крыло» Совета как некую политическую группировку, сводя все к тому, что «Щегловитов и Рухлов секретно действовали против меня, имея на своей стороне Сухомлинова»¹³. Впрочем, он признавал, что министр путей сообщения С.В. Рухлов склонен был поддерживать главу правительства всякий раз, когда встречал с его стороны понимание проблем железнодорожного строительства¹⁴. Конфликт Коковцова с военным министром В.А. Сухомлиновым из ведомственного до вольно быстро перешел в личный. Военное министерство добивалось выделения кредитов на нужды армии, против чего возражал Коковцов, считавший требования Сухомлинова легковесными и непродуманными, а самого министра – некомпетентным и склонным к «беззастенчивым передержкам»¹⁵. На это Сухомлинов на заседании Совета министров как-то заявил, что, когда начнется война, «стрелять деньгами в противника будет нельзя» и весь оберегаемый министром финансов «золотой запас и остальные накопленные средства при национальном позоре перейдут в карманы победите-

лей»¹⁶. Не менее сложными были отношения между председателем Совета министров и министром народного просвещения. Будучи не в силах добиться отставки Л.А. Кассо или хотя бы ослабить доверие к нему императора, Коковцов не мог влиять на дела Министерства народного просвещения даже в тех случаях, когда считал свое вмешательство оправданным «общеполитической атмосферой» и соображениями высшего порядка¹⁷.

Государственный контролер П.А. Харитонов, хотя и не находился в конфликте с главой правительства, также тяготел к его противникам. «Умный, циничный и хитрый Харитонов, – писал Коковцов, – всегда примыкал туда, где, казалось ему, сила, а она при всем его либерализме влекла его в сторону *так называемых консервативных элементов* (выделено мною. – Ф.Г.)... На самом же деле Харитонов просто чуял, что медовый месяц моего положения прошел, и выгоднее примыкать против меня». При этом, как отмечал Коковцов, государственный контролер не хотел ссориться ни с Щегловитовым, ни с Кривошеиным, «не зная хорошенько, кто из них построит свое благополучие на моих развалинах»¹⁸.

Отношения с главноуправляющим земледелием и землеустройством Кривошеиным у председателя Совета министров, по его собственному свидетельству, «примерно до ноября 1913 года были наружно очень хорошие» и даже «почти дружеские» (этому не мешали ни «размолвки по Крестьянскому банку», ни неизбежные бюджетные споры). «Мы редко расходились в Совете министров по большинству острых и крупных вопросов, мы всегда находили общий язык и обоюдное понимание, – вспоминал Коковцов. – ...Время от времени он даже как-то особенно близко подходил ко мне, входил в самые откровенные беседы, открывая мне, что называется, свою душу и дохода даже до таких тайников моего мышления, как, например, пессимистический анализ характера Государя, приводивший постоянно Кривошеина, по его словам, к мрачным выводам о будущем России и грозящем ей рано или поздно катастрофой от того рокового влияния, которое имеют на ее судьбы случайные люди. Подчас мне казалось, что его откровенность в этом вопросе имела целью узнать лишь мой взгляд на него, и я высказывался всегда очень сдержанно, не давая ему повода отождествлять себя с ним». Вместе с тем Коковцов не сомневался, что «такие опытные люди, как Кривошеин, зорко следили за развитием распутинской истории и прекрасно учитывали отношение ко мне императрицы». Как бы то ни было, желания возглавить Совет министров Коковцов у Кривошеина не усматривал: «Брать на себя тяготу ответственности за общее направление дел, в особенности среди надвигавшихся осложнений, Кривошеин не хотел. Он хорошо понимал и, пожалуй даже лучше, чем кто-либо, оценивал, что в России первому министру опереться не на кого. Его жалуют только пока человек не выдвигается слишком определенно в общественном мнении и не играет роли действительного правителя; а стоит этому человеку приобрести решающее влияние на дела, как наступает для него пора, чреватая всякими неожиданностями». К тому же, по мнению Коковцова, Кривошеин не имел ярко выраженных политических взглядов и вынужден был постоянно лавировать между правым крылом Государственного совета и либералами в Государственной думе¹⁹.

Сам Коковцов полагал, что из всех конфликтов в Совете министров в 1912–1913 гг. только его столкновения с министрами внутренних дел А.А. Макаровым и Н.А. Маклаковым имели политическую подоплеку. Именно Коковцов в 1911 г. настойчиво рекомендовал императору назначить Макарова на пост министра внутренних дел²⁰. Однако впоследствии в своих мемуарах председатель Совета министров вынужден был признать: «Подчинить Макарова моему влиянию мне не удалось». Напротив, он «подпал под влияние своих сотрудников», и прежде всего – товарища министра А.Н. Харузина (Макаров при этом характеризовался мемуаристом как человек «честный по личным взглядам, но ограниченный и упрямый до крайности»). Проведение выборов в Государственную думу в 1912 г., по словам Коковцова, «окончательно рассорило» его с министром внутренних дел²¹.

Первоначально Коковцов пытался передать организацию выборов в руки творца третьешюньской избирательной системы С.Е. Крыжановского, занимавшего тогда пост государственного секретаря. Председатель Совета министров писал даже Николаю II, что без «ловкости» Крыжановского выборы могут принести «крупные разочарования»²². Тем не менее Макаров настоял на том, чтобы выборы проходили под контролем МВД. Предполагалось, что правительство будет лишь противодействовать «левым течениям», не оказывая какой-либо особой поддержки правым. Министр финансов даже считал бессмысленным привычное дотирование правой печати, как вздорной и неэффективной, однако Макаров сумел его убедить в том, что такую поддержку нельзя прекратить непосредственно накануне выборов. Между тем Макаров и Харузин «выпустили дело из своих рук» и предоставили излишнюю инициативу губернаторам, позволив им во время выборов сводить счеты со своими личными врагами²³. Действия руководства МВД вызвали недовольство главы правительства. Но характерно, что Коковцов никогда не упоминал о каких-либо разногласиях с обер-прокурором Св. Синода В.К. Саблером, не менее активно участвовавшим в избирательной кампании 1912 г. Напротив, он всячески подчеркивал свое единомыслие в церковных делах с императором и обер-прокурором, пользовавшимся особой поддержкой монарха²⁴. Видимо, неловкие действия Макарова при проведении выборов лишь дали Коковцову повод освободиться от слишком строптивого министра внутренних дел.

Сменивший Макарова Маклаков был назначен по личному желанию царя и вопреки воле председателя Совета министров. Несмотря на заведомо натянутый характер их взаимоотношений, прямое столкновение между премьером и новым министром произошло лишь однажды. 27 ноября 1913 г. на заседании Совета министров обсуждался вопрос о выборах московского городского головы, результат которых должен был утвердить министр внутренних дел. С подачи кн. В.П. Мещерского Маклаков предложил императору назначить городским головой члена Государственного совета Б.В. Штюмерера, известного своими правыми взглядами. Коковцов протестовал, опасаясь недовольства московской общественности. Прочие министры, кроме хранивших молчание Сухомлинова и Кассо, также высказались против идеи Маклакова. В особом журнале Совета министров отмечалось, что назначение Штюмерера привнесет во взаимоотношения правительства и московского городского самоуправления «вредные начала недоверия, розни и раздражения»²⁵. Не получила поддержки министров и предпринятая Маклаковым попытка ужесточить административный контроль над печатью²⁶.

Таким образом, конфликты в Совете министров в период председательства В.Н. Коковцова порождались почти исключительно межведомственными противоречиями и личными амбициями, которые глава правительства оказался не в состоянии ни устранить, ни сдерживать. Политические столкновения, даже сравнительно частные (как в случае с выборами московского городского головы), возникали крайне редко и носили единичный характер. Неудивительно, что в начале 1914 г. Коковцов в разговоре с издателем еженедельника «Экономист России» назвал причиной своей отставки безволие императора и безответственность царских советников, а не какие-либо принципиальные политические расхождения²⁷.

Как отмечал С.Д. Сазонов, только при новом председателе Совета министров И.Л. Горемыкине правительство впервые раскололось по политическим взглядам на две группы. Первая («правая») группа во главе с Щегловитовым поддерживала Горемыкина и была более многочисленной, «по крайней мере, в первое время, пока несостоятельность Горемыкина не сделалась очевидной для всей страны». По словам Сазонова, эта группа состояла из противников столыпинской политики («в более или менее скрытой форме»), а некоторые ее представители были «тайными распутниками». «Если они допускали необходимость реформ, – вспоминал Сазонов, – то таких только, которые не касались важных частей государственной машины, обветшавших от долголетнего употребления». В то же время «с существованием Государственной думы им, не менее, чем самому Горемыкину, было особенно трудно примириться и тем более установить с нею необходимый *modus vivendi*». Как уверял министр иностранных дел,

«вторая группа министров, получившая совершенно незаслуженное звание радикалов, состояла из таких же убежденных монархистов, как их более правые товарищи с тою только разницей, что они понимали, что не может быть учреждения, как бы разумно ни было его основание, которое могло бы претендовать на неизменность»²⁸. Таким образом, основной причиной политических разногласий в правительстве, по его мнению, было различное отношение к Думе. Однако принципиально враждебно к ней относился лишь Маклаков, дважды (в октябре 1913 г. и в июле 1914 г.) предлагавший распустить Думу и даже изменить избирательный закон и оба раза оставшийся в Совете министров в одиночестве²⁹.

Как отмечал помощник управляющего делами Совета министров А.Н. Яхонтов, до лета 1915 г. между Горемыкиным и Кривошеиным существовало «неизменное согласие»³⁰. Новый министр финансов П.Л. Барк, назначенный по рекомендации Кривошеина, обозначал состав «правой» группы лишь тремя фигурами (Щегловитов, Маклаков и Кассо, скончавшийся в ноябре 1914 г.). «Правые» пытались привлечь на свою сторону и самого Барка, но тот проявлял сдержанность в политических вопросах³¹.

Гр. П.Н. Игнатьев, ставший в январе 1915 г. управляющим Министерством народного просвещения, был близок к Кривошеину, Сазонову и Харитонову. В своих показаниях Верховной следственной комиссии Временного правительства он указывал, что до мая-июня 1915 г. «по существу политики» ему были близки Харитонов и Сазонов, а «по общей психологии» – Кривошеин (под «общей психологией» Игнатьев понимал стремление преодолеть вражду между властью и общественностью, их разделение на «мы» и «они»). Кривошеин также видел в Игнатьеве близкого по политическим взглядам человека и потому последовательно предлагал ему посты в Главном управлении землеустройства и земледелия, МВД и, наконец, в МНП. «В общем же мы составляли группу», – утверждал Игнатьев. При этом он признавался: «Для меня было ясно, что все усилия Кривошеина сводятся к тому, чтобы руководить Горемыкиным и вести его к принятию определенной политики. В чем была эта политика по существу, я бы даже не сумел формулировать, потому что желал сохранить своему ведомству *аполитичность* (выделено мною. – *Ф.Г.*)». Единственная цель их «группы» состояла, по мнению Игнатьева, в том, чтобы наладить нормальное сотрудничество с Государственной думой³².

Другую группировку, по словам Игнатьева, возглавлял Щегловитов, «который притягивал к себе Маклакова и *некоторых других* (выделено мною. – *Ф.Г.*)». В интересах этой группы действовала и Ставка, игравшая важную политическую роль. Она выступала, «напротив того, за усиление центральной власти, за усиление административной власти» и стремилась, «по возможности, отмежеваться от Государственной думы, сократить ее влияние на внутреннюю жизнь и, главное, отмежевать ее от войск». К началу 1915 г. между Кривошеиным и Маклаковым был уже открытый конфликт, и они не подавали друг другу руки. Кроме того, «Кривошеин не переносил Саблера»³³. Вместе с тем Игнатьев делал существенную оговорку: «Должен сказать, что в первой части 1915 года политики почти не было. ... Все были убеждены, что война скоро кончится»³⁴. Характерно, что политические противоречия обострились в Совете министров одновременно с Великим отступлением 1915 г., катализировавшим правительственный кризис и активизацию оппозиции. По сути, они выражали прежде всего реакцию министров на происходившие события. При стабилизации же обстановки политические споры быстро отходили на второй план.

Кн. В.Н. Шаховской, вошедший в Совет министров в феврале 1915 г., вспоминал, что на тот момент в правительстве шла борьба большинства, во-первых, против Сухомлинова, которого критиковали за состояние дел в его ведомстве, и, во-вторых, против придерживавшихся правых взглядов Щегловитова и Маклакова, к которым иногда примыкал и Саблер, обычно остававшийся в стороне от каких-либо споров. Проводя подобную дифференциацию кн. Шаховской подчеркивал разнохарактерность существовавших в Совете министров противоречий. Так, он утверждал, что его разногласия

с Барком, Игнатьевым и морским министром И.К. Григоровичем носили ведомственный характер и никак не влияли на их личные отношения³⁵.

По мнению Барка, конфликт, разразившийся в Совете министров в мае 1915 г., был вызван необходимостью обеспечить сотрудничество с Думой. Собравшись в здании МИД, Кривошеин, Харитонов, Рухлов, Игнатьев, Григорович, Шаховской и Барк приняли решение, угрожая своей отставкой, добиться от Горемыкина созыва Думы и удаления трех «правых» министров (Щегловитова, Маклакова и Саблера), а также Сухомлинова, который, хотя и не был «правым», но «не сумел установить нормальных отношений с Государственной думой». Щегловитову и Маклакову в воспоминаниях Барка ставилось в вину то, что они открыто признавали манифест 17 октября 1905 г. ошибкой, а Россию считали «настолько отсталой страной, что к ней применимо только самодержавие»; Саблер «был менее ярким выразителем таких крайних взглядов». Вести переговоры с председателем Совета министров поручили Барку, к которому Горемыкин, по свидетельству самого министра финансов, относился «с особой симпатией и доверием»³⁶. Возможно, была и другая причина. Яхонтов вспоминал о своем разговоре с государственным контролером, состоявшемся вскоре после данного совещания: «Харитонов, подчеркнув, что наиболее горячо ратовал Барк, добавил с присущим ему язвительным смешком – окончательно запутал финансовое положение и хочет уйти под благовидным предлогом»³⁷. Таким образом, Барк был уполномочен вести переговоры с Горемыкиным, как самый активный сторонник задуманного демарша.

Дополнительной причиной разногласий в правительстве в мае 1915 г. стал польский вопрос³⁸. Щегловитов, Маклаков и Саблер изначально выступали против любых уступок полякам³⁹. М.Ф. Щегловитова, супруга министра юстиции, вспоминала, что для ее мужа польский вопрос был крайне важен. Воззвание верховного главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича к полякам, в котором говорилось о даровании после войны автономии, стало для Щегловитова «ударом»: «Тогда он окрестил этот акт "началом конца России"»⁴⁰. Предвидя неизбежные осложнения, Сазонов добивался кулуарного решения вопроса о польской автономии (в интересах МИД было сформулировать перед союзниками «мягкую линию» в отношении Польши). Однако данный вопрос все же был передан на рассмотрение Совета министров, что вызвало крайнее раздражение министра иностранных дел⁴¹. Выдвинутая Сазоновым идея автономии была поддержана на заседании Кривошеиным. Когда же Маклаков заявил, что в таком случае главной целью войны для России станет польская независимость, Кривошеин возмутился, обвинил его в клевете и обещал прислать секундантов. Горемыкин вынужден был спешно закрыть заседание⁴².

Помимо прочего, конфликт Кривошеина и Маклакова был связан и с диаметрально противоположной политикой в отношении Всероссийских Земского союза и Союза городов. 25 ноября 1914 г. в Совете министров обсуждалась записка министра внутренних дел о необходимости установления государственного контроля за Земгором, что обосновывалось отсутствием финансовой отчетности и политизацией его деятельности. Сторонников у Маклакова вновь не нашлось, и его предложения были отвергнуты⁴³. Весной 1915 г., упомянув в разговоре с А.Н. Наумовым (тогда – самарским предводителем дворянства и активистом Земгора) о главноуправляющем землеустройством, Маклаков даже «не мог воздержаться, чтобы не наговорить целый ворох недоброжелательных о нем отзывов, ставя Кривошеину в вину, главным образом, его "заигрывание" с общественными организациями». При этом «Маклаков разразился самой ожесточенной критикой по адресу общеземских и городских организаций»⁴⁴.

30 июля 1915 г., вскоре после отставки, в личном письме К.Н. Паскалову Маклаков обвинил Кривошеина во втягивании армии в политику, в избрании А.И. Гучкова председателем Центрального военно-промышленного комитета и в травле губернаторов газетчиками. «И все это делает, – негодовал он, – бесчестный проходимец Кривошеин, который совсем собьет с толку благородного и очень глубоко честного князя Щерба-това. Помесь жида и польки теперь стал во внутренней России фактическим главнокомандующим, и я не сомневаюсь, что он спихнет допотопного плута сейчас же, как толь-

ко кончится сессия, причем будет ломаться как Борис Годунов и будет доказывать, что можно обойтись без него. Но, конечно, пойдет, чтобы добыть исконную, русскую Россию. Таким господам она не дорога»⁴⁵. Бывший министр внутренних дел прекрасно понимал, что это письмо будет перлюстрировано и доложено его преемнику кн. Н.Б. Щербатову. Отсюда – не только комплименты, но и своеобразное политическое завещание.

После перемен в составе Совета министров в него, по словам гр. Игнатъева, «вошли элементы *правого крыла* (выделено мною. – Ф.Г.), но общественно настроенные». «Кривошеин был бюрократ по крови, – пояснял граф, – он воспринял общественность не по нутру, а по умственному убеждению. Поэтому, когда он в обстановке иной бывал, его сбивали». Однако уже сменивший Сухомлинова новый военный министр А.А. Поливанов был «более или менее верующий в это нутром». Действительно все новые министры, кроме министра юстиции А.А. Хвостова, либо сами являлись представителями общественности (А.Д. Самарин, кн. Щербатов), либо были с ней тесно связаны, как тот же Поливанов. «Постепенно большинство членов Совета, почти единогласно, перешли на нашу сторону», – вспоминал гр. Игнатъев⁴⁶.

В это же время, в июне 1915 г., почти внезапно произошел разлад между Кривошеиным и Горемыкиным. 5 министров (Кривошеин, Поливанов, Харитонов, Барк, гр. Игнатъев) собрались на квартире главного управляющего землеустройством, чтобы обсудить вопрос об отставке Горемыкина, которому вменялся в вину не тот или иной курс, а его отсутствие. «Пускай какая угодно будет программа, – рассуждали собравшиеся, – но ясная и определенная как для нас, его коллег, так и для страны и законодательных палат, пускай будет ясен путь, которым нужно идти, чтобы выбраться из этого тяжкого положения, а плыть без руля и без ветрил мы не можем». Помимо того, председатель Совета министров обвинялся в нежелании идти на тесный контакт с общественными организациями и Думой (со своей стороны, правда, Горемыкин, в сентябре 1915 г. отрицал отсутствие этого контакта)⁴⁷. Сазонов и Барк также утверждали, что конфликт с Горемыкиным произошел именно из-за его неумения наладить взаимоотношения с Думой⁴⁸. По словам Поливанова, отношения министров с Горемыкиным начали обостряться «невидимо»: он «легко склонился на перемену Щегловитова и Саблера» и явно «эволюционировал в смысле движения навстречу общественности», но уже «в августе в нем замечалось начало реакционное»⁴⁹.

В 1917 г. кн. Щербатов говорил, что «работать с председателем совета никакие министры [были] не в состоянии, независимо даже от взглядов», поскольку количество дел, обсуждавшихся в Совете министров, возрастало, а «ничего планомерного не было»⁵⁰. Директор Департамента полиции МВД С.П. Белецкий, не отличавшийся, впрочем, особой честностью, полагал, что конфликт Горемыкина и Кривошеина носил сугубо личный характер: Горемыкин опасался «заместительства Кривошеина» и потому уже в августе 1915 г. использовал в борьбе с ним подписанное Кривошеиным письмо к императору, в котором шла речь «о даровании стране прочных конституционных гарантий»⁵¹.

Иного рода причины указывал Яхонтов. По его мнению, к столкновению между Горемыкиным и Кривошеиным привели «выступление объединенной общественности» и появление в Совете министров Поливанова. «При виде столь быстрого перелома... невольно закрадывалось подозрение, – писал он позднее, – что А.А. Поливанов сумел "окрутить" А.В. Кривошеина, глубоко потрясенного и угнетенного невыразимыми бедствиями». Бывший помощник военного министра, отправленный в 1912 г. в отставку из-за разногласий со своим непосредственным начальником Сухомлиновым, «Поливанов за годы своего отчуждения от власти настолько поддался чувству обиды и озлобился (если только это не было свойством его натуры), что он уже не мог примириться с тем строем, в котором ему не посчастливилось в свое время завоевать первенствующее положение». «Под его тлетворным влиянием, – утверждал Яхонтов, – стал проникать в Совет министров дух политических происков, интриг и протеста». В период командования вел. кн. Николая Николаевича Поливанов резко критиковал действия Ставки, но затем резко поменял свою точку зрения и «сосредоточил свои усилия на объединении Совета министров против царского намерения не столько с военной,

сколько с политической точки зрения». «Когда же на этой почве обнаружился в Совете министров разлад, – вспоминал помощник управляющего делами, – Поливанов всячески способствовал его обострению и углублению, перенося вопрос на принципиальную почву и ведя ожесточенную кампанию против И.Л. Горемыкина. Игра его была настолько умело комбинирована, что одно время он находился накануне назначения на пост председателя Совета министров»⁵². В августе 1915 г., наблюдая за развитием правительственного кризиса, Яхонтов недоумевал: «Не понимаю, чего добивается Поливанов. Он всех науськивает и против великого князя (Николая Николаевича. – *Ф.Г.*), и против принятия командования Государем, и против Ивана Логгиновича (Горемыкина. – *Ф.Г.*). Уж не своего ли друга любезного г. Гучкова он ладит в спасители отечества»⁵³.

Кн. Шаховской сперва положительно относился к замене Сухомлинова на «умного и образованного» Поливанова, который имел тесные связи со Ставкой, больше своего предшественника знал о состоянии дел на фронте и мог информировать остальных министров. Однако затем Шаховской заметил авантюристические наклонности Поливанова и его стремление «культивировать отношения с тою общественностью, которая не может быть иначе названа, как революционная общественность». Князю «казалось, что он был удовлетворен» поражениями русской армии. Изменение мнений Поливанова по различным вопросам экономической политики также определялось заигрыванием с оппозицией. В частности, в октябре 1915 г. Поливанов поддержал в Совете министров, но затем провалил в Особом совещании по обороне проект Шаховского об организации черной металлургии. Кроме того, заботясь о выгодах отдельных предпринимателей, Военное министерство систематически ущемляло интересы казенной промышленности, защитником которой выступал Шаховской. К примеру, только при содействии императора министр торговли и промышленности смог отстоять решение о поддержке Пермского артиллерийского завода (Поливанов добивался открытия там же аналогичного частного предприятия)⁵⁴.

Решение императора принять на себя обязанности верховного главнокомандующего, обсуждавшееся в Совете министров в начале августа 1915 г., вызвало кризис в его деятельности. Министры не чувствовали поддержки ни со стороны общества, ни от верховной власти. Горемыкин, считавший состоявшееся решение ошибочным, исходил из того, что оно уже было принято, и выступил против какого-либо обращения министров к императору по этому поводу. «Какая в Совете министров кислятина», – сказал он тогда же управляющему делами Совета министров И.Н. Ладыженскому. 12 августа Горемыкин вынужден был прервать речь недавно назначенного обер-прокурором Св. Синода московского предводителя дворянства А.Д. Самарина, заговорившего о «влияниях» на принимаемые императором решения. 16 августа Яхонтов написал в своем журнале: «Опять нервничают. Поливанов во время беседы больше молчит с видом оппозиционным. У Самарина вид грустный, встревоженный. Игнатьев все время почему-то воздерживается от участия в общем обмене мнений». 18 августа Яхонтов уже фиксировал неспособность правительства к ведению собственных дел: «Нервность сильная. Перебегают от одного вопроса к другому, обрывая суждения и не сговариваясь о постановлениях. ... Если судить о положении дел по разговорам в Совете, то... скоро придется повисеть на фонаре»⁵⁵.

19 августа, при обсуждении вопроса об эвакуации Петрограда и резолюции московской городской думы, в которой наряду с демонстративным приветствием вел. кн. Николаю Николаевичу говорилось о «министерстве доверия», в Совете министров зашла речь о сложившейся политической обстановке. «Прения носили исключительно горячий, даже резкий характер, – констатировал Яхонтов. – ... Не прения, а перекрестный спор». Горемыкин предложил не реагировать на резолюцию. Поливанов считал необходимым доложить о ней царю, попытавшись убедить его отложить замену Верховного главнокомандующего. Сазонов, Самарин, Харитонов, Кривошеин поддержали идею удовлетворения требований городской думы в этом вопросе. Когда Горемыкин отметил, что такой шаг способен лишь обострить обстановку, Кривошеин, поддержанный Шаховским, Поливановым, Сазоновым и Самариным, впервые поставил вопрос о до-

верии к председателю правительства. После заседания Горемыкин заявил Ладыженскому: «Государь император остается правым, а в Совете министров происходит быстрый сдвиг влево, вниз по течению». Позиция Горемыкина в разгорающемся конфликте объяснялась именно этим фактом. Вместе с тем, вопрос об отношении к Государственной думе в тот момент не вызывал разногласий в правительстве: по общему мнению министров ее пора было распускать⁵⁶.

21 августа в Совете обсуждался проект ответа императора на телеграмму московского городского головы (в которой была приведена резолюция думы). Горемыкин, поддержанный министром юстиции А.А. Хвостовым, находил, что достаточно ограничиться выражением монаршей благодарности. Сазонов, Щербатов, Игнатъев, Поливанов, Григорович, Самарин и Барк считали необходимым отвечать по существу. Сазонов предложил заявить Николаю II, «что при слагающейся обстановке мы не можем управлять страной, что мы бессильны служить по совести, что мы вредны нашей родине». Горемыкин парировал: «То есть, говоря просто, Вы хотите предъявить своему царю ультиматум»⁵⁷. «Предвзятость и, надо сказать, заносчивость С.Д. Сазонова в спорах проявлялись особенно резко при обсуждении вопросов внутреннего порядка и в принципиальных разномыслиях», – отмечал Яхонтов⁵⁸.

Горемыкину перемена решения о Верховном командовании представлялась более опасной, чем само решение. Несмотря на давление коллег, председатель Совета министров отверг идею коллективного обращения к царю, находя ее превышающей полномочия правительства. Однако он заявил, что не может препятствовать частным обращениям министров к Государю. Кроме того, Горемыкин просил Сазонова лично доложить императору о «непригодности и о необходимости замены» председателя Совета министров. В резолюции московской городской думы Горемыкин и Хвостов видели проявление оппозиционной деятельности и потому признавали какие-либо уступки неразумными. Остальные министры настаивали на ее патриотическом характере. В результате, в проекте телеграммы городскому голове было указано на необходимость единения верховной власти, правительства и народа перед лицом внешнего врага. Текст был ближе к пожеланиям Горемыкина.

Подводя итог споров, Сазонов заявил: «Мы радикально расходимся в оценке современного положения и средств борьбы с надвигающейся грозой». Со своей стороны, Сазонов и кн. Щербатов считали необходимым поставить монарха перед выбором: «либо диктатура, либо примирительная политика». «Я тоже люблю своего царя, глубоко предан монархии..., – заявил Горемыкину Самарин. – Но если царь идет во вред России, я не могу за ним покорно следовать». Харитонов добавил: «Мы служим не только царю, но и России». «В моем представлении эти понятия неразделимы. Здесь корень нашего разномыслия», – отвечал Горемыкин. Харитонов, Сазонов и Самарин с этим согласились. За исключением Хвостова, министры подписали письмо к Николаю II, в котором вновь выражали свое опасение по поводу принятия им верховного командования (за день до того оно уже высказывалось ими на заседании правительства под председательством царя), а также обращали внимание на «коренное разномыслие» между ними и их председателем⁵⁹.

26 августа Совет министров обсуждал вопрос о прекращении думской сессии. Сазонов и Григорович опасались, что это даст повод для забастовок рабочих. Поливанов и Харитонов считали нужным предварительно сговориться с депутатами. В связи с этим Сазонов предложил провести переговоры и по поводу только что выдвинутой программы Прогрессивного блока (в ней говорилось о «министерстве доверия», политической амнистии, отмене национальных и религиозных стеснений, ограничений для печати и профсоюзов, о демократизации земского и городского самоуправления, о введении земских учреждений на окраинах, о создании волостного земства, о мировых судах, кооперативах и т.д.). Позиция Сазонова, заявившего, что «о приемлемости всей программы не может быть и речи», хотя практически все ее положения выполнимы, была полностью поддержана участниками заседания. Тем не менее выявилась разница в понимании целей блока: если Сазонов и Поливанов видели в нем патриотическое объеди-

нение, то Горемыкин считал его направленным на «захват власти». Впрочем, Сазонов, кн. Шаховской, кн. Щербатов и Харитонов не ставили под сомнение необходимость распустить Думу. Горемыкин, считая программу блока отчасти приемлемой, полагал все же недопустимым вести переговоры не с парламентом, а «со случайным объединением» членов двух законодательных палат. Он также не желал, согласившись на их требования, «связывать себе руки в военное время». В результате, министры решили провести неформальные консультации с депутатами, понять их настроения, успокоить страсти, а затем уже закрыть сессию. После переговоров с членами блока, убедившись в его рыхлости и неспособности к деловым соглашениям, сановники уже не опасались последствий роспуска (Сазонов и Поливанов добивались каких-либо умиротворяющих правительственных деклараций по этому случаю, однако Горемыкин отказался учесть их пожелания)⁶⁰.

Конфликт министров со своим председателем закончился его победой. Министры, выдвинувшие верховной власти 2 ультиматума за 3 месяца, по словам Горемыкина, «получили нахлобучку от государя императора за августовское письмо и за поведение во время августовского кризиса»⁶¹. После того, как царь отказался принять их отставку, министрам пришлось вновь работать с Горемыкиным, но это, сетовал впоследствии гр. Игнатьев, была не работа, а «мúка, потому что Горемыкин не подчинился и чуть не каждый вопрос приходилось брать с боя» (впрочем, никаких примеров подобных боев граф не приводил)⁶². Так или иначе, после роспуска Думы и стабилизации положения на фронте уровень напряженности в правительственных сферах заметно спал.

Дальнейшая активизация борьбы внутри Совета министров была связана с назначением в сентябре 1915 г. министром внутренних дел А.Н. Хвостова, который получил этот пост по личному выбору Николая II и вопреки мнению Горемыкина. Его политические взгляды, несмотря на принадлежность к правой фракции Государственной думы, полностью подчинялись складывавшейся конъюнктуре⁶³. Так, расходясь во взглядах с гр. Игнатьевым, Хвостов считал необходимым его сохранение в составе Совета министров ради заигрывания с Думой. При этом мнения Игнатьева практически не влияли на правительственный курс⁶⁴. Свое противостояние Кривошеину, Рухлову и Шаховскому Хвостов объяснял деловыми соображениями и отсутствием у его коллег единого плана организации тыла. Открытый конфликт вскоре возник у него с Барком в связи с политикой в отношении синдикатов, борьбой с «немецким засильем» и финансированием правых организаций (им предполагалось выделить 5 млн руб. из военного фонда)⁶⁵. Как писал Белецкий, Хвостов хотел заменить Барка своим единомышленником, который отпускал бы кредиты на полицейские мероприятия, прессу и предстоящую предвыборную кампанию⁶⁶. После назначения министром путей сообщения А.Ф. Трепова Хвостов получил было согласие царя на проведение в МПС сенатской ревизии, но Трепов сумел добиться у императора ее отмены. В беседе с обоими министрами император сказал: «Господа, я вам не приказываю, а вас прошу убедительно, — для пользы России, — этого не делать, этих контров: я ошибся, поторопился»⁶⁷.

К отставке Хвостова привело его столкновение с новым председателем Совета министров Б.В. Штюрмером, которым министр внутренних дел надеялся манипулировать. По мере усиления своих расхождений со Штюрмером, Хвостов всячески пытался столкнуть его с Поливановым, однако это лишь ускорило отставку последнего. В борьбе за власть и влияние Штюрмер, имевший более широкие и значимые связи, оказался сильнее⁶⁸. Уход Хвостова и Поливанова в марте 1916 г., а также бурная деятельность Трепова привели к заметному, хоть и краткосрочному, установлению в Совете министров деловой обстановки.

Ряд столкновений, произошедших в Совете министров летом 1916 г., был связан с деятельностью А.Н. Наумова, назначенного по инициативе Хвостова министром земледелия после отставки Кривошеина. Представитель умеренно-консервативных общественных кругов, бывший самарский губернский предводитель дворянства, член Государственного совета по выборам от самарского земства (внепартийный), Наумов в целом продолжал политику своего предшественника. Острота продовольственного

вопроса, находившегося в ведении Министерства земледелия, вынуждала Наумова демонстрировать тесное сотрудничество с общественностью, а личный опыт позволял ему делать это подчеркнуто громогласно. Еще в январе 1916 г. Наумов и Сазонов выступали за возобновление сессии Думы без предварительного определения ее длительности и каких-либо условий в отношении депутатов. Наумов настаивал на «полном доверии» и «полной искренности» в отношении к Думе, что должно было обеспечить принятие бюджета⁶⁹. Впрочем, позиция правительства по данному вопросу в целом соответствовала мнению Наумова.

В июне 1916 г. Наумов выступил в печати с интервью, в котором критиковал правительственную политику в отношении общественных организаций. Ему не нравилось недоверие к ним со стороны власти и сокращение предназначенных им казенных ассигнований. Сам Наумов несколько наивно считал, что таким образом он отнюдь не вступал в конфликт с коллегами по Совету министров, а только публично дистанцировался от них во имя сохранения деловых отношений с общественными деятелями и поддержания собственной репутации. Тогда же Наумов заявил Штюмеру о готовности подать в отставку, но тот отверг это предложение. Тем не менее вскоре у Наумова вновь произошло столкновение со Штюмером, Треповым и кн. Шаховским из-за намеченной речи министра земледелия в Государственном совете по продовольственному вопросу. Коллеги предложили Наумову выработать консолидированную позицию (продовольственный вопрос был тесно связан с транспортным и торговым, т.е. напрямую затрагивал интересы других ведомств) и изложить ее в Думе осенью, но тот заявил, что он «человек самолюбивый» и «общественный деятель», программа его деятельности создана в согласии с Думой (не правительством!) и ему хотелось бы выступить самому, даже не имея возможности поручиться за успех речи. Не поддаваясь ни на какие уговоры других министров, Наумов в конце концов прямо сказал, что не намерен больше работать вместе с ними⁷⁰. Между тем в своих воспоминаниях Александр Николаевич утверждал, что вынужден был оставить свой пост вследствие интриг Трепова, желавшего возглавить правительство и потому опасавшегося слишком популярного министра земледелия как потенциального соперника. В Совете министров один лишь Наумов выступал против плана Штюмера, Трепова и Шаховского распустить палаты «тихо». По его собственному признанию, это было первое столкновение с Треповым и Шаховским, которые до того сохраняли с ним тесные деловые взаимоотношения⁷¹. Но главная причина конфликтов, связанных с действиями Наумова, по-видимому, все же заключалась не во властных амбициях Трепова (хотя они действительно имели место), и не в политических взглядах Штюмера, а в необычном поведении самого министра.

Отставка Наумова вызвала новые трения среди министров, связанные с попыткой передачи продовольственного дела в ведение МВД. Ее инициатором стал Трепов, сомневавшийся в административных способностях гр. А.А. Бобринского, выдвинутого Штюмером на должность министра земледелия. По свидетельству министра внутренних дел А.Д. Протопопова, Трепов сперва поддержал его, но после замены Бобринского на бюрократа-профессионала А.А. Риттиха выступил за сохранение прежней компетенции Министерства земледелия⁷². При этом Протопопов жаловался, что Штюмер, Трепов и Бобринский, взвалив на него продовольственное дело, поссорили его с Государственной думой⁷³. Можно также предположить, что в лице Протопопова, ставшего министром из товарищей председателя Думы и первоначально надеявшегося на парламентскую поддержку, Трепов стремился устранить очередного конкурента в борьбе за пост главы правительства. Как бы то ни было, последние председатели Совета министров Трепов и кн. Н.Д. Голицын усиленно и безуспешно добивались отставки Протопопова, для улучшения отношений с Думой⁷⁴. В целом же, отношение министров к Государственной думе, кроме оказавшегося в исключительной ситуации главы МВД, было вполне единодушным: среди них господствовало примирительное настроение. В самой Думе ходили слухи о расколе в правительстве, признаки которого усматривали в выступлениях в палате военного министра Д.С. Шуваева и морского министра И.К. Григоровича, засвидетельствовавших патриотическое единство с депутатами по-

сле их резких нападок на Штюмера. Однако само появление министров в Думе и их речи были инициированы Советом министров⁷⁵.

Таким образом, конфликты, возникавшие в Совете министров после сентября 1915 г., в основном были вызваны ведомственными противоречиями, а также борьбой за власть таких фигур, как А.Н. Хвостов, А.Ф. Трепов и А.Д. Протопопов. Их личные амбиции приобретали особое значение в условиях сильно выраженного неформального лидерства внутри Совета министров и слабости его председателей. Кроме того, поведение таких не вполне типичных министров, как Поливанов и Наумов, провоцировало пусть и краткосрочные, но весьма острые столкновения. Резко учатившаяся под влиянием политических и административных затруднений смена министров вела, с одной стороны, к тому, что министры просто не успевали сработаться друг с другом, а с другой – к стремлению императора вводить в состав правительства необычные фигуры, а это, как правило, также не способствовало установлению деловой атмосферы. Столкновения внутри Совета министров, какие бы причины их ни вызывали, приводили к тяжелым политическим последствиям, особенно ярко проявившимся осенью 1916 г. Авторитет правительства в глазах общественности таял на глазах.

В целом, следует отметить, что возникавшие в правительстве в 1911–1916 гг. группировки носили ситуативный характер и не могут рассматриваться как «партии» или «крылья» внутри правительства. Политические взгляды не были определяющими для расстановки сил в Совете министров, и даже обсуждение взаимоотношений с Государственной думой обычно не вызывало на заседаниях острых разногласий. Основная проблема функционирования Совета министров в 1911–1917 гг. заключалась в отсутствии единой слаженной реакции его членов на поставленные самой жизнью многочисленные и часто принципиально новые по своему характеру проблемы. Такое единство было достижимо лишь при наличии у председателя Совета определенной программы действий и поддержки со стороны императора, которая позволила бы влиять на персональный состав правительства. Без этого на фоне острого кризиса на первый план выходили мелкие и крупные честолюбия, разница в опыте администрирования, сугубо ведомственные интересы, политические игры. В феврале 1917 г. это привело к полной дезориентации Совета министров перед лицом оппозиционной пропаганды и пораженческих лозунгов.

Примечания

¹ Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984. С. 430–428, 437–447, 517–518, 525–530, 533–534, 547–548, 554, 577–582, 601–602, 612–614; *Дякин В.С.* Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение третьеиюньской системы. Л., 1988. С. 111–118, 124, 128, 158–165, 170–172, 188, 191–197; Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 613–614.

² *Флоринский М.Ф.* Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны. Л., 1988; *его же.* Кабинет П.А. Столыпина и проблема единства государственного управления в 1906–1911 гг. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. СПб., 1993. Сер. 2. Вып. 2. С. 29–40.

³ *Гангелин Р.Ш., Флоринский М.Ф.* От И. Л. Горемыкина к Б.В. Штюмеру: верховная власть и Совет министров (сентябрь 1915 – январь 1916 г.) // Россия и Первая мировая война (материалы международного научного colloquium). СПб., 1999. С. 34–48.

⁴ *Куликов С.В.* Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004.

⁵ Там же. С. 13, 17–18, 21, 400–401.

⁶ Там же. С. 21, 395.

⁷ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. М., 2002–2006. Важнейшим подспорьем при изучении журналов заседаний правительства являются неофициальные протоколы, составленные А.Н. Яхонтовым: Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны (записи заседаний и переписка). СПб., 1999; *Яхонтов А.Н.* Тяжелые дни. Секретные заседания Совета министров 16 июля – 2 сентября 1915 года // Архив русской революции. Т. 18. М., 1993. С. 5–136. См. также: *Яхонтов А.Н.* Первый год войны (июль 1914 – июль 1915 г.). Записки, заметки, материалы и воспоминания бывшего помощника управляющего делами Совета министров // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 7. СПб., 1996. С. 245–348.

⁸ Падение царского режима. Стенографический отчет допросов Верховной следственной комиссии. В 7 т. Под ред. П.Е. Щеголева. М.; Л., 1925–1927.

⁹ В зарубежной историографии специальных работ, посвященных данной теме нет, однако неоднократно рассматривались внутриправительственные конфликты более раннего времени. *Mosse W.E.* Russian Bureaucracy at the End of the Ancient Regime: The Imperial State Council, 1897–1915 // *Slavic Review*. Vol. 39, № 4 (December 1980). P. 616–632; *Lieven D.* Russia's Rulers under the Old Regime. N. Haven: L., 1989. P. 83, 294; *Pintner W.* Reformability in the age of reform and counterreform, 1855–1894 // *Reform in Russia and the USSR: Past and prospects*. Urbana, 1989. P. 83–106; *Wcislo F.W.* Reforming Rural Russia: State, local society and national politics, 1855–1914. New Jersey, 1990; *Korros A.S.* A Reluctant parliament. Stolypin, nationalism and the politics of the Russian imperial State Council, 1906–1911. N.Y.; Oxford, 2003.

¹⁰ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Ч. 2. СПб., 2003. С. 897–899; *Курлов П.Г.* Гибель императорской России. М., 1992. С. 150–152.

¹¹ *Сазонов С.Д.* Воспоминания. М., 1991. С. 344–345.

¹² *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания (1903–1919 гг.). М., 1992. Кн. 2. С. 195.

¹³ Там же. С. 70.

¹⁴ *Коковцов В.Н.* Указ. соч. Кн. 2. С. 194. Как отмечал кн. В.Н. Шаховской, бывший тогда начальником управления водных путей и шоссейных дорог МПС и пользовавшийся доверием министра, Коковцов и Рухлов разошлись в вопросе строительства Черноморской железной дороги. См.: *Шаховской В.Н.* «Sic transit gloria mundi» (Так проходит мирская слава). 1893–1917 гг. Париж, 1952. С. 164–167.

¹⁵ *Коковцов В.Н.* Указ. соч. Кн. 2. С. 55–60.

¹⁶ *Сухомлинов В.А.* Воспоминания. Мемуары. Минск, 2005. С. 234. Личный конфликт между министрами, как полагал Сухомлинов, возник после того, как он раскритиковал отчет Коковцова о поездке на Дальний Восток. Со своей стороны, Коковцов стал «всюду открыто» утверждать, что «в Военном министерстве царят хаос и развал».

¹⁷ *Таубе М.Ф.* «Зарницы»: Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900–1917). М., 2007. С. 149–152, 161–162.

¹⁸ *Коковцов В.Н.* Указ. соч. Кн. 2. С. 70, 194.

¹⁹ Там же. С. 70, 264–266. «Основною чертою Кривошеина, – характеризовал его Коковцов, – всегда были рядом с исключительно обостренным самолюбием большой карьеризм и погоня за популярностью. Он зорко следил за барометром наверху, преклонялся перед каждою восходящею силою и отходя от нее с удивительной быстротою, коль скоро ему становилось очевидно, что эта сила пошатнулась. Так было и со Столыпиным».

²⁰ Там же. Кн. 1. С. 419–426.

²¹ Там же. Кн. 2. С. 68–70.

²² РГИА, ф. 691, оп. 1, д. 11, л. 11–12.

²³ *Коковцов В.Н.* Указ. соч. Кн. 2. С. 68–70.

²⁴ РГИА, ф. 691, оп. 1, д. 11, л. 25–26.

²⁵ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1913 год. М., 2005. С. 466. См. также: *Коковцов В.Н.* Указ. соч. Кн. 2. С. 195–199.

²⁶ Особые журналы... 1913 год. С. 332–347.

²⁷ РГАЛИ, ф. 1208, оп. 1, д. 47, л. 5 об.

²⁸ *Сазонов С.Д.* Указ. соч. С. 346–348.

²⁹ Особые журналы... 1913 год. С. 411–412; Падение царского режима. Т. 2. С. 438. Т. 3. М.–Л., 1925. С. 133–134.

³⁰ *Яхонтов А.* Первый год войны... С. 319–320.

³¹ *Барк П.Л.* [Воспоминания] // *Возрождение*. 1965. № 159. С. 80.

³² Падение царского режима. Т. 6. М.; Л., 1926. С. 2–3, 6–7.

³³ Там же. С. 9. Таубе отмечает также враждебные отношения Кривошеина и Кассо (*Таубе М.А.* Указ. соч. С. 174).

³⁴ Падение царского режима. Т. 6. С. 6–7.

³⁵ *Шаховской В.Н.* Указ. соч. С. 57, 92–93, 160–164.

³⁶ *Барк П.Л.* Указ. соч. // *Возрождение*. 1966. № 169. С. 76–80.

³⁷ *Яхонтов А.* Первый год войны... // *Русское прошлое*... С. 316.

³⁸ Падение царского режима. Т. 6. С. 7.

³⁹ *Наумов А.Н.* Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. Кн. 2. Нью-Йорк, 1955. С. 285.

⁴⁰ РГАЛИ, ф. 1208, оп. 1, д. 52, л. 48.

⁴¹ *Шаховской В.Н.* Указ. соч. С. 167–169.

⁴² *Барк П.Л.* Указ. соч. // *Возрождение*. № 178. С. 102–103; *Яхонтов А.* Первый год войны... С. 336–337.

⁴³ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1914 год. М., 2006. С. 545–554.

⁴⁴ *Наумов А.Н.* Указ. соч. Кн. 2. С. 284.

⁴⁵ ГА РФ, ф. 102, оп. 265, д. 1026, л. 500.

⁴⁶ Падение царского режима. Т. 6. С. 9, 14.

⁴⁷ Там же. С. 8, 10–13.

⁴⁸ *Сазонов С.Д.* Указ. соч. С. 342. *Барк П.Л.* Указ. соч. // *Возрождение*. 1966. № 173. С. 102.

⁴⁹ Падение царского режима. Т. 7. М.; Л., 1927. С. 68.

⁵⁰ Там же. С. 217.

⁵¹ Там же. Т. 4. М.; Л., 1926. С. 200.

⁵² *Яхонтов А.Н.* Первый год войны... С. 319–320, 323–324.

- ⁵³ *Его же*. Тяжелые дни. С. 69.
- ⁵⁴ *Шаховской В.Н.* Указ. соч. С. 151–157.
- ⁵⁵ *Яхонтов А.Н.* Тяжелые дни. С. 59, 71, 77.
- ⁵⁶ Там же. С. 82–87, 89.
- ⁵⁷ Там же. С. 89–99.
- ⁵⁸ Как утверждал Барк, Сазонов, до того лично не переносивший Маклакова, после его отставки перенес это чувство на Горемыкина (*Яхонтов А.* Первый год войны... С. 327–328).
- ⁵⁹ *Яхонтов А.Н.* Тяжелые дни. С. 89–99.
- ⁶⁰ Там же. С. 105–116, 119–123, 136.
- ⁶¹ Там же. С. 136.
- ⁶² Падение царского режима. Т. 6. С. 10–11.
- ⁶³ *Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М., 2003. С. 159–160, 172–173, 179–183; *Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф.* Указ. соч. С. 39–40.
- ⁶⁴ Падение царского режима. Т. 4. С. 321–322.
- ⁶⁵ Там же. Т. 6. С. 76, 84–86, 88.
- ⁶⁶ Там же. Т. 4. С. 228.
- ⁶⁷ Там же. Т. 1. С. 45–46.
- ⁶⁸ Там же. Т. 4. С. 291–294, 387–390, 393–395; Т. 7. С. 77–80.
- ⁶⁹ Там же. Т. 1. С. 332.
- ⁷⁰ Там же. С. 337–343.
- ⁷¹ *Наумов А.Н.* Указ. соч. С. 539–542.
- ⁷² Падение царского режима. Т. 4. С. 71–78.
- ⁷³ РГАПИ, ф. 389, оп. 1, д. 46, л. 111 об.
- ⁷⁴ Там же, л. 258 об.; *Шаховской В.Н.* Указ. соч. С. 89, 191–193; *Барк П.Л.* Указ. соч. // Возрождение. 1966. № 180. С. 78–80.
- ⁷⁵ *Игнатъев П.Н.* Совет министров в 1915–1916 гг. (Из воспоминаний) // Новый журнал. 1944. № 9. С. 282–284.

© 2009 г. А.И. АВРУС, А.А. ГАПОНЕНКОВ *

САРАТОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1917–1920 гг.)

В 2009 году исполняется 100 лет со времени создания на берегах Волги Саратовского университета, одного из старейших и крупнейших среди отечественных классических университетов. Образованный первоначально в составе одного медицинского факультета университет в последующие годы рос, развивался и играл выдающуюся роль в образовательной, научной и культурной жизни целого региона – юго-востока Европейской части России, где он был первым высшим учебным заведением.

К сожалению, до сих пор нет солидного научного исследования всего пути, пройденного Саратовским университетом за 100 лет. И если первый период его существования (1909 – начало 1917 г.) неплохо изучен и нашел отражение в ряде публикаций¹, то последующая история университета изобилует белыми пятнами и лакунами, представлена немногочисленными работами, часть которых носит явно тенденциозный, односторонний характер². К этому следует добавить, что при пожаре в хранилище Государственного архива Саратовской области пострадала значительная часть документов, отражавших университетскую жизнь в 1917–1930 гг. Авторы настоящей статьи поставили перед собой задачу воссоздать небольшой по времени, но насыщенный важными событиями отрезок истории университета, свидетельствующий о том, что он жил и развивался даже в самых суровых условиях Гражданской войны, когда, казалось бы, должна была замереть всякая мирная жизнь.

Новая эпоха российской истории началась с Февральской революции 1917 г. В стране рухнула монархия, установился республиканский строй, к власти пришли те социальные слои и политические силы, которые прежде были от нее отдалены, складывалась небывалая в мире система многовластия, Россия погружалась в стихию митинговой демократии.

Перемены, охватившие различные стороны жизни страны, не могли не коснуться сферы образования, в том числе высшего. Временное правительство находилось у власти всего 8 месяцев, и большинство современников, а также историков справедливо отмечало, что оно мало сделало для закрепления победы революции, для обеспечения эволюционного пути развития страны, что решение всех важнейших проблем откладывалось до Учредительного собрания. Однако в области высшего образования были даны ответы на многие вопросы, давно поставленные вузовской общественностью и жизнью. Это, очевидно, было связано с тем, что во главе Министерства народного просвещения (МНП) оказались люди, хорошо знакомые с вузовскими проблемами, в большинстве своем – университетские профессора (А.А. Мануйлов, В.И. Вернадский, С.Ф. Ольденбург и др.). В результате их деятельности высшие учебные заведения обрели университетские свободы, выборными стали не только ректоры, деканы и про-

* Аврус Анатолий Ихильевич, доктор исторических наук, профессор Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Гапоненков Алексей Алексеевич, доктор филологических наук, профессор Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Статья подготовлена в рамках исследования по гранту Президента России. Проект МД-2019.2008.6.

фессора, но и доценты, прозектора, ассистенты. Университеты получили независимость от попечителей учебных округов, были отменены ограничения при поступлении в них по конфессиональному признаку, а также для окончивших другие средние учебные заведения кроме гимназий, широко открылись двери вузов перед женщинами. После долгих лет тщетных хлопот и обращений было, наконец, разрешено открыть в ряде университетов новые факультеты. Последнее имело особое значение для Саратовского университета, в котором, несмотря на неоднократные ходатайства Совета университета и общественности города, до лета 1917 г. существовал только медицинский факультет.

1 июля 1917 г. Временное правительство приняло решение о создании в Саратовском университете трех новых факультетов: историко-филологического, физико-математического и юридического³. Таким образом, университет приобретал облик классического. В связи с открытием факультетов руководству университета пришлось решать, прежде всего, кадровые вопросы, так как в городе не было высококвалифицированных специалистов по многим формирующимся кафедрам, особенно гуманитарным. Значительную помощь оказало МНП, подбиравшее молодых талантливых ученых в Петрограде, Москве, Одессе, Казани, Томске и направлявшее их в Саратов.

Серьезные изменения произошли в 1917 г. и с приемом студентов: их число namного увеличилось, состав студентов стал более разнообразным по конфессиональной принадлежности, значительно вырос удельный вес женщин. Если на 1 января 1917 г. в университете обучалось 1 072 студента, то к 1 января 1918 г. их численность возросла до 2 250, при этом до $\frac{1}{3}$ на отдельных факультетах составляли женщины, а на историко-филологическом они стали большинством⁴.

Следует отметить, что университетская общественность, за редким исключением, восторженно приветствовала Февральскую революцию, заявляла о полной поддержке Временного правительства и желаний отдать все силы на строительство новой демократической России. Мнение большинства преподавателей Саратовского университета выразил профессор Н.М. Какушкин в газете «Саратовский листок»: «Ныне рогатки отброшены в сторону; для деятелей просвещения открыта широкая, свободная дорога»⁵. В ряде случаев Советы университетов осуществляли действия, опережавшие решения МНП. Так, Совет Саратовского университета уже в марте 1917 г. провел выборы тех профессоров, которые до этого были назначены распоряжениями министров, что являлось нарушением университетской автономии. В результате тайного голосования все 8 профессоров, которые предварительно подали в отставку, были теперь избраны на должности, а кроме них, еще и профессора С.Р. Миротворцев и П.П. Пилипенко⁶. Циркуляр же министра А.А. Мануйлова об увольнении с профессорских должностей всех лиц, назначенных после 27 августа 1905 г. без представления факультетов и Советов университетов, был издан только в мае 1917 г.

21 марта 1917 г. начала работу комиссия по вопросам реформы учебного дела в вузах при МНП, а в апреле министерство обратилось ко всем вузам с просьбой дать свои предложения по этому вопросу. В ответах из университетов основное внимание обращалось на отмену экзамена по латыни, разрешение принимать без экзаменов выпускников учительских институтов, уравнивание при приеме лиц мужского и женского пола и т.п.⁷. К 1 сентября 1917 г. был проведен прием на все факультеты Саратовского университета и в основном сформированы кафедры на новых факультетах. Большинство кафедр состояло из 1–3 преподавателей и 1–2 работников вспомогательного состава, готовивших лабораторные и практические занятия, списки литературы по преподававшимся дисциплинам, помогавших профессору или приват-доценту в ходе лекций.

Поддержка МНП, с одной стороны (комиссию по устройству новых факультетов в российских университетах возглавлял профессор Петроградского университета историк И.М. Гревс), стремление молодых талантливых ученых к самостоятельности, к получению кафедр – с другой, привели к тому, что новые факультеты Саратовского университета оказались укомплектованными крупными учеными; это сразу позволило осуществлять преподавание на высоком уровне и приступить к серьезной научно-ис-

следовательской работе. Работавшая с 1917 г. преподавателем на историко-филологическом факультете Саратовского университета М.Е. Сергеев (в будущем известный антиковед, профессор Ленинградского университета) в своих воспоминаниях писала: «В Петербурге живо откликнулись на приглашение Саратова: поехала преимущественно молодежь, ученики крупных ученых; судя по началу их деятельности, учителям не пришлось бы краснеть за своих воспитанников. Были в малом числе и люди постарше, уже не новички в науке, уже богатые своим опытом и в исследовательской, и в преподавательской работе. Всех этих людей, разных по возрасту, характеру, мировоззрению, объединяло одно: рвение о деле. Саратовский университет стал для этих "петербуржцев рассеяния" родным домом, который любили, которым гордились»⁸.

Достаточно назвать фамилии тех, кто стоял у истоков историко-филологического, физико-математического и юридического факультетов, чтобы представить себе ту духовную атмосферу, которая сложились в Саратове с открытием новых факультетов в университете. Первым деканом историко-филологического факультета был назначен выдающийся философ и религиозный мыслитель С.Л. Франк, одновременно возглавивший кафедру философии⁹. Много позже Франк объяснял свое согласие переехать в Саратов отсутствием «перспектив на возможность мирного научного труда в Петербурге при тогдашней разрухе» и «продовольственными трудностями»: надо было кормить детей¹⁰. Преподавательский состав факультета формировался быстро. Первые пять профессоров, они же заведующие кафедрами, были утверждены в должности в Петрограде: С.Л. Франк, В.М. Жирмунский (романо-германская филология, будущий академик АН СССР), Н.К. Пиксанов (русский язык и литература, избранный позднее членом-корреспондентом АН СССР), В.А. Бутенко (всеобщая история, ученик известного историка и социолога Н.И. Кареева), В.И. Веретенников (русская история, незадолго до этого защитивший докторскую диссертацию в Московском университете). Вместе с Франком приехал и его друг, известный специалист по финансам, профессор Л.Н. Юровский. В октябре 1917 г. были назначены в Саратовский университет профессора С.В. Меликова (классическая филология) и М.Р. Фасмер (сравнительное языкознание, в будущем лингвист с мировым именем, иностранный член-корреспондент АН СССР)¹¹. После этого преподаватели факультета избирались по конкурсу.

Физико-математический факультет возглавил один из основателей Саратовского университета, профессор физики В.Д. Зёрнов. Наряду с кафедрами, существовавшими при медицинском факультете и перешедшими на физико-математический (ботаники, зоологии, физики, химии, минералогии с геологией) вместе со своими преподавателями и сотрудниками, появились кафедры теоретической и прикладной математики, во главе которых в 1918 г. встали молодые профессора И.И. Привалов и В.В. Голубев (до этого приват-доценты Московского университета, а впоследствии члены-корреспонденты АН СССР). Первым деканом юридического факультета и профессором Саратовского университета МНП назначило Н.В. Болдырева, приват-доцента кафедры энциклопедии права и истории философии права Петроградского университета. Болдырев пробыл деканом несколько месяцев, и уже к концу 1917 г. его сменил профессор Томского университета Г.Г. Тельберг, прославившийся на всю Россию смелыми выступлениями в качестве адвоката на политических процессах начала XX в. Среди первых профессоров-юристов необходимо назвать таких известных правоведов, как А.В. Горбунов, С.Ф. Кечекьян, И.К. Козьминых.

Таким образом, с сентября 1917 г. Саратовский университет (так он стал именоваться после победы Февральской революции) приступил к работе в новых условиях значительно расширившимся, получившим полный набор факультетов классического университета и большое пополнение преподавателей и студентов. Создавалась благоприятная обстановка для дальнейшего развития университета, превращения его в подлинный центр образования, науки и культуры Нижнего и Среднего Поволжья.

Новые факультеты размещались в имевшихся корпусах университета, в связи с чем медицинскому факультету пришлось потесниться. Так, историко-филологический факультет получил для чтения лекций три больших аудитории, две комнаты для проведе-

ния семинарских занятий и шесть помещений для кафедральных кабинетов. Первоначально на факультете было сформировано 7 кафедр: философии, классической филологии, сравнительного языкознания, русского языка и словесности, всеобщей истории, русской истории, романо-германской филологии. В 1918/19 учебном году к ним добавились кафедры славянской филологии, теории и истории искусств. В 1917 г. на первый курс историко-филологического факультета было принято 67 студентов и 117 вольнослушателей, а затем к ним присоединили 176 слушательниц высших женских курсов, слившихся с университетом¹². 13 октября 1917 г. по случаю начала занятий на факультете состоялась лекция профессора Франка о важности гуманитарных наук для общества. Первоначально на факультете были открыты пять отделений: историческое, славяно-русское, романо-германское, классическое, лингвистическое, а затем к ним добавились философское, истории искусств и археологии. Решено было организовать преподавание по предметной, а не курсовой системе, т. е. каждый студент получал право свободного выбора предметов, относившихся к избранному им отделению, сдачи их в любой срок по мере своей подготовленности, перехода с одного отделения на другое¹³.

Учебный план каждого отделения историко-филологического факультета предусматривал небольшие циклы занятий (лекционный курс и обычно два семинара) по определенной эпохе: Древнему миру, Средним векам, Возрождению, Новому времени. Так, лекции Франка по древней философии открывали цикл философского отделения, а затем вместе с профессором Меликовой он вел семинарий, в ходе которого разбирались со студентами фрагменты досократовских мыслителей. Кроме того, профессор В.Я. Каплинский проводил семинарий по эпикурейской философии. «Совещательный час» для студентов (консультацию) Франк назначал сразу после своей лекции, а также встречался со студентами на заседаниях руководившего им студенческого философского кружка¹⁴. Октябрьские события 1917 г., захват власти большевиками в России (в том числе и в Саратове) резко изменили ситуацию и в университете. Как свидетельствуют многие источники, основная часть университетской общественности первоначально не признавала власть большевиков, не желала иметь дело с новыми органами управления. В Саратове события развивались драматически, несколько дней шла вооруженная борьба между Советом и Городской думой, окончившаяся 28 октября капитуляцией последней. Однако саратовские преподаватели и студенты не прекратили сопротивление новой власти. Как сообщал «Саратовский листок», 12 ноября 1917 г. состоялось общее собрание преподавателей высших учебных заведений Саратова с представителями студенчества, на котором была принята резолюция, отмечавшая, что «насильственный захват власти безответственной группой ведет к полному разрушению государственной и хозяйственной жизни страны... Единственный путь для восстановления облеченной общим доверием власти и порядка в стране до Учредительного собрания в сплочении сил демократических земского и городского самоуправления»¹⁵. Проходившее менее чем через неделю собрание студентов Саратовского университета подтвердило свое решение бороться с большевизмом всеми имевшимися в их распоряжении средствами. Студенчество активно выступило в поддержку разогнанной Городской думы¹⁶. 1 декабря 1917 г. студенты Саратовского университета объявили забастовку, которую поддержал ректор, приказав приостановить на этот день занятия и закрыть библиотеку¹⁷. 6 декабря в городе прошла панихида по всем жертвам большевистского переворота, в которой участвовали преподаватели и студенты университета. Особенно непримиримую позицию по отношению к тем, кто совершил октябрьский переворот, заняли преподаватели и студенты юридического факультета, называвшие большевиков узурпаторами. В то же время меньшая часть студентов Саратовского университета поддержала новую власть, о чем свидетельствовала резолюция их собрания 19 ноября 1917 г., в которой указывалось: «Мы приветствуем новую власть в лице Исполнительного комитета и, объединившись вокруг Совета рабочих и солдатских депутатов, рады работать совместно на процветание жизни до сих пор угнетенного рабочего класса»¹⁸.

Требования большинства преподавателей и студентов Саратовского университета не принимались во внимание новыми властями, но и сворачивание университетской автономии происходило не сразу. Как отмечал в своих воспоминаниях профессор Г.Г. Тельберг, университет еще несколько месяцев продолжал жить в своем прежнем ритме: «Ни профессора, ни студенты не чувствовали пока никаких перемен. В то время как вокруг нас бушевали страсти и политические раздоры и новые советские чиновники накладывали свои руки на все общественные учреждения, университет оставался как бы счастливым оазисом: в аудиториях читались лекции, в лабораториях шла своя научная работа, в клиниках лечились, лежали и умирали больные; студенты занимались, устраивали кооперативы и держали экзамены. Громадная и разношерстная университетская семья как-то сплотилась и жила дружнее, чем раньше»¹⁹. В конце 1917 – начале 1918 г. университет продолжал обучать студентов, публиковать научные труды, решал самостоятельно свои проблемы, но с каждым месяцем делать это становилось все труднее.

Нужно отметить, что сложившаяся в университете обстановка по-разному воспринималась даже близкими по духу профессорами. Так, С.Л. Франк писал 12 декабря 1917 г. М.О. Гершензону: «Живем мы, конечно, очень плохо, во власти темной озлобленной толпы... Как-то теряется всякий вкус и интерес к творчеству и к самой жизни»²⁰. Между тем, В.М. Жирмунский в письме Б.М. Эйхенбауму 2 февраля 1918 г. сообщал: «В Саратове по-прежнему хорошо. Работы очень много. На днях я читал публичную лекцию о современной поэзии – символизм и новейшие течения... Народу было очень много – человек 600»²¹. Но рядом в том же письме звучала и политическая оценка происходившей смуты: «Какие ужасные события! Смерть Каледина это для меня конец России – теперь остается только немецкое вмешательство, которое будет»²².

В годы Гражданской войны университет, как и вся страна, пережил огромные трудности, подвергался давлению со стороны большевистской власти, но, фактически, ни на день не прекращал своей работы, продолжая выпускать квалифицированных специалистов, а его преподаватели занимались исследованиями и созданием научных трудов в самых неблагоприятных условиях холода, голода и общей разрухи. На фоне потрясений в жизни, политике и культуре тех лет диспуты, публичные лекции привлекали в неотапливавшиеся аудитории тысячи студентов и горожан, жаждавших знаний. В конце 1918 г. и на протяжении почти всего 1919 г. Саратов находился вблизи от линии фронтов. Политика изъятия продовольствия превратила его из сытого города в голодавший. Упразднение частного домовладения, создание домовых комитетов, занявшихся уплотнением и выселением «буржуйских семей», к которым была отнесена и университетская профессура, конфискации имущества, обыски, аресты, взятие заложников, проводившиеся органами ЧК, – все это болезненно сказывалось на существовании и деятельности университетского сообщества, приводило к тяжелым заболеваниям и преждевременным смертям.

В среде большевистского руководства существовало две точки зрения на судьбу университетов: одни считали, что их надо упразднить, как пережитки феодальной эпохи и угрозу новому режиму, другие предлагали их сохранить, коренным образом изменив социальный состав студенчества и содержание преподавания всех наук. Первой точки зрения придерживались те большевики, которые стояли на пролеткультовской позиции в вопросах культуры, вторая была ближе В.И. Ленину, А.В. Луначарскому, Н.К. Крупской, М.Н. Покровскому и некоторым другим руководителям, намечавшим реформировать высшее образование. Народный комиссар просвещения Луначарский постоянно получал телеграммы от партийных и советских руководителей из различных регионов, в том числе и из Саратова, с вопросом, как быть с университетами, надо ли их упразднить²³. Учитывая позицию наркома, местные власти сохраняли университеты, но стремились внедрять в них новые порядки, изменять состав преподавателей и студентов.

В годы Гражданской войны неоднократно менялись структура и состав Саратовского университета: в 1918 г. в него в качестве агрономического факультета вошел только недавно преобразованный из высших сельскохозяйственных курсов сельскохозяйственный институт (одним из его профессоров был великий генетик Н.И. Вавилов); в 1919 г. был ликвидирован юридический факультет и на его основе с добавлением исторического отделения историко-филологического факультета образован факультет общественных наук (ФОН), который в дальнейшем поглотил и филологов; с 1920 г. открылся рабочий факультет²⁴. Нужно отметить, что в 1919 г. во многих университетах, даже в Петроградском, было меньше факультетов, чем в Саратовском, где, наряду с медицинским, физико-математическим, ФОН и рабочим, имелся еще и агрономический.

С начала 1918 г. был поставлен вопрос о реформировании высшей школы. С этой целью было подготовлено несколько проектов университетского устава, проведено два Всероссийских совещания представителей вузов, но по некоторым принципиальным вопросам (например, об университетской автономии) Наркомпросу не удалось добиться согласия участвовавшей в совещаниях университетской общественности²⁵. Тогда осенью 1918 г. Советом народных комиссаров РСФСР было решено, не дожидаясь ее согласия, опубликовать ряд декретов, направленных на коренное изменение социального состава студенчества и преподавательских кадров. Так, в Декрете СНК РСФСР от 9 октября 1918 г. указывалось: «Ученые степени доктора, магистра, а также звание адъюнкт и все, связанные с этими степенями и званиями права и преимущества, отменяются... Разделение преподавательского состава высших учебных заведений на профессоров заслуженных, ординарных и экстраординарных, адъюнктов профессоров и доцентов отменяется. Все лица, самостоятельно ведущие преподавание в высших учебных заведениях, носят единое звание профессора»²⁶. В Постановлении Народного комиссариата просвещения РСФСР от 27 ноября 1918 г. отмечалось, что все дипломы и свидетельства, дающие какие-либо права и преимущества для оканчивавших вузы, отменялись также, как и сессии государственных и полукурсовых испытаний, испытательные комиссии. Студент получил право сдавать экзамен в любое время без всяких формальностей по взаимному согласию с профессором, но не чаще одного раза в неделю²⁷. С целью уменьшить влияние профессорско-преподавательского состава на жизнь вуза, НКП РСФСР принял 18 ноября 1918 г. Постановление «О заведовании студенческими делами и об участии студентов в управлении вузами». Согласно этому документу, на общих студенческих собраниях избирались Советы студенческих старост, которые занимались всеми сторонами жизни студентов; им поручалось, в частности, решать вопросы сроков и условий сдачи студентами экзаменов и зачетов²⁸.

Саратовский губернский отдел народного образования, стремясь подчинить университет своему влиянию, в 1918 г. ввел в состав университетского Правления представителей от рабочих, служащих и студентов, а коммунистическая ячейка, возникшая в университете в том же году, добилась равного представительства в Правлении студентов и преподавателей²⁹. С 1918 г. все высшие учебные заведения Саратова финансировались только из государственного бюджета, такие источники получения средств, как сборы за слушание лекций, проценты на пожертвованные капиталы и т. п., были полностью отменены. Это привело к резкому сокращению расходов на одного студента. Если в 1916 г. они составляли в Саратовском университете 606 руб. 17 коп. в год, то в 1918 г. – 233 руб. 48 коп.³⁰.

Коллегия отдела народного образования в Саратове решила заменить лекционную систему преподавания в университете на дискуссионную, «ввиду контрреволюционно-го направления профессорских лекций и рекомендуемых ими пособий, с отрицательной оценкой деятельности и личности тех лиц, которым в настоящее время ставятся памятники»³¹. По мнению новых губернских руководителей просвещения, дискуссионный метод образования давал возможность просоветски настроенным студентам выступать в качестве оппонентов преподавателям, стоявшим на антибольшевистских позициях.

В результате изменения правил приема уже в 1918 г. произошел невиданный наплыв желавших учиться в университетах. Многие из зачисленных, как выяснилось в ходе семинаров и практических занятий, были не готовы к восприятию университетских курсов, так как не имели среднего образования, но отчислять их из вуза запрещалось. Такая же картина сложилась и в Саратовском университете. Профессор В.Д. Зёрнов вспоминал: «Когда я вышел на первую лекцию, аудитория была переполнена самой разнообразной публикой, которая, конечно, и не могла и не думала всерьез учиться в университете»³². Поэтому в июне 1919 г. в университете были открыты подготовительные курсы для рабочей молодежи, на которых занималось 150 человек, командированных профсоюзами, в большинстве с низшим образованием. 1 января 1920 г. начались занятия на рабочем факультете Саратовского университета, сформированном третьим в стране после Москвы и Петрограда³³. Для зачисления на рабфак требовалось предоставить удостоверение о том, «что товарищ является сторонником Советской власти, принадлежит к классу рабочих и крестьян и не эксплуатирует чужого труда»³⁴.

В результате нового подхода к приему в вузы число студентов в Саратовском университете стремительно росло: если на 1 января 1918 г. их было 2 250, то на 1 января 1919 г. – уже 10 242, а на 1 января 1920 г. – 16 878. Самым большим по числу студентов был медицинский факультет, меньше всего их насчитывалось на историко-филологическом. За то же время число учившихся на одного преподавателя выросло с 14 до 36 человек, а занятия стали проводиться в две-три смены³⁵. Профессор С.И. Спасокукоцкий, оценивая положение в университете, а также отмечая нарушившиеся отношения с зарубежными учеными, говорил: «Скоро нам стыдно будет за наше невежество, как в петровские времена. И тяжело, и обидно, а главное, сколько времени и труда и средств надо будет, чтобы возобновить разрушенное»³⁶.

Во время как состав студенчества был очень разношерстным по уровню подготовки, преподавательский состав Саратовского университета в годы Гражданской войны был выдающимся, что объяснялось целым рядом причин. Во-первых, продолжало работать большинство прибывших с открытием новых факультетов профессоров. Во-вторых, в начале Гражданской войны в Саратове было сытнее и спокойнее, чем в Москве и Петрограде, что обусловило переезд на Волгу ряда крупных ученых. В-третьих, существовала группа московских и петроградских профессоров, которые в годы войны постоянно перемещались из одного университетского города в другой, опасаясь репрессий из-за своей социальной или политической принадлежности. Всего в 1918–1920 гг. в Саратовском университете, по нашим подсчетам, работало свыше 20 будущих академиков и членов-корреспондентов АН СССР.

Об уровне преподавания многих дисциплин в Саратовском университете можно судить по фамилиям тех, кто вел занятия в нем в эти суровые годы. Так, курс астрономии в 1918/19 учебном году читал один из крупнейших российских ученых в этой области академик А.А. Белопольский. Первыми преподавателями механики были два будущих академика АН СССР Н.Н. Андреев и Л.С. Лейбензон. Курс теоретической физики начал читать С.А. Богуславский, труды которого получили мировое признание. Кафедру технической химии основал в Саратове ученик и преемник Д.И. Менделеева в Санкт-Петербургском университете Д.П. Коновалов, избранный вскоре после окончания Гражданской войны академиком АН СССР. Среди первых профессоров-геологов университета были будущие академик АН СССР Ф.П. Саваренский (основатель отечественной инженерной геологии и гидрогеологии) и член-корреспондент АН СССР Н.Н. Яковлев (крупный палеонтолог). Генетику и частное земледелие на агрономическом факультете преподавал гениальный ученый Н.И. Вавилов, который в 1920 г. выступил в Саратове с основополагающим для генетики XX в. докладом «О гомологических рядах». Современники отмечали, что в то время в России было два центра генетики: Москва, где работал Н.К. Кольцов, и Саратов, в котором трудился Вавилов. На том же факультете кафедру почвоведения возглавлял В.П. Бушинский, впоследствии член-корреспондент АН СССР и академик ВАСХНИЛ.

А ведь кроме этих будущих академиков и членов-корреспондентов АН СССР, в Саратовском университете тогда трудились и такие крупные ученые, как историки П.Г. Любомиров и С.Н. Чернов; германист, диалектолог, заведующий немецким отделением университета (с 1919 г.) Г.Г. Дингес; видный правовед и историк С.В. Юшков и многие другие. 12 декабря 1917 г. Франк писал М.О. Гершензону: «У меня мечта перетянуть сюда как можно больше культурных сил. Если Вы знаете молодежь, заслуживающую в этом отношении внимания, то рекомендуем нам, пожалуйста... Факультет у нас в общем неплохой – есть живые и талантливые люди..., и группа свободных и культурных людей имеет большинство в факультете над группой чиновников от науки»³⁷. Таким же образом приглашал в Саратовский университет своих друзей, молодых, талантливых ученых из Петрограда К. Мочульского, Б. Эйхенбаума и других В.М. Жирмунский. В результате предпринятых мер и личных приглашений в апреле 1918 г. Советом Саратовского университета были избраны зав. кафедрой славяноведения профессор Воронежского университета (только что созданного) Г.А. Ильинский, профессором кафедры русского языка Н.Н. Дурново, приват-доцент Московского университета (оба впоследствии стали членами-корреспондентами АН СССР). В мае 1918 г. профессором на кафедру теории и истории искусства был избран Ф.В. Баллод. В сентябре 1918 г., по личной рекомендации С.Л. Франка, профессором кафедры романо-германской филологии избрали Н.С. Арсеньева, ставшего позже крупным философом и религиозным мыслителем Русского Зарубежья. В мае 1919 г. профессором кафедры философии был избран профессор Петроградского университета А.А. Крогиус, вскоре возглавивший кафедру философии и психологии³⁸.

За три года только на историко-филологическом факультете число преподавателей увеличилось почти втрое. Все эти крупные ученые, прекрасные лекторы и российские патриоты внесли выдающийся вклад в развитие Саратовского университета, способствовали становлению в нем значительного числа научных школ (истории русской литературы XIX в., славистики, истории освободительного движения в России, психологии, механики, гидрогеологии, теоретической физики и т. д.) Многие из них после окончания Гражданской войны вернулись в Москву и Петроград, оставив в Саратове своих учеников. В воспоминаниях студентов, учившихся в Саратовском университете в эти годы, отмечался высокий уровень не только лекций, но и проводившихся тогда семинарских занятий. Особенно запомнились студентам историко-филологического факультета семинарские занятия по истории философии и современным теориям познания, которые вел профессор Франк, начинавший занятия таким заявлением: «Я ставлю задачей не дать вам готовых философских выводов и учений, а научить вас философствовать, т.е. приобщить к философскому мышлению»³⁹. Подготавливая семинары по книге философа Джорджа Беркли, Франк рекомендовал студентам читать к каждому занятию определенное количество страниц из сочинений философа, делать собственную оценку прочитанного, попытаться опровергнуть берклианские взгляды. В результате на семинарах разгорались жаркие споры, итоги которых подводил профессор. В таком же духе проходили занятия по книге Спинозы «Этика»⁴⁰. Большим уважением у студентов пользовался профессор русской истории П.Г. Любомиров. Его коллега по работе М.Е. Сергеев писал: «Он душу вкладывал в научную работу, потому что любил ее, как любит хороший мастер свое дело; он был блестящим лектором и превосходным учителем потому, что любил студентов и преподавание»⁴¹.

В течение всего периода Гражданской войны большевистское руководство страны стремилось изменить социальный состав студенчества, заменить большинство прежних преподавателей на людей, преданных новой власти, ликвидировать университетскую автономию. Но ни одну из этих задач в тот период решить не удалось; университеты, в том числе и Саратовский, продолжали отстаивать свои права. В 1918/19 учебном году, в связи с новыми правилами приема, в университеты хлынула масса людей, мало подготовленных для восприятия университетской науки, но с нужным большевикам социальным происхождением. В дальнейшем в связи с призывами в ряды РККА рабоче-крестьянской молодежи и трудностями учебы социальный состав студенчества

вернулся к прежним характеристикам⁴². В «Отчете о работе историко-филологического факультета за 1917–1919 гг.» отмечалось, что число студентов выросло с 245 в 1917 г. до 1 172 к лету 1919 г., из которых 14% не имело среднего образования и только 45% действительно училось⁴³.

Уже в 1918 г. в университеты, в том числе и Саратовский, начали назначаться Наркомпросом, по согласованию с местными партийными комитетами, комиссары, которые пытались контролировать их деятельность. На этой почве возникали постоянные конфликты. Нужно отметить, что руководству Саратовского университета нередко удавалось отстаивать свои позиции и защищать сотрудников, которых партийно-советские власти считали враждебными и требовали уволить. Так, в 1918 г. в связи с ликвидацией кафедры богословия оказался без работы широко эрудированный профессор протоиерей А.Ф. Преображенский, и Совет университета, несмотря на противодействие властей, избрал его профессором кафедры философии.

В борьбе против так называемой «реакционной профессуры» партийно-советские органы стремились опираться на появившихся среди студентов коммунистов и комсомольцев. Если в 1918 г. большинством голосов на общем собрании студентов первого курса историков филологического факультета было решено «празднество годовщины октябрьской революции признать необязательным»⁴⁴, то в последующие годы такая резолюция была уже невозможна. В университете начали формироваться курсовые и факультетские комитеты, партийная и комсомольская ячейки, профсоюзные секции, состоявшие главным образом из студентов рабфака. Именно их включали, как представителей студенчества, в состав студенческих выборных органов, в Совет и Правление университета. В общественной жизни университета, в учебной работе рабфак играл непропорционально большую роль. Первая ячейка РКП (б) возникла в Саратовском университете на медицинском факультете в 1918 г.

Постепенно партийная и комсомольская организации подменяли все прежние студенческие органы, такие, как совет старост, общества взаимопомощи и т. п. В 1918 г. в Саратове была создана студенческая трудовая коммуна, которую в 1919 г. переименовали в Саратовский студенческий коммунистический союз, просуществовавший до мая 1920 г. Этот союз вмешивался во все сферы студенческой жизни. Например, в декабре 1918 г. комитет коммунистического студенчества медицинского факультета заявил о ликвидации совета старост и взял на себя решение всех студенческих проблем⁴⁵.

В конце 1919 г. на историческом отделении ФОНа была создана цикловая комиссия из студентов, которая занималась академическими и хозяйственными вопросами, вмешивалась во все стороны жизни отделения. Так, наряду с контролем за посещаемостью студентами лекций и семинаров, комиссия устанавливала день начала занятий после каникул, вносила изменения в расписание, обсуждала вопрос о слиянии историко-филологического факультета с ФОНом, предложила изменить программу отделения, сократив лекции и расширив практические занятия, постепенно переходя к дискуссионной системе⁴⁶. Таким образом, комиссия пыталась подменить и деканат, и факультетское сообщество преподавателей.

О том хаосе в жизни университета, какой вносили новые органы студенческого самоуправления в эти годы, можно судить по случаю, имевшему место на медицинском факультете университета весной 1920 г. Некто И. Кочиашвили объявил себя комиссаром факультета, самовольно захватил одну из аудиторий 1-го корпуса, посадил там свою секретаршу и начал бомбардировать факультет и деканат своими приказами такого содержания: «Объявляю все прежние распоряжения по факультету отмененными, действительны только мои приказы!»; «Приказываю всем профессорам трех старших курсов медицинского факультета установить ежедневно часы приема зачетов и экзаменов. Декану медицинского факультета в трехдневный срок представить мне список приемных часов зачетов каждого профессора. Профессора, не выполнившие настоящего приказа, будут привлечены к ответственности»; декану факультета – «Предлагаю сегодня же выдать временные свидетельства установленного образца товарищам... на звание лекаря. Неисполнение настоящего предписания буду рассматривать

как уклонение от своих обязанностей» и т.п.⁴⁷. Декан факультета, докладывая на заседании Совета университета о бурной деятельности комиссара Кочиашвили, пытался выяснить, кто это такой, кто его назначил, с какими полномочиями, но не смог получить ответа⁴⁸. Судя по имеющейся информации, деятельность комиссара на медицинском факультете была прекращена. Возможно, это был наиболее вопиющий факт бесцеремонного вмешательства в учебный процесс со стороны коммунистов-студентов. Случаи же выступления студентов из числа комсомольцев и коммунистов против лучших профессоров и преподавателей по поводу качества лекций и практических занятий, фактически – доносов на них, были многочисленны⁴⁹.

В трудные годы Гражданской войны преподаватели Саратовского университета продолжали заниматься научной работой. Этому способствовало существенное пополнение университетской библиотеки. В 1918 г. в библиотеку, наконец, было доставлено принесенное ей в дар книжное и рукописное собрание петроградского профессора И.А. Шляпкина, насчитывавшее около 17 тыс. названий в 70 тыс. томах и несколько сот рукописей XIII–XVII вв. Кроме того, в университетскую библиотеку были переданы библиотека античных классиков из Саратовской первой мужской гимназии, книги Саратовской духовной семинарии, частные книжные собрания братьев Барсуковых, Гр. Попова, Ф. Батюшкова, Куракиных и других. Основная масса этой литературы пополнила библиотечные фонды, а часть передавалась в кабинеты соответствовавших кафедр. Так, в 1919 г. в фондах библиотеки насчитывалось более 60 тыс. книг по гуманитарным предметам, одновременно в кабинетах кафедр историко-филологического факультета имелось около 28 тыс. книг⁵⁰. Всего на 1 января 1920 г. в университетской библиотеке имелось 133 397 томов, при этом около 40% библиотечного фонда составляли медицинские издания, 30 – историко-филологические, 10 – юридические, 10% – естественно-научные⁵¹.

Под руководством профессора Франка в марте 1918 г. в университете было создано Философско-историческое общество, которое проводило регулярные заседания, заслушивая доклады о достижениях в различных сферах наук. Среди выступавших на этих заседаниях мы находим фамилии гуманитариев – В.М. Жирмунского, Н.К. Пиксанова, В.А. Бутенко, Ф.В. Баллода, приезжавшего из Петрограда Б.М. Эйхенбаума, юриста П.И. Алексеева, математика В.В. Голубева и др. Число участников общества увеличивалось, и оно было разделено на секции (историческая, лингвистическая, историко-литературная). Заседания проводились в актовом зале здания университета на Б. Сергиевской улице, посещало их до 150 человек⁵².

С приездом в Саратов известного египтолога Ф.В. Баллода начались раскопки развалин золотоордынских городов на берегах Волги, принесшие интересные результаты. Профессор Баллод прочитал публичную лекцию и подготовил литографированный доклад о результатах раскопок, который поступил в продажу. К участию в раскопках широко привлекались студенты, обучаясь на практике навыкам археологии. Материалы этих раскопок вместе с другими экспонатами были использованы в экспозиции открытого в мае 1919 г. Музея Саратовского университета⁵³. Профессор Б.М. Соколов занимался собиранием этнографических и фольклорных материалов в сельской местности Саратовской губ., профессор Жирмунский изучал диалекты и быт немцев Поволжья. Вместе с ними в этих экспедициях участвовали студенты, сумевшие проникнуть даже в твердыню раскольников в районе Хвалынска, где они записали старинные духовные песнопения, сказания о старцах, о конце мира, об антихристе и т.п.⁵⁴.

Весь период Гражданской войны продолжали работать медицинские научные общества, созданные при университете. В 1919 г. сотрудники химических кафедр Саратовского университета приступили к изучению саратовских сланцев с целью выяснения возможностей их практического применения в условиях охватившего страну топливного голода⁵⁵. Профессор Н.Н. Яковлев в трудных условиях 1918-1920 гг. ездил со студентами-геологами на озеро Баскунчак и на Жигулевские горы, обучая их методам и методике геологической работы в полевых условиях⁵⁶.

В 1918–1919 гг. под редакцией профессора И.А. Чуевского вышли очередные выпуски «Известий Саратовского университета» (т. 9). Они отличались от предыдущих выпусков форматом, качеством бумаги, в них были помещены только научные статьи. Намечался еще выпуск, содержавший официальный отдел, но он не вышел в свет. Три выпуска 9 т. отражали научную деятельность медиков, по одному – ученых историко-филологического и физико-математического факультетов. Выпуск историко-филологического факультета включал магистерскую диссертацию профессора В.М. Жирмунского «Религиозное отречение в истории романтизма», а физико-математического факультета – работу профессора И.И. Привалова «Интеграл Cauchy». Юридический факультет не успел подготовить свой выпуск. К сожалению, в последующие четыре года издание «Известий» прекратилось.

В мае 1918 г. закончился срок ректорства профессора П.П. Заболотнова, и в течение нескольких месяцев должность ректора исполнял профессор В.А. Арнольдов, декан медицинского факультета (согласно положению Устава). Осенью состоялись выборы нового ректора, и впервые на этот пост был избран не медик, а профессор физики В.Д. Зёрнов, один из основателей университета, пользовавшийся большим авторитетом. В сложной обстановке тех лет Зёрнов старался сохранить университет, его традиции, выступал в защиту профессорско-преподавательского состава. «Несмотря на очень большие хозяйственные затруднения и сложные отношения с администрацией, – вспоминал Владимир Дмитриевич, – мне удалось без всяких компромиссов довольно благополучно вести университетский корабль, охраняя его независимость, с одной стороны, и не впадая в особые конфликты с общей администрацией, с другой»⁵⁷. То, что университет в Саратове сохранился и выдержал тяжелые испытания времен Гражданской войны, во многом заслуга Зёрнова.

В ноябре 1919 г. СНК РСФСР, обсудив вопрос о закрытии вузов в связи с топливным кризисом, постановил, что занятия должны продолжаться только в технических вузах и на рабочих факультетах⁵⁸. В такой обстановке ректор и Правление Саратовского университета смогли наладить работу топливной комиссии (председатель – профессор В.С. Елпатьевский), обеспечить непрерывное проведение занятий в некоторых аудиториях, которые отапливались, и деятельность библиотеки, открытой с 10 до 22 часов⁵⁹. Часть занятий пришлось переносить в помещения вне университета. Так, у историков лекции и семинары проводились в здании Саратовской ученой архивной комиссии. В лабораториях, в которых приходилось проводить практические занятия, нередко в зимние месяцы была минусовая температура.

Эпоха «военного коммунизма» тяжело отразилась на жизни университетского общества. Студенты рабоче-крестьянского происхождения, а на рабфаке все поголовно, имели продовольственные пайки, получали одежду и обувь. Остальное студенчество было лишено и этого. Профессорско-преподавательский состав получал зарплату, но чудовищная инфляция ее полностью обесценила, так как стоимость продуктов и товаров массового потребления возросла в тысячи и миллионы раз. Хлебный паек сократился с 400 до 100 г черного хлеба, а повышенные пайки, выдававшиеся выдающимся ученым, были доступны лишь немногим, остальные вынуждены были заниматься мешочничеством, продавать на черном рынке предметы домашнего обихода, обменивать свои одежду, обувь на продовольствие и топливо, чтобы как-то продержаться и сохранить жизнь и здоровье близких людей.

Если в 1917 г., когда первые преподаватели приехали на историко-филологический и юридический факультеты, материальные условия жизни в Саратове были нормальные: достаточно продовольствия, возможность снять хорошие квартиры, то с весны 1918 г. начались трудности с питанием, одеждой, а затем уплотнение квартир и сложности с отоплением. Жена С.Л. Франка вспоминала, что осенью 1918 г. к ним в квартиру вселили профессора Н.В. Болдырева с женой и сыном, профессора С.В. Меликову⁶⁰.

Профессор В.Д. Зёрнов писал в своих воспоминаниях, что когда в конце 1920 г. в Саратов прибыл А.В. Луначарский и побывал в университете, то в университетском дворе они встретили одного профессора-филолога, одетого «как китаец: какая-то теплая

женская кофта, из-под нее торчала не то юбка, не то более длинная кофта, на ногах – неизвестно что... Профессор Дурново... ходил как какой-то оборванец»⁶¹. В таких тяжелых материальных условиях профессора Франк, Юровский и Ельяшевич выехали с семьями в немецкую колонию Кукус, где поселились в трех избах и кормились в основном рыбой, которую покупали у местных рыбаков⁶².

С 1919 г. в столицах и провинции начали создаваться комиссии по улучшению быта ученых, которые составляли списки особо нуждавшихся и, в первую очередь, крупных ученых, для получения академических пайков (они были намного больше по весу и калорийности обычных пайков). 23 декабря 1919 г. СНК издал декрет «Об улучшении положения научных специалистов», который узаконил ряд мер материальной поддержки ученых и вузовских преподавателей, в том числе повышенные пайки, необходимость создания нормальных жилищных условий для научной работы. Но до Саратова эти пайки не доходили почти до конца 1921 г. Не случайно многие из приехавших в Саратов и работавших в университете профессоров, как только появлялась возможность, покидали город, а местные власти ничего не делали, чтобы их удержать. Поэтому после окончания Гражданской войны в Саратовском университете произошло значительное снижение уровня профессорско-преподавательского состава. Известный палеонтолог профессор Н.Н. Яковлев, который в 1918–1920 гг. работал в университете, вспоминал, что когда он в 1918 г. приехал в Саратов, то сюда разруха, какая была в Петрограде, еще не докатилась. В Саратове он снял комнату с отоплением и электрическим освещением, имел домашний обед и вызвал к себе дочь-студентку из Петрограда. На второй год стало гораздо хуже: квартира без отопления и электрического освещения, еда в университетской столовой (суп из воблы и пшенная каша без масла). Материальные и бытовые трудности были одной из причин, по которой Яковлев в 1920 г. покинул Саратов⁶³. Уже с 1918 г. многие студенты университета, нуждаясь в заработке, вынуждены были совмещать учебу с работой. Поэтому основная часть занятий была перенесена на вечерние часы: с 17 до 22. На заседании Правления университета обсуждался вопрос о том, чтобы начинать занятия с 18 часов и сократить академический час до 35 минут, но это предложение было отвергнуто⁶⁴.

В целом же в годы Гражданской войны университет пережил серьезные трудности, структурные изменения, большие перемены в студенческом и преподавательском составе, но сохранился как ведущее высшее учебное заведение Поволжья.

Примечания

¹ Соломонов В.А. Императорский Николаевский Саратовский университет. История открытия и становления. (1909–1917). Саратов, 1999; *его же*. Первопроходцы университетской науки. Коллективный портрет первых профессоров и студентов Саратовского университета. Саратов, 2000; и др.

² Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского. Сб. мат-лов по истории СГУ и его кафедр. Юбилейный выпуск. Саратов, 1935; Саратовский университет. 1909–1959. Саратов, 1959; и др.

³ Гапоненков А.А. Историко-филологический факультет Саратовского университета. Из летописи событий 1917–1919 гг. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. филология. Журналистика. Т. 5. 2005. Вып. 1–2. С. 8.

⁴ Саратовский университет. 1909–1959. С. 19.

⁵ Саратовский листок. 1917. 13 апреля.

⁶ ГА РФ, ф. 2315, оп. 1, д. 124.

⁷ Там же, д. 9.

⁸ Сергеев М.Е. Воспоминания о Бестужевских курсах и Саратовском университете // Деятели русской науки XIX–XX веков. Вып. 2. СПб., 2001. С. 295.

⁹ С.Л. Франк. Саратовский текст / Сост. А.А. Гапоненков, Е.П. Никитина. Саратов, 2006. С. 14.

¹⁰ Франк С.Л. Непрочитанное...: статьи, письма, воспоминания. М., 2001. С. 488.

¹¹ Гапоненков А.А. Указ. соч. С. 10–12.

¹² Государственный архив Саратовской области (далее – ГА СО), ф. 332, оп. 1, д. 3, л. 7–7 об.

¹³ Там же, л. 4–4 об.

¹⁴ См. републикацию: Обзорение преподавания на историко-филологическом факультете Саратовского университета в 1917–1920 гг. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. филология. Журналистика. Т. 5. Вып. 1–2. С. 32.

¹⁵ Саратовский листок. 1917. 14 ноября.

- ¹⁶ Там же. 1917. 21 ноября.
- ¹⁷ Дневник русской Гражданской войны. Алексис Бабин в Саратове. 1917–1922 гг. Пер. В.П. Булдакова // Волга. 1990. № 5. С. 117.
- ¹⁸ Социал-демократ (Саратов). 1917. 26 ноября.
- ¹⁹ *Тельберг Г.Г.* «Университет жил совершенно нормальной жизнью». Воспоминания // Источник. 1998. № 3. С. 75.
- ²⁰ *Франк С.Л.* Из писем к М.О. Гершензону (1912–1919) // De visu. 1994. № 3–4. С. 29.
- ²¹ Переписка Б.М. Эйхенбаума и В.М. Жирмунского // Тыняновский сборник: Третьи Тыняновские чтения. Рига, 1988. С. 296.
- ²² Там же. С. 297.
- ²³ ГА РФ, ф. Р-2306, оп. 18, д. 170, л. 14.
- ²⁴ Саратовский университет. 1909–1959. С. 19–20.
- ²⁵ Подробнее см.: *Чанбарисов Ш.Х.* Формирование советской университетской системы. М., 1988. С. 61–72.
- ²⁶ ГА СО, ф. 332, оп. 1, д. 10, л. 16.
- ²⁷ Там же, л. 38.
- ²⁸ *Чанбарисов Ш.Х.* Указ. соч. С. 62.
- ²⁹ Саратовский университет. 1909–1959. С. 16–17.
- ³⁰ Статистический вестник (Саратовское губернское статистическое бюро). № 2. Август 1920 – июнь 1921 г. С. 47–49.
- ³¹ Саратовские известия. 1918. 13 декабря.
- ³² *Зёрнов В.Д.* Записки русского интеллигента. М., 2005. С. 219.
- ³³ Саратовский университет. 1909–1919. С. 18.
- ³⁴ ГА СО. Коллекция листовок. № 4294.
- ³⁵ Статистический вестник. Август 1920 – июнь 1921 гг. С. 41, 44.
- ³⁶ *Спасокукоцкая М.Г.* Жизнь и деятельность С.И. Спасокукоцкого. 1870–1943. М., 1960. С. 149.
- ³⁷ *Франк С.Л.* Из писем к М.О. Гершензону. (1912–1919). С. 29.
- ³⁸ ГА СО, ф. 332, оп. 1, д. 3, л. 2–2 об.
- ³⁹ Цит. по: *Иванов Г.П.* Пережитое. Воспоминания и мысли. (Машинопись). Тула, 1982, л. 217 // Коллекция документов по истории Саратовского университета В.А. Соломонова.
- ⁴⁰ Там же, л. 213–217.
- ⁴¹ *Сергеенко М.Е.* Указ. соч. С. 297.
- ⁴² Нужно отметить, что в ГА СО (ф. 332, оп. 5) хранится около 5 тыс. дел студентов Саратовского университета за 1917–1930 гг. Выборочное изучение их показывает, что поступившие в университет в 1917–1920 гг. чаще всего прерывали учебу на первом курсе, так как призывались в Красную армию (прежде всего медики), устраивались на постоянную работу, заболели. Только через несколько лет часть из них возвращалась в университет и заканчивала его. Надо иметь в виду, что не всегда указанное в заявлениях и анкетах тех лет социальное происхождение соответствовало реальности, начиналась вынужденная фальсификация этого пункта биографии.
- ⁴³ ГА СО, ф. 332, оп. 1, д. 3, л. 7 об.
- ⁴⁴ Саратовские известия. 1918. 2 ноября.
- ⁴⁵ ГА СО, ф. 332, оп. 1, д. 10, л. 43.
- ⁴⁶ Там же, д. 80, л. 1 об.-2.
- ⁴⁷ Там же, д. 121, л. 148–149.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Саратовские известия. 1919. 1 февраля; 4 февраля и др.
- ⁵⁰ ГА СО, ф. 332, оп. 1, д. 3, л. 5 об.-6.
- ⁵¹ Там же, д. 121, л. 115–116.
- ⁵² Отчет о деятельности историко-филологического факультета Саратовского университета за 1917–1919 гг. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Т. 1. Вып. 1. 2001. С. 22, 25. К сожалению, подобных документов по другим факультетам за годы Гражданской войны не обнаружено.
- ⁵³ ГА СО, ф. 332, оп. 1, д. 3, л. 10–10 об.
- ⁵⁴ *Сергеенко М.Е.* Указ. соч. С. 296.
- ⁵⁵ Саратовский университет. 1909–1959. С. 19.
- ⁵⁶ *Яковлев Н.Н.* Воспоминания геолога-палеонтолога. М., 1965. С. 52.
- ⁵⁷ *Зёрнов В.Д.* Указ. соч. С. 216–217.
- ⁵⁸ ГА СО, ф. Р-332, оп. 1, д. 121, л. 23.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ «Действительно свободные...». Т.С. Франк о первых годах революции // Русская жизнь. 2007. № 15. С. 99.
- ⁶¹ *Зёрнов В.Д.* Указ. соч. С. 235.
- ⁶² «Действительно свободные...». С. 98–100.
- ⁶³ *Яковлев Н.Н.* Указ. соч. С. 53–54.
- ⁶⁴ ГА СО, ф. Р-332, оп. 1, д. 121, л. 44.

КРАСНЫЕ ПАРТИЗАНЫ В СОВЕТСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ 1920-х – 1930-х годов (на материалах Юга России)

Ожесточенное гражданское противостояние в России в 1917–1922 гг. обычно представляется нам «окрашенным» в цвета итальянского триколора – зеленый, белый, красный (хотя не столь уж редко в общественном сознании россиян события тех лет по-прежнему выдержаны и в строго двухцветной, красно-белой, гамме). Причем, как правило, в исторических исследованиях участники Гражданской войны группируются не просто в три лагеря, а каждому из них приписывается определенная социально-политическая направленность. Белый и красный традиционно представляются непримиримо враждебными сторонами, а зеленый – колеблющимся между ними. В значительной мере такая дифференциация справедлива. Однако историческая действительность всегда гораздо сложнее любых исследовательских схем. Мы считаем, что Гражданская война в России представляла собой сложный процесс противостояния (а также и взаимодействия) политических течений, движений и партий, военных и полувоенных, а нередко попросту бандитских формирований, различных социальных и национальных слоев и групп, имевших различные, не всегда четко выраженные социальные интересы. По существу, ни один из перечисленных трех лагерей не был полностью монолитным. Сосредоточив внимание на красном лагере, можно с полным основанием утверждать, что партия большевиков (политическое ядро лагеря) и масса его комбатантов (рабочие, значительная часть крестьянства, определенная часть казачества, и пр.) находились вовсе не в состоянии гармоничного единства. Содружество в борьбе против общего врага (точнее, врагов) никоим образом не исключало внутренних конфликтов в этом лагере, поскольку политика большевиков далеко не всегда строилась с учетом нужд и интересов поддерживавшего их населения. Эта истина со всей очевидностью была доказана известным Кронштадтским восстанием в начале 1921 г. О том же свидетельствует историческая судьба красных партизан в 1920-х – 1930-х гг.

Партизанское (красно-партизанское) движение периода Гражданской войны трактовалось в советской историографии как «вооруженная борьба трудящихся в тылу белогвардейцев и интервентов в защиту завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции», руководимая, естественно, Коммунистической партией¹. Красные партизаны, таким образом, могут быть определены как участники просоветских добровольческих вооруженных формирований, состоявших в основном из местного населения, действовавших в тылу белых армий и войск интервентов, а по мере приближения Красной армии вступавших в ее ряды. Хотя в историографии (а до этого в советско-партийных документах) утвердился термин красные партизаны, сами участники этого народного движения зачастую именовали себя, совершенно иначе. Народный лексикон куда как более полифоничен и более четко определяет различные направления этого движения, его многогранность. Например, на Юге России наибольшее распространение получили такие самоназвания, как «камышане», «камышанники» (скрывавшиеся в камышах), «красно-зеленые», «красно-зеленые армейцы» («мы, красно-зеленые, те-же коммунары»), просто «зеленые», бойцы «Зеленой армии» («Мы зелеными зовемся, за Совет рабочих бьемся // Проливаем свою кровь за крестьян и казаков»)².

* Скорик Александр Павлович, доктор философских наук, профессор Южно-Российского государственного технического университета.

Тикиджьян Руслан Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент Ростовской академии сервиса (филиал) Южно-Российского государственного университета экономики и сервиса.

В социальном плане красно-партизанское движение было весьма разнородным (что вообще характерно для эпохи Гражданской войны), объединяя крестьян, казаков, рабочих, и т.д. В связи с особенностями социального устройства России первой трети XX в., наибольшее количество красных партизан формировалось из крестьянства. В казачьих регионах (в частности, на Дону, Кубани и Тереке) в ряды партизан не столь уж редко вступали и казаки. Численность красных партизан была достаточно высокой. Так, на Ставрополье к октябрю 1918 г. в рядах красно-партизанских формирований насчитывалось не менее 30 тыс. бойцов, а состав Кубано-Черноморской повстанческой красно-зеленой армии исчислялся к лету 1919 г. в 15 тыс. человек³. Они, несомненно, составляли социальную опору нарождавшейся советской власти, которая сразу приняла их как своих сторонников.

Многие партизаны погибли в боях, но еще больше было выживших. Достигнув победы в Гражданской войне, к которой они так долго и упорно стремились, красные партизаны вернулись к мирной жизни в новом обществе. Здесь-то им пришлось с удивлением, раздражением или озлоблением осознать, что их представления об идеальном и самом справедливом (коммунистическом) устройстве («коммунии») либо в слабой степени, либо вовсе не соответствовали советской реальности. Они также осознали, что большевистский режим не очень-то склонен считаться с их взглядами на жизнь и/или раскошелиться на их даже естественно-бытовые нужды. Все это, в конечном счете, предопределило довольно напряженные взаимоотношения между красными партизанами и представителями советско-артийных структур в 1920-х – 1930-х гг.

Проблема интеграции красных партизан в мирную жизнь, участия этих советских прозелитов в социалистическом (в частности, в колхозном) строительстве, их очень непростых взаимоотношений с властями, пока не получила самостоятельного отражения в российской историографии, в том числе и региональной, южнороссийской. В качестве исключения можно назвать работы А.В. Баранова и О.М. Морозовой, в которых затрагиваются вопросы материально-бытового положения бывших «солдат революции» и их настроений на изломе нэпа⁴. Между тем вопросы места и роли красных партизан в советском обществе представляются чрезвычайно интересными уже в силу уникальности данной общности, связывающей сразу три исторические эпохи: Гражданской войны, новой экономической политики и сталинского «великого перелома». Обращение к различным аспектам жизнедеятельности красных партизан, истории их взаимоотношений с властью и незашоренного восприятия ими советской действительности позволяет прояснить ряд историографически значимых проблем. В частности, более четко представить характер Гражданской войны как многостороннего и многоуровневого социального противостояния, суть большевистского режима как универсалистско-административной системы и особенности общественного устройства 1920-х – 1930-х гг., нередко совмещавшего элементы разноректорного исторического развития. Вместе с тем, перед нами история возникновения, существования и исчезновения с исторической арены отдельной социальной группы, явно не вписывающейся в традиционные представления о социальной структуре раннесоциалистического общества в России. Такого рода соображения и обусловили наше внимание к отмеченной проблеме, анализ которой осуществлен на материалах (прежде всего, архивных документах) Юга России.

Для красных партизан Гражданская война, как правило, закончилась гораздо позднее того времени, как были освобождены их родные края, где они ранее воевали в тылу врага. Ведь красно-партизанские формирования вливались в состав победоносной Красной армии и продолжали боевые действия уже в качестве красноармейцев. По окончании же войны перед подавляющим большинством бывших партизан встала одинаково острая для каждого воевавшего человека проблема адаптации к мирной жизни. Документы позволяют утверждать, что существовало несколько основных тенденций вхождения красных партизан в мирную жизнь, различавшихся по степени престижа тех социальных ниш, куда попадали бывшие борцы за «народное дело»: устройство в партийные структуры, в административные органы, учреждения; работа на производстве

или ведение собственного крестьянского хозяйства; неквалифицированный (и соответственно явно не престижный) труд в качестве подсобных рабочих, чернорабочих, батраков, и т.п.; пополнение маргинальных групп или хулиганско-бандитских шайек.

Первым ощущением, которое испытали многие бывшие красные, партизаны после того, как их покинула естественная эйфория от достигнутой победы, стал социально-психологический шок, вызванный осознанием собственной ненужности в том обществе, к созданию которого они были непосредственно причастны. Множество бывших бойцов, вернувшись в мирную жизнь, столкнулись с распространенной проблемой периода нэпа – безработицей и владели весьма жалкое существование. Прежние их заслуги и боевые навыки, увы, оказались никому не нужны. Об этом хорошо сказал М.А. Шолохов в июле 1934 г., вспоминая свои мытарства в Москве: «В Москве я очутился на положении одного из героев Артема Веселого, который пришел после окончания гражданской войны регистрироваться на биржу труда. Какая у вас профессия? – спросили его. – Пулеметчик, – ответил он. Но профессия пулеметчика никому не была нужна. Я зарегистрировался продовольственным инспектором. Профессия продовольственного инспектора также была не нужна. Был некоторое время безработным, работал чернорабочим, каменщиком, грузчиком, счетоводом в домоуправлении»⁵.

О.М. Морозова описывает как красные партизаны, в том числе и имевшие высокие правительственные награды, оказались в самом низу социальной лестницы нэповского общества. Так, инвалид Гражданской войны, член компартии с 1917 г., награжденный орденом Красного знамени, по свидетельству его соратников, «живет довольно плохо, так что бакши караулит, да казаны починяет». Партизан Я. Малеванный стал проводником в мягком вагоне и возмущался: «убирать вагон и уборные иногда за своим классовым врагом не дело командира запаса РККА»⁶. Любопытно, что прямые параллели мы находим и в литературе, в частности, в знаменитом произведении Н.А. Островского «Как закалялась сталь». Там есть сюжет о том, как демобилизованный Павка Корчагин, ставший электриком, вынужден чинить проводку в дипломатическом вагоне польского консульства, одна из пассажирок которого, бывшая его соседка Нелли Лещинская, бежавшая в Польшу от красных с отцом и братом, издевательски говорит Корчагину: «Между прочим, здесь вагон польской миссии, и в этом купе я госпожа, а вы как были рабом, так и остались»⁷. И в жизни многие бывшие красные партизаны никак не могли отделаться от подпитываемой реальностью мысли, что они «так и остались рабами», что кривое веретено не исправишь.

Как мы уже отмечали, большинство красных партизан являлись крестьянами и казаками, чей образ жизни предполагал занятия сельским хозяйством. Идеальным вариантом для каждого настоящего крестьянина всегда считалось ведение собственного хозяйства. Многие бывшие партизаны стремились именно к восстановлению (а также укреплению) своих хозяйств, разоренных во время войны. При этом они не без оснований полагали, что заслужили право хозяйствования на земле политой собственной кровью. Такого рода устремления, однако, зачастую наталкивались на открытое противодействие большевистского режима, расценивавшего хозяйственный рост сельских семей как укрепление позиций «кулачества». Так, в 1927 г. один из бывших красных партизан, проживавший в поселке Целина Сальского округа Северо-Кавказского края, делясь с бывшими соратниками своим недовольством, говорил: «красные командиры-партизаны, командовавшие бригадами, благодаря восстановленности своего хозяйства зачисляются кулаками и чуть не лишают их избирательного права»⁸. В мае 1927 г. на сельском партийном совещании работников Донского округа Северо-Кавказского края представитель Азовского района Ефимов в деталях расписал, как советское законодательство препятствовало попыткам красных партизан восстанавливать и укреплять собственные хозяйства: «[бывший красный партизан] прослужил несколько лет в Кр.[асной] армии, хозяйства у него нет, падает. В результате приходит домой. Что же ему делать. Для того чтобы начать снова оживлять свое хозяйство, пойти к кулаку батраком, – за эту зарплату ничего не сделаешь: не приобретешь ни коняку, ни плуга».

Поэтому красный партизан в условиях Азовского района, где развито рыболовство, «во время сезона начинает перекупать рыбу и проче[е]. Временно, в сезоне, 2–3 месяца занимается перепродажей, покупкой рыбы. Поработал несколько месяцев. Купил коня. Бросает это дело. А в инструкции говорится, что лицо, занимающееся покупкой и перепродажей, по истечении 5 лет лишается права голоса». И его лишают избирательных прав, на что он высказывается: "Я завоевывал сов[етскую] власть, боролся за нее, а теперь меня лишили права голоса, за то, что я хотел не быть голодным, что[-]то где[-]то взять"»⁹.

Подобные примеры были отнюдь не единичными, и вовсе не случайно в «Поднятой целине» бывший красный партизан Тит Бородин характеризуется его соратниками Нагульновым и Разметновым хотя и с ноткой сострадания, но в целом негативно: «Будучи бедняцкого рода, сражался стойко... [Но] зубами, как кобель в падлу, вцепился в хозяйство, возвратившись домой... И начал богатеть, несмотря на наши предупреждения. Работал день и ночь, оброс весь дикой шерстью, в одних холстинных штанах зиму и лето исхаживал. Нажил три пары быков и грыз от тяжелого подвема разных тяжестей, и все ему было мало!»¹⁰. М.А. Шолохов, как обычно, талантливо описывал в своих произведениях окружавшую его действительность, и позиция представителей местной администрации хутора Гремячий Лог по отношению к Титу Бородину ничуть им не выдумана. Трагедия страны (и, в частности, трагедия многих красных партизан, подобных Бородину) заключалась именно в том, что большевики, стремясь к достижению социальной справедливости, избрали изначально тупиковую идеологию. В соответствии с идеологией и практикой большевизма слово «бедняк» превратилось в своеобразный почетный социальный титул, изначально чтимый в СССР, а старательные, инициативные граждане (залог благополучия любой державы) подверглись всяческому гонениям.

Впрочем, немало красных партизан не вызывали у новой власти никаких опасений, поскольку не стремились избавляться от принадлежности к «титulyным» (бедняцко-батрацким) слоям деревни и не особенно сопротивлялись постепенному сползанию на самое социальное дно. Немало бывших бойцов, не найдя себя в мирной жизни, банально спивались. Вот как описывали одного из бывших красных партизан села Белая Глина Сальского округа Северо-Кавказского края в начале 1929 г.: «Самсонов красный партизан, быв.[ший] член ВЦИКа, слушатель Свердловки в [19]20 году, он забыл недавние революционные бои и победы, [запил и теперь кается:] только в Красной армии не пил, был человеком, а теперь скотина, спасите меня, ведь я гублю не себя только, а и дело революции, за которую бился»¹¹.

Иной раз красные партизаны пополняли ряды откровенно криминальных элементов. Для этой части бывших крестьян явно стиралась грань между прежней борьбой за власть со всеми пороками Гражданской войны и нынешним положением вещей, когда оказалось возможным поправить свое имущественное положение и получить социальные преференции исключительно с помощью оружия. Изменить свои «боевые» привычки, найти другой жизненный алгоритм в мирных условиях они не смогли и/или не захотели, а потому и занимались откровенным разбоем. Примеров подобного поведения в архивных документах встречается предостаточно. В частности, в апреле 1927 г. сотрудники ОГПУ сообщали, что в станице Атаманской Дубовского района Северо-Кавказского края «хулиганство принимает угрожающий характер». Население станицы было «чрезмерно терроризировано» группой хулиганов из 9 человек, возглавляемых членом ВКП(б) с 1920 г., бывшим красным партизаном, награжденным орденом Красного Знамени И.С. Коньковым, и его подручными также партизанами П.Е. Карасевым и Ф.Е. Быкадоровым, «Эта шайка», как докладывали властям агенты ОГПУ, «занимается не только простым хулиганством, но и конокрадством, и вооруженными грабежами». Все члены шайки «сельским хозяйством почти не занимаются, но заметно живут не по средствам и систематически пьянствуют»¹². Как видим, проблема «потерянного военного поколения» ощущалась не только в Европе, пережившей Первую мировую войну, но и в Советской России, выстрадавшей войну Гражданскую.

Учитывая вышеизложенное, нет ничего странного в том, что, многие красные партизаны страдали «синдромом обманутых надежд»¹³. Вину за то, что советская действительность мало напоминала их выстраданные мечты о «коммунистическом рае», партизаны зачастую возлагали на большевиков, обвиняя последних в прямой узурпации власти и социальном перерождении, то есть в забвении своих классовых корней и стремлении к роскоши при игнорировании интересов простого народа. В данном случае характерны высказывания бывших красных партизан Сальского округа Северо-Кавказского края, утверждавших в 1927 г.: «Мы тогда нужны были, когда несли свои головы за лучшее будущее»; «Большое жалованье способны получать лишь коммунисты, даже не служившие в Красной армии, а партизаны этого лишаются. Где-же правда. Коммунисты живут как бывшие министры и генералы в особняках на дачах, получают бешеные ставки, заполняют кафе-шантаны и т.д., не обращая внимания на низы. По стопам Ленина еще не следуют, а каждый стремится лучше устроиться для своего благополучия, не заботясь о других»; «Перевыборы советов у нас проводятся для примера. А в действительности не мы выбираем, а коммунисты, навязывая нам коммунистов, заставляют поднимать руки за них. Красноармейцев не признают и о них не заботятся»; «Коммунистам скоро придет конец, мы б.[ывшие] красноармейцы партизаны всех перевешаем. Мы с первых дней революции боролись, организовывали советы. А в настоящее время коммунисты нас меняют на женщин, высылая последних для работы по селам»¹⁴. Если не обращать внимания на явно выраженные патриархальные стереотипы, то последние высказывания свидетельствуют о том, что красные партизаны прекрасно понимали, кто на самом деле управляет советским государством, поэтому лозунг «советы без коммунистов» был достаточно популярен и в 1920-х гг. (хотя представители власти утверждали обратное)¹⁵. Причем красные партизаны видели и знали такие советы, поскольку во времена борьбы за советскую власть большевиков-партийцев было мало, а в советы вводили преимущественно те, кто доказал преданность идеалам нового общества своей кровью и трудом на благо всего народа, иначе их тогда бы не избрали.

Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что красные партизаны обвиняли в своих бедах и в забвении идеалов революции наряду с коммунистами также «буржуев» и вообще всех «бывших», сумевших якобы пробраться во власть. Причем были настроены по отношению к «бывшим» гораздо более негативно, чем к коммунистам. Например, некий Василий Михайлович Поляков из станицы Ахтырской Абинского района Северо-Кавказского края писал в марте 1925 г. своему другу Ване, что в станичный совет избрана «вся та сволочь, которая в 1919 г., при кадетях гонялась за нами с шашками, с кинжалами, как за свиньями... подумай, кадеты, кулаки, самогонщики, попы, псаломщики, дьяки, подьячие, дворяне, мещане – все под наше красное, добытое кровью зная, лезут». Учитывая сложившуюся в станице обстановку, писал Поляков, «я наготовил в кармане [наган] и уже за скобку придерживаю», а «братва настроена уж-как, чуть что по свинцу, покажем 1920 г. красным террором»¹⁶. В октябре 1926 г. один из бывших красных партизан Донской обл. Северо-Кавказского края возмущался, что «буржуазию-золотой погон», которой более чем достаточно на Юге России, принимают и во власть. Основываясь на своем боевом опыте, средства для решения этой проблемы он находил самые радикальные: «Бей буржуя, не давай пощады, а попов и архиереев и разных причетников собрать по всей России и связать волосы ихни стальным канатом и пришибить до Фордзона, пусть он таскает [их] в море Черное»¹⁷.

Таким образом красные партизаны, несмотря на явное и открытое недовольство общим положением дел в стране, все же четко позиционировали себя как самые верные сторонники советской власти. Для них приверженность советской власти выступала базовой характеристикой консолидации как особой социальной группы советского общества. Однако отношение партийно-советских руководящих работников к ним было двойственным. С одной стороны, большевики прекрасно понимали, что «в деревне, скажем прямо, партия стоит на глиняных ногах»¹⁸, и стремились опереться на «краснопартизанский актив». В частности, в мае 1925 г. Шахтинско-Донецкий окружком

ВКП(б) Северо-Кавказского края прямо предлагал «особое внимание уделить втягиванию в ряды партии бедняков и батраков из бывших красноармейцев и красных партизан»¹⁹.

С другой стороны, коммунисты выражали свое недовольство буйной «братвой», имевшей наглость критиковать властвующие партийные органы и требовать себе привилегий. В общем, «ни мыто, ни катано, ни брито, ни стрижено. Ни катано, ни глажено, а туда же». Причем не последнюю роль в данном случае играли также витальные опасения, что красные партизаны не просто так грозят «переродившимся» представителям большевистского режима поголовным уничтожением во время ожидавшейся войны, а действительно перейдут от слов к реальным действиям возмездия за отход от идеалов революции. Так, в мае 1927 г. работники райкомов и окружкома ВКП(б) Донского округа Северо-Кавказского края на сельском партийном совещании дружно обрушились на красных партизан, обвиняя их в недостойном поведении и нападках на сельские и станичные парторганизации. Как свидетельствуют архивные документы, началось все как-то спонтанно. Один из участников совещания обмолвился, что во время недавно прошедших перевыборов сельсоветов «красные партизаны и демобилизованные красноармейцы выявили значительный рост активности; они шли в большинстве случаев с беднотой», хотя и наблюдались «отдельные попытки к самостоятельной организации»²⁰. Эти слова, видимо, задели собравшихся за живое, потому что в целом ряде последовавших выступлений содержалась более-менее острая критика в адрес красных партизан: «партизаны имеют тенденцию [к] командованию парт.[ийной] ячейкой, что мы мол их не удовлетворяем, а они завоевали революцию», «партизанская публика в станице развращена: пошлешь на работу, она проплет деньги», «это дело вопиющего безобразия [что нам сверху указывают], что нужно чуть ли не на руках носить этих партизан», «во многих районах имеются отдельные нахальные личнос[т]и партизан которые встречают каждого партийца и работника и говорят, чтобы им помогли [и] им помогают планоно и безпланово, иногда десятками, рублями, пятерками, в особенности, когда они приходят выпивши. В дальнейшем этого допускать не нужно. А нужно принять какие[е]-[т]о в этом отношении меры»²¹.

Разумеется, особое неудовольствие представителей партаппарата на Юге России в 1920-х гг. вызывали те красные партизаны, которые стремились не только использовать все возможности для хозяйственного роста (не обращая внимания на призывы большевиков соблюдать меру при реализации знаменитого лозунга «обогащайтесь!»), но и проявляли известную общественную активность. В 1924 г., например, члены Донского окружкома ВКП(б) Северо-Кавказского края указывали, что «кулаки» не только богатеют, но еще и стремятся создать себе прочные позиции в местной администрации и кооперативных организациях, рассматривавшихся властью как ее вотчина: «Одновременно кулачество пытается завоевать общественный удельный вес, стараясь пролезть в сельсоветы и захватить в свои руки кооперативы. В этом отношении особенно нагло ведут себя те из кулаков, которые служили в Красной армии: службу в Красной армии стараются использовать для захвата доминирующего значения в деревне. И, надо сказать, что это кулачеству при малосознательности бедняцкого населения, при отсутствии нужных партийных сил в деревне очень часто удается; значительная часть низовой кооперации в руках кулаков»²².

Таким образом, нормальный процесс восстановления крестьянского хозяйства и экономического подъема деревни видется большевикам исключительно через призму политико-идеологических представлений. Причем самостоятельный и хозяйственный элемент деревни, способный ее поднять и повести за собой, узурпаторам власти никоим образом не нужен. Поэтому взаимоотношения между красными партизанами и представителями партийно-советских органов в период нэпа никак не могли быть названы безоблачными. Особенно же эти взаимоотношения обострились на изломе нэпа и в период «великого перелома» российской (советской) деревни, провозглашенного И.В. Сталиным, как известно, в ноябре 1929 г., хотя и здесь не все так просто.

Часть красных партизан в это время оказала поддержку формировавшемуся сталинскому режиму, вступая в колхозы, принимая участие в хлебозаготовках и выселении «кулаков». Эта часть пошла в фарватере политики власти до конца, не сомневаясь в правильности избранного ею курса. Так, М.А. Шолохов писал в первой половине 1930-х гг., что практически все мужское население кубанского хутора Подкущевки во время Гражданской войны воевало с «отрядами южной контрреволюции (Корнилов, Каледин)... В последующие годы эта немногочисленная группа оставшихся в живых партизан вела ожесточенную борьбу с остатками засевших в Подкущевке белогвардейцев и кулачества и сейчас составляет основное ядро подкущевского колхоза»²³. Так же поступали многие донские и ставропольские красные партизаны. Например, в период коллективизации в селе Величавом Прикумского района Северо-Кавказского края возник колхоз с весьма красноречивым названием «Красный камышанник»²⁴.

Но, наряду с этим, немало участников Гражданской войны, сражавшихся в свое время за справедливое социальное устройство, резко выступили против «чрезвычайных» хлебозаготовок, коллективизации, «раскулачивания». В данном случае, бесспорно, сказалась пассионарность красных партизан, не утраченная ими на протяжении 1920-х гг. По справедливому замечанию Н.А. Токаревой, «в партизаны уходила наиболее политически активная часть деревни» и в конце 1920-х гг., «оказавшись в стрессовой ситуации, они реагировали на нее наиболее активно»²⁵. Не менее важной причиной отрицательного отношения многих красных партизан к аграрной политике сталинского режима конца 1920-х – 1930-х гг. являлся ее консервативный (выражаясь языком рассматриваемого периода времени, «контрреволюционный») характер. Ведь по итогам Гражданской войны российское крестьянство получило давно желаемую «землю и волю», что рассматривалось ими как наиболее ценные завоевания революции 1917 г. (их чаяния, наконец-то сбылись!). Собственно за это и воевала крестьянская масса, физически составлявшая большинство воинских формирований, участвовавших в Гражданской войне. В этой связи И.Б. Орлов и А.Я. Ливший справедливо указывают, что в 1920-х г. «свобода являлась приоритетным и «знаковым» понятием общественного сознания»²⁶. Коллективизация же вновь прикрепляла крестьян к земле и лишала прав самостоятельно хозяйствовать на ней. Именно так эта политика (якобы направленная на «социалистическое переустройство» деревни) и расценивалась сельским населением, в том числе бывшими красными партизанами: «выбили старых панов, надеялись на улучшение жизни, а вышло хуже, новые паны дерут лучше старых»²⁷, «мы воевали за землю. Отвоевали ее у помещиков, а теперь вы (большевики. – *Авт.*) на место помещиков»²⁸.

В итоге сотрудники органов ОПТУ по Северо-Кавказскому краю летом 1928 г. констатировали: «Особенно активно-враждебно вокруг продовольственных затруднений [вызванных завышенными хлебозаготовками] проявляют себя бывшие красные партизаны и отчасти демобилизованные красноармейцы, заявляющие в своих выступлениях о неизбежности второй революции[: "придется идти на крайность, ведь не умирать же голодной смертью"]»²⁹. В сентябре того же года власти Ставропольского округа Северо-Кавказского края докладывали краевому руководству, что красные партизаны резко протестуют против высоких налогов. Так, член ВКП(б), бывший партизан Максим Коломийцев в ярости говорил: «Надо Деникина, я наберу отряд и буду воевать»³⁰. Другую реакцию трудно себе представить, ведь власть, которая должна защищать своих приверженцев, воевавших за нее в самые смутные времена Гражданской войны, начинала их обдирать как липку. Получалось: «Пиши долг на двери, а получать будешь в Твери».

Весьма активно проявили себя красные партизаны и в антиколхозных выступлениях. В. А. Бондарев описывает массовые волнения, организованные ими в июле 1930 г. в станице Белореченской и селах Великое и Вечное Майкопского района Северо-Кавказского края, когда бунтовщики разогнали местную администрацию, раздали бывшим хозяевам обобщественное имущество и приняли решение существенно ограничить нормы хлебозаготовок. Он полагает, что такого рода выступления можно считать

«неким промежуточным звеном между хорошо организованными и подготовленными «контрреволюционными» мятежами и стихийными массовыми крестьянскими выступлениями». По его мнению, «в этих акциях стихийность, неотъемлемое качество традиционных крестьянских бунтов, причудливо сочеталась с организационным началом, воплощенным в красных партизанах (или местных партийцах, комсомольцах и пр.) и организуемых из их числа комитетов. Зачастую такие массовые выступления начинались стихийно, однако затем следовало создание «краснопартизанских революционных комитетов» («красных партизанских комитетов») или каких-либо других подобных органов, выступавших в роли руководящих центров». Мы бы самостоятельно, подчеркнули, что красные партизаны оказались способны самостоятельно моделировать и создавать властные структуры в деревне без большевиков-партийцев. Причем «любопытно, что в отношении акций, возглавляемых красными партизанами, власть считала целесообразным использовать диалог, а не силовое давление: ведь партизаны воспринимались как заблудшие единомышленники»³¹.

С последним утверждением мы не можем согласиться в полной мере. Здесь надо внести ряд существенных уточнений. Представители власти не единожды утверждали, что «партизанам многое сходит [с рук]»³². Даже первый секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) Е.Г. Евдокимов, ранее возглавлявший краевые органы ОГПУ, в конце 1934 г. прямо выступил в защиту единоличников из числа красных партизан. В своей речи на Первом краевом съезде Советов он заявил буквально следующее: «Выступавшие товарищи правильно указывали на нетерпимость того, что на Ставропольщине значительное количество красных партизан находится еще вне колхозов. В годы Гражданской войны эти люди самоотверженно боролись, отдавали жизнь за Советскую власть, а теперь стоят как-то в стороне от колхозного дела. Это с виду непонятное положение некоторые товарищи готовы разрешить примерно таким образом: тех партизан, которые не вошли в колхозы, надо, мол, проверить, посмотреть, какие они партизаны, одним словом, нельзя ли объявить их лжепартизанами? Конечно, всякого примазавшегося, владеющего почетной книжкой красного партизана не по праву, нужно разоблачать. Но ставить так вопрос в отношении партизана только из-за того, что он не вступил в колхоз, дело вредное и преступное.

Вина в том, что часть красных партизан до сих пор вне колхозов, в первую очередь, лежит **на нас** (здесь и далее выделено жирным шрифтом в соответствии с источником. – *Авт.*), так как **мы** должны были и каждого подлинного партизана гражданской войны в превосходстве коллективного хозяйства перед единоличным (в этом гвоздь вопроса) – **убедить, доказать, на деле помочь** отставшим партизанам включиться в ряды бойцов за колхозную стройку»³³.

Это высказывание как нельзя лучше раскрывает противоречивое отношение местной власти к красным партизанам. Тот факт, что они все же рассматривались большевиками как «заблудшие единомышленники», позволял многим из них не вступать в колхозы, но успешно развивать единоличные хозяйства. Представители власти на Юге России в первой половине 1930-х гг. называли красных партизан «вожаками и заядлыми единоличниками»³⁴, «наиболее упорными и «твердокаменными» единоличниками»³⁵. По мнению властей, своеобразной твердыней единоличников являлось Ставрополье, так как здесь красно-партизанское движение было «в сильной степени окрашено эсеровскими лозунгами («за землю, волю и народное право»)»... партизаны, которые не в колхозе, в большинстве раньше жили богато... Они шли воевать затем, чтобы забрать землю у помещиков и расширить свое хозяйство, а за социализм они не думали»³⁶. При этом как-то упускалось из виду, что шло, как говорили древние, *pro aris et focus certamen* (за свои алтари и очаги сражение).

Более того, единоличники из числа красных партизан, не просто акцентировали внимание на личных былых заслугах. Они считали в 1930-х гг. своим неотъемлемым правом прямо указывать властям на разного рода перегибы и злоупотребления и даже критиковать действия местных администраторов. В 1932 г. колхозники сельхозартеля «Советский пахарь» Кропоткинского района Северо-Кавказского края в коллектив-

ной жалобе В.М. Молотову робко напоминали о кратковременном равенстве времен Гражданской войны: «Осмеливаемся Вас побеспокоить о нижеследующем и надеемся получить должный ответ, как бывало от наших командиров на фронтах Гражданской войны»³⁷. В 1934 г. в Благодарненском районе Северо-Кавказского края единычник красный партизан Панарин произнес крамольные слова: «Я на своих плечах принес эту власть, я воевал за свободу и свободную жизнь, за землю, волю и народное право, а получилось иное – рабство. Я бы сейчас на обоих плечах вынес эту власть обратно, если бы мог»³⁸. В то же время красные партизаны Азово-Черноморского края, выражая возмущение реалиями коллективизированной деревни, вопрошали: «За что кровушку лили!?»³⁹. Однако большевики категорически отказывались видеть в красных партизанах «мужей битвы и совета».

В то же время большевики, не применяя репрессии против упорствовавших в единичестве красных партизан, не собирались их терпеть бесконечно. В конце концов, с точки зрения большевистской идеологии, представлявшей собой «воплощение конфликтности», ориентированной на «постоянную работу над созданием все новых и новых образов врагов»⁴⁰, единычники из числа красных партизан не могли считаться друзьями. Логика ценности и малоценности, столь характерная для действий большевиков, в 1930-х гг. развертывала свою уничтожающую последовательность и в отношении единычников: они должны были исчезнуть с исторической арены, пусть даже в прошлом и воевали за советскую власть. Поэтому, когда в июне 1934 г. высшее партийное руководство приняло решение о вовлечении единычников в колхозы путем налогового-административного давления, усилия властей были обращены и против красных партизан. Более того, антиколхозная активность последних, по всей видимости, настроила представителей советско-партийных органов против данной общности в целом, а не только против тех ее членов, которые оставались единычниками. Показательно, что в январе 1933 г. представители краевых органов власти Северо-Кавказского края, рассуждая об источниках укрепления колхозной администрации, не упомянули о красных партизанах. Так, один из секретарей Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) Ф.Филов среди наиболее ценных кандидатов в колхозный актив и администрацию называл таких, как «демобилизованные красноармейцы, прошедшие прекрасную школу в Красной армии, терармейцы, допризывники, рабочие МТС и совхозов основных ведущих специальностей, передовая молодежь, рабселькоры, женделегатки, ударники и ударницы». О красных партизанах он не сказал ни слова⁴¹.

На протяжении последующих лет по мере укрепления колхозной системы напряженность во взаимоотношениях власти и красных партизан постепенно исчезла. Организационно-хозяйственное укрепление колхозов практически поставило точку в этой истории противостояния правящей партии и просоветского актива южно-российской деревни. Впрочем, советская пропаганда не раз обращалась к заслугам партизан во время Гражданской войны, подчеркивая, что молодые поколения должны на их примере учиться борьбе с врагами. Например, во время развернутой с февраля 1936 г. кампании «За советское казачество» в прессе Юга России специально подчеркивалось, что опыт старых кавалеристов крайне важен при обучении казачьей молодежи: «нужно, чтобы кружки ["ворошиловских всадников"] перенимали опыт и знания старых кавалеристов, красных партизан, славных конников, которые под водительством Ворошилова и Буденного громили врагов пролетарской революции»⁴². Однако о неоднозначном отношении красных партизан к советской действительности 1920-х – первой половины 1930-х гг. и о напряженных взаимоотношениях между ними и большевистским режимом ни пресса, ни власть теперь старались не вспоминать.

Итак, в 1920-х – 1930-х гг. красные партизаны, оставаясь приверженцами советской власти, часто занимали свою особую социально активную позицию, с которой большевики были вынуждены считаться. В данном случае сказывалась специфика краснопартизанского движения как традиционно российского стихийного бунта, перед которым оказались бессильны и добровольческие белые формирования, и регулярные подразделения войск интервентов. Борясь во время Гражданской войны за «землю и во-

лю», красные партизаны не могли быть удовлетворены курсом большевистского (затем – сталинского) режима на возрождение самодовлеющего российского государства. Поэтому, по существу, они продолжали свою собственную войну за всепобеждающую социальную справедливость и после 1922 г., в которую верили, как христиане верят Япетову сыну. Причем большевики не могли позволить себе широкомасштабные репрессии против красных партизан (хотя нередко и демонстрировали подобные намерения). Ведь они были обязаны своей властью этим «солдатам революции», да и, помимо прочего, красные партизаны выступали для членов компартии как мифообразующая сила ее легитимности и легальности. Вместе с тем любые попытки красных партизан противодействовать мероприятиям компартии пресекались последовательно и систематически. Их история показывает, что большевики в борьбе за подчинение деревни сталкивались отнюдь не с кулачеством (хотя и такие страницы в истории были), а со всем крестьянством, привлекая на свою сторону чаще маргинальные элементы деревни, нежели реальных прозелитов советской власти. Проблема как раз и заключалась в ином понимании сущности советской власти красными партизанами, в их изначальной способности к исторической деконструкции народной демократии.

Примечания

- ¹ Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. Изд. 2. М., 1987. С. 429.
- ² Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИ РО), ф. 12, оп. 2, д. 231, л. 1; *Петрова М.П.* Партизанское движение на Ставрополье в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны // Ученые записки Пятигорского государственного педагогического института. Т. XVI. Пятигорск, 1958. С. 132.
- ³ *Петрова М.П.* Указ. соч. С. 118; Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. С. 219.
- ⁴ *Баранов А.В.* Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики. Краснодар, 1999; *его же*: «Военная тревога» 1927 г. как фактор политических настроений в нэповском обществе (по материалам Юга России) // Человек на исторических поворотах XX века. Краснодар, 2006. С. 10–17; *Морозова О.М.* Послевоенная жизнь солдат революции // Человек на исторических поворотах XX века. С. 143–151.
- ⁵ *Шолохов К.* На проверке – Михаил Шолохов // Михаил Шолохов в воспоминаниях, дневниках, письмах и статьях современников. В 2. кн. Кн. 1. 1905–1941 гг. М., 2005. С. 471–472.
- ⁶ *Морозова О.М.* Указ. соч. С. 144, 145.
- ⁷ *Островский Н.А.* Как закалялась сталь. М., 1977. С. 242.
- ⁸ ЦДНИ РО, ф. 97, оп. 1, д. 76, л. 28.
- ⁹ Там же, ф. 5, оп. 1, д. 145, л. 91.
- ¹⁰ *Шолохов М.А.* Поднятая целина. М., 1960. С. 28.
- ¹¹ ЦДНИ РО, ф. 97, оп. 1, д. 121, л. 7.
- ¹² Там же, д. 76, л. 35.
- ¹³ *Орлов И.Б., Лившин А.А.* Социологический анализ «писем во власть» (1917–1927 гг.) // Социс. 1999. № 2. С. 86.
- ¹⁴ ЦДНИ РО, ф. 97, оп. 1, д. 76, л. 28, 29, 52.
- ¹⁵ Там же, ф. 118, оп. 1, д. 69, л. 98.
- ¹⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 85, д. 19, л. 10, 11.
- ¹⁷ Там же, л. 298.
- ¹⁸ Там же, оп. 85, д. 16, л. 99.
- ¹⁹ ЦДНИ РО, ф. 118, оп. 1, д. 133, л. 8.
- ²⁰ Там же, ф. 5, оп. 1, д. 145, л. 38.
- ²¹ Там же, л. 156, 184, 194.
- ²² Отчет Донского окружного комитета РКП(б) с мая по октябрь 1924 г. Ростов н/Д, 1924. С. 19.
- ²³ *Шолохов М.А.* Героническая Подкущевка // *Шолохов М.А.* Собр. соч. в 8 т. Т. 8. М., 1975. С. 56–57.
- ²⁴ ЦДНИ РО, ф. 166, по. 1, д. 22, л. 5.
- ²⁵ *Токарева Н.А.* Деформация социально-экономических отношений в станицах и селах Северо-Кавказского края в 1928–1929 гг. (Изменение политики государства в деревне). Дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1994. С. 152.
- ²⁶ *Орлов И.Б., Лившин А.А.* Указ. соч. С. 79.
- ²⁷ ЦДНИ РО, ф. 97, оп. 1, д. 76, л. 31.
- ²⁸ *Тепцов Н.В.* В дни великого перелома. История коллективизации, раскулачивания и крестьянской ссылки в России (СССР) по письмам и воспоминаниям: 1929–1933 годы. М., 2002. С. 109.
- ²⁹ Пит. по: *Токарева Н.А.* Деформация социально-экономических отношений.... С. 152.
- ³⁰ ЦДНИ РО, ф. 7, оп. 1, д. 942, л. 200.

³¹ Бондарев В.А. Фрагментарная модернизация постоктябрьской деревни: История преобразований в сельском хозяйстве и эволюция крестьянства в конце 20-х – начале 50-х годов XX века на примере зерновых районов Дона, Кубани и Старополя. Ростов н/Д, 2005. С. 367, 371.

³² РГАСПИ, ф. 17, оп. 120, д. 118, л. 86.

³³ Евдокимов Е.Г. Ближайшие задачи рабочих и колхозников Северного Кавказа. Речь на 1-м краевом съезде Советов // Социалистическое строительство Северо-Кавказского края. 1935. № 1. С. 14.

³⁴ Козьминин. Когда единоличник предоставлен самому себе // Молот. 1934. 21 июля.

³⁵ РГАСПИ, ф. 17, оп. 120, д. 118, л. 85.

³⁶ Там же, л. 85, 86.

³⁷ Государственный архив Ростовской области, ф. р-1185, оп. 3, ф. 548, л. 8.

³⁸ РГАСПИ, ф. 17, оп. 120, д. 118, л. 85.

³⁹ Чилим И. На чужом пиру. Заметки о единоличниках // Молот. 1934. 2 октября.

⁴⁰ Ахизер А.С., Давыдов А.П., Шуровский М.А., Яковенко И.Г., Яркова Е.Н. Большевизм – социокультурный феномен (опыт исследования) // Вопросы философии. 2001. № 12. С. 36.

⁴¹ Филов В. О работе с беспартийным колхозным и совхозным активом. Доклад на объединенном пленуме С[еверо]-К[авказского] Крайкома и КрайКК ВКП(б) 29-го января 1933 года. Ростов н/Д, 1933. С. 36.

⁴² Шире движение ворошиловских кавалеристов // Молот. 1936. 20 марта.

© 2009 г. О. М. ВЕРБИЦКАЯ*

НАСЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ В ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ КРИЗИСЕ 1990-х годов

Актуальность проблемы демографического кризиса и его последствий в российской селе определяется необходимостью научного осмысления итогов развития России в XX в., в том числе, и на этапе радикальных политических и социально-экономических реформ в переходный период 1990-х гг. Изучение и обобщение демографических процессов, происходивших в не столь отдаленной исторической ретроспективе, представляется необходимым при составлении научно обоснованных долгосрочных программ по регулированию этими процессами как в стране в целом, так и в сельской местности.

В силу незначительной хронологической удаленности данного периода приходится констатировать, что его изучение по существу только начинается. Демографы, статистики, социологи и географы уже опубликовали некоторые работы, посвященные отдельным аспектам демографического развития России в 1990-е гг.¹ В то же время публикаций исторического характера пока еще нет.

Усилиями специалистов по исторической демографии Института российской истории РАН, среди которых был и автор данной статьи, подготовлен к публикации очередной том издания «Население России в XX в.: Исторические очерки», где наряду с другими проблемами определенное освещение получили и основные направления демографического развития села в 1990-е гг.²

В настоящей статье предметом изучения является сельское население России в условиях демографического кризиса 1990-х гг. Наряду с анализом изменений в демографической сфере села, ставится задача выяснения их исторических причин, а также возможных последствий, в том числе для политики и экономики страны и ее регионов.

Важнейшей стороной всеобщего кризиса, разразившегося в России после распада СССР, стало серьезное ухудшение показателей демографического развития. Начавшиеся в стране глубокие политические и социально-экономические перемены оказались весьма болезненными – большая часть жителей страны потеряла работу и средства к существованию, резко упал их жизненный уровень, росла смертность, а рождаемость, наоборот, быстро снижалась, стремительно сокращалась общая численность россиян. На «критическую массу» прошлых демографических тенденций, наложилось тяжелей-

* Вербицкая Ольга Михайловна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

шее состояние экономики, межнациональных отношений, социальной сферы³. С 1992 г. в России началась естественная убыль населения, выразившаяся в превышении числа умерших над числом родившихся. Это явление впоследствии было названо «русским демографическим крестом». Начавшись с 219,8 тыс. человек в 1992 г. естественная убыль россиян ежегодно постоянно увеличивалась и к 2000 г. составила почти 1 млн человек (958,5 тыс.), а всего за 1992–2000 гг. достигла 6 млн 610 тыс. человек⁴.

Для российской деревни данный период оказался невероятно трудным. С началом реформ и политики «шоковой терапии» стала быстро меняться социальная структура села. В ней появилась крупная и мелкая буржуазия, мелкие собственники, постепенно складывался немногочисленный слой деревенской элиты, состоящей из бывшего колхозно-совхозного руководства, партийных и профсоюзных лидеров, заведующих складами, магазинами – всех, кто был связан с дефицитными на селе ресурсами. Основную же часть сельского населения составляли наемные рабочие, включая батрачество.

Фермерское движение в России по ряду причин серьезного развития не получило. В современной структуре села фермеры составляют всего 2% населения, хотя почти в каждом регионе есть целые села, где жители активно занимаются товарным хозяйством⁵.

Резкое социальное расслоение деревни сопровождалось массовой безработицей населения, потерявшего и работу, и землю. Это отразилось и на снижении численности работников, занятых в сельском хозяйстве, с 9 744 в 1995 г. до 7 209 тыс. человек в 2003 г.⁶ Уровень безработицы на селе практически на всем протяжении 1990-х гг. в 1,6 раза был выше, чем в городе. Примерно каждый пятый житель села в России оказался безработным. При этом, по данным Министерства труда и социального развития РФ, во второй половине 1990-х гг. среди безработных на селе около $\frac{2}{3}$ составляли женщины⁷.

Глубокие изменения в сфере труда и занятости привели к снижению уровня благосостояния жителей села. По данным официальной статистики эта категория граждан в целом была беднее горожан. Средняя зарплата в сельском хозяйстве резко понизилась: если в 1990 г. она составляла 95% от средне-российского уровня, то через 10 лет – менее 40%, и была в 3,1 раза ниже, чем в промышленности⁸. Около половины сельского населения оценивалось как малоимущее – с доходами ниже прожиточного минимума, а его общее число постоянно на 10% было выше, чем в городе⁹.

Для численности сельского населения, особенно в регионах, по-прежнему очень важны были территориальные передвижения внутри России, доля которых в 1995–1998 гг. в общем миграционном обороте составляла около 75%. Российская урбанизация долгие годы имела экстенсивный характер – городское население росло в основном за счет миграционного притока из села. Однако с конца 1980-х гг. из-за практически полного исчерпания миграционного потенциала села по целому ряду российских регионов приток в город заметно снизился, прежде всего, вследствие заметного постарения сельчан. Так, в 1990-е гг. по 15 центральным областям России среди них доля лиц старше 55–60 лет достигла 30–40%, в то время как в городских поселениях соответствующих территорий людей такого возраста было всего 13–24%¹⁰.

Как известно, постоянное сокращение сельских жителей явилось одной из наиболее характерных черт развития России в XX в. В ряде российских регионов за 100 лет их убыль составляла примерно $\frac{2}{3}$ от исходного уровня. В ее основе – как общие для большинства индустриально развитых стран факторы, так и специфические, чисто российские: в первой половине века решающую роль среди них сыграли социальные и демографические катаклизмы (потери в двух мировых и гражданской войнах, от голода 1930-х гг., политических репрессий и коллективизации). В течение второй половины XX в. это было связано с поглощением городом значительной части сельского населения и урбанизацией. Своего максимума миграционные потери деревни достигли в 1960–1989 гг., когда численность ее жителей убывала сразу более чем на 17 млн человек¹¹.

Очень важно подчеркнуть, что по данным официальной статистики, естественная убыль населения в некоторых российских регионах появилась за несколько лет до то-

го, как она стала фиксироваться в масштабах всей России. Так, в Северо-Западном экономическом районе она была отмечена уже в 1990 г. В расчете на 1 тыс. человек здесь умерло на 1.6‰ больше людей, чем родилось, в 1991 г. на 3.3‰; в Центральном – соответственно на 2.0‰ и 3.4‰, в Центрально-Черноземном на 1.1‰ и 3.3‰. При этих региональных различиях в сельском населении страны естественные потери из-за превышения уровня смертности над рождаемостью после 1992 г. еще больше выросли¹².

На общее количество жителей села в 1990-е гг. впервые за многие десятилетия положительно повлияла миграция. Несколько десятилетий в миграционном обмене с городом деревня постоянно имела отрицательное сальдо, но с 1991 г. ситуация стала меняться. Из новых независимых государств, образовавшихся на постсоветском пространстве, потянулись в Россию, в том числе и ее сельскую местность, русскоязычные беженцы. Благодаря этому село получило миграционный прирост. В 1992–1994 гг. ежегодно оно пополнялось на 260–290 тыс. человек. Позже поток иммигрантов в Россию существенно уменьшился, потеряв свою роль в восполнении естественных потерь. В 2000 г. он составил всего 4.8 тыс. человек¹³.

В 1990-е гг. на некоторое время приобрели значение территориальные перемещения из города в сельскую местность. Мигрировали в деревню россияне, сравнительно недавно уехавшие из нее и испытывавшие трудности при адаптации к городской жизни. Отток населения из города в «свое» село в 1991 г. наблюдался в 16 регионах России, а в 1992 г. – уже по всей ее территории. В 1997 г. в 13 субъектах Российской Федерации число прибывших в сельскую местность из города превышало количество выбывших, в 1998 г. – уже в 28 (Северо-Запад, Центрально-Черноземный район, кроме Курской обл.; Северный Кавказ, кроме Дагестана, Карачаево-Черкессии и Чечни; а также республики Алтай, Татария, Хакасия, Чувашия и Удмуртия; Усть-Ордынский; Бурятский АО; Брянская, Калининградская, Московская, Нижегородская, Новосибирская, Орловская, Пензенская, Пермская, Самарская, Саратовская, Челябинская и Ярославская области)¹⁴. И все же, несмотря на то, что приток населения из города в сельскую местность стал повсеместным явлением, реально ощутимой прибавки сельскому населению он не дал.

На рост сельского населения повлияло также изменение статуса ряда населенных пунктов Российской Федерации. С 1989 по 2002 гг. около 300 бывших поселков городского типа главным образом из-за малочисленности населения было возвращено в сельскую поселенческую сеть. Такие изменения коснулись Белгородской, Владимирской, Калужской, Костромской, Мурманской, Новгородской, Ярославской, Астраханской, Волгоградской, Ростовской и многих других областей и национальных республик¹⁵. В результате общее число сельских населенных пунктов в России возросло почти на 2.5 тыс., а число их жителей в 1991 г., например, за счет этого увеличилось на 185.9 тыс., в 1999 г. на 199.6 тыс., в 1992 г. на 461.9 тыс. человек¹⁶.

Благодаря приросту, достигнутому в первой половине 1990-х гг., в сельской местности РФ к 2001 г. проживало на 330 тыс. больше населения, чем в 1990 г.¹⁷ Однако уже с середины 1990-х гг. численный рост жителей села в масштабах России приостановился, а на территории 47 ее субъектов вновь стала ощущаться их убыль.

Региональная динамика количества сельского населения России отличалась выраженной контрастностью. Его рост отмечался на Северном Кавказе (только в Ростовской обл. на 169 тыс. человек, в Дагестане на 159 тыс., в Краснодарском крае на 141 тыс., в Поволжье на 203 тыс., менее значительно на Урале – на 140 тыс. и в Калининградской обл. на 38 тыс. человек). В азиатской части России этот показатель увеличился лишь в Сибири (суммарно на 372 тыс. человек), в то время как на Дальнем Востоке он резко сократился – почти на 10%¹⁸.

Наряду с этим в стране было несколько регионов, где число сельчан убывало в катастрофических масштабах: в Рязанской обл. за период с 1993 г. по 2004 г. на 25%, Брянской на 27%, Смоленской на 28%, Курской на 31%, Сахалинской на 34%, а в Магаданской обл. на 55%¹⁹.

Основные компоненты изменения численности сельского населения в 1990-е гг. (тыс. человек)*

Годы	Население в начале года	Общий прирост	Естествен- ный прирост	Миграцион- ный прирост	Из-за пере- мены статуса нас. пункта	Общий прирост, %	Доля, %
1989	38974.9	-207.4	143.7	-272.9	-78.2	-0.5	26
1990	38802.3	-58.0	88.0	-72.6	-73.4	-0.1	26
1991	38744.3	287.6	44.3	57.4	185.9	0.7	26
1992	39031.9	721.2	-30.2	289.5	461.9	1.8	27
1993	39753.1	150.9	-184.1	264.0	71.0	0.4	27
1994	39904.0	64.9	-227.3	272.4	19.8	0.2	27
1995	39968.9	-113.7	-211.7	96.2	1.8	-0.3	27
1996	39855.2	-146.5	-239.5	34.2	56.8	-0.4	27
1997	39708.7	-132.4	-233.0	56.4	44.2	-0.3	27
1998	39656.9	-194.8	-206.9	44.5	-32.4	-0.49	27
1999	39462.1	-7.8	-268.0	60.6	199.6	-0.02	27
2000	39454.3	-234.8	-277.7	4.8	38.1	-0.6	27

* Составлено по: Демографический ежегодник России. 1998. Стат. сб. М., 1998. С. 21; Демографический ежегодник России. 2002. Стат. сб. М., 2002. С. 21.

О значении каждой из составляющих общую численность сельского населения России в 1990-е гг. свидетельствуют данные табл. 1.

Данные таблицы показывают, что несмотря на начавшуюся естественную убыль, общая численность сельчан росла, что объяснялось увеличением притока мигрантов с 1991 по 1995 гг. Однако темпы естественной убыли ежегодно нарастали. К 2000 г. они уже более чем в 9 раз превышали убыль 1992 г. – первого года всероссийской депопуляции.

С 1996 г. общая численность сельского населения вновь стала сокращаться, но все же в 2000 г. по сравнению с 1989 г., благодаря иммиграции в разных формах и административным преобразованиям городских поселений в сельские, в деревне проживало почти на 0.5 млн населения больше²⁰.

В 1990-е гг. несмотря на появление новой тенденции в перераспределении населения между городом и селом, процесс урбанизации в России не был остановлен. Это убедительно подтверждалось стабильностью удельного веса жителей в 1989 г. – 26%, в 2000 г. – 27% (см. табл. 1).

В 1990-е гг. численность сельского населения росла преимущественно в европейских регионах страны (на Северном Кавказе, в Волго-Вятском, Центральном и Уральском). Напротив, на Дальнем Востоке она быстро сокращалась, а в Сибири по сравнению с европейской частью страны рост был значительно более медленным, что связано с возвращением сельских жителей из восточных районов в трудоизбыточные европейские области России.

В целом по России сеть сельских поселений за период 1990-х гг. заметно поредела. Средние по числу жителей населенные пункты из-за убыли населения были переведены в разряд мелких (не более 10 человек), доля которых постоянно росла. В 1989 г. по Российской Федерации всего 20% деревень и прочих поселений имело не более 10 жителей, а к 2002 г. – их стало уже вдвое больше (39.3%)²¹. Одновременно сокращалось число и более крупных поселений, насчитывавших от 11 до 500 человек. Несмотря на то, что именно они составляли основу сельской поселенческой структуры, их доля тоже уменьшилась на 10%²².

В 1990-е гг. важнейшей причиной, по которой люди уезжали из села, была социальная неустроенность. Еще в 1991 г. в целом по стране 151 райцентр, 1 807 центральных усадеб совхозов и колхозов, подавляющее большинство которых приходилось на Рос-

сийскую Федерацию, вообще не имели шоссе с твердым покрытием. С началом реформ дорожное и капитальное строительство здесь практически остановилось, разрушалась социальная сфера, закрывались школы, магазины, фельдшерские пункты²³. Зачастую в глухих деревнях, где полностью была уничтожена социальная инфраструктура, для трудоспособного населения не было никакой работы, жили только одинокие старики. Огромное число некогда многолюдных поселений превращалось в необитаемые, постепенно исчезающие с карты России. Даже там, где еще оставались жители, как показали выборочные обследования, картина была безрадостной. Например, в Воронежской обл. при среднем размере сельского населенного пункта в 28–35 дворов реально было заселено не более 17, еще 6–8 дворов «оживали» в летний период за счет приезда на сезонный отдых горожан. Средний возраст сельского жителя в таких деревнях – 58 лет (мужчины) и 54 года (женщины). Число детей и подростков (от 0 до 18 лет) установить не удалось, поскольку при формальном подсчете оно оказывалось меньше единицы, в 70% обследованных населенных пунктов детей вообще не было, в 30% – не более 2–5 человек на деревню. К тому же, как указывали респонденты, часть детей находилась в селах у старших родственников временно, с наступлением школьного возраста переезжая в город²⁴. К сожалению, официальная государственная статистика крайне недостаточно отражает эти процессы, поскольку общенациональные показатели нивелируются за счет динамичного прироста жителей села в южных регионах России, огромных различий в региональной динамике сельского населения, в том числе и между глубинными поселениями и пригородными зонами. Во многих регионах относительно стабильные показатели количества сельского населения имели лишь территории вблизи крупных индустриальных центров, где они росли довольно быстро.

В ходе Всероссийской переписи населения 2002 г. была проведена большая работа по исключению из учетных данных обезлюдевших населенных пунктов. Несмотря на то, что переписчики работали далеко не во всех аграрных районах России, они, по данным Б. Миронова, выявили около 17 тыс. обезлюдевших деревень²⁵. По другим сведениям, к началу XXI в. такие деревни составляли почти половину от всех имевшихся, еще в трети поселений жили от 10 до 50 человек, в основном пенсионеры²⁶.

Особенно много покинутых и вымерших деревень было в Нечерноземье. В центральных и северо-западных областях России устойчивые зоны социально-экономической и демографической депрессии возникли после Великой Отечественной войны, задолго до распада СССР. Так, в Псковской обл., которая по праву считается родоначальницей депопуляции в аграрных районах, уже в 1989 г. их насчитывалось 43%, в Новгородской обл. – 37% т.д.²⁷ Даже в Красноярском крае в начале 1990-х гг. их было 33%, причем не только на севере, но и в благоприятном по климату Туруханском крае²⁸. В Вологодском районе Новгородской обл. за 30 лет (начиная с 1971 г.) исчезло 30 деревень, в Славянском сельсовете из 17 деревень около четверти сравнено с землей, а в 6 – оставалось по 2–3 старика²⁹. В Воронежской обл. при переписи 2002 г. было обнаружено 125 обезлюдевших сел. На подходе к запустению там было еще 50–60 деревень и хуторов, поскольку смертность в них в 3–4 раза превышала рождаемость³⁰. В Мордовии специальная проверка, проведенная в 2003 г., выявила 26 сел (из 1 313), где не было ни одного жителя, а в 181 – проживало менее 10 человек³¹. В Нижегородской обл. пустовало 4 820 поселений, но общее число их постоянно уменьшалось, поскольку раз в несколько лет Законодательное Собрание области специальным нормативным актом «стирало» с карты области десятки бывших деревень³²; в Ленинградской обл. в начале 2000-х гг. областная администрация зафиксировала 150 населенных пунктов без постоянного населения³³.

Значительная часть аграрного населения России была сконцентрирована в крупных селах и деревнях – от 501 жителя и более. В пригородных районах, где экономика практически полностью сориентирована на город, обеспечивавший мощный рынок сбыта сельскохозяйственной продукции, что стимулировало развитие подсобных хозяйств сельских жителей, убыль населения была несопоставимо ниже, чем в глухих деревнях. В 1989 г. в селениях, насчитывавших от 501 до 1 тыс., от 1 тыс. до 3 тыс. и более

человек, проживало 68,3%, а в 2002 г. – уже 71,3% сельского населения России, хотя доля столь крупных поселений в период между переписями 1989 г. и 2002 г. уменьшилась – с 13 – до 12,1%³⁴.

На юге Европейской России деревни были заселены довольно плотно. Так, в Южном Федеральном округе в 2002 г. до 75–90% сельского населения было сосредоточено в селах и станицах с числом жителей свыше 1 тыс. человек (Адыгея, Краснодарский и Ставропольский края, Республики Северного Кавказа)³⁵.

Таким образом, вместо дисперсной системы сельского расселения, просуществовавшей в центральных районах России несколько столетий, к концу XX в. сформировалась новая, главной особенностью которой стала преимущественная концентрация поселений вокруг крупных хозяйственных подразделений или административных центров, особенно городских.

В 1990-е гг. в сельской местности большинства российских регионов соотношения полов во всех возрастах по-прежнему складывались в пользу женской части (в 1989 г. – 52,9% и в 2002 г. – 52,3%). Перевес сложился, главным образом, за счет пожилых возрастов (после 60 лет), в которых преобладание женщин достигало 3-кратной разницы³⁶. При этом на общем фоне преобладания женского населения (из-за все еще ощущавшихся военных потерь в Великой Отечественной войне, а также войн в Афганистане, Чечне и прочих горячих точках), российская деревня ощущала заметный дисбаланс полов в молодых группах (от 18 до 25 лет). «Дефицит невест» на селе впервые проявился еще в 1970-е гг. из-за преимущественного отъезда в город в поисках подходящей работы девушек и молодых женщин. В 1979 г. на каждую 1 тыс. молодых мужчин 15–19 лет приходилось всего 778 девушек, в 1989 г. – 831³⁷. По данным мониторинга демографических процессов на селе, осуществленного Российской государственной Академией труда и занятости, в расчете на каждые 100 невест в возрасте 18–25 лет приходилось соответственно женихов: в 1993 г. – 110 человек; 1998 г. – 113, 2000 г. – 114 человек. Это означало, что на селе из каждых 100 молодых мужчин в возрасте 18–25 лет 10–14 «женихов» было обречено на жизнь «бобыля»³⁸.

В других группах репродуктивного возраста, благодаря миграционному притоку в деревню извне и частичному сокращению выездов в город собственных жителей, диспропорции полов несколько выравнивались, хотя совсем не исчезли. На каждую 1 тыс. мужчин в возрасте от 25 до 39 лет в 1990 г. в среднем приходилось 879 женщин-ровесниц, а в 2000 г. – уже 947 и т.д.³⁹

Но куда более существенными оказались изменения в возрастном составе сельского населения. В 1990-е гг. с особой силой негативные тенденции проявились в сокращении общей численности младших возрастных групп – детей и подростков до 14 лет (включительно). В 2002 г. их количество сократилось на 2 млн 250 тыс. человек по сравнению с 1989 г. Соответственно снижался и их удельный вес в населении деревни. Так, доля девочек до 15 лет в женском населении за эти годы сократилась с 23,3% до 18,2%, мальчиков до 15 лет – соответственно с 27% до 20,9%. Резкое сокращение числа и доли детей в населении деревни, прежде всего, следует оценивать как результат долговременного снижения рождаемости, резко ускоренного в 1990-е гг. системным кризисом в стране.

Пожалуй, единственным позитивным итогом изменений в возрастно-половой структуре сельских жителей с 1989 по 2002 гг. стало увеличение более чем на 2 млн (3%) населения в трудоспособном возрасте (женщин – с 16 до 55 лет, а мужчин – с 16 до 60 лет). Но и этот результат практически полностью следует отнести за счет миграционного притока населения из бывших союзных республик СССР, возвращавшегося в Россию. В составе беженцев была высока доля лиц в рабочих возрастах, в то время как у российской деревни в 1990-е гг. собственных ресурсов для столь значительного прироста не было. Наоборот, в это время в ее населении, как и в городском, отмечался заметный подъем смертности по данной возрастной группе. Число умерших в рабочем возрасте превышало пополнение, обусловленное естественной сменой поколений⁴⁰.

**Изменение возрастной структуры сельского населения в Федеральных Округах России
с 1989 по 2002 г. (в %)***

Территория	Дети от 0 до 14 лет		Взрослые (15–59 лет)		Пожилые (от 60 лет и ст.)	
	1989	2002	1989	2002	1989	2002
Россия, в т.ч. Федеральные Округа	26.4	21.5	51.5	56.0	22.1	22.5
Центральный	20.0	16.9	49.5	53.4	30.5	29.6
Северо-Западный	24.6	18.2	52.6	57.5	22.8	24.3
Южный	28.8	24.6	52.4	56.4	18.8	19.0
Приволжский	25.7	21.2	50.6	54.7	23.7	24.1
Уральский	28.7	21.9	53.0	58.0	18.3	20.1
Сибирский	30.85	23.0	52.15	57.9	17.0	19.1
Дальневосточный	32.3	24.1	57.6	61.3	10.1	14.6

* Составлено по: Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 14. С. 11–34, 48–49.

И даже прирост за счет иммигрантов в структурном отношении состоял в основном из лиц старше 40 лет, т.е. с практически нулевым репродуктивным потенциалом.

Совсем иная ситуация складывалась в старших поколениях. Начиная с 50-летнего возраста нарастало количественное превосходство женщин. Это объяснялось, главным образом, повышенной смертностью мужчин трудоспособных возрастов и их более короткой средней продолжительностью жизни. В конце 1980-х гг. удельный вес возрастных групп старше 60 лет среди мужчин был минимальным (всего 11.5%), что можно объяснить долговременными последствиями голода начала 1930-х гг., войны 1941–1945 гг. и т.д., деформирующий след которых еще ощущался в возрастной структуре населения деревни в 1989 г. В то же время доля их сверстниц – женщин была высокой (24.5%). Негативное развитие демографических процессов привело к еще большему нарастанию доли пожилых в сельском населении – с 1989 по 2002 гг. их доля поднялась на 1.3% и уже превысила уровень в 25%. За это время в группу старше 60 лет перешли следующие поколения мужчин, которые по возрасту не участвовали в военных действиях, и это сразу подняло их долю до 15.4% (т.е. почти на 5% по сравнению с 1989 г.). Дальнейшее нарастание доли пожилых убедительно подтверждало продолжавшееся старение жителей села на фоне углублявшегося демографического кризиса.

Возрастной состав жителей села имел серьезные региональные различия (см. табл. 2).

Из табл. 2 видно, что за период 1990-х гг. в сельском населении России понизился (на 4–8%) удельный вес детей, а лиц пенсионного возраста – повысился. В населении Центрального, Северо-Западного и Приволжского федеральных округов положение стало опасным – там доля лиц старше 60 лет существенно превышала удельный вес детей. В остальных 4-х округах возрастная структура сельского населения, несмотря на заметно выросший удельный вес пожилых, все еще оставалась прогрессивной. Например, в Южном ФО доля детей до 15 лет еще была на 5.6% выше, чем лиц старше 60 лет. Численное преимущество по группе детей было минимальным на Урале и Сибирском ФО. В азиатской части страны (в Сибири и на Дальнем Востоке) доля детей, хотя и оставалась выше, чем группа пожилых, очень быстро сокращалась (за 14 лет между переписями населения 1989 и 2002 гг. почти на 8%). Столь высоких темпов снижения по группе детей в европейской части России не наблюдалось.

В 1990-е гг. в регионах Дальнего Востока создалась кризисная миграционная ситуация. Его стремительно покидало население, недовольное снятием «северного коэффициента» (доплат за тяжелые климатические условия). Основным направлением миграционных перемещений стало движение в старые и хорошо освоенные центральные области страны, а также в южные и западные районы России – туда, где имелись более

Общие коэффициенты рождаемости городского и сельского населения России (в ‰)*

Годы	Городское население	Сельское население
1990	12.7	15.5
1991	11.2	14.5
1992	9.8	13.2
1993	8.6	11.5
1994	8.9	11.4
1995	8.6	10.9
1996	8.3	10.4
1997	8.1	10.0
1998	8.3	10.2
1999	7.9	9.6

* Составлено по: Российский статистический ежегодник, 2001. Стат. сб. М., 2001. С. 104.

благоприятные социальные условия, в том числе, для заработков и предпринимательской деятельности.

В результате на Востоке страны практически прекратился миграционный прирост (кроме Ямало-Ненецкого АО и Тюменской обл.). Наибольшие потери в численности населения понесли национальные округа: Чукотский – около 5%, Корякский – 3.1%, Таймырский – 2.4%, а также Сахалинская и Магаданская области (по 2%)⁴¹.

В сельской местности как следует из табл. 2, убыль населения была особенно ощутима именно по группе детей (общее сокращение на 8.2%). Соответственно вырос процент пожилых – с 1989 по 2002 гг. сразу на 4.5%; в Сибири по сравнению с европейскими районами также увеличился удельный вес старших возрастных групп (на 2.1%, или почти на 93 тыс. человек).

Отчасти возрастной состав населения Дальневосточного Федерального Округа в 1990-е гг. обновлялся за счет эмигрантов из образовавшихся новых независимых государств – бывших южных азиатских республик СССР. Среди них много было корейцев, возвращавшихся из Казахстана на Дальний Восток. Благодаря заметному притоку сюда населения из стран СНГ его доля в рабочем возрасте (от 15 до 59 лет) за 1989–2002 гг. выросла на 3.7% достигнув беспрецедентно высокого для сельской местности России уровня – 61.3%. Но при этом, учитывая развивавшуюся убыль на Дальнем Востоке, его количество сократилось с 1 млн 107 тыс. до 987.7 тыс. человек⁴².

Таким образом, в 1989–2002 гг., если не считать определенного увеличения по группам населения в рабочих возрастах, количество трудоспособного населения в российских регионах повсеместно уменьшилось, хотя и в разной мере. В азиатских регионах из-за интенсивных отъездов в европейскую часть страны сокращалась и общая численность и значительно сильнее, чем в других российских регионах, ухудшался возрастной состав сельских жителей.

Наиболее убедительным показателем демографического кризиса в России стало беспрецедентное падение рождаемости. После ощутимого прироста в 1980-е гг., в определенной мере последовавшего за введением социальной программы помощи семьям с детьми, уже в самом начале 1990-х гг. рождаемость стала быстро падать. Всего за 5 лет (с 1990 по 1995 гг.) ее общий коэффициент по стране понизился сразу более чем на 1/3. Падение рождаемости в равной мере затронуло население города и села.

Наряду с безусловным влиянием на этот показатель негативных последствий кризиса, нельзя не отметить и изменение стандартов демографического поведения сельских жителей, резко менявших традиционные семейные ценности, что ускорило переход сельской семьи к малодетности.

В 1990-е гг., как видно из табл. 3, снижение рождаемости в населении России приобрело непрерывный характер. Особенно значительным оно было в первую половину

1990-х гг. (сразу почти на 30%), с постепенным замедлением в 1996-1999 гг. Установившаяся в сельском населении рождаемость на уровне 10,4–9,6‰ была одной из самых низких в мире.

Причин столь резкого снижения уровня рождаемости в 1990-е гг. немало. В известной степени это объясняется уменьшением численности контингента потенциальных матерей (женщин от 20 до 39 лет) – почти на 250 тыс.⁴³ как следствие преимущественного выбытия их в город. Характерно, что темпы снижения рождаемости оказались совершенно одинаковыми в сельском и городском населении. Но на селе рождаемость по-прежнему оставалась выше, что свидетельствовало о сохранявшейся более высокой воспроизводственной способности у жителей села даже в кризисных условиях.

Резкое снижение рождаемости коснулось всех российских регионов, но территориальные различия в значительной мере определялись этническим фактором. В Центральном и Северо-Западном федеральных округах, заселенных в основном русскими и другими народами, уже завершившими переход к малодетности, уровень рождаемости, как и в предыдущие десятилетия, был минимальным. В частности, в северо-западных областях России ее показатели упали в 1993 г. до 7‰ (против 9,4‰ в среднем по стране).

Региональные различия по этому показателю позволяют выделить 2 разные зоны Российской Федерации: с низкими показателями (северо-западные и центральные области), а также самые восточные области – Камчатская и Магаданская и с более высокими коэффициентами рождаемости (части Волго-Вятского, Северокавказского и Уральского экономических регионов, где значительное большинство населения составляют титульные национальности бывших автономных республик РСФСР)⁴⁴.

Сложившийся уровень рождаемости в сельском населении большинства российских регионов, отнесенных нами к 1-й зоне, в конце XX в. уже не обеспечивал не только расширенное воспроизводство населения, но даже простое замещение поколений. Это подтверждает установившаяся величина фактического суммарного коэффициента рождаемости (т.е. среднее число детей, рожденных женщиной в течение ее репродуктивного периода). Уже в 1991 г. она опустилась до минимального после Великой Отечественной войны уровня и продолжала дальнейшее снижение. В 1995 г. в целом по России и по всем ее крупным регионам суммарный коэффициент рождаемости составил 1,34‰, а в 1998 г. – 1,24‰ (против 2,15‰, необходимых для простого замещения поколений)⁴⁵.

Исключительно по всем крупным экономическим регионам России данный коэффициент был меньше значения, необходимого для простого воспроизводства населения. В 1-й зоне с очень низкими показателями рождаемости, т.е. прежде всего, в центральных областях России (Тверской, Владимирской, Калужской, Тульской, Московской) сложившийся суммарный коэффициент рождаемости в 1991–1996 гг. был практически в 2 раза ниже необходимого – 1,01–1,22⁴⁶.

Во 2-й зоне лишь на Северном Кавказе его значения (2,13) приближались к необходимой величине, но тоже не дотягивали до нее. Максимальная рождаемость еще отмечалась в сельских районах Дагестана, Тывы, Якутии, где суммарный коэффициент рождаемости был 2,6–2,1 ребенка на женщину. Полное численное замещение родительских поколений детьми осуществлялось лишь в Дагестане, Тыве и Ингушетии⁴⁷.

Из этого следует, что уровень рождаемости действительно был опосредован этническим составом региона. В Центре, где удельный вес русских и других славян был исключительно высок, а также на Северо-Западе, заселенном кроме перечисленных национальностей, еще и представителями финно-угорской группы, тоже перешедшими к малой семье, показатели рождаемости были минимальными по России⁴⁸.

Южный ФО, в состав которого входит 8 национальных республик Северного Кавказа, по-прежнему выделялся уровнем рождаемости примерно на 20% превышающим средний по России, хотя за 1990-е гг. снижение рождаемости коснулось и этих республик. Большинство населения Адыгеи, Дагестана, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии, Калмыкии и особенно Чечни составляет мусульманское насе-

ление, у которого поныне сохраняется традиционное отношение к рождаемости и господствует многодетная семья, вследствие чего оно имеет более высокую, чем православные народы, рождаемость.

Так, при средней по России рождаемости в 8.3‰ (в 1999 г.) в Республике Дагестан ее показатели были почти в 2.5 раза выше (19.8‰), в Ингушетии – 19.5‰, в Кабардино-Балкарии – 12.7‰ и т.д. Эти показатели заметно поднимали средние значения по всему Южному ФО, хотя в Краснодарском и Ставропольском краях, заселенных в основном русскими, коэффициенты рождаемости совпадали со средними значениями по России, а в Ростовской и Волгоградской областях – были даже ниже этого показателя⁴⁹.

Следует подчеркнуть, что различия в уровне рождаемости по национальному признаку проявляли тенденцию к дальнейшему нарастанию. В 1979 г. между русским и другими народами РСФСР эта разница составила 0.8‰, а через 10 лет – уже 1.2‰. При этом в сельском населении она еще заметнее (1989 г. 3.6‰)⁵⁰.

На падение рождаемости в 1990-е гг., кроме отмеченных выше факторов, негативно повлияло разрушение государством сложившейся ранее системы материального поощрения рождаемости и поддержки семей, имеющих детей. Размеры назначавшихся в годы правления президента Б.Н. Ельцина пособий и дотаций на детей изначально были крайне малы, но они еще и «съедались» инфляцией, так как систематически выплачивались с опозданием на полгода и более. Реальная доля «детских пособий» в бюджете половины российских семей была очень мала – не превышала и 4–5% их совокупного дохода, но для 70% беднейших семей – составляла 10%. В целом анализ размеров пособий и дотаций в доходах семей, их адаптации к росту стоимости жизни показал полную неэффективность проводимой индексации⁵¹.

Низкая рождаемость порождала серьезные проблемы с воспроизводством населения, так как его суженный характер неизбежно влечет за собой естественную убыль населения. В то же время подчеркнем, что в мировой истории еще не удалось найти эффективных методов, способных остановить это снижение. Правительство и Церковь, исходившие из упрощенных представлений о влиянии на рождаемость, в свое время не смогли остановить ее падение с помощью идеологической пропаганды и запретительно-ограничительных мер (в Германии, Италии, Испании)⁵².

В первой половине 1990-х гг. осуществлявшиеся экономические реформы привели к быстрому падению жизненного уровня россиян. Росла заболеваемость, прежде всего, из-за ухудшения качества питания и плохого эмоционального самочувствия. Нарастала неудовлетворенность граждан государственной политикой «шоковой терапии». По оценкам специалистов, около 70% населения России в 1990-е гг. жило в состоянии затяжного стресса, вызванного явной неудачей реформ.

Слабость сельской социальной сферы, тяжелые условия труда, неблагоприятная экологическая обстановка, а в целом ряде деревень отсутствие медпунктов, дорог с твердым покрытием, горючего и т.п. – делали невозможным своевременное получение медицинской помощи. С начала 1990-х гг. практически прекратились периодические медосмотры жителей деревни, резко снизилось их качество, что в сочетании с многократным ростом цен на медикаменты привело к росту заболеваемости.

В деревне процент тяжелых профессиональных заболеваний, вызванных неудовлетворительными условиями труда, всегда был выше, чем в городе. С 1992 по 1997 гг. доля женщин, имеющих профессиональные заболевания, выросла с 27 до 35%. В структуре профзаболеваний преобладали нарушения опорно-двигательного аппарата (52.4%), бруцеллез (28.2%), заболевания органов дыхания (7.2%)⁵³.

Исследование здоровья женщин-животноводов показало, что уровень их заболеваемости более чем в 2 раза, а распространенность хронической патологии в 4 раза превышала аналогичные показатели у сельских женщин, занятых в других сферах производства. Среди причин возникновения профессиональных заболеваний и отравлений ведущее место занимали многочисленные нарушения техники безопасности и неприменение средств индивидуальной защиты⁵⁴.

В 1990-е гг. в большинстве регионов России резко обострилась санитарно-эпидемиологическая ситуация. Относительно лучшим было положение лишь в Центральном, Волго-Вятском, Центрально-Черноземном районах и особенно на Северном Кавказе, где коэффициенты первичной обрабатываемости населения по поводу инфекционных и паразитарных заболеваний были ниже средних по России⁵⁵. Беженцы и вынужденные переселенцы из бывших союзных республик вносили свою лепту в рост показателя общей заболеваемости. Кроме того, из городов в сельскую местность потянулись и лица без определенного места жительства и занятий (бомжи), надеявшиеся трудное время переждать в деревне. Приток названных категорий населения отразился на санитарной обстановке. Среди прибывших было особенно много туберкулезных больных – от 459 до 700 случаев на 100 тыс. данного контингента. Например, в 1995 г. только по одной Республике Дагестан среди 138 635 беженцев и вынужденных переселенцев было выявлено 568 человек больных туберкулезом, из которых 37% нуждались в неотложной госпитализации и т.д.⁵⁶

В связи с интенсификацией миграционных процессов резко ухудшилось медико-санитарное состояние в восточных районах страны (Сибирь и Дальний Восток). Своеобразными «лидерами» по заболеваемости туберкулезом являлись Западная и Восточная Сибирь (примерно 6 570 случаев на 100 тыс. человек)⁵⁷. Количество заболевших в Сибири было в 1,7 раза выше, чем, например, в северных областях европейской части России. Как и прежде, максимально высокая заболеваемость фиксировалась среди коренного населения национальных округов Севера, в том числе и среди детей. В 1990-е гг. туберкулез превратился в чрезвычайную медико-социальную проблему российского села, постоянно росла доля его запущенных форм, приводивших к инвалидности и преждевременной смертности. В свое время была разработана специальная правительственная программа профилактики и снижения заболеваемости работников сельского хозяйства – «Здоровье», рассчитанная на 1987–2000 гг. Однако из-за прекращения финансирования все позитивные результаты предыдущих лет постепенно были сведены к нулю⁵⁸.

Уже самое начало радикальных реформ ознаменовалось ростом числа больных алкоголизмом. Если во второй половине 1980-х гг. – 1992 гг. первичная обращаемость по поводу алкоголизма в целом сократилась (минимальный показатель – 103 случая на 100 тыс. человек), то к 1994 г. она достигла пика, поднявшись сразу на 56%. Весьма тревожным симптомом становилось распространение женского алкоголизма – только с 1991 по 1994 гг. число заболеваний выросло почти наполовину⁵⁹.

Быстрый рост смертности населения стал одним из тяжелейших последствий кризиса, охватившего Россию. Особенно быстро рос этот показатель в первой половине 1990-х гг. практически по всем классам заболеваний. Среди причин на первое место вышли болезни системы кровообращения, от которых только в 1993 г. в России умерло свыше 1 млн человек⁶⁰. Общая высокая смертность в 1990-е гг. в значительной мере была обусловлена ее ростом среди лиц в рабочих возрастах – от 16 до 55 лет (женщины) и от 16 до 60 лет (мужчины) – см. табл. 4.

У мужчин, за период с 1960 по 2000 гг. смертность выросла практически вдвое. Максимальный рост пришелся именно на 1990-е гг. (почти 50%). Среди умерших в трудоспособном возрасте мужчины преобладали примерно на 80%, а общий уровень мужской смертности в 4 раза превышал женскую. Причинами гибели мужчин были, кроме болезней системы кровообращения, заболевания органов дыхания, различные инфекции, несчастные случаи, отравления и травмы. В то же время динамика смертности от онкологических заболеваний заметно не менялась⁶¹.

Особо высоким был рассматриваемый показатель в середине 1990-х гг. Только за 6 месяцев 1996 г. умерло 300 тыс. россиян трудоспособного возраста, среди которых немало было и сельских жителей. Доля лиц в рабочем возрасте среди умерших составляла 30%⁶².

У сельских женщин в 1999 г. коэффициент смертности в трудоспособном возрасте по сравнению с 1990 г. вырос на 19 пунктов. Средняя продолжительность жизни сель-

**Смертность населения в трудоспособном возрасте (мужчины – 16–60 лет и женщины – 16–55 лет)
на 1 тыс. человек соответствующего возраста и пола по Российской Федерации***

Годы	Все население	Мужчины	Женщины
1960	3.8	5.5	2.3
1985	5.3	8.2	2.1
1990	4.9	7.6	2.0
1992	5.8	9.1	2.3
1994	8.4	13.2	3.1
1996	7.1	11.2	2.6
1998	6.1	9.6	2.4
1999	6.8	10.6	2.7
2000	7.3	11.5	3.0

* Составлено по: Демографический ежегодник России. Стат. сб. М., 2002. С. 170.

ской женщины составила за 1999 г. 71.6 лет, что на 1 год ниже, чем у жительниц городов⁶³.

От несчастных случаев, отравлений и травм (включая убийства и самоубийства) за 1991–1995 гг. смертность выросла на 70%, в том числе от убийств и самоубийств у женщин на 60%, у мужчин на 90%. В 1993 г. было зарегистрировано 12.7 млн случаев отравления, или на 357 тыс. больше, чем в 1992 г., и на 1 млн больше, чем в 1987 г. С 1993 г. данный класс причин в смертности мужчин стал превалировать вместо прежде наиболее многочисленных случаев смертей от рака. В середине 1990-х гг. по этим причинам в России умер каждый второй мужчина моложе 60 лет и каждая третья женщина моложе 55 лет⁶⁴.

Среди работавших в сельском хозяйстве наибольшему риску смерти от несчастного случая на производстве были подвержены механизаторы и животноводы. Условия их работы зачастую не соответствовали нормам охраны труда. Женщины составляли около 1/3 контингента, подвергавшегося воздействию опасных уровней производственных факторов (шума, вибрации, запыленности, загазованности и пр.), поэтому среди них было особенно много случаев производственного травматизма, в том числе с летальным исходом. Так, в 1998 г. в агропромышленной отрасли погибло 66 женщин, преимущественно работниц животноводческой отрасли, в 1999 г. – 44, и в 2000 г. (по данным лишь за 7 месяцев) – 18 женщин, в том числе 5 – при групповых несчастных случаях⁶⁵.

Зловещую роль в росте числа умерших от случайных отравлений алкоголем играло поступление на потребительский рынок суррогатов и некачественных спиртных напитков. Среди погибших от отравления некачественным алкоголем в 1995 г. доля лиц трудоспособного возраста достигала 80%⁶⁶.

Второе место в структуре смертности трудоспособного населения занимали болезни системы кровообращения (28%), из-за которых летальный исход наступал у большого количества людей в более молодом возрасте. Для мужчин этот возраст составил 49.5 года. Рост смертности относительно молодых людей от данного класса заболеваний, которые всегда считались уделом пожилых, также подтверждал остроту системного кризиса, охватившего Россию в 1990-е гг. Существует мнение, что в это время определенная часть населения потеряла моральные стимулы к жизни, в связи с чем выросло число самоубийств с 26.4 на 100 тыс. жителей (1990 г.) до 41 (в 1995 г.)⁶⁷.

В 1990-е гг. среднелетовое потребление алкоголя в России, согласно официальным данным, выросло до 13 литров в год (в переводе на абсолютный алкоголь). Это становилось серьезной угрозой национальным интересам государства. Согласно существующим стандартам Всемирной Организации здравоохранения (ВОЗ), ситуация в обществе приобретает опасный характер уже при потреблении 8 литров на человека в год⁶⁸.

На селе рост смертности от несчастных случаев, отравлений и травматизма заметно опережал темпы прироста общей смертности населения, за 5 лет 1991–1996 увеличив-

шись на $\frac{1}{4}$, а от злоупотребления спиртным и приема некачественного алкоголя – в 2.3 раза⁶⁹.

Уровень смертности населения в трудоспособном возрасте в целом по России был очень высок, а по 39 регионам в 1995 г. еще и превосходил средний показатель: в Сахалинской обл. и Республике Тыва в 1.6 раза, в Республике Карелия, Псковской, Ленинградской, Иркутской и Кемеровской областях – на 25–33%. При этом в Дагестане, Карачаево-Черкессии и Кабардино-Балкарии, т.е. там, где религия запрещала потребление алкоголя, уровень смертности населения в трудоспособном возрасте был на $\frac{1}{3}$ ниже, чем в среднем по России⁷⁰.

Смертность населения в рабочих возрастах в России достигла беспрецедентных высот – такого количества смертей от неестественных причин в мирное время не было ни в одной цивилизованной стране. В США, странах Западной Европы и Японии уровень преждевременной смертности мужчин в соответствующих возрастных группах был в 2.5–4 раза ниже, чем в России⁷¹.

Наиболее объективно отражает состояние здоровья населения уровень развития здравоохранения страны младенческая смертность. В сельском населении в течение 1990-х гг. она оставалась высокой и с тенденцией превышения на 10–16% этого показателя у городского населения. В общем составе умерших в сельской местности доля грудных детей в возрасте до 1 года не опускалась ниже 11–12%⁷². Чаще всего они умирали от отдельных состояний, возникших в перинатальный период – 35–37%; еще 19–20% – от врожденных аномалий и пороков развития; чуть меньше – от болезней органов дыхания, в том числе от пневмонии и гриппа и т.д.⁷³ Основными причинами возросшей младенческой смертности в 1990-е гг. являлась осложненная недостаточным питанием беременность и ослабленность материнского организма. Нельзя забывать и о высоком уровне экологической загрязненности, которая зачастую провоцировала у детей развитие крайних форм аллергии и т.п. На уровень младенческой смертности влияло также плохое качество и несвоевременность медицинской помощи и противоэпидемических мероприятий на селе. При этом данный показатель не был одинаковым на всех территориях. Если, например, в Ленинградской обл. и Республике Мордовия из каждых 1 тыс. родившихся в 1996 г. умерло, не дожив до 1 года, примерно 11 детей, то в Тыве, Еврейском АО – 35, в Республике Алтай и Чукотском АО – 33, Республике Хакассия – 28, в Томской обл. – 24 и т.д.⁷⁴

Во второй половине 1990-х гг. показатель смертности младенцев стал понижаться. В 1997 г. он уменьшился сразу в 48 субъектах Российской Федерации, в 1998 г. – в 59. Весьма примечательно, что максимальный уровень младенческой смертности складывался именно в регионах с высокой рождаемостью. Так, в Республике Ингушетия в 1998 г. умерло не дожив до 1 года примерно 37–38 младенцев, чуть меньше – в Чукотском АО, Республиках Тыве, Хакассии, Алтай, Карачаево-Черкессии и т.д.⁷⁵

Высокой в населении России, в том числе и сельском, оставалась и материнская смертность, ее уровень был в 8–10 раз выше, чем в развитых европейских странах. По данным Минздрава России, в 1990-е гг. более $\frac{1}{3}$ материнских смертей происходило в медицинских учреждениях, неспособных обеспечить профилактическое наблюдение за беременными и оказать им специализированную помощь⁷⁶.

Серьезной причиной высокой материнской смертности оставались аборты, которые и в конце XX в. являлись практически единственным средством регулирования рождаемости. Другие, более современные методы предохранения от нежелательной беременности из-за их малодоступности и высокой стоимости практически были неизвестны основной массе сельского населения.

В последнее 10-летие XX в. основное направление демографического развития России сильно отклонилось от мирового. Во всех экономически развитых странах и даже в большинстве развивающихся стран в эти годы отмечался устойчивый рост средней продолжительности жизни. В России же, наоборот, с началом рыночных реформ смертность населения резко выросла, а показатель ожидаемой продолжительности жизни при рождении быстро снижался. В 1990 г. продолжительность жизни сельских муж-

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (число лет) в населении России*

Годы	Городское население		Сельское население	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
1979–1980	62	73	59	72
1990	64	74	62	74
1991	64	74	62	74
1992	62	74	61	73
1993	59	72	58	72
1994	58	71	57	71
1995	58	72	58	72
1996	60	73	58	72
1997	61	73	59	72
1998	62	73	60	72
1999	60	73	59	72

* Составлено по: Женщины и мужчины России. Краткий стат. сб. М., 2000. С. 21.

Таблица 6

Показатели воспроизводства сельского населения России в 1990-е гг. (тыс. человек)*

Годы	Родилось	Умерло	Умерло в возрасте до 1 года	Естественный прирост
1987	730.9	497.8	15.4	233.1
1989	639.8	495.3	12.4	144.5
1990	602.6	515.3	11.2	87.3
1991	564.1	521.7	11.0	42.4
1992	519.3	552.6	10.1	–33.3
1993	448.5	640.9	9.8	–192.4
1994	447.7	686.4	9.0	–238.6
1995	430.3	649.6	8.6	–219.3
1996	406.7	636.3	8.0	–229.6
1997	389.7	628.0	7.7	–238.3
1998	395.6	608.9	7.2	–213.3
1999	372.0	644.8	7.1	–272.8
2000	379.9	661.3	6.4	–281.4

* Составлено по: Демографический ежегодник России, 2001. Стат. Сб. М., 2002. С. 60.

чин составляла 62 года, а в 1994 г. – всего 57 лет. Основной причиной этого стал рост смертности мужчин в рабочих возрастах, особенно от неестественных причин (см. табл. 5).

Показатели ожидаемой продолжительности жизни для сельских мужчин и женщин заметно различались. Разница составила 12 лет в 1990–1992 и 1998 гг.; 13 лет – в 1997 и 1999 гг.; 14 лет – в 1993–1996 гг. Причина – в колебаниях уровня смертности мужчин. Показатель женской смертности практически не менялся. В городском населении показатели ожидаемой продолжительности жизни также колебались на протяжении 1990-х гг., но у мужчин они не опускались ниже 58 лет (1994 и 1995 гг.).

Сложившуюся в 1990-е гг. в сельской местности Российской Федерации демографическую ситуацию следует оценить как кризисную. Она характеризовалась отрицательной динамикой по большинству демографических показателей. Из-за существенного сокращения рождаемости в сельском населении заметно ухудшился возрастной состав: понизилась доля детей и namного вырос удельный вес пенсионеров. Существенное падение жизненного уровня вызвало рост заболеваемости и смертности, особенно среди мужчин трудоспособного возраста. Заметно снизилась средняя продолжительность жизни. В итоге период 1990-х гг. на селе, так же, как и в городе, ознаменован резким превышением уровня смертности над рождаемостью (см. табл. 6).

В сельском населении, с его более старой, чем в городе, возрастной структурой, русский «демографический крест» приобрел особо драматичные очертания – показатели смертности в нем ежегодно заметно превышали уровень рождаемости. Так, в 1992 г. коэффициент рождаемости составлял 13.2‰, а смертности – 14.1‰, в 1994 г. – 11.4‰ и 17.5‰ (соответственно); в 1995 г. – 10.9‰ и 16.5‰ и т.д.⁷⁷ В целом ряде областей Севера-Запада и Центра разрыв в значениях рождаемости и смертности сельского населения был еще большим в пользу последней.

Итак, кризисный характер развития демографических процессов в российской деревне 1990-х гг. нашел выражение в прогрессирующей естественной убыли ее населения. Высокий уровень смертности и низкая рождаемость обусловили беспрецедентную для мирного времени динамику показателей естественного прироста сельского населения. В 1992 г. данный процесс повернул движение демографического потенциала жителей села в обратную сторону – к естественной убыли.

Процесс воспроизводства сельского населения вступил в фазу устойчивой и продолжительной депопуляции. Это убедительно подтверждает табл. 6. По сравнению с 1987 г. в сельском населении в конце 1990-х гг. родилось практически в 2 раза менее детей и умерло на 33% больше жителей, а объем естественной убыли в 1999 г. в абсолютном выражении почти на $\frac{1}{5}$ превысил его естественный прирост в 1987 г. Весьма примечательно, что на всем протяжении периода 1990-х гг. (включая 2000-й г.) естественный прирост в населении деревни больше ни разу не был зарегистрирован. Это тоже подтверждает устойчивый и долговременный характер убыли сельского населения.

Демографическая ситуация на селе в этот самый сложный период усугублялась социально-экономическим кризисом, который во многом стал причиной столь же глубокого, что и в городе, падения рождаемости. Низкая рождаемость в России в 1990-е гг. во многом предопределялась причинами этнического характера. Это, прежде всего, относилось к основной и наиболее многочисленной национальности – русскому народу, который уже давно вступил в завершающую стадию демографического перехода к пониженной рождаемости и малодетной семье. Процессы депопуляции особенно быстро развивались именно в местах его исконного обитания. Так, в районах Европейского Севера коэффициент суммарной рождаемости в большинстве его областей в середине 1990-х гг. был близок к 1.0⁷⁸.

Та же тенденция прослеживается и в других частях России, где численно доминируют русские (особенно в северо-западных и центральных областях). Быстро убывало сельское население и в Нечерноземном Центре России. Только с 1989 по 2000 гг. оно уменьшилось более чем на 0.5 млн человек. Максимальные размеры убыль жителей села приобрела в Брянской, Белгородской, Калужской, Курской, Московской, Рязанской, Смоленской и других областях. Постепенно по темпам сокращения к ним вплотную приблизились и некоторые центрально-черноземные области, а также Поволжье и Сибирь⁷⁹.

В значительной мере именно по этой причине общая численность представителей русского этноса в последние годы заметно убывала. Только с 1989 по 2002 гг. этот показатель в Российской Федерации составил 4 млн человек (с 119.9 млн до 115.9 млн человек). Доля русских в населении страны за эти годы понизилась с 81.5% до 79.8% (т.е. на 1.7%)⁸⁰.

Но убыль населения не ограничивалась лишь русским этносом, так как многие народы России имели аналогичные или близкие показатели воспроизводства населения (коми, мордва, карелы, удмурты, осетины, татары и др.). Депопуляционные параметры воспроизводства имели и проживавшие в России украинцы и белорусы⁸¹.

Естественная убыль сельского населения привела к дальнейшему сокращению его общей численности.

В начале XXI в. сельское население РФ оказалось по численности почти таким же как в 1860-е гг. Тогда в границах современной России в деревне жило чуть более 40 млн, а в 2002 г. – 38.7 млн человек.

С начала 1990-х гг. устойчивая естественная убыль сельского населения, т.е. депопуляция, фиксировалась в 67 регионах России из 89. Помимо традиционных «родоначальников» депопуляции – центральных и северо-западных областей, она захватила и Урал (Свердловская обл.), Сибирь (Алтайский край, Новосибирская и Кемеровская обл.), Поволжье (Самарская, Саратовская обл.), Север (Архангельская обл.), Карелию, Татарстан и Чувашию⁸².

Исключения были представлены 22 субъектами Федерации, являющимися, в основном, национальными республиками или автономными округами. Из номинально «русских» регионов сельская депопуляция, с точки зрения статистического учета, отсутствовала только в Ставропольском и Краснодарском краях. Тем не менее, угроза фактической депопуляции села подбиралась и к этим двум относительно благополучным регионам, распространилась на Ростовскую обл. и Краснодарский край. Так, из 48 районов Краснодарского края в 41 районе в 1990-е гг. отмечалось резкое снижение рождаемости, а превышение смертности над рождаемостью достигало 60%⁸³. Следует особо подчеркнуть, что этот процесс проходил в России в нарастающем темпе. Только с 1992 по 2000 гг. объемы убыли населения выросли в 8,5 раза. Примерно такой же была динамика и в городском населении России, где с 1992 г. тоже началась естественная убыль, но ее масштабы не были столь удручающими (к 2000 г. рост в 3,6 раза)⁸⁴.

Таким образом, в 1990-е гг. развитие демографических процессов в сельской местности при наличии множества общих черт с городом, все-таки имело свою специфическую окраску. Данное своеобразие определялось, прежде всего, глубокими отличиями в возрастном составе сельского населения, накопившимися за долгие годы миграционного «вымывания» молодежи из села. Основным же итогом развития демографических процессов в российской деревне 1990-х гг. стало дальнейшее углубление депопуляции, которая приобрела устойчивый и длительный характер, превратившись в общенациональное бедствие.

Примечания

¹ См.: *Доброскок В.А., Литовка О.П., Семенов С.П.* Анализ депопуляционных процессов Северо-Запада России. СПб., 1995; *Депопуляция в России: причины, тенденции, последствия и пути выхода.* М., 1996; *Пацюрковский В.В.* Сельская Россия. 1991–2001 гг. М., 2003; *Нефедова Т.* Сельская Россия на перепутье. Географические очерки. М., 2003; *Холостова Е.И., Черняк Е.М., Чупина Г.М.* Сельская семья и социальная работа. М., 2005; *Демографическая модернизация России. 1900–2000.* М., 2006; и др., а также статьи, публиковавшиеся в специализированной периодике: *Левина Т.* Демографическая ситуация в сельской местности // *Вестник статистики.* 1992. № 1; *Бруй Б., Козеева Г.* О ситуации со смертностью населения трудоспособного возраста в Российской Федерации // *Вопросы статистики.* 1996. № 12; *Бруй Б.П.* О развитии демографических процессов в Российской Федерации // *Вопросы статистики.* 1999. № 10; *Ельчашинов П.М.* Женская безработица на селе // *Социологические исследования.* 2001. № 12; *Петрякова О.Л.* Основные демографические процессы на Севере Российской Федерации // *Статистическое исследование социально-демографической ситуации.* М., 2001; и др.

² См.: *Население России в XX в.: Исторические очерки.* Т. 3. (1960–2002 гг.). Кн. 3 (1990-е гг.) – подготовлен к печати.

³ Депопуляция в России: причины, тенденции, последствия и пути выхода. С. 6.

⁴ Российский статистический ежегодник. 2001. Стат. сб. М., 2001. С. 104.

⁵ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2004. Стат. сб. М., 2004. С. 533–539; *Нефедова Т.* Указ. соч. С. 246.

⁶ Регионы России. Социально-экономические показатели. С. 90.

⁷ Аналитический вестник Совета Федерации Федерального собрания РФ. 1998. № 11 (78). С. 11; *Ельчашинов П.М.* Указ. соч. С. 134.

⁸ *Пацюрковский В.В.* Указ. соч. С. 97; *Социальное положение и уровень жизни населения России.* 2002. Стат. сб. М., 2002. С. 139.

⁹ *Социальное положение и уровень жизни населения России.* 2002. С. 139.

¹⁰ *Левина Т.* Указ. соч. С. 12.

¹¹ Подсчитано по: *Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.* Т. 14. Сводные итоги. М., 2005. С. 10.

¹² Российский статистический ежегодник. 2001. С. 105–124.

¹³ См. табл. 1.

¹⁴ *Бруй Б.П.* Указ. соч. С. 38.

- 15 В частности, нами было выявлено 155 записей о подобных преобразованиях в субъектах РФ, объединявших от 1 до 1,5 десятка населенных пунктов каждая. См.: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 1. М., 2004. Приложение 1. С. 555–565.
- 16 См. табл. 1.
- 17 Российский статистический ежегодник. 2001. С. 85; Население России, 1995. Третий ежегодный демографический доклад. М., 1996. С. 16.
- 18 Российский статистический ежегодник. 2001. С. 84–87.
- 19 Подсчитано по данным мониторинга сельских районов РФ. См.: Чураков В.Я., Щегорцов В.А., Максимов М.В. Кризис российской деревни: реалии и прогнозы. М., 2003. С. 129.
- 20 Население России. 1995. С. 19–21.
- 21 Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 14. С. 44.
- 22 Там же. С. 348–359.
- 23 Деревня – это совесть России. М., 2001. С. 13; Левина Т. Указ. соч. С. 12.
- 24 Шушкевич Ю.А. Скрытые угрозы сельской депопуляции: доживет ли Россия до удвоения ВВП // www.yas.ru/articles.
- 25 См. об этом: [/www.russia-talk.com/](http://www.russia-talk.com/)
- 26 См.: Нефедова Т. Местность, где кадры решают все // Отечественные записки. 2007. № 3 (35).
- 27 Сельские населенные пункты РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). М., 1991. С. 66–85, 111.
- 28 www.krasnet.ru/statis/text/vpn2002.
- 29 Труд. 2005. 27 сентября.
- 30 Там же. 25 марта.
- 31 Там же. 2003, 15 июля.
- 32 Аргументы и факты. 2006. 9 августа.
- 33 Правовой Дайджест СМИ Санкт-Петербурга (www.kadis.ru/daily/).
- 34 Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 14. С. 44.
- 35 Численность и размещение населения. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. В 14 т. Т. 1. М., 2004. С. 348–359.
- 36 Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 14. С. 47.
- 37 См.: Там же; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 г. Т. II. Ч. 1. С. 422–423.
- 38 Чураков В.Я., Щегорцов В.А., Максимов М.В. Указ. соч. С. 89.
- 39 Российский статистический ежегодник. 2001. С. 89.
- 40 Бруй Б., Козеева Г. Указ. соч. С. 51.
- 41 Петрякова О.Л. Указ. соч. С. 70.
- 42 Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 14. С. 48–72.
- 43 Подсчитано по: Там же. С. 47.
- 44 О положении семей в Российской Федерации. М., 1998. С. 20.
- 45 Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. М., 1999. С. 75.
- 46 Меликьян Г.Г., Катунский Е.Д. Демографическая ситуация в России накануне XXI в. // Депопуляция в России: причины, тенденции, последствия и пути выхода. М., 1996. С. 11.
- 47 Там же.
- 48 Там же.
- 49 Регионы России. Социально-экономические показатели. С. 60–61.
- 50 Доброскок В.А., Литовка О.П., Семенов С.П. Указ. соч. С. 36.
- 51 Здоровье женщин России. Аналитический доклад. М., 1998. С. 10.
- 52 Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. С. 75.
- 53 Здоровье женщин России. С. 39.
- 54 Там же.
- 55 Там же. С. 206.
- 56 Там же. С. 207.
- 57 Петрякова О.Л. Указ. соч. С. 70.
- 58 Здоровье женщин России. С. 39.
- 59 Семья в Российской Федерации. Стат. сб. М., 1994. С. 167; Прохоров Б.Б. Здоровье населения России в XX в. М., 2001. С. 172.
- 60 Демографическая и миграционная ситуация в России (Сравнительный анализ). М., 1994. С. 6.
- 61 Здоровье женщин России. С. 19; Бруй Б.П. Указ. соч. С. 33.
- 62 Депопуляция в России: причины, тенденции, последствия и пути выхода. С. 9; Демографическая и миграционная ситуация в России. С. 9.
- 63 Аналитический материал по социально-экономическому положению женщин, проживающих в сельской местности // wcons.org.ru/news/doc
- 64 Демографическая и миграционная ситуация в России. С. 9.
- 65 Аналитический материал по социально-экономическому положению женщин, проживающих в сельской местности...
- 66 Бруй Б., Збарская И. О современном состоянии и прогнозе смертности населения Российской Федерации // Вестник статистики. 1997. № 3. С. 55–56.
- 67 Клутт М. Демографическое развитие России: история и теория // Вопросы статистики. 1997. № 3. С. 49.

- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ Бруй Б., Збарская И. Указ. соч. С. 55.
- ⁷¹ Депопуляция в России: причины, тенденции... С. 9.
- ⁷² Демографический ежегодник России. 2002. С. 301–302.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ Бруй Б., Збарская И. Указ. соч. С. 57.
- ⁷⁵ Вопросы статистики. 1999. № 10. С. 34.
- ⁷⁶ Здоровье женщин России. С. 39.
- ⁷⁷ Российский статистический ежегодник. М., 1996. С. 51.
- ⁷⁸ Рыбаковский Л.Л., Захарова О.Д. Депопуляция в России в геополитическом измерении // Депопуляция в России: причины, тенденции, последствия и пути выхода. Ч. II. С. 5.
- ⁷⁹ Демографический ежегодник России. 2002. С. 83.
- ⁸⁰ См.: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Кн. 1. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. М., 2004. С. 7; РГАЭ, ф. 1562, оп. 69, д. 195, л. 2–45.
- ⁸¹ Рыбаковский Л.Л., Захарова О.Д. Указ. соч. С. 6.
- ⁸² См.: Сводные итоги. Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 14. С. 10; Нефедова Т. Сельская Россия на перепутье. С. 305. Население России 1994. Второй ежегодный доклад. М., 1994. С. 36.
- ⁸³ Там же.
- ⁸⁴ Демографический ежегодник России. 2001. С. 59.

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

© 2009 г. В.Г. ВОВИНА-ЛЕБЕДЕВА*

Н. Ф. ЛАВРОВ ЗА ЧТЕНИЕМ А. А. ШАХМАТОВА

В Архиве Санкт-Петербургского института истории РАН хранится фонд Николая Федоровича Лаврова (ф. 269). До недавнего времени он не был подробно разобран и описан. Сложность состоит в том, что это не единый комплекс документов, отобранных для хранения, а случайные бумаги, оставшиеся, как можно полагать, на рабочем месте ученого в институте после его смерти. Эти материалы имеют особую ценность в силу трагической судьбы Лаврова – ученого, который не успел опубликовать своего главного труда, работал над ним много лет, и труд этот нам уже недоступен. Лавров умер в блокадном Ленинграде. Законченная книга его по истории летописания погибла в разбомбленной квартире. Но мы можем, собрав по крупицам и систематизировав разрозненный материал из фонда Лаврова, попытаться реконструировать некоторые взгляды исследователя. В этой статье речь пойдет о замечаниях Лаврова на книгу А.А. Шахматова «Разыскания о древнейших русских летописных сводах» – важнейший труд в истории изучения летописания, по поводу которого сто лет не утихают споры. В фонде Лаврова хранятся также подготовительные материалы к его собственной книге о летописях, анализу которых будет посвящена другая работа.

Лавров принадлежал к поколению, судьба которого в XX в. сложилась наиболее трагично: оно сформировалось перед революцией 1917 г., но ему суждено было жить уже при новой власти. Лавров окончил в 1916 г. историко-филологический факультет Петербургского университета. Он был учеником А.Е. Преснякова, выходцем из его семинара, посвященного летописанию. По словам самого Преснякова в 1906 г. при начале работы со студентами этого семинара он консультировался с Шахматовым¹. Одновременно с Лавровым у Преснякова учились Б.А. Романов, П.Г. Любимиров, С.Н. Чернов. В 1911 г. Пресняков упоминает Лаврова среди своих «стариков» – «требовательной и ответственной аудитории»². По предложению С.Ф. Платонова он был оставлен при университете для подготовки к профессорской должности. Революция все изменила. Только в конце 1930-х гг. Лавров стал преподавать по совместительству на историческом факультете Ленинградского университета.

А сначала была неустроенность, узнав о которой, один из университетских товарищей Лаврова, Чернов, в 1920 г. хлопотал об устройстве его в Губархиве, писал об этом А.А. Герасимову³. Известно, что Лавров с 1921 г. работал в Москве в Центрархиве, а затем (с 1924 г.) – в его Ленинградском отделении⁴. Платонов в конце 1920-х гг. упоминал Лаврова среди лучших «старых кадров», которые он хотел сосредоточить в Архиве Академии наук⁵. Как пишет В.Д. Алпатов, в 1934 г. он был принят сотрудником в Историко-археографический институт, где ему была через год присвоена кандидатская степень⁶. Сотрудником этого института (преобразованного в 1936 г. в Ленинградское отделение института истории СССР АН СССР – ныне Санкт-Петербургский Институт истории РАН) Лавров оставался до самой смерти в январе 1942 г.⁷. Судя по сохранив-

* **Вовина-Лебедева Варвара Гелиевна**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН.

шейся планкарте на 1938 г., Лавров был сотрудником Историко-археографического института с 1933 г. (к 1938 г. уже – старшим научным сотрудником)⁸.

При создании ЛОИИ в 1936 г. там была создана «бригада» по изданию летописей, во главе которой был поставлен Лавров. Этой бригадой был разработан план нового «Полного собрания русских летописей», главным автором которого был М.Д. Приселков, но в разработке которого участвовал и Лавров. Именно он представлял этот план на различных научных заседаниях, в том числе – в Москве. План не был поддержан, «летописная бригада», очевидно, была распущена⁹. Именно после этого, и, возможно, в связи с этим Лавров был сделан заведующим Архивом ЛОИИ (с 1937 г.), продолжая оставаться сотрудником группы Истории СССР раннего феодализма. В планах его работ значится монография в 15 п.л. на тему «Московское летописание XVI в.». Работа должна была быть выполненной в 1940 г., перенесена на 1941 г., значилась как внеплановая. Кроме того, в плане работ Лаврова стояло прочтение текста Приселкова «История русского летописания» и Шахматова «Обозрение памятников русского летописания XI–XVI вв.»¹⁰. Судя по этим же материалам, Лавров писал отзыв на книгу Приселкова (текст отзыва не сохранился)¹¹. Кроме того, в плане работ группы истории СССР значилось издание Повести временных лет (далее – ПВЛ) – 43 л. В 1941 г. должно было быть сдано 10 л. Редактором был утвержден Лавров, а сотрудниками – В.Г. Гейман, Г.Е. Кочин, Лавров и К.Н. Сербина. 13 февраля 1941 г. на заседании группы истории СССР до XIX в. был заслушан доклад Лаврова «История летописания в трудах М.Д. Приселкова».

В среде научной общественности было известно о многолетних занятиях Лавровым летописанием, он воспринимался как специалист именно этой области. Так, В.П. Любимов в письмах Лаврову декабря 1936 г. с уважением писал о его «исследовательских выводах» в этой сфере и о его «исследовании новгородских летописей»¹². Б.Д. Греков аттестовал Лаврова как специалиста по новгородскому летописанию на заседании АН в 1937 г.¹³ Коллеги знали, что «большая, готовая к печати монография» Лаврова была закончена им незадолго до гибели¹⁴.

Тем не менее, наиболее значительной работой с участием Лаврова, увидевшей свет, стало академическое издание «Правды Русской» под редакцией Грекова. Лавров подготовил к изданию ряд списков. Но его значение для этого издания было гораздо больше. Он был по пролетарской терминологии того времени «бригадиром» первого тома, т.е., именно на нем лежала вся работа по проверке и сличению текстов, подготовке их к печати. Недаром, Греков в предисловии подчеркивал его «исключительную» роль в выходе издания, как и роль Любимова и Г.Л. Гейерманса¹⁵.

Но мы можем предполагать, что в дело издания Русской Правды он был вовлечен как специалист в области летописания, поскольку важнейшие списки памятника дошли в составе новгородских летописей. У Лаврова уже была написана большая статья о Никоновской летописи¹⁶, опубликованная в 1927 г., когда он еще работал в Центрархиве, но написанная, несомненно, раньше, еще во время занятий в семинаре Преснякова. Статья получила известность в научных кругах. Напомним, что Пресняков сам был исследователем летописания московского периода. То же можно сказать и о других его учениках, например, о П.Г. Васенко, всю жизнь посвятившем исследованию Степенной книги. Поэтому тема Никоновской летописи, так тесно связанной со всем комплексом московского летописания, возникла у Лаврова не случайно. Интерес к летописанию, это знает каждый специалист, обычно не отпускает человека, к нему прикоснувшегося. А Лавров, как можно судить по вышеупомянутой статье, проник в тему по-настоящему глубоко.

Пресняков и все его ученики приняли сравнительный метод Шахматова, примененный к летописанию, приветствовали его работы. Однако для Лаврова, как и для других историков школы Преснякова по отношению к летописанию XVI в. применение сравнительного метода поначалу значило лишь тщательное сопоставление списков и редакций памятников. Более ранними летописными текстами ни Пресняков, ни его учитель Платонов, ни их ученики, как правило, не занимались. Именно поэтому, возмож-

но, они относились к реконструкции несохранившихся этапов истории текста гораздо осторожнее, чем это делал Шахматов. Лавров был единственным представителем этого ученого круга, который впоследствии обратился к летописям времени более раннего, чем XVI в., и к истории летописания в целом, что заставило его особенно внимательно познакомиться со всем творчеством Шахматова и определить свое к нему отношение. Именно с этой точки зрения разбор Лавровым главного труда Шахматова – «Разысканий о древнейших русских летописных сводах» – необыкновенно интересен и важен.

Лавров подошел к анализу шахматовской концепции не просто как ученик, но как опытный исследователь. Уже в статье о Никоновской летописи видны его основные приемы работы с текстами, во многом отличающиеся от предшественников: сплошной сопоставительный анализ известий по большому количеству летописных вариантов (особое внимание — выделению старших и младших известий) и по сумме этих данных определение соотношения текстов и восхождения их друг к другу. С середины 1930-х гг. работа по подготовке Русской Правды надолго отвлекла его внимание. Несомненно, что именно в ходе этой работы, ему пришлось вплотную заняться вопросом о текстологии новгородских летописей, в списках которых дошли многие редакции Русской Правды. Вопросы текстологии летописания волновали всех, кто участвовал в издании.

Несомненно, что именно к концу 1930-х гг., когда писалась книга о летописях (сначала как о новгородском летописании, но потом превратившаяся в исследование московских летописей), и относятся выписки Лаврова из шахматовских «Разысканий»¹⁷, содержащие немало практических поправок по разным частным моментам. Вероятно, это подготовительный материал к докладу, возможно – к несохранившейся статье. В одном из писем Е.Н. Кушевой первой половины 1941 г. Чернов сообщает, что «слушал доклад Н. Лаврова о раннем киевском летописании – в продолжение и поправку Шахматова. Превосходный доклад»¹⁸. Разумеется, нужно учитывать, что сам Чернов не занимался специально летописанием.

Выписки, о которых пойдет речь, хранятся в Архиве СПб. ИИ РАН в ф. 269 (Н.Ф. Лавров), ед. хр. 7(6), 7(8). Сличая заметки Лаврова о «Разысканиях» Шахматова с самим текстом этой книги, мы попытаемся понять отношение Лаврова к конкретным выводам Шахматова, касающимся начального летописания. Таким образом, мы хотя бы отчасти сможем представить себе, что же содержалось в том докладе 1941 г., о котором писал Чернов. Отметим комментарии, которые кажутся важнейшими.

Первая глава книги Шахматова называется так: «Повести временных лет предшествовали более древние своды». Шахматов трактовал фразу из «Повести временных лет» (далее ПВЛ) под 6476 г. «...и отступиша Печенези от града и не бяше лзе коня напоити», таким образом: «следовательно, блокада города сделалась еще теснее после бегства Печенегов и отступления их от города»¹⁹. По Шахматову, именно киевляне не могли «напоить коня» после отступления печенегов, что бессмысленно, ведь должно быть все наоборот: печенеги отошли, и можно уже выйти из города и напоить коней в Лыбеди! Шахматов полагал, что всякая нелогичность в тексте – свидетельство его перedelки и/или позднейших вставок. Он и считал такой вставкой эпизод о юноше-киевлянине, переплывшем Днепр и позвавшем на помощь осажденным воеводу Претича, поскольку этот рассказ стоит перед отмеченной выше фразой о напоении коня. Вставка, по мысли Шахматова, ясно видна еще и потому, что она стоит между одинаковыми конструкциями текста: «...и отступиша град в силе велице» в начале пассажа и «...и отступиша Печенези» в конце его. По Шахматову, вторая конструкция построена по образцу первой, но лишена здесь смысла, не логична. Вставной эпизод помещен между двумя сходными речевыми оборотами, и первоначальный смысл рассказа в результате этого был утрачен.

Лавров отмечает по поводу этого места: «968 г. Тоже неверно – смысл такой: и нельзя *печенегам* (курсив мой. – В.В.) напоить коня на Лыбеди». Таким образом, Лавров трактует этот текст совсем по-другому, чем Шахматов: печенеги, а не киевляне, не могут «напоить коня». При таком рассмотрении в тексте нет противоречия: печенеги

отступили от города, и уже не могут напоить коня в Лыбеди. Значит нет основания предполагать где-то в этом месте летописи позднейшую вставку, лишившую текст первоначального смысла. Мы видим, что Лавров критикует не сам метод Шахматова (исследовать связность, непротиворечивость текста как признак его первичности), но только решение частного вопроса. Находясь на одной позиции, ожидая логичности от текста источника, оба автора приходят к противоположным выводам. Это заставляет нас вспомнить слова Шахматова, сказанные в предисловии к «Разысканиям»: «Я хорошо сознаю субъективность многих из моих «ученых доводов» и понимаю, что достоянием науки добытые выводы могут стать только после всесторонней оценки их другими исследователями. Предстоит еще решение общего вопроса: правильно ли поставлена мною задача и каковы должны быть приемы исследования»²⁰.

Далее речь идет о прочтении другого места в ПВЛ под 987 г., которое Шахматов таким же логическим путем оценил как вставку. Шахматов полагал вставным весь знаменитый рассказ об испытании вер князем Владимиром. Основание для такого заключения было у Шахматова следующее: вопрос князя Владимира боярам и «старцам градским» по поводу принятия христианской веры помещен еще до рассказа об испытании вер, но слова бояр, которые Шахматов расценивает, как «прямой ответ» на этот вопрос, – после. Лавров комментирует это место следующим образом: «Никаких вставок, все совершенно логично». По Лаврову, текст летописи в этом месте не дает основания видеть вставку так ясно, как это казалось Шахматову. Бояре говорят всего лишь то, что если бы греческий закон был плох, то бабка Владимира Ольга не приняла бы его. Мы видим, что Лавров (как и некоторые его предшественники в критике Шахматова, например, как В.М. Истрин) не был склонен легко принимать шахматовские «вставки», считая их слабым местом всей концепции²¹.

Вообще весь § 1(2) у Шахматова (у Лаврова он назван «Вставки в тексте Повести временных лет, указывающие на существование предшествующих сводов») разобран Лавровым именно на предмет проверки сюжетов со вставками. Шахматов в этом месте пишет о семи вставках. То, как Лавров отвергал две из них, мы уже видели. Но и остальные ставятся под сомнение. «Не вижу вставки 862 г. "к Руси..."». Шахматов анализировал рассказ о призвании варягов, ссылаясь на работу А.А. Потебни, впервые отметивший тут вставку. Под 945 г. Шахматов видел вставкой весь рассказ о трех местах Ольги, на том основании, что вслед за известием о смерти Игоря должно стоять заглавие «Начало княженья Святославля». Лавров отмечает: «Не вижу вставку и под 945 г. Наоборот, вставкой является заглавие, вероятно взятое с полей еще в Н[ачальном] своде (сравни с Н1)» (Н1 – Новгородская Первая летопись, далее – НПЛ). А ведь Шахматов именно отсюда, из анализа этих вставок делал первый важный вывод своей книги о более древних сводах, предшествующих ПВЛ. Далее под 946 г. Шахматов видел, как известно, вставкой и рассказ о четвертой мести Ольги. Здесь Лавров явно колебался: «Тоже (но все же возможно?)». Значит, он отвергал шахматовские вставки не сплошь, обдумывал каждый случай.

Но этот прием Шахматова – выделение вставок – обращает на себя внимание Лаврова почти всегда. Так, обратим внимание на то, как Лавров комментирует § 68 в главе IV, которая у Шахматова называется «О некоторых вставках в тексте Начального свода». Лавров замечает: «Нов[городская] 1-ая действит[ельно] производит впечатление более первоначального текста, чем По[весть] вр[еменных] лет, но вставок, указанных в § 68, я не нахожу. Это цельный рассказ». Мы знаем, что Лавров особенно интересовался новгородскими летописями и хорошо их знал. А Шахматов в этом месте делает важнейший вывод о том, что «хронологическая сеть», читаемая в ПВЛ, вставлена позднее, и вставлена в более ранний текст, первоначально не организованный по годам. Тут же Шахматов отмечает, что рассказ о первом нападении Руси на Царьград – вставка, нарушающая связность текста.

К § 72 (у Шахматова там вновь помещен анализ текста о четвертой мести Ольги как вставки) сделано примечание: «Вот здесь можно не согласиться, четвертая вставлена, а три первых мести не вставлены». А по поводу § 73, где Шахматов предполагает два

источника рассказа о поездках Ольги в «Древскую землю» и в Новгородскую землю (Древнейший киевский свод и Новгородский свод, вошедший в Начальный свод, причем текст из Новгородского свода Шахматов считал вставкой), комментарий у Лаврова следующий: «Проверить по текстам – это важный момент». О § 114–6 (в нем Шахматов анализировал текст под 6576 годом о бегстве Изяслава из Киева и вокняжении полоцкого князя Всеслава, в котором видел вставку из какой-то черниговской летописи) сказано так: «Очень важный текст. Как будто прямое указание на Древнейший свод – Черниговскую летопись?»

В некоторых местах Лавров как будто колебался в оценках шахматовских построений со вставками. Но чрезвычайно важно замечание к § 80 (анализ Шахматовым «несообразностей» статей под 6472, 6473 и 6474 гг. о походах Святослава): «Нельзя знать логичность текста»²². Здесь впервые мы видим оценку не частных шахматовских построений, а его принципиального подхода к летописным текстам как изначально логичных, непротиворечивых и возможности по этой причине реконструкции их первоначального вида логическим путем. Лавров серьезно работал с «Разысканиями». Это была сплошная проверка всех наблюдений Шахматова по тексту летописей. В итоге Лавров, как представляется, стал сомневаться в целесообразности некоторых выводов Шахматова.

Но, разумеется, не для критики перечитывал и оценивал Лавров текст Шахматова. Он имел в виду построение собственной концепции, которая должна была продолжать, развить, и лишь в некоторых случаях опровергнуть элементы шахматовской схемы. Лавров искал те звенья, которые были слабыми, нуждались в переделке, и те приемы, которые не давали, по его мнению, надежных результатов. «Разыскания» Шахматова и работа с ними были, очевидно, тем материалом, на котором проверялись многие собственные взгляды Лаврова. Приведем несколько примеров, показывающих, насколько важным было обращение к «Разысканиям» для формирования собственной картины истории летописания у Лаврова.

В § 199 Шахматов рассматривает знаменитое место ПВЛ о варягах, от которых «прозвася Руская земля». Путем сложного логического построения он приходит к выводу, что здесь мы имеем дело не с первоначальным текстом и что первоначально в этом месте читались слова «...прозвашася Варягы». Далее Шахматов добавляет: «Я встретил возражение в устной беседе со стороны глубокоуважаемого А.Е. Преснякова, с которым я, с большой всегда пользою для себя, так охотно беседую о вопросах, связанных с исследованием русского летописания. А.Е. Пресняков сообщил мне, что он вместо «Варягы» предпочел бы читать «Новгородци», причем поставил бы перемену племенного названия (Словене) на территориальное (Новгородцы) в связь с поселением Рюрика в Новгороде; ср. замену названия Полян Киевлянами. Сначала поправка, предложенная А.Е. Пресняковым, показалась мне вполне приемлемою, но теперь, после продолжительных размышлений, я возвращаюсь к чтению "Варягы"»²³.

Это место прокомментировано у Лаврова следующим образом: «говорил А.Е. Пр[есняков] – но он явно уступает Шахматову – нет надобности уступать! – Русь и все! А как Ипатьевская?» Таким образом, Лавров вообще отвергает все построения Шахматова вокруг данного места, вероятно, считая их надуманными, а чтение летописи, возводящее название Руси к варягам, – изначально. Лавров ставит только вопрос о чтении данного места в ПВЛ по Ипатьевскому списку (Шахматов разбирал текст Лаврентьевского списка). Итак, при оценке этого места Шахматова Лавров здесь близок тому направлению историографии, которое критиковала Шахматова на излишнюю сложность объяснений при возможности объяснений простых, и, по сути, исходило из положения, что текст ПВЛ нужно принимать таким, каким он сложился на последний момент, если не очевидно противное.

Показательно еще одно место. По мнению Шахматова следы новгородской редакции в летописном тексте обнаруживаются в рассказе о братьях Рюрика. Новгородский книжник по Шахматову «предания о трех князьях варяжских... решил приладить к киевскому рассказу о трех племенах, поработанных Варягами – Словенах, Кривичах и

Мери»²⁴. На следующей странице Шахматов добавляет, что, вероятно, «представление о трех князьях-братьях было дано как эпический мотив из других рассказов, других преданий, подобных и тому преданию, которое в Киеве приурочивало построение города именно трем братьям»²⁵. Лавров отвергает и это построение о связи сюжета о трех князьях с сюжетом о трех племенах. При этом он противопоставляет Шахматову Преснякова: «К стр. 313. Белоозеро подчинилось Ростову. Когда? Набор факт[ов] не лучше грековского. – А.Е. Пр[есняков] никогда бы не написал этого(!) Это художественный домысел... Перенос с 313 на 314²⁶ – убийственно! Эпический момент – вот то-то же. В этом суть». Отметим отношение Лаврова к историческим построениям его прямого начальника по институту Грекова.

Чтобы понять это замечание Лаврова, следует еще раз обратиться к тексту Шахматова и вспомнить его манеру обосновывать свои выводы. Шахматов к одному и тому же заключению всегда приходил разными путями, и один из них как бы подкреплял другой. Так было и в этом случае. Мысль о связи трех князей с тремя (или четырьмя) племенами возникла у него сначала при чтении рассказа Начального свода, который Шахматов считал дошедшим «в довольно исправном виде» в Новгородской Первой летописи младшего извода (далее – НПЛмл). Он обратил внимание, что в рассказе о призвании князей сначала называются три племени, а потом четыре: к словенам, кривичам и мери, прибавляется еще племя чудь. Далее Шахматов заметил, что призываются три князя. Они садятся по рассказу не в центрах призывавших их племен, а «в городах, не имеющих как будто, прямого отношения к этим племенам». Всякая нелогичность текста, как мы знаем, привлекала внимание исследователя и являлась толчком к дальнейшим умозаключениям. Для Шахматова было ясно, что тут перед нами «следы спайки двух или нескольких источников, следы компромисса между ними»²⁷. Потом текст о племенах Шахматовым на некоторое время был оставлен. Он обратился к анализу рассказа о завоевании Олегом Киева. Затем происходит возврат к тексту о призвании варягов. И так анализ этих двух и еще некоторых других эпизодов перемежается до конца главы. Мы в сложной структуре этого текста Шахматова берем только линию о несоответствии племен городам, поскольку именно она привлекла внимание Лаврова. При втором подходе к тексту о племенах, призвавших варягов, Шахматов берется за дело как бы с другого конца. Он уже составил себе представление о том, что тут сплетены воедино два источника – киевский и новгородский. Шахматов их «расплетает». Он предполагает, что известие о том, где именно сели призванные князья – новгородское. Но раз города эти не соответствуют упомянутым племенам – значит, перечисление самих племен этих следует отнести к киевскому источнику. Первоначально в тексте было три племени. Чудь была добавлена новгородским сводчиком при соединении киевского и новгородского рассказов воедино. Основание для такого умозаключения чисто логическое: «новгородцу было близко известно, что Варяги до последнего времени брали дань с Чуди, творили насилие над Чудью»²⁸. Далее Шахматов опять как бы отвлекается и переходит к разбору вопроса о логической структуре текста об обложении варягами племен – изгнании варягов – втором призвании варягов. Он доказывает новгородское происхождение только части об изгнании и затем добровольном призвании. Одним из оснований был вывод о «несогласованности» упомянутых племен и городов. Итак, рассказ об обложении северных племен данью – киевский, а рассказ о призвании варягов – новгородский, для Новгорода призвание князя – обычно явление в позднейшие времена. Далее Шахматов опять переключается на другой фрагмент – анализирует фразу о появлении названия Русь. Этот анализ занимает у Шахматова несколько страниц (с. 298–307). В ходе его выдвигаются, между прочим, новые обоснования в пользу вставного характера слова «чудь» в перечне племен, призвавших варягов (с. 308–330). Синтезируя свои прежние наблюдения и выводы, Шахматов последовательно реконструировал этапы трансформации текста. Так, по его мнению, киевский летописец скомбинировал первоначальный рассказ на основании народных преданий, традиций, представлений и припоминаний. Когда этот текст попал в Новгород, то новгородский сводчик «решился развить его в самостоятельный и цельный рассказ о древ-

нейшей судьбе родного города». На этом этапе возник сюжет о добровольном призвании варягов новгородцами. При этом Шахматов писал, что «новгородский летописец выходит с честью из тех затруднений, которые создавались темным, запутанным рассказом киевского свода»²⁹. Так, например, перед ним «развертывался ...ряд любопытных местных преданий о варяжских князьях». Предания были различными в разных городах новгородской земли. Он «не счел нужным воспроизводить все известные ему предания о князьях варяжских», выбрав из них одно новгородское (о Рюрике), одно изборское (о Труворе) и белозерское (о Синеусе). Он «приладил» их к киевскому рассказу о трех племенах, поработенных варягами, несмотря на то, что в Белоозере сидела не меря, а весь, и изборяне – это кривичи. Единственное, что он сделал для лучшего «прилаживания» – прибавил племя чудь, поскольку «Изборск населен наполовину чудью» (с. 313–314).

Именно в этом месте Лавров не выдержал и сделал свою помету о «художественном домысле» Шахматова и о том, что Пресняков никогда бы этого не написал. Упоминание Преснякова было вызвано, вероятно, тем, что на него выше ссылался Шахматов и создавалось ощущение, что Пресняков принимает ход рассуждений последнего в целом. Полагаем, это важное место, позволяющее видеть отличие подхода Лаврова к летописанию и к реконструкции древнейших летописных текстов от подхода Шахматова. Лавров в первую очередь отказывался от построений Шахматова, которые считает умозрительными, от его цепей рассуждений и нанизанных одно на другое предположений.

К § 220 (стр. 380) Лавров добавил: «Вот в этом-то и дело – в Новгороде ничего древнего не сохранилось». Помета относится к той части книги, в которой Шахматов сформулировал свои главные выводы по истории новгородского летописания, выделил его основные этапы. Вероятнее всего, Лавров обратил внимание на место, где Шахматов предполагает, что в 1423 г., когда в Москве составлялся митрополичий свод, «некоторые (древнейшие) части архиепископской летописи были отосланы в подлиннике». Этим Шахматов объяснял, почему «в основание нового владычного свода» (Софийского временника) была положена «не древняя владычная летопись, а свод 1333 г. (Синодальный список)»³⁰. Тут также видна разница в подходах к летописному тексту Шахматова и Лаврова. Для Шахматова этот вывод – одно из звеньев сложного построения, позволяющего заглянуть в самое начало новгородского и киевского летописания, а затем проследить последующие этапы так ясно, как будто мы видим все своими глазами. Лавров же подхватывает тему обращения новгородских книжников к дефектному списку летописи (без начала и всей древнейшей части) совсем по иной причине: в Новгороде не сохранилось ничего древнего. Не сохранилось когда? Ответ очевиден: к середине XV в., ведь именно об этом времени пишет Шахматов в указанном Лавровым месте. Это двойное отрицание – «не сохранилось ничего» – косвенным образом содержит, как представляется, и оценку всех рассуждений Шахматова, касающихся древнейшего новгородского летописания. Шахматов был уверен, что его можно реконструировать, несмотря на все утраты. Лавров же делает акцент на утрате: не сохранилось ничего древнего. По-видимому, именно с этим расхождением в понимании возможностей сравнительного метода связано определение шахматовских реконструкций Лавровым как «художественного домысла».

При таком подходе ясно, что доводы Шахматова не принимались Лавровым как доказанные, процесс исследования продолжался. Это видно по многим замечаниям. Так, например, § 204 (там, где Шахматов пишет о тенденциях древнейшего новгородского свода и о том, что новгородцы «издавна имели свободу приглашать себе князя») снабжен замечанием: «Это подтверждает нов[городские] тенденции рассказа», но и «ведет к мысли о том, что Н[овгородская] I[-ая] использовала Пов[есть] вр[еменных] лет, а не Нач[альный] свод». И далее тут же: «Летописец не преминул бы об этом сказать – новгородцы ссылаются на Всеволода?» Шахматов полагал, что летописное «призвание варягов» объясняется реально существующей позднее новгородской практикой. Как подтверждение Шахматов ссылается на приглашение новгородцами в князья малолет-

него Владимира, затем Ярослава, а в сноске приводит известную летописную фразу под 1102 г., обращенную к князю Святополку Изяславичу, желающему прислать им своего сына: «а воскормили есмы собе князя» и т. д. Этого «воскормленного» новгородцами князя дал им Всеволод Ярославич – отсюда и восклицание Лаврова. Кроме того, кажется, что Лавров полагал, невозможным подтвердить позднейшей практикой новгородское происхождение летописного рассказа. Важно также замечание Лаврова о том, что НПЛ использовала ПВЛ. Обратим внимание: Лавров не пишет, ни о «Новгородском древнейшем своде», ни о Софийском временнике. Он называет здесь реально сохранившиеся тексты: НПЛ и ПВЛ.

По ходу работы с текстом Шахматова у Лаврова, как видно, формировалась, изменяясь, картина взаимоотношения летописных текстов. По поводу слияния новгородского и общерусского летописания, как оно виделось Шахматову, Лавров замечает тут «значительное совпадение» в том, что «и в Москве и в Новгороде свод составлялся одновременно в 1423 г.!! –Уже сомнительно». Итоговое мнение его по поводу § 220(3) оказывается следующим: «Итак, Нов[городская] I, т.е. Ком[иссионный] и Ак[адемический] сп[иски] несомненно подновляют текст сра[внительно] с Соф[ийским] вр[еменником] по Первой ред[акции] Н[овгородской летописи]. Но в основе они все же дают более точно в целом этот текст – чем Соф[ийская] I и Н[овгородская] 4». Лаврова занимала мысль о протографе НПЛ – «первой редакции новгородской летописи». В приведенной ниже стемме именно она, вероятно, обозначается как «осн. вар.» Вероятно, именно эту мысль Лавров развивал позднее в своей книге. Это отчасти видно из сохранившихся набросков к ней.

В тетрадах Лаврова, и в частности в той, о которой идет речь, очень много стемм. Все они показывают соотношение текстов летописей в отдельных чтениях. Последнее естественным образом следует из особого подхода Лаврова к сличению отдельных чтений по возможно большему числу текстов. В этом можно убедиться, как уже было сказано, на примере ранней статьи Лаврова о Никоновской летописи. Лавров для каждого рассказа строил свою отдельную стемму, и они не всегда совпадали, что его, очевидно, не смущало. По-видимому, Лавров полагал, что наблюдения над взаимными отношениями отдельных летописных рассказов по разным текстам летописей не следует выводить из общей схемы. Или же собирался обдумать общее взаимное отношение летописных текстов позднее. Однако об этом можно судить лишь очень предположительно, так как перед нами – черновые наброски. Вот стемма к тому рассказу, о котором шла речь в предыдущем абзаце. Она показывает соотношения (по Лаврову) Софийской 1 летописи (далее – С1), Новгородской 4 (далее – Н4) и двух списков Н1МЛ (Комиссионного и Академического):

«Осн[овной] вар[иант]

/\

Н1 Соф. 1 и и др[угие] в соед[инении] с общеру[сским] сводом.

/\

К А»

В помете к стр. 381 (п. 7, 9) книги Шахматова сделана особая приписка: «и мы вообще должны предпочитать чтения Ак[адемического] сп[иска] чт[ениям] Ком[иссионного]». У Шахматова на этой странице говорится об двух списках НПЛмл и утверждается, что оба они независимо восходят к протографу³¹.

Видно, что Лавров особенно внимательно работал с текстом главы IX книги Шахматова «Данные для восстановления первого Новгородского свода XI века. Новгородский свод 1448 г.» и глав X «Данные для восстановления первого Новгородского свода XI века. Общерусский свод 1423 года и Общерусский свод начала XIV в.» и XI «Данные для восстановления первого Новгородского свода XI века. Перечни князей и владык новгородских». Так по поводу §147 сказано, что это «самое слабое место Шахматова». У Шахматова там речь идет о содержании общерусского свода 1423 г. Шахматов (ниже выделено курсивом) сопоставил новгородские известия этого гипотетического свода с Синодальным списком. «*Т.о. общерус[ский] свод сходствует с Син[одальным] сп[иском]*

ком] там, где последний совпадает с влад[ычной] лет[описью] и различается там, где Син[одальный] сп[исок] ее сокращает. Бесспорно, это слабое место и является отправным пунктом для моей атаки». По этому, как и по другим замечаниям, очевидно, что Лавров стал сомневаться в шахматовском Полихроне начала XV в. Позднее, уже после войны, к такому же выводу, что Полихрон начала XV в. – лишнее звено в схеме летописания, пришел Я.С. Лурье³². Возможно, именно раздумья по этому вопросу привели Лаврова к необходимости отойти от занятий только новгородскими летописями и переключиться на общерусские своды XV–XVI вв.

Лавров обращал особое внимание, как мы видели, на выводы Шахматова о новгородских и неновгородских источниках раннего летописания (в связи с идеей существования Древнейшего Новгородского свода). Кроме того, у Шахматова часто идет речь о соединении в одной летописной статье двух источников. Лавров сомневался в наличии древних новгородских источников, полагая, что многие «новгородские» по Шахматову известия ПВЛ и НПЛ могли быть киевского происхождения. Так, к § 121 (Шахматов там пишет, что о разделе волостей между сыновьями Владимира взято из Новгородского свода) сделана следующая помета: «Что ниже, это важно. Здесь сомнительно. Нет. Киев». Комментируя § 122, где Шахматов анализирует статью под 6522 годом о сборах Владимира против Ярослава, Лавров пишет: «Возражаю – но как будто указ[ание] на два источника. Нет, один источник». И к следующему § 123 (где Шахматов пишет о ссоре Ярослава с новгородцами накануне получения известия о смерти отца): «Основной параграф, внимательно изучить по текстам. Нет основания относить за счет Новгорода. Ничего страшного. В П[овести] вр[еменных] л[ет] – позднее искажение». Шахматов в этом месте сравнивает чтение ПВЛ и НПЛ, делая вывод, что «киевлянин не понял, что такое «на Ракоме», и отсюда несомненно, что самый рассказ принадлежит не киевлянину, а новгородцу». Лаврова это возвращает к его давним занятиям Никоновской летописью: «в распор[яжении] сост[авителя] Ник[оновской летописи] был именно Лаврент[ьевский] свод»³³. Далее, к § 126 дана следующая помета: «6538 – почему новгор[одское] известие? Тогда о восстании в Польше польское известие?» (см. у Шахматова: «Под 6538 читаем несомненно новгородское известие: «иде Ярослав на Чюдь, и победи я и постави град Юрьев»). Поскольку Шахматов продолжает разбирать новгородские, по его мнению, известия и в последующих параграфах, Лавров следует за ним, пометая: «Это интересный параграф. Конечно, киевское, но откуда ... в Н4 и С1?» (о § 124, где Шахматов пишет о новгородском происхождении известия о нападении Брячислава на Новгород); «Ну ничего новгородского» (о § 128, рассматривающем известие о кончине Владимира Ярославича); «Киевское» (о § 129); «Решительно произвольно. Ровно столько же основ[аний], как и для предыдущих». Наиболее ясно по этому вопросу Лавров высказался в комментарии к § 135, где речь идет о Кирике: «Связь между киевс[ким] и новгор[одским] летописанием м[ожет] б[ыть] поздняя, не=извлеч[ениям] из Пов[ести] вр[еменных] лет». Наконец, § 152 Лавров делает помету, как бы переворачивающую мысль Шахматова (курсив) в свою пользу: «В Син[одальном] сп[иске] на протяжении 1112–1167 несколько записей о событиях южно-русских, но эти записи могли прийти из Киева путем устной передачи. (Значит м[огло] б[ыть] и наоборот)».

Отметим также замечание Лаврова к гл. VII («Следы новгородских известий в Начальном своде»): «Ш[ахматов] полагает, что в Нач[альном] своде есть записи новгородск[ого] происх[ождения]. Бесспор[но] 6571 (Волхов вспять»³⁴ и 6550 (о походе Вл[адимира] Яросл[авича] на Емь»³⁵. По-моему эти записи могли быть записаны и в Киеве, а следовательно, все остальн[ые], котор[ые] Ш[ахматов] считал возможным принять за новгор[одские] в том лишь случае, если две вышеуказ[анные] признаются новгородскими».

Глава VIII Шахматова, посвященная «данным для восстановления первого Новгородского свода XI века», анализировалась очень тщательно. Примечаниями типа «Надо подумать!» (к § 137) или «Важный параграф» (к § 138) испещрены обе тетради Лаврова. В § 137 Шахматов обосновывал мысль о вхождении извлечений из ПВЛ в состав

труда Германа Вояты тем, что под 6614 г. известие в ПВЛ читается в Синодальном списке и носит следы новгородской обработки. По мысли Шахматова, только новгородцу пришлось бы в голову определить Святошу как тестя князя Всеволода. Лавров замечает: «Возражение: Святоша внесен в Новг[ородскую] лет[опись] под 1165 г., когда Всеволод уже давно умер. Конечно могло [быть] записано и в Киеве. Как вопрос, когда именно? Во всяком случае, эта запись сделана после 1123 г. – когда он женился. Думаю, что в 60-х гг. уже было поздно его комментировать как тестя – редакция совсем другая срав[нительно] с Пов[естью] вр[еменных] л[ет]. Запись могла быть сделана и в Новгороде по киевской записи, но не Пов[ести] вр[еменных] л[ет]». По ходу чтения у Лаврова возникали и другие собственные предположения. Например, к § 139 (там речь идет о вкладе в летописание Германа Вояты): «Нельзя ли будет думать, что все (кроме Р[усской] П[равды]) вошло в XII в.?» Или по поводу § 142 (заимствование Софийским временем статьи 6523 из протографа Синодального списка) сказано: «Очень важно. ...В Син[одальном] сп[иске] была статья о крещении Новгорода!! – Это большое, конечно, вопрос! Мое: в 497 – получается впечатление дублетности известия». В отношении § 143 замечено: «Объяснение натянутое» (у Шахматова здесь доказывается положение, что перечни великих князей киевских, новгородских князей, митрополитов и других владык в НПЛмл попали туда из протографа Синодального списка, и что перечень, доведенный до Ростислава Мстиславича, восходит к своду, который переписывал Герман Воята). И далее более подробно разобран § 146, Лавров перемежает изложение мыслей и цитаты Шахматова (выделим их курсивом) со своими комментариями: «Новгород[ские] изв[ествия] в св[оде] 1448 г., которых нет в Н1, восходят к общерусс(кому) своду. (Весьма сомнительно!!!) Таких известий много за XIV–XIII в. (Ряд примеров на самом деле указ[ывает], что Н1, св[од] 1448 (Н4, С1) действительно имели особый источник (но Новгородский), не использован[ный] ... Н1[ой]»³⁶. Далее, замечательно то обстоятельство, что до двадцатых годов XIII в. подобных известий почти нет (см. отн[осительно] древн[его] период ниже) – А как же выше он сам указывал на извест(ия) XIII в. – Противоречие! Объяснение, которому надо противопоставить свое».

По поводу §155 (где Шахматов продолжал анализировать статьи, возможно извлеченные из новгородского владычного свода общерусским сводчиком, а также доказывал существование свода 1118 г.) Лавров сделал такое замечание: «Выкладка хронологич[еская?]. Сомневаюсь, чтобы в 1118 [году] летописец мог 2 раза ошибочно назвать Вл[адимира] Моном[аха] – Влад[имиром] Ярославичем. Позже, т.е. именно около Калкской битвы или несколько раньше это возможно. Значит, эта гипотеза о 1118 г. здесь не подтверждается». Шахматов полагал первоначальным упоминание в С1 и Н4 в хронологическом перечне князей не Владимира Ярославича, а просто «Володимера», подразумевая тут Владимира Мономаха. Текст, прочтенный таким образом, казался Шахматову логичным и не противоречивым. Отметим, как слово «гипотеза» подчеркнуто Лавровым. Возможно, это указание на то, что для него данный (и другие) выводы Шахматова – лишь возможные версии объяснений, он относится к ним с осторожностью.

Таким же образом Лавров разбирал и остальной текст книги Шахматова. Многие принимались после тщательной проверки, многие подвергались критике. Некоторые наблюдения выделялись особо как материал для размышлений. Например, к § 160 дано заключение: «Посадиша старейшину Гостомысла – возводит к св[оду] XI в. Не может быть, это текст XV в.» И далее относительно § 164: «Очень субъектив(ная) мысль о записи о Брячиславе (нападении его на Новгород. – В.В.). Признаю – и точка» (у Шахматова: «Признаю..., что в свод 1448 года и общерусский свод статья попала из свода 1167 года и далее из свода XI века»). Тут многие комментарии Лаврова схожи, так он делает комментарий к § 172 (Шахматов определяет там «явно новгородские» известия свода 1448 г.): «Легко поддается критике». Шахматов полагал, что эти «неновгородские» известия шли из общерусского свода, предшествующего своду 1448 г. Лавров же в существовании первого сомневался. К § 170 о битве при Листвене приписано: «Разобрать по текстам». К § 168 (Шахматов там возводит статью о Всеславе под 6575 г. «свода 1448

г.» к общерусскому своду 1423 г.) Лавров делает примечание: «Сомнительное толкование о Всеславе под 6575, но под 6577, кажется, верно». Текст статьи под 6577 г. «свода 1448 г.» Шахматов считал более первоначальной, чем чтение Синодального списка. Это совпадало с предположением Лаврова, что в С1 и Н4 летописях отразилась первая редакция НПЛ, которой он придавал особое значение.

Иногда пометы кратки, но все же интересно посмотреть, к каким именно местам шахматовского текста они сделаны. Так, к § 137 (в этом месте Шахматов утверждает, что извлечение из ПВЛ входило в состав труда Германа Вояты) Лавров приписал: «Надо подумать». К § 174 (Шахматов пишет о «прибавке имени Кирилла» в своде 1448 г. к упоминанию о греческом философе, учившем Владимира основам христианства, полагая его заимствованным из свода 1167 г., а туда попавшим из Древнейшего Киевского свода): «Кирилл из Др[евнейшего] свода? – Совершенно невозможно. В 1039 г. не могли не знать, что Кирилла в Киеве не было. – Позднейший домysel!». § 270 снабжен пометой: «Почему? Откуда?» Это – самый короткий параграф в книге Шахматова. Он состоит всего из нескольких строк. Шахматов пишет о том, что в древнейшем новгородском своде до 6557 г. «мы не найдем точных дат», но это «не мешает нам предположить, что летопись велась в Новгороде и до 1049 года; велась она, по-видимому, иным лицом и иными приемами, чем записи 6557–6560 годов, но современность ее описываемым в ней событиям явствует из ее содержания». Причина восклицания Лаврова очевидна: тут просто высказана догадка, нет никаких обоснований. § 70–2 (в этом месте у Шахматова восстанавливается первоначальное чтение текста о княжении Игоря) помечен записью «нелогично». А по поводу § 70–3 (у Шахматова мы находим здесь сравнительный анализ текста ПВЛ и Н1 о последней дани Игоря) и § 70–4 (у Шахматова там помещено рассуждение о вероятности двух источников текста о гибели Игоря в Софийском временнике) Лавров заметил: «Два источника Соф[ийского] Временника в рассказе об Игоре и Свенельде. Проверить по текстам».

К § 284 дана такая же краткая, но еще более эмоциональная помета: «Какая ерунда». В этом месте Шахматов начинает рассуждать о том, как и когда, был составлен древнейший новгородский свод. Три основания приводят Шахматова к дате 1050 г. Первое основание – появление под 1049 г. и 1050 г. точных хронологических дат и записей «вполне современной событиям» о пожаре деревянной Софии и освящении новой каменной церкви. При этом, по Шахматову, «указание на час, когда сгорела церковь, могло быть дано только членом причта этой церкви». Второе основание – ссылка на уже сделанное ранее предположение о том, что древнейший киевский свод был связан с учреждением митрополии. Новгородцы могли последовать примеру киевлян, и приурочить летопись к освящению Софии. Тут Шахматов, как и во многих других случаях, в качестве доказательства привлекает собственное предположение, высказанное ранее. Наконец, третьим обоснованием даты 1050 г. для Шахматова было то, что новгородский свод был составлен по образцу киевского (напомним, что оба свода эти – гипотезы Шахматова), отсюда и вероятность по Шахматову составления его под влиянием тех же обстоятельств (постройки нового соборного храма).

§ 191 книги Шахматова (он состоит из 19 частей – это целая глава XII «Житие Антония, как источник Начального свода конца XI века и общерусского свода 1423 года») сопровождается у Лаврова также краткой пометой: «Чистая выдумка». Можно думать, что гипотеза Шахматова о Житии Антония, которое предшествовало Житию Феодосия и было вытеснено им, не была принята Лавровым, как умственная, построенная на предположениях и догадках. Вероятно, Лаврову была известна статья С.А. Бугославского, посвященная этому вопросу³⁷. Они сходятся здесь в оценке шахматовского построения. Но думается, дело не только в этой статье. Мы видели, что Лавров часто не принимал наиболее сложные из построений Шахматова. В случае же с Житием Антония у Шахматова как раз имеет место такой сложный ход мыслей: использовать для сравнения результаты им же самим до этого осуществленной реконструкции предположительно существовавшего, но несохранившегося текста.

Впрочем, Лавров не просто критиковал Шахматова, он учился на его тексте. Так, к § 188 (Шахматов делает вывод, что в перечне русских князей «свода 1448 г.» есть данные, заимствованные из владычного новгородского свода) сделана помета: «Трудно опровержимое соображение». В этом месте Шахматов опирается на совпадение отдельных выражений в этих дополнительных известиях перечня с известиями свода 1448 г., которые он уже раньше определил как заимствованные из владычного свода. Но реплика Лаврова, скорее всего, относится к последней фразе абзаца. Там Шахматов обращает внимание на то, что «из древнейшей части владычного свода ...нельзя было извлечь точных хронологических указаний», поэтому точная хронология в перечне начинается только с Мстислава Владимировича. Это, несомненно, совпадает с высказанным ранее Лавровым замечанием, что «в Новгороде не сохранилось ничего древнего». К § 207 (у Шахматова там идет речь о походе Олега на Царьград и последующей затем его гибели) Лавров сделал следующее замечание: «Поход Олега на Царьград – могила в Ладоге – не из ПВЛ?» Это скорее размышление, возможно, – сомнение. Шахматов считал «ладожскую могилу» идущей из Древнейшего новгородского свода, который Лавров не признавал. Но даже не соглашаясь с Шахматовым, Лавров часто именно из его книги делал для себя заметки для будущей работы. Так, иронично отозвавшись о концовке § 161, где Шахматов писал, что сообщение о палице, брошенной на мост «можно думать», читалось в своде 1167 г: «Конец этого параграфа – *Можно думать!* Это замечательно!» Но сбоку он приписал: «Очень важная статья! Впервые появляется Аким Корсунянин». Или относительно § 170 (о битве при Листвене, Шахматов сравнивает там показания «свода 1448 г.» и ПВЛ и приходит к выводу о двух источниках рассказа) Лавров заметил: «Листв[енская] битва, конечно, амплификация! Но повторения? Действительно, два источника? Изучить внимательно».

Одна из важных идей Лаврова была вынесена им во многом именно из текста Шахматова – о первой, несохранившейся редакции НПЛ. Так, к с. 81, п. 7 книги он сделал примечание: «Важный пункт». В этом коротеньком абзаце Шахматов как раз писал о первой редакции НПЛмл, представляющей по мысли Шахматова список Софийского временника и сохранившийся в отрывках в Троицком списке НПЛ и в Н5.

Обратим, однако, внимание на замечание к § 197: «Вот основное, против чего я должен бороться». В этом месте Шахматов приводит основания в пользу новгородского, а не киевского, происхождения рассказа об изгнании новгородцами варягов, а затем о призвании варягов (мы возвращаемся опять к этому сюжету, хотя уже затрагивали его ранее). Первым и главным основанием Шахматов считал новгородскую практику. Вторым основанием выставлял невероятность того, чтобы киевский летописец «мог с такой определенностью воссоздать хотя бы и фантастический рассказ о событии, представляющем для него лишь попутный интерес». В-третьих, это «топографическая осведомленность автора» (об Изборске и Белоозере). В-четвертых, это уже упомянутая несогласованность рассказа о племенах, плативших дань варягам и трех городах, где сели приглашенные князья. Несогласованность по Шахматову заключается еще и в том, что в рассказе о призвании варягов не говорится о разных племенах. Шахматов пишет: «перед нами вече старшего города, а не вечевые собрания трех племен; призванные им князья садятся, старший – в старшем городе, а младшие в пригородах; Изборск и Белоозеро представлены как бы пригородами новгородскими»³⁸. Пятое основание следует из предыдущего: тут виден «местный свободолюбивый дух». Понятно, к чему тут могла относиться помета Лаврова. Речь опять идет о логическом методе Шахматова, исходя из которого, первоначальный текст должен быть непротиворечивым. Ясно, что Лавров был человеком совершенно иного, чем Шахматов склада ума, а также – и другой выучки. Поэтому то, что казалось Шахматову очевидным, для Лаврова – просто фантазии, ничем не подтвержденные. Если исходить из этого, то замечание Лаврова должно было относиться, прежде всего, к четвертому из шахматовских обоснований.

Важно и замечание к § 202: «Опасно». Что же по Лаврову представляет опасность в изысканиях Шахматова? Речь идет о восстановлении Шахматовым «первоначального

рассказа» о призвании варягов. Выше об этом параграфе уже шла речь. Шахматов приходил к выводу, что в рассказе много вставок, и первоначальный его вид был иным. Очевидно, «опасной» представлялась Лаврову сама реконструкция Шахматова, уверенного в возможности отыскать древнейший текст из изучения позднейших. Для Лаврова это не очевидно. Опасно домысливать – вот, вероятно, в чем суть его пометы.

Лавров делает важное примечание к гл. VIII («Данные для восстановления первого Новгородского свода XI века. Новгородская 1-я летопись», там, где Шахматов пишет о Синодальном списке и его составителях): «мое: Тимофей заменил своим именем другое имя (Ивана Попина)³⁹ – и сделал это примерно в 1262 г.» И далее Лавров выписал шахматовскую фразу (курсив): *«Указ[анное] обстоя[тельств]во – наличие не самого текста, а только копии с него, извлечения из него, отнимает у нас надежду просл[едить] гл[авные] моменты в ист[ории] владыч[ного] лет[описан]ия, проследить смену летописцев, углубиться в исследование источников и т.д.»*. Такая позиция близка Лаврову, возможно, более всего! Шахматову как исследователю, несмотря на эту фразу, был присущ большой, можно даже сказать, громадный оптимизм, вера в неограниченные возможности сравнительного метода. Это же можно сказать и о Приселкове. Лаврову, в отличие от них, как можно предположить, было свойственно скорее научное смирение, стремление остановиться на грани того, что возможно, и что невозможно. Это можно назвать осторожностью, каковую мы отмечаем и у других исследователей летописания – причем как и у других учеников Преснякова (например, у Васенки), так и у учеников учеников Шахматова (например, у ученика Приселкова А.Н. Насонова).

Как видим, замечания Лаврова по поводу работы Шахматова помогают понять – при почти полном отсутствии других возможностей – хотя бы некоторые из собственных взглядов Лаврова и его методов изучения летописей. Историк, как и раньше, когда исследовал Никоновскую летопись, полагал важнейшим делом сравнительное исследование всех сохранившихся текстов по отдельным известиям. Он скептически относился к часто применяемому Шахматовым анализу противоречий в летописном тексте, полагая, что это шаткое обоснование, так как, по его мнению, нельзя знать логику летописца, пользуясь современными представлениями о логичном⁴⁰. Ясно также, что многие догадки Шахматова вызывали иронию Лаврова. Отношение к догадкам и реконструкциям на их основе несохранившихся текстов у Лаврова иное, чем у Шахматова. Лавров – ученый другой школы, он мыслил по-другому, он более осторожен. И он – историк, а не филолог. Исторические картины, рисованные Шахматовым в подтверждение гипотез о происхождении текстов, не внушали ему полного доверия.

Кроме того, становятся отчасти понятными собственные представления Лаврова о тех летописях, прежде всего, новгородских, о которых писал Шахматов. Очевидно, что Лавров не просто сомневался в возможности восстановить древнейшие этапы летописной работы. Он полагал, от нее ничего не сохранилось к тому моменту, когда составлялись дошедшие до нас новгородские летописные своды. Поэтому ставил под сомнение те сюжеты в ПВЛ и НПЛ, которые Шахматов возводил к Древнейшему Новгородскому своду, полагая их не новгородскими, а вполне возможно – киевскими. Таким образом, он оказывается первым, кто поставил под сомнение новгородский свод XI в., во всяком случае – среди последователей шахматовского сравнительного метода. Шахматов был так уверен в существовании Древнейшего Новгородского свода, что опубликовал его реконструкцию⁴¹. Ученики Шахматова довоенного времени также полностью его принимали (например, Приселков, близкий коллега Лаврова по работе в летописной бригаде). Только позднее, уже после гибели Лаврова, исследователи один за другим стали подвергать сомнению это звено шахматовской схемы.

Видно, что Лавров проявлял особенный интерес к новгородскому своду – источнику сохранившихся списков НПЛ. Он читал, что до нас не дошла ее первоначальная редакция, чтения которой сохранили в ряде случаев С1–Н4. Поэтому избыточные сообщения этих летописей следует относить к несохранившейся редакции НПЛ, а не к общерусскому своду 1420-х гг., существование которого предполагал Шахматов. Позднее

другие исследователи летописания разделяли эту точку зрения, не зная, что Лавров думал о том же еще в конце 1930-х гг.⁴²

Мы понимаем, конечно, что в обычном случае рисовать картину взглядов историка на основании подготовительных материалов и набросков – некорректно. Но в данном случае у нас нет иного материала, нет конечного авторского текста. Поэтому мы вынуждены ориентироваться на подготовительные материалы, сохранность которых можно считать большой удачей, позволяющей отчасти реконструировать ход мыслей исследователя, по мере его работы с летописными текстами. К сожалению, нам остались из прошлого даже не взгляды Лаврова в полном смысле слова. Мы не знаем, к каким выводам он пришел бы, в конце концов, анализируя текст Шахматова. Мы посмотрели на процесс его работы, ход рассуждений, которые касаются проблем, остающихся интересными для многих поколений ученых. Шахматов остался крупнейшей фигурой в истории изучения русских летописей. И все последующие ученые, в том числе Лавров, были просто обречены на то, чтобы сформировать свое собственное отношение к его трудам. Пожалуй, не будет преувеличением, если сказать, что согласие или полемика с Шахматовым стали главным содержанием целой эпохи в историографии. И в этой связи восстановление каждого утраченного звена важно для истории науки.

Примечания

¹См.: Андреева Т.В., Соломонов В.А. Историк и власть: Сергей Николаевич Чернов. 1887–1941. С. 71. См. также: Александр Евгеньевич Пресняков: Письма и дневники. 1889–1927. СПб., 2005. С. 576.

²Андреева Т.В., Соломонов В.А. Историк и власть.... С. 80; Александр Евгеньевич Пресняков: Письма и дневники... С. 722.

³Там же. С. 135.

⁴Алпатова В.Д. Обзор фондов ученых-историков, погибших во время блокады Ленинграда. (По материалам Архива ЛОИИ СССР АН СССР) // Археографический ежегодник за 1973 год. М., 1974. С. 246.

⁵Там же. С. 257.

⁶К сожалению, пока не обнаружены документы, которые указывали бы, с какой формулировкой и за какие работы присвоена эта степень.

⁷Алпатова В.Д. Обзор фондов ученых-историков... С. 246.

⁸См. материалы, хранящиеся в СПб. филиале Архива РАН, ф. 133, опись 1, № 1557, л. 151, 277; № 1573, л. 96.

⁹Подробнее об этом см.: Вовина-Лебедева В.Г. Н.Ф. Лавров, А.Н. Насонов, М.Д. Приселков и группа по изданию русских летописей 1936 г. // Летописи и хроники. Новые исследования. М.; СПб., 2008. С. 290 – 308.

¹⁰Речь, конечно, идет о книге: Шахматов А.А. Обзорные русские летописные своды XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. Редактором книги был М.Д. Приселков.

¹¹Алпатова В.Д. Обзор фондов ученых-историков... С. 246.

¹²Архив СПИМ РАН. ф. 269, д. 7.

¹³Греков Б.Д. Итоги изучения истории СССР за двадцать лет // Известия Академии наук СССР. Отд. общественных наук. М.; Л., 1937. № 5. С. 1101–1113.

¹⁴Алпатова В.Д. Обзор фондов ученых-историков... В данном месте Алпатова указывает, что сведения о гибели монографии Н.Ф. Лаврова именно как завершенной книги «даны К.Н. Сербиной». Ксения Николаевна Сербина, специалист по летописанию, ученица Приселкова, была коллегой Лаврова по работе в ЛОИИ, пережившей блокаду. Алпатова (возможно, передавая слова Сербиной) называет книгу Лаврова «Московские летописные своды конца XV в.». Судя по приведенным выше архивным материалам, работа Лаврова над книгой о московском летописании в 1941 г. действительно должна была быть закончена, что подтверждает свидетельство Сербиной.

¹⁵Правда Русская. Т. 1. Тексты. М.; Л., 1940. С. 10.

¹⁶Лавров Н.Ф. Заметки о Никоновской летописи // Летопись занятий Археографической комиссии за 1926 г. Вып. 1. (XXXIV). Л., 1927. С. 55–90.

¹⁷Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.

¹⁸Андреева Т.В., Соломонов В.А. Историк и власть.... С. 310.

¹⁹Там же. С. 4. Там же. С. 4.

²⁰Там же. С. 7–8.

²¹См., напр.: Истрин В.М. Замечания о начале русского летописания. По поводу исследований А.А. Шахматова в области древнерусской летописи // Известия Общества русского языка и словесности АН (далее – ИОРЯС). Т. XXVI. Пг., 1923. С. 50–68; Истрин В.М. Моравская история славян и история поляно-руси как предположительный источник начальной русской летописи // Byzantinoslavica. IV. Praha, 1932. С. 55.

²²Думается, это замечание нужно понимать в том смысле, что логичный с нашей точки зрения текст мог не являться таковым для летописца, следовавшего другой логике или не следовавшего никакой.

²³Шахматов А.А. Разыскания... С. 301.

²⁴Там же. С. 313.

²⁵Там же. С. 314.

²⁶Речь идет о страницах в книге Шахматова, где помещено следующее рассуждение: «новгородский летописец получил возможность соединить три предания о трех варяжских князьях Рюрике, Синеусе и Труворе в одно сказание о призвании этих князей четырьмя племенами, свергнувшими с себя варяжское иго».

²⁷*Шахматов А.А. Разыскания...* С. 291, 293.

²⁸Там же. С. 294.

²⁹Там же. С. 311–315.

³⁰Там же. С. 380.

³¹ Позднее Шахматов иначе видел взаимное соотношение этих списков. См.: *Шахматов А.А. Обзорные...* С. 161–172, 176–181.

³²*Лурье С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 67–73.*

³³Нужно иметь в виду, что это черновые записи. Мы не знаем, как все эти наблюдения выглядели бы в окончательном варианте текста. Например, в Никоновской летописи нет Поучения Владимира Мономаха, что Лавров не мог не понимать.

³⁴Под 6571 годом Начальный свод, по мнению Шахматова, сообщал о том, что Волхов шел вспять пять дней. Шахматов полагал это известие, безусловно, новгородским. См.: *Шахматов А.А. Разыскания...* С. 170. Причину того, что эта запись должна быть новгородской, Шахматов видел в традиции отмечать обратное течение Волхова в позднейших новгородских летописях. Кроме того, это явление поставлено в связь (как недоброе знамение) с сожжением Новгорода Всеславом.

³⁵Шахматов считал это сообщение о походе и о конском море во время похода новгородским потому, что «и то и другое событие важны были для новгородца; киевлянин не мог обратить на них внимания». См.: *Шахматов А.А. Разыскания...* С. 171.

³⁶Последнюю мысль Лавров будет потом развивать в набросках к собственной книге. Здесь мы видим только зарождение этой идеи. Так, в заметке к § 166: «В этом надо разобраться. Надо строго отграничить, что есть только в Н4 и С1».

³⁷*Бугославский С.А. К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преп. Нестора // ИОРЯС. Т. XIX. Кн. 3. Пг. 1914.*

³⁸*Шахматов А.А. Разыскания...* С. 297.

³⁹В Академическом списке НПЛ под 1230 г. имеется известная фраза: «...погребенъ бысть игуменомъ ... и мне грешному Иоанну попови...» (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 278. (прим. 61)). В более древнем Синодальном списке НПЛ в этом месте упоминается «Тимофей понамарь». Ссылка на древнюю новгородскую летопись попа Ивана имеется у В.Н. Татищева в том месте, где он писал о тексте Русской Правды. См.: *Татищев В.Н. История Российская. Т.1. М.; Л., 1962. С. 451.* Лавров, безусловно, хорошо знал эту тему в связи с занятиями Русской Правдой. В его фонде имеется набросок текста, озаглавленный «Примечания В.Н. Татищева к "Древним русским законам"», начинающийся следующими словами: «В одном из примечаний (22-м) к части I-й "Истории Российской" В.Н. Татищев говорит: Сия грамота (Ярославова), содержащая в себе закон (Ярославов), находится в древнем Новгородском Иоаннове летописце». См. Архив СПб. ИИ РАН, ф. 269, д. 14(1). Кроме того, коллега Лаврова по работе в институте, по изданию Русской правды и по летописной «бригаде» Г.Л. Гейерманс, также погибший потом в блокаду, специально занимался этим вопросом и выпустил статью, посвященную татищевским спискам Русской Правды, в которой упоминает «летопись попа Ивана». См.: *Гейерманс Г.Л. Татищевские списки Русской Правды // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1940. Вып. III. С. 163–174.* По замечанию Гейерманса, Татищев пользовался текстом Русской Правды, взятым из новгородской летописи, которую Татищев назвал летописью попа Ивана. Гейерманс упоминает также, что поскольку в НПЛ под 1230 г. содержится упоминание о попе Иоанне, и поэтому списки ее также «могут быть названы летописями попа Ивана». См. также: *Валк С.Н. Татищевские списки Русской Правды // Валк С.Н. Избранные труды по археографии. СПб., 1991. С. 197–211.* См. также: *Бобров А.Г. Новгородские летописи XV в. СПб., 2001. С. 41–42.*

⁴⁰В этом Лавров, пожалуй, сходится с последующими критическими замечаниями в адрес Шахматова, и особенно его последователя Приселкова, сделанными позднее И.П. Ереминым. См. *Еремин И.П. «Повесть временных лет». Проблемы ее историко-литературного изучения. Л., 1947. С. 38–39.*

⁴¹Новгородский свод 1050 года с продолжениями до 1079 года // *Шахматов А.А. Разыскания...* С. 611–629.

⁴²*Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 67–121.* Вновь вопрос о своде начала XIV в. как о Своде Фотия 1418 г. поставлен А.Г. Бобровым. См.: *Бобров А.Г. Новгородские летописи XV в. СПб. 2001. С. 128–160.*

В АВГУСТЕ 68-го: взгляд с другой стороны

К выходу русского перевода воспоминаний Александра Дубчека

Имя Александра Дубчека (1921–1992) неразрывно связано с «Пражской весной» 1968 г. и вдохновлявшей это движение идеей соединения социализма и демократии. Именно Дубчек олицетворял в глазах всего мира попытку преодоления тоталитарного наследия сталинизма, построения «социализма с человеческим лицом» с учетом своеобразия традиций и исторического опыта чешского и словацкого народов.

Спустя четыре десятка лет после того, как эта попытка была подавлена силами 5 стран-членов Организации Варшавского Договора (СССР, Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши), в России подготовлен к выпуску (в московском «Новом издательстве») русский перевод книги А. Дубчека «Надежда умирает последней. Из воспоминаний», впервые увидевшей свет на словацком языке в 1993 г.

Книга возникла на основе магнитофонных записей бесед А. Дубчека с чешским журналистом И. Гохманом, которые велись в промежутке между апрелем 1990 г. и августом 1992 г. Это хронологически связный рассказ о жизненном пути Дубчека (он родился 27 ноября 1921 г.), о его детстве и ранней юности, проведенных в Советском Союзе, куда родители мальчика, убежденные коммунисты, отправились в 1925 г. «помогать строить социализм»; о возвращении в 1938 г. в разваливающуюся под ударами Гитлера Чехословакию. В 17 лет Дубчек вступил в запрещенную к тому времени в Словакии коммунистическую партию, в 1944 г. участвовал в Словацком национальном восстании, был тяжело ранен в ногу. После освобождения работал на фабрике, отнюдь не задумываясь о партийной карьере. Февраль 1948 г. он встретил с восторгом: «Я верил в идеалы социализма. Моя вера была чистая и искренняя. За счастливую жизнь человечества я готов был отдать свой разум, сердце и всю свою душу»¹. В 1949 г. молодого коммуниста пригласили работать в райком партии на вдвое меньшую, чем на фабрике, зарплату. Он посоветовался с женой Анной, и оба «сочли необходимым пожертвовать своими интересами». Так началось его восхождение по партийной лестнице. В 1953 г. он становится первым секретарем райкома в г. Банска Быстрица, в 1955–1958 гг. учится в Высшей партийной школе в Москве; затем его партийная карьера ускоряется: с 1958 г. Дубчек – член ЦК КПЧ, в 1960–1962 гг. – секретарь ЦК КПЧ, в 1963–1968 гг. – первый секретарь компартии Словакии. На этом посту Дубчек начал последовательную борьбу за реабилитацию многих лиц, осужденных в 1951–1952 гг. по сфальсифицированным обвинениям в «словацком буржуазном национализме», а также за восстановление элементов национального самоуправления в Словакии, ликвидированных в результате принятия конституции 1960 г. Его деятельность отвечала давно назревшей общественной потребности в восстановлении чувства национального достоинства словацкого народа. Национальная гордость, утверждал Дубчек, не имеет ничего общего с «буржуазным национализмом»: «Я подчеркивал это, чтобы каждому было ясно, что я отвергаю антисловацкие взгляды правящих пражских "центристов"»². На почве защиты словацких национальных интересов, включая критику несбалансированной экономической политики Праги по отношению к Словакии, у Дубчека начались резкие столкновения с тогдашним первым секретарем ЦК КПЧ А. Новотным, в конце концов, обернувшиеся их решительным противостоянием.

Избранный 5 января 1968 г. на пост первого секретаря компартии Чехословакии вместо вынужденного уйти в отставку Новотного, Дубчек с командой единомышленников приступил к реализации курса, направленного на общую демократизацию общественно-политической и хозяйственной жизни страны. Основные принципы реформ были сформулированы в 60-страничном документе, принятом в начале апреля 1968 г. и получившем название «Программа действий КПЧ»: свобода слова и собраний, отмена предварительной цензуры, свобода выезда за границу, последовательное разделение полномочий между партийным аппаратом и хозяйственной деятельностью правительства, децентрализация и рыночные принципы работы предприятий, легализация частного малого бизнеса, федерализация республики.

«Документ, – впоследствии вспоминал Дубчек, – разумеется, не мог и не собирался играть роль провокации. У чешских и словацких реформаторов с головой было все в порядке. Ни внутренняя, ни внешнеполитическая обстановка не позволяли открыто отказать от советской доктрины. Мы избрали сдержанный и осторожный способ выражения, снабдив документ изрядным количеством ритуальных ссылок на привычные марксистско-ленинские понятия. "Программа" была еретической, но мы сделали все возможное, чтобы она таковой не выглядела... При этом мы постоянно должны были держать в уме одно ограничение: мы не могли даже намекнуть, что намерены вернуться к полному демократическому плюрализму со множеством политических партий. В глазах Советов это было бы равносильно демонтажу социализма. Монополия на власть, под эвфемистическим выражением "руководящая роль партии", была фундаментальной и непреложной доктриной коммунистической партии»³.

Все эти предосторожности были, однако, тщетны. Уже на встрече в Дрездене 23 марта 1968 г. руководители 5 стран Варшавского договора обвинили Дубчека в «утрате контроля» над ситуацией в стране, в недопустимом «разгуле прессы», что, по их мнению, граничило с откровенной «контрреволюцией». Публикацией же «Программы действий» лишь усилила их враждебную подозрительность. На протяжении мая–июня давление на Дубчека постоянно усиливалось. Его положение осложнялось тем, что внутри партийного руководства как на самом верху, так и в особенности на местах свои позиции все еще сохраняли консервативные новотновские кадры, или по терминологии Л.И. Брежнева и его соратников, так называемые «здоровые силы». Они всячески саботировали продвижение по пути реформ. Для преодоления этой оппозиции был необходим чрезвычайный съезд партии, подавляющее большинство на котором получили бы, по всем данным, сторонники Дубчека. В июне 1968 г. было принято решение о проведении съезда в начале сентября. Опросы общественного мнения показывали, что политику реформ к этому времени поддерживало 78% населения и лишь 7% были «против».

Угроза предстоящего съезда побуждала «пятерку» к активизации действий. 14 июля «трибунал пяти», как называл совещания лидеров «братских» стран Дубчек, собрался в Варшаве, в отсутствие чехословацкой делегации. В своем письме, направленном в ЦК КПЧ, руководители пяти социалистических государств призвали к подавлению «контрреволюционных сил», к установлению реального контроля над средствами массовой информации. Это, как потом оказалось, было предпоследнее предупреждение. «Нам оставалось дышать, – пишет Дубчек, – только шесть недель»⁴. В этом промежутке была еще двусторонняя советско-чехословацкая встреча в Чьерне-над-Тисой 29 июля – 1 августа 1968 г. и совещание 6 стран в Братиславе 3 августа 1968 г. И, наконец, вторжение войск 5 стран Варшавского договора на территорию Чехословакии в ночь с 20 на 21 августа, арест членов Президиума ЦК КПЧ, московские «переговоры» советского руководства с лидерами Чехословакии.

Августовские события 1968 г. стали рубежом в судьбе страны, как и самого А. Дубчека. Его шаг за шагом вытесняют из политической жизни страны, пока он, наконец, с трудом отыскав место механика в лесничестве, не оказывается в глухой изоляции, под неусыпным надзором органов безопасности. Его телефон прослушивается, за ним и его семьей ведется непрерывная слежка. Его протесты, направляемые в генеральную

прокуратуру, остаются без ответа. Ситуация меняется в ноябре 1989 г., когда Дубчека избирают председателем Федерального Национального собрания. Но новый этап его деятельности обрывает авткатастрофа 1 сентября 1992 г. Через девять недель, не приходя в сознание, Дубчек скончался.

«В сущности я верил в честность и порядочность»⁵, – как-то сказал о себе Дубчек. Это прекрасное человеческое качество не раз, к сожалению, подводило его в политике. Дубчеку, написал в послесловии к книге Иржи Гохман, «был совсем не свойственен цинизм. Он всегда старался в каждом человеке и во всем прочем находить что-то хорошее. Он искренне верил в добро и всегда думал, что и у другого тоже добрые намерения. Он часто обманывался, но в основе не менял свою натуру. Со временем он стал более осторожен в своем политическом поведении, но до конца жизни оставался доверчивым человеком – неважно, к счастью или к несчастью»⁶.

Вниманию читателей журнала предлагаются те главы (21–23) из воспоминаний А. Дубчека, в которых рассказывается о событиях последней декады августа 1968 г.

Публикацию подготовил кандидат филологических наук Ю.В. Богданов (Институт славяноведения РАН). Перевод со словацкого языка И.А. Богдановой.

21

Нашествие и похищение

Вторник 20 августа был типичный для конца августа день, теплый, с солнцем в легкой дымке. В Праге было полно туристов, целыми семьями люди гуляли по городским паркам или сидели на скамейках. Не только город, вся страна была абсолютно спокойна. Тысячи людей еще находились в отпуске, и десятки тысяч чехов и словаков пребывали за рубежом, пользуясь отменой ограничений на поездки за границу.

В ночь перед агрессией, в понедельник, у Анны⁷ были боли, – желчный пузырь снова давал о себе знать. Во вторник утром я был вынужден опять отвезти ее в больницу. Когда мы прощались, я напомнил ей, что после обеда у меня будет длительное заседание, но завтра я обязательно приду ее проведать. Я не видел никакой причины, почему я не смог бы это обещание выполнить.

Заседание Президиума, назначенное на раннее послеполуденное время, планировалось как последнее перед XIV съездом партии, который должен был начаться через три недели. Повесткой дня предусматривалось обсуждение проектов съездовского доклада, постановлений и порядка выборов новых членов в центральные органы партии. Если бы съезд проходил в нормальных условиях, как и планировалось, то он закрепил бы завоевания нашей весны и подготовил почву для выполнения «Программы действий» и для дальнейших реформ.

Заседание началось вскоре после двух часов пополудни. Присутствовали все члены и кандидаты, кроме Йозефа Ленарта, который якобы заболел. (Он очень быстро выздоровел, так как после полуночи у него уже было много дел в советском посольстве).

Там были также секретари Центрального комитета – Ч. Цисарж, А. Индра, З. Млынарж, В. Славик и О. Воленик. В партийной системе Секретариат был важным звеном. Однако его члены не имели права голоса в Президиуме, если не были его членами. Принимать решения по принципиальным политическим проблемам могли одиннадцать членов Президиума: Колдер, Биляк, Швестка, Барбирек, Риго, Пиллер, Сморковский, Черник, Кригел, Шпачек и я.

Кроме подготовки съезда, в повестке заседания было только Сообщение о политической ситуации, которое приготвил новый отдел сводной информации. Я прочитал Сообщение и не нашел в нем ничего заслуживающего внимания. Но двое участников заседания Президиума – Колдер и секретарь ЦК Индра – на предыдущем заседании внесли предложение делать какие-либо выводы из Сообщения, против чего никто не возражал. Оба этих функционера добровольно взяли на себя эту миссию. По сравне-

нию с подготовкой документов к приближающемуся съезду партии этот сюжет имел второстепенное значение, и я не слишком уделял ему внимание.

На верху стопки писем лежало и письмо от Брежнева, которое мне доставил в воскресенье вечером (часа в 22) советский посол Червоненко. Несмотря на необычное время доставки, в нем не было ничего экстренного. Некоторые деятели периода «нормализации», как например, Гусак и Биляк, которых нам навязали после нашествия, впоследствии утверждали, что письмо содержало настоящий ультиматум и ясно предостерегало, что грозит ввод войск. Это ложное утверждение, неправда. На самом деле письмо было повторением всех тех жалоб, которые Советы подавали еще с февраля месяца, и мало чем отличалось от предыдущих советских нотаций и телефонных звонков Брежнева. Я внимательно прочитал это письмо несколько раз, более того, даже и после вторжения я не увидел в нем ничего, что мотивировало бы утверждения Гусака и Биляка. В любом случае у меня было ощущение, что все постоянно повторяемое Брежневым уже было выяснено во время переговоров в Чьерне-над-Тисой и в братиславской декларации⁸.

Все несколько месяцев чехословацкой весны мне было ясно, что советская критика нацелена на то, чтобы заставить меня урезать, если не прекратить наши реформы. Но никогда они внятно не высказывали, насколько далеко им хотелось, чтобы я отступил. Двусмысленность была атрибутом системы. Внутрипартийная коммуникация часто оказывалась откровенной стряпней, изобиловала туманными намеками, путанными ссылками на идеологические штампы и прецеденты в русской истории. Это затрудняло взаимопонимание, и тем самым договоренности становились неудобопонятными. Советское употребление даже таких основополагающих понятий, как «демократия» и «суверенитет», или сужало их значимое наполнение, или смещало в свою противоположность.

Особенно любимым двусмысленным понятием была «руководящая роль партии». Советы употребляли его беспрекословно, и много времени уделялось ему и в наших переговорах. Если нам уж никак не удавалось избежать употребления этого понятия, мы старались воспринимать и проводить его на практике диаметрально иначе, чем они. Советы понимали руководящую роль партии как безраздельную политическую монополию, поддерживаемую силой. В моем понимании это означает завоевание доверия народа. Так или иначе, мы имели в виду два совершенно разных содержания.

Для меня было очевидно, что политическая практика каждой партии и государства должна быть полностью их внутренним делом. В этом я не уступал ни на йоту и считал свободу наших отечественных дискуссий и решений жизненно важной. Я был полон решимости это защищать. Ведь только принципиальные реформы могли высвободить социализм из-под бремени свинцовых задниц послевоенных сталинистов, которое они взвалили на наше государство, когда бессмысленно копировали советскую модель.

В наших отношениях с советскими руководящими деятелями существовали и другие неоднозначные и противоречивые понятия. Логично они формулировали только одно – сохранение нашего «союзнчества» и нашу принадлежность к Варшавскому договору. Я соглашался, ведь это был вопрос их собственной безопасности. Поэтому мы каждый раз подтверждали неизбежность наших международных обязательств.

Заседание Президиума началось с деловой и спокойной дискуссии о документах, подготовленных к съезду партии. В какой-то момент Колдер вдруг потребовал, чтобы мы отложили вторую часть дискуссии о съездовских материалах и занялись Сообщением о политической ситуации. Большинство присутствующих из практических соображений было против этого, хотя я еще не знал, что кроется за этим маневром Колдера.

Колдер и его сообщник Индра не собирались делать какие-либо выводы, имеющие смысл для текста вышеупомянутого Сообщения. Вместо этого они предложили – несмотря на недовольство большинства присутствующих – проект декларации, которая фактически была повторением критики, содержащейся в «варшавском письме». Это означало тотальное отступление от совещания в Чьерне-над-Тисой и от братиславской декларации, и это было настолько оскорбительно, что еще лишь два члена Президиума поддержали комбинацию Колдера – Биляк и Риго. (Индра как секретарь не мог го-

лосовать). Но я узнал (помимо прочего и из воспоминаний Бияляка), что заговорщики ожидали, что подготовленную декларацию на этот раз поддержит большинство Президиума. Не удивительно, что их заговор закончился таким фиаско.

Отвергнув предложение Колдера, мы продолжили дискуссию о съездовских документах. Был уже поздний вечер; мы устроили легкий ужин, не прерывая заседание. Напряженность увеличилась, когда поступили первые сообщения о передвижении советских войск близ наших границ, особенно со стороны ГДР. С ретроспективной точки зрения важно отметить, что мы пропустили мимо ушей информацию о подготовке захвата пражского аэродрома в Рузыне, хотя приготовления шли с раннего вечера, и именно там началось вторжение.

На сообщения из пограничных районов я не обратил большого внимания, сочтя их тактикой устрашения. Но незадолго до полуночи премьера Черника вызвали к телефону, и министр обороны генерал Дзур сообщил ему, что произошел ввод войск Советской армии и ее четырех союзников. Вернувшись, Черник сказал, что Советы задержали Дзура в его канцелярии в министерстве обороны, которое оккупировано. Ему разрешили только позвонить председателю правительства и информировать его о вводе войск. Это произвело эффект разорвавшейся бомбы.

Должен признаться, я не сумею точно припомнить, что мы делали в первые минуты непосредственно после этого. Естественно, известие вызвало на какое-то время возмущенную и беспорядочную дискуссию, в которой я не участвовал. После минутного шокового состояния я постарался взять себя в руки. Я торопливо приводел мысли в порядок. Наша ситуация полностью изменилась. Мои представления о советских намерениях оказались неверными. Я старался путем дедукции понять, где я ошибся, почему я вовремя не раскусил их.

Уже в 1964 г. было очевидно, что Н.С. Хрущева отстранили не только потому, что он был стар и болен, как они утверждали. Однако Хрущев, наряду со своими немало-важными реформами, сделал и много ошибок, чересчур крутых поворотов и нетактичных поступков, чем я и мотивировал то обстоятельство, что собственное Политбюро обернулось против него. Четыре года спустя все еще трудно было понять, как далеко пойдет брежневское Политбюро в сворачивании хрущевских реформ. Я разделял взгляды западных и наших специалистов, что Советы не откажутся совсем от реформ. Ни во внутренней, ни во внешней политике. Вторжение в нашу страну все изменило.

В предшествующие месяцы я был склонен поверить, что протест Советов против наших реформ проистекает из их отличавшейся от нашей культурной среды и исторического опыта, а не из принципиального отказа от реформ. До самой последней минуты я действительно не верил, что советские руководящие деятели развязали против нас агрессию только затем, чтобы прекратить и повернуть вспять наши реформы. Для меня это было просто немыслимо. Хотя бы даже по соображениям международных последствий такого деяния. Кроме того, это противоречило моей самой глубокой вере в ценность взаимоотношений между социалистическими государствами. Но в эту ночь я понял, как глубоко я заблуждался. Фактически только суровый опыт наступающих дней и месяцев открыл мне глаза на то, что я имел дело с мерзавцами. Однако это был такой опыт, который обусловил всю мою дальнейшую жизнь.

Какая бы то ни было параллель с Венгрией 1956 г. тоже казалась мне абсурдной. Во-первых, теперь другое время. В последние лет десять Советы систематически старались создать себе репутацию неуклонных противников агрессии и энергично проводили линию на международное мирное сосуществование. Я задавал себе вопрос, неужели теперь они решили перечеркнуть так старательно культивируемый образ тем, что совершили такую вопиющую к небу агрессию, да еще против своего же союзника. Во-вторых, Чехословакия 1968 года – это не Венгрия 1956 года. В отличие от Венгрии, Чехословакия была не союзницей Гитлера, а одной из первых жертв нацистской агрессии и членом-учредителем Организации Объединенных Наций. Международная реакция на неспровоцированную агрессию против Чехословакии не шла бы ни в какое сравне-

ние с той, которую вызвала интервенция в Венгрии в 1956 г. Я не верил, что Советы сбросили бы это со счетов и тем самым поставили на кон свою репутацию.

Допускаю, что мои рассуждения были наивны и коренились в простой доброй воле и естественной человеческой порядочности. В цивилизованном обществе жертвы обычно не ожидают нападения, вот и я вплоть до полуночи этого дня все еще верил, что отношения внутри «социалистического лагеря», несмотря на проблемы и разногласия, в сущности остаются цивилизованными. И уж никак не ожидал, что заседание Президиума закончится скандалом и похищением половины его членов, включая меня.

Мою неспособность предвосхитить описываемые события частично можно объяснить тем, что мы очень мало знали о советском руководстве. Мы не знали, сколько власти Брежнев как генеральный секретарь уже получил в свои руки и в какой мере еще был вынужден делиться властью с другими. В конце концов, Хрущеву тоже потребовалось примерно года четыре, чтобы стабилизировать свою власть.

Новотный, по-видимому, знал об этом предмете гораздо больше и в последние годы своего правления лавировал между разными группировками в советском руководстве. И особенно в тот период, когда советское руководство добивалось постоянного размещения советских войск в Чехословакии. Однако, вероятно, и Новотный под конец просчитался и недооценил возможности Брежнева. Естественно, Новотный не поделился со мной своими знаниями, когда в январе 1968 г. я сменил его на посту первого секретаря КПЧ.

Оглядываясь назад, я видел, что переговоры в Чьерне-над-Тисой помогли кое-что понять, но этого было недостаточно. И в это время в Чехословакии никто, ни один отдел или институт не специализировался на обстоятельном и объективном анализе советской системы. Да это было и немыслимо, так как было бы сочтено антисоветизмом. Так что ни один детальный анализ политики Кремля на мой стол никогда не попадал. Мне не известно, сколько знал Запад о вышеназванных аспектах советской политики в 1964–1968 гг., но думаю, что и там ясное представление о неосталинизме появилось только вследствие советского нашествия на Чехословакию.

* * *

Заседание Президиума с грехом пополам продолжалось даже некоторое время после сообщения Черника. В этот момент я вспомнил про письмо Брежнева, вынул его из папки и прочитал присутствующим. Я хотел показать, что и в нем не было ничего такого, что можно было бы считать предостережением от интервенции. Оно содержало только старую ортодоксальную жвачку, жалобы на ту или иную статью или карикатуру, опубликованные в чехословацкой печати. Кто-то бросил реплику, что в середине XX века никто ведь не ожидает, что из-за какой-то карикатуры разразится война. Никто не сказал, что это письмо имеет какое-либо значение в связи с происходящим.

Я сообразил, что мы должны сделать заявление, где мы выразим свой гнев и свою позицию. В это мгновение я особенно сознавал свою ответственность. Советы предприняли вооруженное нападение, и гигантская армада хлынула на нас со всех сторон, полная решимости раздавить любое сопротивление. Я знал, что чешская и словацкая общественность поддерживает наши реформы и непременно встала бы против интервенции. Люди будут ждать нашего слова. Мы должны заявить решительный протест против агрессии, однако одновременно сделать все, чтобы не допустить ненужного кровопролития. Военное сопротивление было невозможно хотя бы с учетом организации и дислокации наших вооруженных сил. Приказ дать отпор обернулся бы боями местного значения и послужил бы доказательством для советских обвинений в организованной «контрреволюции».

Мы решили попросить президента Свободу высказать свою точку зрения. Он прибыл через 40 минут после нашего телефонного звонка. Между тем в Град⁹ приехал посол Червоненко и официально «информировал» его о вводе войск. Двум секретарям Центрального комитета – Ч. Цисаржу и З. Млынаржу – было поручено составить за-

явление Президиума. Вскоре они принесли текст, который выражал твердую позицию большинства. Вокруг него вспыхнула бурная дискуссия, но она преследовала лишь несущественные изменения. Например, мы вычеркнули фразу, содержащую объяснение, почему невозможно военное сопротивление. Лично я думал, что лучше ее вообще не приводить.

Заявление было адресовано всему народу республики, и я цитирую его полный текст:

21 августа.

Вчера, 20 августа, около 23 часов армии Советского Союза, Польской народной республики, Германской демократической республики, Венгерской народной республики и Болгарской народной республики перешли государственные границы Чехословацкой социалистической республики. Это произошло без ведома президента республики, председателя Национального собрания, председателя правительства и первого секретаря Центрального комитета КПЧ и соответствующих органов.

Президиум Центрального комитета КПЧ в эти часы заседал, и шла дискуссия о подготовке XIV съезда партии. Президиум призывает всех граждан нашей республики соблюдать спокойствие и не оказывать сопротивления прибывающим вооруженным силам. Поэтому и наша армия, силы безопасности и Народная милиция не получили приказ защищать родину.

Президиум убежден, что этот акт противоречит не только всем принципам взаимоотношений между социалистическими государствами, но и основополагающим нормам международного права.

Все руководящие деятели государства, КПЧ и Национального фронта остаются на своих постах, на которые они были избраны как представители народа и членов своих организаций, согласно законам и иным установлениям, действующим в Чехословацкой социалистической республике.

Облеченные конституцией деятели созывают на экстренное заседание Национальное собрание и правительство республики, а Президиум ЦК КПЧ созывает пленарное заседание Центрального комитета КПЧ для обсуждения ситуации.

Президиум ЦК КПЧ.

Когда 21 августа в половину второго ночи проект заявления был поставлен на голосование, то семь голосов было «за» и четыре голоса «против». За текст заявления вместе со мной голосовали Смрковский, Кригел, Шпачек, Черник, Пиллер и Барбирек. Против голосовали Биляк, Колдер, Швестка и Риго. Большинство кандидатов в члены Президиума и секретарей ЦК тоже поддержало резолюцию. Если мне не изменяет память, только Якеш, Капек и Индра были против. При этом никто из них открыто не выразил поддержку советской интервенции, но отказывался говорить, что они на самом деле думают. Они, конечно, сознавали, что их осудит все общество. Как мы узнали впоследствии, Советы информировали этих людей о вводе войск за несколько дней, и они пообещали, что создадут «легитимное» обоснование этой акции. Тут они совершенно не оправдали ожиданий.

Вероятнее всего, они уже знали, что их неспособность обеспечить легитимный предлог для ввода войск является их грубой и большой ошибкой. Мы, однако, не знали, — хотя квислинг¹⁰ наверняка это знали, — что Советы разгубили на весь мир официальное сообщение ТАСС, в котором утверждали, что ввод войск является ответом на просьбу чехословацких «партийных и правительственных органов». Поэтому так важно было наше заявление. Оно разоблачало сообщение ТАСС как ложное и ввод войск как прямую агрессию.

Голосованием о предложенном заявлении заседание завершилось. Около двух часов ночи премьер Черник уехал, в соответствии с принятым решением, в свою канцелярию, а президент Свобода вернулся в Град.

Я вспоминаю разговор с Богумилом Шимоном, руководящим секретарем партии в Праге, о возможном экстренном созыве XIV съезда партии или хотя бы конференции избранных делегатов. Я не скрывал опасения, что когда делегаты соберутся, их могли

арестовать и расстрелять, так что мы договорились, что городской комитет партии попытается созвать конференцию делегатов в тайном месте.

Прошло еще два часа. В воздухе стоял гул авиационных моторов. Как мы потом узнали, на аэродроме в Праге-Рузыне каждую минуту приземлялся советский самолет и доставлял танки, бронемашины и воинские части.

Позднее возникли вопросы, почему мы не покинули здание, не скрылись и не возглавили сопротивление. Конечно, мы думали об этом, особенно Йозеф Сморковский, Богумил Шимон и другие. Но нам казалось, что это противоречило бы нашему коллективному решению оказывать только политическое сопротивление, составной частью которого было оставаться на своих местах и препятствовать возможной попытке посадить вместо нас коллаборационистов и предателей. Разумеется, мы сознавали, что нас могли устранить физически, но это было бы уже совсем другое, чем просто покинуть свои посты. Так что мы оставались в здании Центрального комитета и ждали.

В это время я вышел из своего кабинета и прохаживался по просторным коридорам огромного здания. Я видел, что много сотрудников аппарата Центрального комитета остаются с нами на своих местах. Помню, что перед приходом советских авиадесантников и КГБ я безотчетно посматривал на телефоны на моем столе, словно ожидая, что кто-то еще позвонит и скажет, что все это было только большое недоразумение...

Между тем перед зданием Центрального комитета собралось великое множество народу. Это были преимущественно молодые люди, они несли государственные флаги, и я услышал, как они выкрикивают мое имя и поют государственный гимн. Даже «Интернационал». Какая горькая ирония!

Около четырех часов утра черная «Волга» вела по Главковому мосту через Влтаву колонну танков и бронемашин в направлении здания. Толпа расступилась перед идущей на нее техникой, но недостаточно быстро. Так возникла стычка, во время которой Советы стали стрелять из автоматов. Молодого человека в гражданской одежде убили у нас на глазах. Сморковский в ярости схватил телефон, набрал номер и закричал кому-то на другом конце провода, чтобы прекратили кровопролитие. Я думал, что он говорит с Червоненко, но потом сообразил, что он говорит по-чешски, а Червоненко не знал чешского языка.

Затем мы наблюдали, как десантники, т.е. «воздушная пехота», спрыгивают со своих машин. В руках у них были автоматы, и они быстро окружили здание. Вскоре все телефоны замолкли.

Начало светать, когда воинское подразделение под командованием нескольких офицеров ворвалось в здание. Было уже утро, семь или восемь десантников и один или два младших офицера вломились в мой кабинет и заблокировали окна и внутренние двери. У меня это ассоциировалось с вооруженным ограблением. Я машинально потянулся к телефону, но один из бойцов направил на меня автомат, схватил телефон и вырвал провод.

Я уже не помню, сколько еще нас было в кабинете, но знаю, что были Сморковский, Кригел, Шпачек, Садовский и Шимон. И, вероятнее всего, Млынарж и Славик. Потом двери вновь распахнулись, и вошли какие-то чины из КГБ. Среди них был один полковник, маленького роста, со знаками отличия, и советский переводчик, которого я прежде уже где-то встречал (по-моему, он был несколько недель назад в Праге с маршалом Якубовским). Малорослый полковник быстро отмечал галочкой в списке присутствующих деятелей КПЧ и сказал, что берет нас «под свою охрану». И мы действительно были под охраной в том положении, как сидели вокруг стола. Каждому из нас в темя был направлен автомат.

Примерно между восемью и девятью часами один офицер КГБ велел Сморковскому, Кригелу, Шпачеку и мне следовать за ним. Когда мы выходили, я заметил Сояка, заведующего моей канцелярией, и тихонько сказал ему, чтобы он постерег мой портфель, в котором находились официальные документы. Я не хотел, чтобы ими завладели Советы. В тот момент я не знал, что Сояк является одним из советских приспешников.

Когда через неделю я вернулся, то обнаружил портфель, но документы, за которые я опасался, исчезли.

Офицер КГБ повел нас по коридору в канцелярию Честмира Цисаржа, реформатора, секретаря Центрального комитета, который до этого успел скрыться. В канцелярии Цисаржа нас ожидали несколько советских офицеров, но и какие-то штатские, из которых вылупились наши отечественные «добровольцы» из Государственной безопасности. Они официально были назначены нас арестовать. Один из них механически пробубнил:

– Я арестовываю вас именем рабоче-крестьянского правительства, руководимого товарищем Индрой. – После небольшой паузы добавил, что не позже, чем через два часа, мы предстанем перед «революционным трибуналом», председателем которого является товарищ Индра.

Смрковский, человек вспыльчивый, немедленно выпалил иронический вопрос о легитимности этого «трибунала». Я подумал, что в данных обстоятельствах с этими людьми вообще шутить не стоит.

Нас рассадили вдоль продолговатого стола в кабинете Цисаржа. Каждый из нас сидел лицом к своему охраннику – полковнику или подполковнику. Прошло еще часа два, появился офицер КГБ и велел мне следовать за ним. Нас с полковником у меня за спиной повели вниз по лестнице и по коридору к заднему выходу во двор, где выстроились танки и другие воинские машины. Мне велели влезть на бронемашину с восемью колесами и круглым люком наверху, через который меня затолкали внутрь. Немного погодя туда втолкнули и Франтишека Кригела, и машина поехала. Я старался угадать по поворотам машины, куда нас везут. Вскоре я заключил, что вероятнее всего нас везут на аэродром в Рузыне. У меня мелькнуло в уме, что местом назначения могла быть ужасная рузынская тюрьма, построенная в начале пятидесятых годов, где разыгрывались известные репрессии того времени. Но я все еще не знал, где мы находимся, и потому прибегнул к хитрости.

Я притворился, что мне трудно дышать, и попросил приоткрыть крышку люка, чтобы впустить немного воздуха. Я заметил, что это их встревожило. По-видимому, им приказали доставить меня на определенное место живым. Когда открыли люк, я встал и высунул в него голову. Это была знакомая мне улица. По обе стороны стояли жилые дома, и люди смотрели из окон. Я уже понял, что нас везут на аэродром. Разумеется, меня быстро втащили внутрь, но я видел достаточно.

Было чуть больше двенадцати, когда нас привезли в аэропорт. Там Кригела и меня завели в какой-то кабинет на первом этаже. В соседних кабинетах держали Смрковского, Шимона и Шпачека, но тогда я этого не знал. Мы все пятеро, кого арестовали в здании Центрального комитета, теперь были на аэродроме, а позже к нам присоединили Черника, которого взяли в кабинете председателя правительства.

После еще нескольких часов ожидания я попросил офицера, нельзя ли мне немного подышать снаружи на воздухе. Он немного колебался, но потом кивнул и вывел меня из здания. Был вечер, но не совсем темно. Вскоре я заметил, что люди за стеклянными стенами здания наблюдают за мной. Тот факт, что меня видели, внушал мне надежду. Когда меня привели внутрь, я заметил, что Кригела там уже нет. Я был один со своими охранниками. Наступала ночь.

Вскоре мне велели идти по взлетной полосе к самолету. Меня втолкнули внутрь и оставили сидеть одного.

Тогда я понял, что их планы сорвались, так как они не знали, что им со мной делать. Это впечатление еще укрепилось, когда примерно через час мне велели выйти из самолета и повели к другому самолету. На сей раз это был «Туполев», тогда как предыдущий мне не удалось определить – скорее всего «Антонов». Вскоре после этого самолет поднялся в воздух.

Не могу точно восстановить в памяти, как долго мы находились в воздухе – наверное, от одного до двух часов. После чего приземлились на запасном аэродроме, вокруг которого высились большие кучи выкопанной земли – очевидно, он еще не был до-

строен. Я предположил, что мы где-то в южной Польше. Только позднее я узнал, что это была Легница¹¹. Меня повели к деревянному барaku, где я увидел того малорослого полковника, который арестовывал нас в Праге и присутствовал при том, как чешский сотрудник из Государственной безопасности произносил формулу о «революционном трибунале». Я опять подумал, что у них что-то не складывается. Иначе зачем все эти перемены и задержки?

За первой остановкой последовал второй этап, и мы приземлились на аэродроме в Закарпатской Украине. Скорее всего в Ужгороде. Черник и Шимон были уже там, но я не увидел ни Кригела со Смирковским, ни Шпачека.

На аэродроме в Ужгороде нас встретила команда старших офицеров КГБ атлетического вида в штатском, которые подвели нас к нескольким автомобилям-вездеходам, поджидавшим на посадочной площадке. Черник отказывался сесть в машину, куда его хотели насильно затолкать. Я вскочил и громко закричал по-русски:

– Что вы делаете? Вы что, не знаете, что это председатель правительства суверенного государства?

Высокий мужчина на мгновение оторопел. И Чернику дали самому сесть в автомобиль.

Около часа мы ехали вверх по склону невысокой горы, пока не приехали к комплексу горной турбазы, где нас поодиночке развели по отдельным комнатам. Так прошло 22 августа.

Спал я совсем мало, а большую часть времени провел в осмыслении всей цепочки событий с момента моего ареста. Я уже убедился, что Советы были вынуждены изменить свои первоначальные планы. То, что делали с нами теперь, не входило в ранее задуманный план физического устранения, который был заявлен вначале. Это все больше выглядело как импровизация. Я обратил внимание, что за несколько последних часов и поведение моих охранников стало несколько свободнее и даже повежливей. В полной изоляции, без доступа к газетам или радио я не имел понятия, что делается в Чехословакии и в мире, и мог только догадываться, что вынудило Советы изменить планы.

Мои предположения подтвердились на следующий день – в пятницу 23 августа. Незадолго до полудня меня вывели из комнаты, надели мне темные светонепроницаемые очки и повели к машине. Автомобиль поехал – теперь под гору. Он ехал несомненно по той же дороге, по которой мы взбирались за день до этого.

Примерно через час мы остановились. Меня повели в какое-то здание, в лифт и после короткого подъема втолкнули в какой-то кабинет. Там мне наконец сняли с глаз темные очки. Я огляделся, и мне даже не понадобилось долго гадать, где я нахожусь. Я был в кабинете некоего высокопоставленного партийного функционера или деятеля местного совета. К чему этот маскарад с темными очками, я так никогда и не понял. В данных обстоятельствах это не имело ни малейшего смысла.

Что я находился в кабинете областного комитета партии, я очень скоро убедился по тому, что там имелась прямая телефонная линия с Кремлем. Я был уверен, что в Ужгороде больше нигде не было такой связи. Немного погодя телефон на столе секретаря зазвонил, и мне сказали, чтобы я взял трубку. На другом конце связи был Николай Подгорный.

В то время Подгорный был членом советского Политбюро, председателем Верховного Совета СССР, т.е. входил в верхушку советского руководства. Почему выбрали его для разговора со мной, не знаю. Он был очень вежлив, говорил любезно, в некотором роде изысканно – по-моему, он даже спросил, как я себя чувствую! Впрочем, меня это не удивляло. Они привыкли так себя вести.

Подгорный сказал:

– Нам надо поговорить.

Я резко ответил:

– О чем и где?

На первую часть вопроса он не отреагировал, но сказал, что говорить будем в Москве.

Я сказал на это:

– И как же вы хотите меня туда доставить? Как арестанта? Прежде всего я хочу знать, где остальные, кто был арестован со мной. Я не расположен рассматривать ваше предложение, пока мы не будем все вместе.

Он ответил, что он это устроит и что очень скоро мы увидимся в Кремле.

Он не сдержал ни одного обещания. В Москву меня везли как арестанта и без связи с остальными арестованными. Не было ничего нормального, честного и добровольного в тех, с позволения сказать, переговорах. Уже четыре дня спустя после того, как они оккупировали нашу родину и угрожали «революционным трибуналом» с возможной расстрельной командой, им понадобилось со мной «поговорить». Но все-таки это была перемена. Теперь я хотел знать, как и почему она наступила.

22

В Кремле

В Кремль меня доставили около одиннадцати утра по московскому времени. Мои часы остановились где-то в Закарпатье, так что у меня было туманное представление о времени. Сегодня я могу восстановить точную хронологию тех дней на основе документов.

В Кремле мне не дали смыть пыль и грязь трех предыдущих дней. Привели прямо на «собрание», как выразился сопровождавший меня чин из КГБ. Помню высокие двери, за ними передняя, еще двери и затем просторный кабинет с длинным столом. Там я увидел четверых мужчин, которые несли наивысшую ответственность за преступное нападение на наше отечество: Брежнева, Косыгина, Подгорного и Воронова. Сегодня в шутку можно было бы назвать их «банда четырех»¹². Но это выражение в 1968 г. еще не бытовало. То было в другое время и в другой стране.

Я удивился, почему там нет Суслова и почему вместо него Воронов. Не то чтобы Воронов был лучше, но Суслов, насколько мне известно, был куда важнее. Воронов был тогда председателем правительства Российской Федерации, и, возможно, поэтому его вытолкнули вперед, чтобы он сидел рядом с Косыгиным.

Думаю, если мне не дали перед «собранием» даже умыться, это было сделано намеренно. Они хотели, чтобы я чувствовал себя униженным и побежденным, но я себя таковым не чувствовал. В конце концов, не мне должно было быть стыдно.

Какое-то время все молчали. Потом Подгорный указал на стул у противоположной стороны стола и пригласил меня сесть. Не было никаких официальных приветствий, ни рукопожатий.

Казалось, они постарались надеть приятнейшие маски, но и без того не думаю, что им было не по себе. Их сущностное высокомерие едва ли было способно на такую щепетильность. Только нормальные люди чувствуют стыд, когда сотворят зло. Однако Брежнев, насколько помню, все-таки косил взгляд в сторону, как будто избегал смотреть в глаза, а подбородок Косыгина висел ниже обычного. Один Подгорный выглядел более или менее непринужденно. Про Воронова не помню. Но они все были неплохие актеры.

Я удивлялся, почему они захотели говорить только со мной. Разве не должны были присутствовать остальные похищенные члены нашего Президиума, особенно Черник и Смрковский? Потом меня осенило, что Брежневу и его компаньонам, возможно, любопытно посмотреть, подействует ли на меня их «терапия». Она не подействовала.

Тогда я еще не знал, что президент Свобода и другие чехословацкие деятели уже прибыли в Москву во второй половине дня и находятся в Кремле. И что Советы давно ведут с ними переговоры.

В отличие от меня и других похищенных лиц президент Свобода и его группа прибыли добровольно. Поездка в Москву была его собственным решением. По свидетельству надежных людей, он принял такое решение на следующий день после ввода войск, когда на него велось сильное давление со стороны посла Червоненко, чтобы он узаконил «рабоче-крестьянское революционное правительство».

Некоторые историки и политические аналитики считали решение президента тактически неверным и вредным для дела национального сопротивления. Но я так не считаю. Семидесятитрехлетний генерал Свобода был не политик, а солдат. Его главной заботой было предотвратить кровопролитие между невооруженным населением и армией оккупантов. Он знал, что надо быстро что-то делать. Думал ли он и о других возможностях, кроме поездки в Москву, не знаю. Впоследствии он сказал мне, что поставил в известность Червоненко, что скорее застрелится, чем узаконит хунту, руководимую Индрой.

Во всяком случае, он должен был почувствовать себя загнанным в угол и прийти в отчаяние, когда главная ответственность вдруг свалилась на его плечи. Поэтому он решил отправиться к источнику всей катастрофы и попытаться избежать бойни, на которую Советы, в чем он не сомневался, способны. Я могу понять его настроение.

Честно сказать, Свобода в первые двадцать четыре часа после оккупации защищал свою позицию в целом хорошо. Вначале он, возможно, не знал, как реагировать на советское требование узаконить марионеточное правительство. К счастью, Червоненко и наши отечественные коллаборационисты были не единственные, с кем президент мог посоветоваться. На решение Свободы категорически отвергнуть требования Червоненко большое влияние оказал, например, Иозеф Боровка, министр сельского хозяйства. Свобода очень доверял ему, и поэтому когда Боровка сказал, что индровское правительство ни в коем случае не должно быть утверждено авторитетом президента, решил: «Ну, коли так говоришь ты...»

Думаю, Советы сначала не слишком обрадовались, когда президент решил ехать в Москву. Они намеревались использовать его «благословение» торжественному введению квислинговского режима. И только когда поняли, что гладкий переход от Дубчека к Индре не более чем плод их фантазии, были вынуждены изменить позицию. Все их обоснование интервенции обернулось международным скандалом. Получилось совсем не так, как они задумали. Посему пришлось пойти на «косметические переговоры». Но для этого, разумеется, им был нужен не только Свобода, но и я, и остальные, с которыми они первоначально хотели «кончать».

Поэтому Брежнев и другие высокопоставленные советские лидеры сначала говорили со Свободой, потом – по одному с другими из его группы по меньшей мере за восемь часов до того, как меня доставили в Кремль. Советы предпочитали допрашивать поодиночке. Хотели узнать, кто чем дышит, чтобы нас можно было разъединить.

Свобода привез с собой в Москву министра обороны Мартина Дзура, заместителя председателя правительства Густава Гусака и министра юстиции Богуслава Кучеру. Кучера был председателем социалистической партии и должен был выступать как некоммунистическое звено Национального фронта. Эти трое представляли, в сущности, остатки правительства, которое после похищения председателя правительства Черника и захвата его резиденции в Страковой академии на левом берегу реки Влтавы нашло пристанище в Граде.

Свобода решил взять с собой в Москву и трех членов оставшегося партийного руководства и выбор предоставил им. Выбор был не слишком велик. И таким образом к Пиллеру присоединили Биляка и Индру. Тем самым Брежнев и его друзья могли узнать непосредственно от заговорщиков, почему их план не удался. Как я уже говорил, я абсолютно ничего не знал о том, что они здесь, когда сиделся напротив Брежнева и его сообщников. У меня не было желания «переговариваться». Я был возмущен, но старался взять себя в руки.

Недавно я получил советскую стенограмму этого заседания и могу использовать ее для освежения памяти. Стенографическая запись неполна, на 52-й странице обрывается. Не достает записи завершения заседания, но в остальном она, кажется, точна¹³.

Брежнев неизвестно по какой причине начал говорить со мной на «ты». Раньше мы никогда так не обращались друг к другу, поэтому мне показалось это тыканье странным, если не фальшивым. В своих ответах я последовательно употреблял официальное «вы».

Сначала Брежнев спросил, как чувствует себя Черник. Я ответил, что плохо. Подгорный после спросил, что я под этим имею в виду, плохое самочувствие или плохое состояние духа. На это я ответил: «Тяжело», что в данном случае можно понять как «Расстроен».

Потом Брежнев перешел на отеческий тон.

– Мы предлагаем, – сказал он, – спокойно обсудить не прошлое, а нынешнюю ситуацию. Постараемся найти какой-то способ для ее решения.

В ответ я сказал, что еще в Чьерне-над-Тисой получил совет смотреть в будущее. Далее я настаивал на том, что после братиславского совещания ситуация у нас была во всех отношениях спокойная и что не было никаких оснований для военной интервенции. Я подчеркнул:

– С моей стороны было бы неправильно не сказать вам: то, что произошло по причине ввода войск, является большой политической ошибкой, чреватой трагическими последствиями.

Я добавил, что ничего не знаю о ситуации на родине. Последнее, что я видел из окна своего кабинета, была толпа в несколько сотен человек, собравшихся перед зданием Центрального комитета и скандировавших: «Свобода», «Дубчек». Потом я услышал выстрелы...

Последовала якобы импровизированная попытка ввести меня в курс дела на сегодняшний день посредством цитирования разных газет, которые лежали перед ними, пока секретари курсировали с вновь поступившими известиями. Все это напоминало некое шоу. И все же я узнал несколько весьма важных фактов. Я убедился, что XIV съезд коммунистической партии тайно собрался в Праге, о чем мы говорили с Богумилом Шимоном незадолго до моего похищения. Избрали новое руководство, в котором не было места предателям. Из этого я мог сделать и некоторые более масштабные выводы: что советский план заменить легитимные органы партии и государства провалился и что по всей стране, должно быть, широко развернулось пассивное сопротивление. Инициаторы интервенции теперь отчаянно искали какое-то «решение».

Брежнев предложил мне подходящую роль в их «решении», сказав, что «контрреволюцию» тайно практиковали за моей спиной. На эту приманку я не реагировал. Вместо этого я требовал, чтобы мне дали возможность поговорить с коллегами.

Они неоднократно вытаскивали из кучи своих бумаг нечто, о чем я знал, что это вздор. Это лишь доказывало, как мало они разбираются в нашей ситуации. Косыгин прочитал, например, сообщение, в котором утверждалось, что среди делегатов на XIV съезд только пятеро словаки – Колдер, Шимон, Пиллер и Садовский. Но среди названных четверых (а не пятерых) был только один словак – Садовский. То и дело путали Гусака с Клусаком, который был зятем Свободы и возглавлял нашу дипломатическую миссию в Нью-Йорке. В другой связи они сказали мне, что Советская армия спасла Олдржиха Швестку, которого якобы его собственные редакторы задержали в здании «Руде право». На самом деле, как я узнал позже, его нашли пьяным в его кабинете и взяли в советское посольство, чтобы он проспался.

Косыгин утверждал, что в Хебе (западно-чешском городе) идет собрание 25 тыс. судетских немцев. Из старых сообщений многодневной давности, опубликованных в нашей свободной печати, я знал достаточно для того, чтобы сказать, что это происходит не в Хебе, а в Западной Германии. Косыгин, которого я вогнал в краску, потом без всякой логики заметил, что когда части Советской армии вошли в Хеб, «там никого не было».

Он несколько раз повторил, что партийный съезд, который проходил в это время в Праге, является нелегальным. Я ответил:

– Большинство делегатов имели право созвать съезд.

После чего Подгорный посетовал, что съезд проходит в отсутствие старого Президиума.

– Их нет на родине, – отрезал я.

В особенности вали о поездке Свободы в Москву. Делали вид, что Свободы здесь еще нет, но он должен прибыть.

– Людвик Иванович в воздухе, – сказал, например, Подгорный. Зачем они вали, до сих пор не знаю.

В целом встреча продолжалась больше двух часов, как свидетельствует стенограмма. В конце привели Черника, но он почти не принимал участия в разговоре. В протоколе он говорит только дважды и то весьма лаконично. Там, где он якобы соглашается с советским требованием аннулировать съезд партии в Праге, его не цитируют непосредственно, а только перефразируют.

Самым агрессивным и жестким из четверых советских лидеров был Косыгин. Он сделал множество явно антисемитских намеков, нападая на членов еврейского происхождения в нашем Центральном комитете, особенно на Франтишека Кригела и Отто Шика.

Любопытно узнать, что думал Брежнев о нашем заседании. Я цитирую из польского протокола информацию, которую он представил в Кремле 24 августа для Ульбрихта, Гомулки и прочих представителей «пятерки»¹⁴.

«Дубчек занимал худшую позицию, чем Черник, – сказал Брежнев своим сообщникам. – Если нам не удастся решить ситуацию с Дубчком, то пусть будет Индра во главе Центрального комитета... Но важно, чтобы Дубчек согласился заявить о недействительности съезда. Если он с этим согласится, тогда Индра пусть будет вторым секретарем. Потом можно будет убрать Дубчека».

Гомулка заметил на это: «Коммунистическая партия Чехословакии уже не существует. Она превратилась в группу социал-демократов и объединилась с контрреволюцией».

В конце нашего заседания, на котором не было достигнуто никаких результатов, четверо советских правителей остались сидеть за столом, тогда как меня отвели к дверям напротив тех, в которые я вошел. Не могу вспомнить, шел ли со мной Черник. Я очутился в просторном холле и был удивлен присутствием знакомых лиц. Я тотчас узнал седовласую голову президента Свободы и безотчетно подошел прямо к нему. Я был искренне рад, что вижу его там. Я понял, что уже не один.

Свобода и я многие годы тепло относились друг к другу и очень уважали друг друга. Мы сходились практически во всех аспектах Пражской весны. Тогда Свобода искренне поддерживал реформы. Со старым режимом у него был горький опыт, и казалось, что он понимает важность перемен, за которые я бился. Потому я и почувствовал такую радость и облегчение, когда увидел его, – несмотря на неутешительные обстоятельства.

Когда же я взглянул ему в глаза, то был потрясен их напряженным и холодным выражением. Сказать по правде, Свобода никогда не выглядел совсем непринужденным, всегда сохранял твердую выправку бывшего солдата. Но в данный леденящий момент в его лице был налет почти враждебности, как будто что-то ранило его до глубины души. В дальнейшем я почти забыл этот эпизод и жалею, что никогда не спрашивал у него о нем.

Этот странный момент длился не дольше одной или двух секунд, и я не уверен, что его заметил кто-то еще. Потом выражение у него стало свободнее, и мы разговорились. Мы обменивались информацией о самих себе и о ситуации дома.

В первый раз я узнал о советских требованиях подписать различные документы, которые означали бы некий «договор» о том, как выйти из тупика. И перечень якобы взаимных обязательств. Легко было догадаться, чего они от нас в действительности

ждут. Дополнительное обоснование для вооруженной агрессии. Я сказал, что категорически отказываюсь участвовать в подобном маскараде. Я сослался на то, что у нас нет никаких конституционных полномочий заключать какие бы то ни было договоры за спиной и без утверждения правительства и парламента. Свобода старался убедить меня изменить точку зрения, аргументируя тем, что чрезвычайная ситуация оправдывает нелегитимные шаги.

Я не мог заставить себя использовать способ действий, который считаю недопустимым, унижительным и вообще несерьезным. Я разозлился и сказал им, что готов подать в отставку, чтобы совсем выйти из игры.

Свобода и остальные в момент рассуждений о компромиссе еще не были склонны согласиться на капитуляцию, продиктованную Советами. На этом этапе Свобода еще очень твердо отстаивал нашу позицию. Приспособленческие настроения овладели им несколько позже, когда он уже устал и скатился до линии наименьшего сопротивления.

Черник думал, что нет другого пути, кроме как постараться договориться с Советами, и надеялся достичь почетного компромисса. Смирковский, которого привели в Кремль на следующий день, занимал сходную позицию. Один я был не в состоянии преодолеть свое возмущение и упрямо продолжал отвергать участие в каких бы то ни было переговорах с Советами.

Во время беседы со Свободой – было уже три часа ночи – я чувствовал себя неважно. Усталость и напряжение предыдущих дней начинали одолевать меня. Врач из команды Свободы предложил мне отдохнуть в одной из комнат, предоставленных сопровождающим президента, и дал какие-то снотворные порошки. Но советские чины горячо запротестовали:

– Кремль не гостиница, – сказал один из них. Так что меня препроводили вниз к машине и отвезли на какую-то гостевую виллу, где я мог лечь спать. Впоследствии я узнал, что остальных похищенных – Смирковского, Кригела, Шимона и Шпачека – тоже держали вне Кремля.

Я спал почти весь день. Была суббота 24 августа. Меня разбудили под вечер и сказали, чтобы я приготовился ехать в Кремль. Я по-прежнему чувствовал себя неважно и более усталым, чем за день до этого. Кто-то впоследствии спрашивал, оказывал ли мне медицинскую помощь какой-нибудь советский врач. Если это и было, то я действительно об этом не помню.

В Кремле я опять встретился с чехословацкой группой, которая снова уговаривала меня принять участие в «переговорах» с Советами. Я опять отказался. Я все время думал, как выиграть время. Советам явно требовалось поскорее принять решение, и я рассчитывал, что оттягивания помогут нам получить какие-то уступки. Так или иначе, я настаивал, чтобы и остальных членов нашего партийного руководства доставили в Кремль. Поскольку мы не можем действовать иначе, как все вместе.

В этот момент мне потребовалось снова лечь, и поэтому меня отвели в одну из комнат, зарезервированных для команды Свободы. Пока я приходил в себя, советские руководящие деятели быстро приняли мое требование и доставили самолетом в Москву остальных шестерых функционеров – Млынаржа, Ленарта, Барбирека, Якеша, Риго и Швестку. Зданек Млынарж пришел меня проводить и вкратце ввел в курс дела о ситуации дома – о пассивном сопротивлении, о дискуссиях на съезде партии и других событиях. Неофициальное заседание с советскими представителями продолжилось сразу же после того, как я покинул нашу группу в субботу вечером. Смирковский пришел сказать, как оно проходило. Сообщил мне и последние новости из дома, где царил чрезвычайное напряжение. Советы, очевидно, были не способны заставить замолчать радио и десятки свободных газет, которые продолжали выходить и распространялись под носом оккупационных сил.

Я узнал, что предатели в полной изоляции. Практически все существующие политические и общественные организации прочно стоят за реформаторскую политику и требуют вывода иностранных войск, а также возвращения в целости и здравии всего руководства из Москвы – особенно тех, о ком было известно, что они похищены.

Меня обрадовало известие, что мы пользуемся широкой международной поддержкой, в том числе большинства западных коммунистических партий. Соединенные Штаты Америки предложили обсудить советскую агрессию против нашей республики на заседании Совета Безопасности ООН. Наш министр иностранных дел прервал отпуск в Югославии и находился на пути в ООН, чтобы там выразить протест против интервенции.

Все это, разумеется, придавало бодрости духа. Но не меняло того основополагающего факта, что наша страна оккупирована гигантской военной машиной, и нет такой силы в мире, которая выгнала бы ее оттуда. Однако сплоченное сопротивление граждан уже привело к дискредитации политического обоснования интервенции. Советам приходилось избегать и прямого военного правления. Для них это было неприемлемо ни в идеологическом, ни в политическом отношении. Ни у себя, ни за рубежом, ибо подобная форма правления разоблачила бы всю операцию как агрессивный захват другой страны. Чем она и была в действительности.

Поэтому советское руководство было вынуждено «перевести стрелку» и старалось принудить нас к «переговорам», которым потом создало лживую рекламу. Например, когда Свобода прибыл в Москву, советское руководство немедленно приготовило ему «восторженную» встречу. На аэродроме его ожидала половина Политбюро во главе с Брежневым. После чего Брежнев и Подгорный ехали с ним по Москве в открытом лимузине среди «ликующих толп», которым было велено заполнить тротуары вдоль пути следования. С соответствующей помпой это транслировало советское телевидение и радио, чтобы весь мир видел, какая между нами «дружба».

Однако несмотря на такую рекламу, советское руководство плохо подготовилось к достижению нужного им результата. Переговоры – как я узнал от Смрковского и Черника – были сумбурные, и на начальном этапе в них отсутствовала какая-либо продуманная цель. До самого последнего дня – воскресенья 25 августа – не состоялось никакого официального заседания обеих «делегаций». Содержание заключительного документа, который подвел черту под вторым этапом драмы, составляли разрозненные разговоры между отдельными людьми или очень небольшими группами.

В этих разговорах я не участвовал непосредственно. Сначала с Советами говорил Свобода. Потом, когда они изменили точку зрения на то, что делать со мной и другими похищенными членами Президиума, в разговорах участвовали Черник и Смрковский. Что касается сообщников, т.е. Биляка и Индру, то даже Советы, очевидно, не принимали их всерьез. Мое предложение подать в отставку с поста первого секретаря ЦК КПЧ отвергло большинство членов нашей группы, которые не уставали повторять, чтобы я остался на своем посту и принял участие в переговорах. Особенно Свобода настаивал на этом и неоднократно энергично мотивировал необходимость добиться компромисса. По мере того как шло время, у меня складывалось впечатление, что он готов сделать почти любую уступку, лишь бы разрядилась взрывоопасная ситуация.

Черник был настроен слишком оптимистически. По его мнению, наша позиция достаточно сильна для того, чтобы заставить Советы уступить в принципиальных вопросах. Думаю, Смрковский был более реалистичен и по своему обыкновению оценивал проблему со всех сторон. Он признавал, что Советам чрезвычайно важно втянуть меня в результативную часть переговоров, и потому согласился со мной, чтобы я оставался вне непосредственного участия в разговорах, пока на горизонте не появится достаточно приемлемый компромисс.

Поскольку советскому руководству не удалось заменить наше легитимное руководство неким послушным партийно-государственным гибридом венгерского образца 1956 г., их утверждение, что мы сами попросили о вводе войск, утратило всякую достоверность. Теперь они хотели узаконить агрессию посредством того, что мы официально признаем ее «необходимость» и что у нас была «контрреволюция». Это был решающий, но и наиболее спорный идеологический пункт, и мы видели, насколько он был для них важен. Особенно для Суслова, тогдашнего верховного жреца советского марксизма-ленинизма. Они стремились также заставить нас признать правомерность предо-

стережений, содержащихся в «варшавском письме». Для нас это были доктринерские извороты, а для них дело смертельной важности. За долгие годы сталинской системы ритуал и идеология в их сознании отождествились, и поэтому они были не способны смириться с тем, что одна «братская партия» может придерживаться других взглядов. Ведь это может побудить и другие партии сделать то же самое!

Самой большой костью в горле для них была наша реформаторская политика и ее воплощение в «программе действий». «Программа» представляла собой особо щекотливую проблему, потому что они не могли атаковать ее в лоб и конкретно. Поэтому текст «программы действий» они никогда не публиковали в своих средствах массовой информации, и их критика всегда была расплывчата, упакована в догматические и превратные толкования. У них были на то свои отечественные причины, потому что они до сих пор все еще старались извратить реформы Хрущева. Однако делали это таким образом, чтобы не пострадала их почтенная репутация на международной арене. Поскольку наши реформы в самобытных чехословацких условиях являлись продолжением их собственной борьбы против сталинизма, они были вынуждены избирать окольные пути нападения на «программу действий» и пользоваться идеологической жвачкой, в которой они были мастера.

У них были еще два требования. Во-первых, они хотели, чтобы мы декларировали недействительность XIV съезда партии, который начался в Праге тайно во вторую ночь после вторжения. Съезд уже избрал, как я говорил, новый Центральный комитет – без советских марионеток. Во-вторых, они настаивали на том, чтобы мы потребовали от Совета Безопасности ООН снять с повестки вопрос об агрессии стран Варшавского договора против нашей республики.

Так как я не участвовал непосредственно в переговорах, то могу дать о них информацию только из вторых рук. Но в то же время полагаю, что она соответствует действительности, если скажу, что на самом деле в этих переговорах я не был аутсайдером. Наши представители, особенно Смирковский, Черник, Шпачек, Шимон, Млынарж и другие, все время держали меня в курсе дела. Они систематически спрашивали мое мнение по различным вопросам, и я всегда его высказывал. Так что косвенно я участвовал в переговорах, но не мог себя заставить участвовать непосредственно. Я был во власти стихийных эмоций, и потому мое возмущение безнравственностью Советов было слишком велико.

С другой стороны, я знал, что какой-то выход из ситуации должен быть найден. В общей форме я соглашался с мнением президента, что чем дольше будет продолжаться неопределенность положения, тем больше опасность кровавого конфликта дома. Однако я не мог согласиться с его готовностью пожертвовать столь многим – всеми нашими идеалами и принципами, – только чтобы мы выбрались из тупика. Поэтому я оставался за кулисами и надеялся в первую очередь на Черника и Смирковского, которые на переговорах проводили и мои предложения.

Первый этап этих предварительных контактов продолжался в общей сложности тридцать часов, а именно от прибытия команды президента в Москву вплоть до ночи в субботу 24 августа. В течение этого времени мы получили реальное представление о том, чего Советы в действительности хотят. На основе этого мы могли корректировать наши собственные шаги. И, таким образом, на втором этапе мы могли выделить возможное из невозможного.

23

Московский диктат

В субботу ночью или утром в воскресенье 25 августа мы сообща решили, что пришло время сделать контрпредложение. Черник и Смирковский вели главные переговоры и делали это после совещания со мной. Мы не были единодушны в ожидаемых результатах этого шага, но в отношении образа действий в принципе сошлись.

Содержание и тон предлагаемого текста были похожи на наш июльский ответ на «варшавское письмо», разве что были сдержанней, учитывая оккупационную реальность. Предложение повторило наш отказ признать существование контрреволюции в нашей республике, неуклонно защищало «программу действий», квалифицировало ввод войск как «трагическое недоразумение» или «трагическую ошибку», – я не совсем уверен, какое выражение было употреблено, – и требовало советского обязательства вывести войска. У нас было ощущение, что это приемлемая основа для переговоров. Другое дело, было ли это в данных обстоятельствах реально.

В течение воскресного дня 25 августа ко мне приходил Смрковский с известиями, что Советы отнеслись к нашему предложению с грубостью и угрозами и категорически отклонили все приведенные в нем главные пункты. Они назвали предложение Черника «ультиматумом», и Косыгин заявил Смрковскому, что мы находимся не в том положении, чтобы предъявлять требования. Время работает на них, и они могут ждать, пока мы это не поймем.

Они были в курсе того, что в нашей группе дает о себе знать отсутствие единства, и старались это использовать. В связи с этим я имею в виду не Биляка и Индру, которые уже не котиrowались. Ни та, ни другая сторона не принимала их во внимание. Скорее я имею в виду президента Свободу и его растущее нетерпение при нашем противостоянии наихудшим советским требованиям. Но важнее всего было то, что постепенно от нас отдалялся Гусак.

От Смрковского и Черника я узнал, что Гусак уже почти совсем переходит на советскую сторону. Этот факт подтверждала его повергшая нас в изумление поддержка советского требования объявить XIV съезд партии недействительным. Это требование внесло раскол в наши ряды, и в конце концов мы были вынуждены его принять. Это обстоятельство заметно ослабило нашу позицию на переговорах.

Изменение своей точки зрения Гусак мотивировал тем, что на пражском съезде было недостаточно словаков. Это была отговорка, ведь все знали, что оккупация до такой степени нарушила в стране систему путей сообщения, что многие делегаты не могли добраться до Праги. Не ирония ли, что съезд, который Гусак отказался признать, в нормальных условиях проходил бы с участием всех словацких делегатов, включая Гусака. В ходе переговоров Гусак все чаще стал занимать так называемую «объективную» и «реалистическую» позицию, которая давала знать Советам, что в отличие от большинства он готов сотрудничать и что он «здравомыслящий». Впоследствии его за это вознаградили. Но я сразу сообразил, почему Косыгин старался возвести в проблему то обстоятельство, что «только пятеро словаков» участвовали в XIV съезде.

В то время ни Свобода, ни Гусак не были членами Президиума партии, и с этой точки зрения не могли вмешиваться в партийные дела. Но сейчас сложилась чрезвычайная ситуация, и Советы сами мудро обозначили переговоры как «партийно-государственное» дело. Для них это было удобно, так как позволяло им использовать какое угодно сочетание людей на нашей стороне, готовых принять их условия, но и хорошо продумано, так как оправдывало их вмешательство как в партийные, так и в государственные дела.

В данной ситуации пост президента предоставлял Свободе возможности, намного превосходящие его обычную роль и действительные конституционные правомочия. Что касается Гусака, то он хотя и был всего лишь заместителем председателя правительства, но про него было известно, что на родине у него репутация бывшего жестоко репрессированного узника и недавно приобретенная слава реформатора, вследствие чего ожидалось, что в скором времени его изберут первым секретарем ЦК КПС вместо подхалима Биляка. Эти перспективы значительно усилили его позицию. Тот факт, что он обязан своим возвышением в словацких партийных рядах тому, что до последних часов перед вторжением козырял реформаторскими картами, добавлял соли на раны, которые он наносил.

Несколько часов спустя после того, как советские представители отвергли предложенный Черником проект договора, они послали нам собственный вариант документа,

впоследствии известного как «протокол». Он был хуже и пространнее, чем тот документ, который позднее был подписан. Этот советский «проект» содержал требование признать существование контрреволюции в нашей стране и легитимность ввода войск. В нем не было даже намека на вывод их войск из Чехословакии. Он требовал объявить XIV съезд партии недействительным, снова ввести цензуру и заменить нынешних руководителей радио и телевидения. В одном разделе они настаивали на том, чтобы мы оставили на своих постах их сообщников Индру и Биляка, а в другом был приведен список людей, которых мы должны были из политической сферы устранить. Среди них были Кригел, Цисарж и три члена правительства – заместитель председателя О. Шик, министр иностранных дел Гаск и министр внутренних дел Й. Павел.

В такой форме протокол был для нас неприемлем, о чем мы им и сказали. По крайней мере, они, наконец, представили перечень требований, который качественно изменил ситуацию. Мы могли понять, что этот перечень представляет собой максимум их требований. В таком случае мы приняли его в качестве исходного материала для достижения более благоприятного результата. Мы тщательно работали над поправками, изменениями и изъятиями в советском варианте.

По окончании этой «бумажной» работы, над которой мы корпели 25 и 26 августа, возник текст, который по-прежнему производил удручающее впечатление, но был уже более приемлем, чем первоначальный. Например, Советы согласились не настаивать больше на признании легитимности ввода войск и существования контрреволюции. Но, с другой стороны, не употребили ни одного словечка, которое обязывало бы их вывести войска. Особенно возмущал нас тон разговора, который они нам настойчиво внушали и который должен был создавать впечатление, что мы все делаем добровольно и чуть ли не по собственной инициативе.

Как и в случае братиславской декларации, мы приняли некоторые пункты, потому что их расплывчатые и двусмысленные формулировки допускали неоднозначные толкования. Вот, например, пункт пятый, в котором Советы обещали постепенно вывести свои войска, «как только минует угроза социализму». По нашему мнению, такой угрозы никогда не существовало, но этот пункт, по крайней мере, определял «временный» характер оккупации. В долгосрочной перспективе нам эта «аллегория», конечно, ничего не дала, но с точки зрения ближайшего момента выглядела менее безнадежно.

На заседании в Кремле 26 августа 1968 г. ранним утром большинство нашей группы было готово «протокол» подписать. Я еще не участвовал в этом заседании. В вышеназванном большинстве были Биляк, Индра, к которым присоединились Ленарт, Пиллер и чехословацкий посол в Москве Владимир Коуцкий, много лет бывший секретарем Центрального комитета при Новотном. Но самое главное, свою готовность подписать протокол выразили и президент Свобода, и Гусак, генерал Дзур и Кучера, некоммунистический министр юстиции.

Итак, тринадцать из двадцати были готовы подписать, а из оставшихся семи по крайней мере председатель правительства Черник склонялся к тому, чтобы присоединиться к ним. Остальные – это Смирковский, Шпачек, Шимон, Млынарж, Кригел и я.

Кригел представлял собой особый случай потому, что тоже не участвовал ни в каких непосредственных контактах с Советами. Но его ситуация отличалась от моей. Вплоть до 26 августа у него не было свободы решений, потому что его держали в изоляции где-то вне Кремля, и мы вообще не знали, что с ним. На многократные вопросы касательно Кригела, которые задавали Смирковский, Черник, Свобода и другие, Советы всегда отвечали уклончиво. Сказали только, что с ним все в порядке и он в безопасности.

Только позже я сообразил, что нам надо было насадить на Свободу, чтобы он сказал Советам, что без Кригела мы не станем ни о чем разговаривать. Но в конце дня накануне 26 августа никакого официального заседания обеих сторон не происходило. Все предыдущие дискуссии велись неофициально один на один или между очень маленькими группами.

Только в понедельник утром 26 августа Советы согласились с нашими требованиями и привели Кригела в Кремль.

Я все еще находился в своей комнате и узнал о появлении Кригела, когда он уже ушел. Смирковский проинформировал его, как развивались события, и дал ему прочитать черновик протокола. Потом с ним говорили Черник и Свобода. Кригел категорически отказался участвовать в переговорах и подписывать какой бы то ни было документ. Он требовал, чтобы его увезли обратно туда, где он до сих пор жил.

Позицию Кригела я, конечно, хорошо понимал. На его месте я бы несомненно поступил точно так же. Позже Советы внесли предложение, чтобы Кригел участвовал в заключительной встрече обеих групп. Я сразу почувствовал, что они были намерены использовать негативную позицию Кригела для указания на разногласия в нашей группе. Тем самым они хотели ослабить наши старания продолжить дальнейшее улучшение проекта протокола. Я резко отклонил это советское предложение под предлогом, что решение Кригела оставаться вне переговоров надо уважать.

Но хотя мы были заодно в отказе от участия в заседаниях, все-таки по сравнению с позицией Кригела моя ситуация была другого порядка. Для многих людей на родине и за рубежом мое имя стало олицетворением Пражской весны и нашей борьбы в ее защиту против советского давления. Поэтому на мне лежала главная и неоспоримая персональная ответственность за жизни соотечественников, которым мой отказ подписать протокол может, конечно, послужить толчком к активному сопротивлению. Я не был уверен, имею ли я право так поступить, я хотел предотвратить кровопролитие. Через много лет мое умозаключение подтвердилось. От высокопоставленных советских представителей, главным образом от генерала Ершова, в 1968 г. члена советского верховного командования, я узнал, что Советская армия только и ждала первого признака активного сопротивления, чтобы подавить его без зазрения совести.

Реальная угроза насильственного подавления противодействия в то время свидетельствует о том, как мало шансов было у наших решений быть «добровольными». Перед нами был классический пример неравноправного соглашения, навязанного силой оружия и устрашением. Для Чехословакии такой договор носил злобещий характер: он выглядел почти как копия протектората Чехия и Моравия, который был навязан последнему довоенному президенту д-ру Эмилу Хахе Гитлером в Берлине 15 марта 1939 г.

Я чувствовал, что самое большее, что мы можем в Москве сделать со всей ответственностью, это постараться ограничить потери и сохранить как можно больший простор для дальнейшей независимой деятельности. После мучительных раздумий я пришел к выводу, что в понедельник 26 августа нет смысла препираться с Советами из-за слов и оборотов речи. Я старался оценить весомость уступок, которые они сделали по сравнению с первоначальными требованиями. Я надеялся, что у нас есть на будущее определенный простор для маневрирования. Последняя версия проекта протокола не легитимировала ввод войск. Не подтвердила существование контрреволюции, не повторила аргументацию «варшавского письма» и не доказала неправильность нашей реформаторской политики.

Нам даже удалось добиться того, что Советы косвенно признали наши реформы как основу направленности нашего будущего развития. В этом состояла важность ссылки на решения Центрального комитета КПЧ от мая 1968 г., с которыми Советы согласились в качестве фундамента нашей будущей политики и которые в действительности почти на 98% подтверждали принципы «программы действий».

Частичные уступки, конечно, не мешали мне с отвращением относиться ко всему тому, что осталось в протоколе. Это по-прежнему был диктат. Один из пятнадцати пунктов даже объявлял протокол секретным «в интересах обеих коммунистических партий» и их «дружбы», как будто в данных обстоятельствах засекреченность была возможна. Язык протокола был очковитательским, и все ссылки на «наши намерения» или «наши решения» были фальшивыми. При виде с таким трудом добытых уступок я, однако, по-прежнему был уверен, что без внутренней пятой колонны мы еще можем спасти значительную часть наших реформ.

По этим соображениям я, наконец, решил участвовать в их «пленарном заседании» с советским руководством, назначенном под вечер в понедельник 26 августа. Это была моя первая встреча с ними с момента, когда нас доставили сюда несколько дней назад. Я решил подписать протокол только после дополнительных изменений в некоторых его разделах. Важнейшее изменение заключалось в том, чтобы было прямо сказано, что оккупация носит временный характер, и чтобы были прописаны условия вывода советских войск.

Когда мы вошли в конференц-зал, советское Политбюро уже сидело вдоль длинного прямоугольного стола. Мы сели напротив них. Черник по левую руку от меня, а Смирковский по правую. Я ожидал деловой встречи, посвященной проверке проекта протокола абзац за абзацем. Однако Брежнев открыл переговоры выступлением, набитым клише. Я сидел глядя в стол, и его слова мне в одно ухо влетали, в другое вылетали. Но когда он заговорил о чувстве жалости, с которым его Политбюро решило послать к нам танки, мне стало нехорошо, и меня снова стала разбирать злость. Несмотря на это, я, насколько мог, взял себя в руки, чтобы сохранить самообладание. Мы договорились, что Черник выскажет вводные замечания с нашей стороны. Он спокойно и конкретно защищал нашу реформаторскую политику и указал на негативные последствия ввода войск для дела социализма.

Один член советского Политбюро, по-моему, Шелест, первый секретарь партии на Украине, перебил рассуждение Черника по одному пункту оскорбительным замечанием. Как только Черник кончил, включился Брежнев с возражениями против негативной оценки ввода войск. Поэтому я тоже счел своим долгом выразить свою позицию по этому вопросу.

Я не ожидал, что мне удастся изменить взгляды противников по другую сторону стола. Но чувствовал, что должен разъяснить наш случай открыто, прямо и честно. Очень скоро мы должны будем подписать акт унижения, полный лжи и лицемерия, который был нам навязан грубой силой и угрозами. Уже ради протокольной записи я чувствовал себя обязанным назвать вещи своими именами перед заключительным унижением.

У меня не было никаких предварительных заготовок, и потому я говорил от сердца. В отличие от Черника, я мог вести речь по-русски и заметил, что сидевшее с кислыми лицами советское Политбюро внимательно слушало. Никто из них не попытался меня прервать.

Пункт за пунктом я разобрал нашу ситуацию. Я отметил, что наши реформы уже запоздали и давно совершенно необходимы. Предшествующая политика серьезно дискредитировала социализм и коммунистическую партию, и мы не могли сдвинуться с места без значительных перемен во всех сферах – политической, экономической и культурной. «Программа действий» была основой этих реформ и пользовалась поддержкой подавляющего большинства партии и общественности. Наши реформы не ставили под угрозу, а напротив, укрепляли нашу преданность социализму, а это означало также верность и преданность внешнеполитическим обязательствам и нашим союзническим отношениям. С самого начала, однако, советская критика наших реформ проистекала из незнания и игнорирования нашей внутренней ситуации. По этой причине мы ее отвергли. Ввод войск был трагедией, и его последствия, возможно, никогда не будут исправлены в умах и сердцах наших граждан. Предлагаемый документ, сказал я в заключение, придает этой трагедии еще больший масштаб. И коль скоро мы будем вынуждены подписать протокол, необходимо сознавать, что это не решит никаких проблем. С точки зрения долгосрочной перспективы он их даже усугубит.

Когда я кончил, воцарилась гробовая тишина. Потом выступил Брежнев. На сей раз он оставил в покое все цветистые ссылки на товарищескую солидарность и вечную дружбу и вместо этого ограничился реальной политикой. Он дал ясно понять, что идеи и идеалы суть вещи второстепенные. Теперь он вышел на нас с пресловутой Мао Цзедуновой «винтовкой»¹⁵. Снял маску с себя и со всего Политбюро. Это была кучка ци-

ничных и наглых бюрократов с феодальными убеждениями, которые уже давно перестали служить чему-либо, кроме самих себя.

Он сказал, что с момента окончания последней войны Чехословакия была частью советской зоны безопасности, и Советский Союз не собирался от нее отказываться. В связи с «чехословацкой весной» у советского Политбюро возникла величайшая озабоченность по поводу нашего курса на независимость. Его настораживало, что я не посылал ему заранее тексты своих выступлений на утверждение, что я не спрашивал у него разрешения на кадровые перемены. Они терпеть этого не могли. Когда мы не поддались на другие формы давления, они вторглись в страну. Брежнев выглядел очень довольным тем, что говорил. Как и прежде бывало, и сейчас от собственных слов Брежнев был способен расчувствоваться до слез.

Я понял, что в этом дурдоме ничто не имеет смысла – ни идеалы, в которые я верил и к которым питал уважение, ни договоры, которые мы заключили, ни международные организации, составной частью которых мы были. Я был глубоко не согласен с тем, что он говорил. Я сказал ему об этом еще раньше, когда попытался объяснить свою позицию. Но Брежнев вдруг встал, лицо у него сделалось красным, густые брови нахмурились, и он начал на меня кричать, что все наши переговоры, видимо, пошли на смарку. Потом повернулся и медленно вышел из зала. За ним почти по-военному последовало все Политбюро.

Когда они промаршировали вон, я быстро взвесил всю ситуацию и свое место в ней. Сказанное Брежневым основывалось на том, что мы колония Советов, и это их дело, как мы должны решать наши проблемы. Не важно, что мы думаем о нашем положении вещей. Не имеет никакого значения, хорошо мы действуем или плохо. Важно только, одобряют они это или нет. В этих условиях, какой вообще смысл подписывать с ними очередной ничего не значащий «договор»?

Как только закрылись двери за последним членом советского Политбюро, я сказал:

– Не думаю, что эти переговоры имеют какой-либо смысл. Вы слышали их точку зрения. Разве мы можем им доверять? – И поскольку с минуту ответа не последовало, я добавил: – Не имеет значения, подпишем мы что-то или нет. Они и так будут делать, что хотят. Я этот протокол не подпишу.

На нашей стороне стола, где мы все еще сидели, началось движение. Все один за другим встали и заговорили. Все разом. Свобода подошел ко мне и сказал, что теперь уже поздно и я должен подписать. Черник сделал практическое замечание, что если мы не подпишем теперь, то они могут заставить нас в будущем подписать что-нибудь гораздо хуже этого. Смрковский был в нерешительности, но сказал, что если хорошенько подумать, то выбора у нас нет. Мы должны протокол подписать. После короткой паузы он провел параллель с 1939-м годом, когда президент Гаха вернулся из Берлина.

– Им удалось притормозить события и спасти много людей, – сказал он.

В определенном смысле это означало конец веры всей его, Смрковского, жизни, ибо он не увидел разницы между нацистами и советским руководством.

После споров и попыток почти каждого меня переубедить я скрепя сердце вернулся примерно туда, где был утром. Между тем наступила ночь, и готовилось новое заседание. Мы встретились в том же конференц-зале и за тем же самым столом.

На этом последнем заседании уже не было никаких выступлений. Скорее всего для того, чтобы предотвратить очередной всплеск несогласия. Мы приступили непосредственно к протоколу, то есть абзац за абзацем. Советы приняли несколько поправок, которые мы предложили. Моей главной заботой был вопрос вывода войск. Частично это было достигнуто тем, что пятый пункт протокола переформулировали, хотя и не так конкретно, как мне бы хотелось.

К сожалению, ради того, чтобы добиться признания советского обязательства возможного, пусть и неопределенно сформулированного вывода войск, в том числе их отвода из крупных городов, нам пришлось делать собственные уступки, особенно в кадровых вопросах, и отозвать обвинение в интервенции из Совета Безопасности ООН. Брежнев и остальные настаивали на обоих пунктах при каждом заседании в предыду-

щие дни. Когда дело дошло до письменного оформления документа, хотя, по их мнению, он должен был остаться секретным, они не хотели, чтобы некоторые их требования были зафиксированы на бумаге. Но устно Брежнев настоятельно требовал, чтобы мы оставили на своих постах их явных агентов и, напротив, сместили с занимаемых мест нескольких реформаторов. Он дал ясно понять, что если им вообще придется пойти на некоторые уступки нам в связи с предполагаемым выводом войск, то все зависит от того, удовлетворим ли мы два вышеназванных требования.

Обсудили еще несколько проблем за рамками протокола, из которых самая важная – с моей точки зрения – был принцип кооптации определенного числа членов Центрального комитета, избранных на непризнанном XIV съезде, в ныне существующий Центральный комитет КПЧ. Я сказал Брежневу, что объявление недействительности съезда не такое простое дело, так как в нем участвовало преобладающее большинство делегатов, и их волеизъявление необходимо каким-то образом принять во внимание. Одним из решений было ввести кое-кого из них в члены нынешнего Центрального комитета. Брежнев это прямо не отклонил, так что и нам удалось создать «глухую зону» в протоколе и даже вблизи него, где можно было маневрировать.

Переработанный протокол был готов к подписанию незадолго до полуночи.

Я был не в состоянии предугадывать, каков будет практический смысл последних поправок, которых мы достигли. Я был бесконечно усталым и униженным. Эти чувства преобладали, когда принесли переработанный протокол на подписание и выпустили внутрь кинооператоров и фотографов. Брежнев помнил о рекламе, хотя в данном случае упустил из виду одну щекотливую деталь. Мы подписывали протокол, который был и, судя по всему, должен был остаться секретным!

Было близко к полуночи, а к самолету домой мы должны были выехать во вторник в три часа ночи. Когда нам подали какие-то закуски, я стал озираться по сторонам, присоединился ли к нам Кригел. Я его не увидел и громко спросил, где он. Почему он не с нами?

Выяснилось, что Советы не хотят, чтобы он с нами вернулся в Прагу. Брежнев мотивировал это тем, что присутствие одного человека, который не подписал протокол, могло бы вызвать политические осложнения. Я отказался оставлять там Кригела, и Свобода, Смрковский, Шимон и другие энергично поддержали меня в этом. В конце концов, Брежнев сдался. Мы должны были ехать на аэродром, и Брежнев обещал, что Кригел там тоже будет. Приехав на аэродром, мы отказались садиться в самолет, пока не убедимся, что он действительно там. Он уже ждал нас в самолете. Новая эпоха начиналась не слишком большим доверием.

Когда мы взлетели, все наши мысли переключились на ситуацию дома. Нам было ясно, что это бесславное возвращение. Мало кому могут понравиться вести, которые мы несем с собой. Выражаясь фигурально, мы проиграли битву, но избежали войны. И шестеро из нас возвращаются из плена, а не с загородной прогулки.

Весть, которую мы несли с собой, едва ли была неожиданной. Кроме того, было строго ограничено, что нам разрешается сказать о протоколе. Я сознавал, что это будет самая трудная часть того, что ждет непосредственно меня, когда самолет медленно шел на посадку. Как не сказать всю правду и в то же время не лгать?

Примечания

¹ Dubček A. Z pamati. Nadej zomiera posledna. Bratislava, 1998. S.160, 161.

² Ibid. S. 66.

³ Ibid. S. 118.

⁴ Ibid. S. 177.

⁵ Ibid. S. 68.

⁶ Ibid. S. 283.

⁷ Анна – жена А. Дубчека.

⁸ Речь идет о декларации, принятой на совещании 6 стран-членов ОВД (СССР, Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Чехословакии) в Братиславе 3 августа 1968 г.

⁹ Имеется в виду Пражский Град – крепость города Праги (аналог восточнославянского кремля), административный район города, ныне – резиденция президента Чехии, во время описываемое А. Дубчекom – президента Чехословакии.

¹⁰ Квислинг Видкун (1887–1945) – лидер норвежских фашистов, премьер-министр марионеточного правительства Норвегии периода немецкой оккупации. В 1945 г. расстрелян по приговору норвежского суда. Имя Квислинга стало нарицательным, символизируя предательство своей страны.

¹¹ Легница – город в Западной Польше.

¹² «Банда четырех» – намек на «разоблаченную» группу руководителей Китая после смерти Мао Цзедунa (1976 г.).

¹³ Стенографическая запись переговоров 23 августа 1968 г. Документ № 302 и др. (*Прим. автора*).

¹⁴ Протокол заседания партийной и правительственной делегации Болгарии, ГДР, Польши, Венгрии и СССР в Москве 24–26 августа 1968 г. Из архива «Нове прамене». Варшава, документ без номера. Секретно. (*Прим. автора*).

¹⁵ Имеется в виду «крылатое» выражение Мао Цзедунa «винтовка рождает власть» – тезис из речи «Вопросы войны и стратегии» 6 ноября 1938 г на VI пленуме ЦК КПК. Развивая этот тезис, Мао Цзедун процитировал Чан Кайши: «Есть армия, есть власть».

© 2009 г. А. А. ГОРСКИЙ**

К СПОРАМ ПО «ВАРЯЖСКОМУ ВОПРОСУ»

Распространенное представление о дискуссии по «варяжскому вопросу» или спорах «норманистов» и «антинорманистов» как о чем-то цельном, идущем с XVIII столетия до наших дней, является неточным. В любой дискуссии главное – ее основной вопрос. И с этой точки зрения можно говорить не об одной, а о двух дискуссиях, и дискуссиях совершенно разных.

В XVIII–XIX вв. споры велись о том, кем были по этнической природе летописные *варяги*, к которым принадлежал родоначальник древнерусской княжеской династии Рюрик. Тех, кто считал, что они были скандинавами («норманнами»), принято именовать норманистами, тех, кто это отрицал – антинорманистами. При этом среди антинорманистов были сторонники отождествления варягов с разными народами (западнославянскими, финскими, балтскими и т.д.)¹. Но ни норманисты, ни антинорманисты XVIII–XIX вв. не сомневались, что Древнерусское государство было создано варягами, что приход в Восточную Европу Рюрика и его окружения – это и есть акт, с которого ведет начало русская государственность. Спор шел только об этнической принадлежности ее основателей.

К концу XIX – началу XX в. дискуссия практически прекратилась. Причиной этого было в первую очередь накопление научных знаний, особенно в области археологии и лингвистики. К тому времени начались археологические исследования русских древностей, и они показали, что на территории Руси в конце IX–X в. присутствовали тяжело-вооруженные воины скандинавского происхождения. Это коррелировало с известными письменными источников, летописей, согласно которым иноземными воинами-дружинниками русских князей были варяги. С другой стороны, лингвистические изыскания установили скандинавскую природу имен первых русских князей (Рюрика, Олега, Игоря, Ольги) и многих лиц из их окружения первой половины X в. (упоминаемых в летописи и в договорах Олега и Игоря с Византией). Из этого естественно следовал вывод, что носители этих имен имели скандинавское, а не какое-то иное происхождение. Ведь если, скажем, считать, что варяги были славянами с южного побережья Балтики (это была наиболее популярная версия среди антинорманистов), то как объяснить тот факт, что имена представителей общественной верхушки южнобалтийских славян (ободритов и лютичей), упоминаемые в западноевропейских источниках, звучат по-славянски (Драговит, Вышан, Дражко, Гостомысл, Мстивой и т. п.), а имена действующих в Восточной Европе варягов – по-скандинавски? Разве что через фантастическое предположение, что южнобалтийские славяне на родине носили славянские имена, а придя к своим восточноевропейским собратьям, зачем-то решили «прикрыться» скандинавскими псевдонимами... Казалось бы, дискуссия была исчерпана, «норманизм» победил.

Однако в XX столетии полемика продолжилась. В отечественной историографии по мере овладения марксистским подходом (а фактически раньше – с В.О. Ключевско-

* Продолжение дискуссии, см.: Фомин В.В. Народ и власть в эпоху формирования государственности у восточных славян // Отечественная история. 2008. № 2.

** Горский Антон Анатольевич, доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

го) к истории на проблему образования государства (как на Руси, так и любого другого) стали смотреть иначе, чем ранее. Формирование государственности перестало отождествляться с возникновением правящей династии. Оно теперь рассматривалось как объективный процесс, требующий внутренних социально-экономических предпосылок и не зависящий от прихода к власти где-либо какого-либо лица. Появление династии стало трактоваться в науке советской эпохи как не более чем эпизод в длительном процессе государствообразования. Упор стал делаться на развитие местного славянского общества. Скандинавская же природа варягов была признана практически всеми исследователями. Таким образом, «антинорманизм» советской историографии, о котором часто упоминают в современной литературе, это совсем не то, что «старый (дореволюционный) антинорманизм». Если в дореволюционную эпоху споры шли по вопросу: «были ли варяги норманнами?», то в XX столетии вопрос ставился иначе – «основали ли варяги (норманны) Древнерусское государство?». При этом вненаучный, идеологический компонент дискуссии, присутствовавший в ней в той или иной мере всегда, усилился: «норманизм» стал трактоваться как антирусское/антисоветское течение в зарубежной буржуазной историографии, имеющее целью доказать неспособность славян к созданию своей государственности, как средство искажения, принижения истории страны, первой сделавшей шаг к новой, коммунистической общественной формации.

В конце XX – начале XXI в. можно было бы ожидать снятия идеологических наслоений с «варяжского вопроса», перехода к объективному рассмотрению роли норманнов в процессах, шедших в раннее Средневековье в Восточной Европе. Но вместо этого наблюдается иное – активизация «крайних» точек зрения.

С одной стороны, появляются работы, в которых под формированием Древнерусского государства понимается исключительно деятельность норманнов в Восточной Европе, а участие славян в этом процессе практически игнорируется². Такой подход является собой по сути игнорирование научных результатов, достигнутых современной славистикой, из которых следует, что на всей славянской территории после славянского Расселения VI–VIII вв. складываются устойчивые политические (а не племенные в классическом смысле) образования, на основе которых и шли процессы формирования государств³.

С другой стороны, возрождается точка зрения, что варяги не были скандинавами. Если в 1970–1980-е гг. ее отстаивал практически один А.Г. Кузьмин, то ныне на подобных позициях стоит целая группа авторов⁴. Этот феномен может вызвать удивление, поскольку в течение XX в. был накоплен значительный материал (в первую очередь археологический), оставляющий ныне намного меньше сомнений в тождестве варягов и норманнов, чем на рубеже XIX–XX вв. (а точнее, не оставляющий никаких сомнений⁵). На территории Руси зафиксированы многочисленные погребения конца IX–X в., захороненные в которых люди были выходцами из Скандинавии (об этом говорит сходство погребального обряда и инвентаря с теми, которые известны из раскопок в самих скандинавских странах). Они обнаружены и на Севере Руси (район Новгорода–Ладogi), и на Среднем Днепре (район Смоленска), и в Среднем Поднепровье (район Киева и Чернигова) – т. е. там, где располагались главные центры формирующегося государства. По своему социальному статусу эти люди были в значительной своей части знатными воинами, дружинниками. Чтобы отрицать в такой ситуации «норманство» летописных варягов (а летописи этим термином – «варяги» – именуют как раз дружинников иноземного происхождения), надо допускать невероятное: что о войнах-выходцах из Скандинавии, от которых остались археологические свидетельства их пребывания в Восточной Европе, письменные источники умолчали, и наоборот – те иноземные дружинники (не-скандинавы), которые в летописях упоминаются под именем «варягов», почему-то не оставили следов в материалах археологии.

Столь явное несоответствие тезисов нынешних адептов «старого антинорманизма» современному уровню научных знаний естественно ведет к попыткам объяснить феномен возрождения отрицания тождества варягов с норманнами причинами, лежащими

вне науки⁶. Однако вряд ли такое объяснение исчерпывающее. Представляется, что отчасти этот возврат провоцируется своего рода «победной эйфорией» представителей противоположной крайности, объясняющих (уже в духе «старого норманнизма») норманнов единственной государствообразующей силой в Восточной Европе. По сути же сторонники обеих крайних точек зрения – и те, кто отрицает, что варяги были норманнами, и те, у кого государство Русь является исключительно результатом деятельности скандинавов, – подменяют реальную проблему роли неславянских элементов в генезисе древнерусской государственности прокламированием давно опровергнутых тезисов. При внешней противоположности суждений и те, и другие сходятся в основополагающем – государственность к восточным славянам была привнесена извне.

Если говорить о действительной роли норманнов в процессе образования государства Русь, то автору этих строк она представляется относительно скромной. Выходцы из Скандинавии в течение IX–X вв. активно участвовали в политической истории Восточной Европы, но они не могли принести с собой традиций государственности, поскольку в самой Скандинавии государства тогда еще не сложились (так, в Швеции, выходцы из которой, по археологическим данным, составляли большинство среди норманнов, приходивших в Восточную Европу, образование государства имело место лишь в конце X – начале XI в.). Сопоставление характера и темпов формирования государств на Руси и у западных славян показало наличие принципиального сходства (при одновременной констатации определенных отличий от скандинавских стран), что не позволяет говорить о внесении норманнами каких-либо характерных черт в процесс государствообразования и об ускорении ими этого процесса⁷.

Об определенном вкладе в процесс образования государства Русь можно говорить, на мой взгляд, в отношении не любых норманнских дружин, приходивших в Восточную Европу в течение IX–X вв., а одной – дружины Рюрика, позже возглавленной Олегом. С ней в Восточную Европу пришла династия, объединившая к концу X в. под своей властью все восточнославянские (а частично и неславянские) территории, потомки ее членов составляли поначалу ядро знати киевских князей. Если бы в результате действий этих политических сил в конце IX в. не произошло объединение земель по «пути из варяг в греки» под единой властью, вероятно, в восточнославянском регионе сложилась бы, по крайней мере в первое время, полицентричная государственная система, как это случилось у западных и южных славян. Но можно ли характеризовать этот вклад в государствообразование как именно «скандинавский»?

В византийских источниках середины X века встречается определение *руси* как происходящей «от рода франков». Франками в Византии называли тогда жителей государств – наследников империи Карла Великого независимо от их этнической принадлежности⁸. Информация о франкском происхождении, по-видимому, исходила от русской стороны и была связана с политическими амбициями княгини Ольги⁹. Основанием же для такого утверждения могла быть связь предков правящей на Руси династии и части их окружения с франкской территорией. Предводители викингов нередко нанимались на службу к Каролингам и получали в держание те или иные приморские территории для обороны их от других норманнов. Так, отождествляемый рядом авторов¹⁰ с летописным Рюриком датский конунг Рёрик в течение почти четырех десятков лет, с конца 830-х до середины 870-х гг., имел (с небольшими перерывами) лен на франкской территории – во Фрисландии. Если русские князья середины X в. и часть их окружения являлись потомками Рёрика и его дружинников, или были тем или иным образом связаны с другим предводителем викингов, проводившим какое-то время во владениях Каролингов, это давало им возможность выводить себя «от франков» в широком смысле этого понятия, принятом в то время в Византии. Но в этом случае дружину пришедшего в Восточную Европу князя составляли люди, знакомые с передовой по тому времени франкской государственностью, имевшие навыки государственного управления; следовательно, их воздействие точнее считать не скандинавским (в Скандинавии государства в IX в. еще не сложились, и оттуда опыта государственного управления принести было невозможно), а франкским, только «пропущенным» через людей скан-

динавского происхождения. Викинги же, приходившие в Восточную Европу позднее, в X в., поступали всего лишь на службу к русским князьям, частично вливались в окружавший их дружинный слой, но ничего принципиально «государствообразующего» принести не могли.

Таким образом, следует говорить не о единой дискуссии «норманистов» и «антинорманистов», а о двух дискуссиях. Первая шла в XVIII–XIX вв. по вопросу: «Кем были варяги – норманнами или нет?». Вторая проходила в XX столетии по вопросу: «Создали ли варяги Древнерусское государство?» С точки зрения современных научных знаний, ответ на первый вопрос однозначен – варяги были норманнами; ответ на второй вопрос будет отрицательным. Реальная научная полемика может идти только о степени участия выходцев из Скандинавии в процессе образования государства у восточных славян и о характере их роли.

Примечания

¹ Об этом см.: *Шаскольский И.П.* Антинорманизм и его судьбы // Генезис и развитие феодализма в России. Вып. 7: Проблемы историографии. Л., 1983.

² *Heller K.* Die Normannen in Osteuropa. Berlin, 1993; *Скрынников Р.Г.* История Российская. IX–XVII вв. М., 1997; *Франклин С., Шепард Дж.* Начало Руси: 750–1200. СПб., 2000; *Schramm G.* Altrusslands Anfang. Freiburg, 2002. См. рецензии автора этих строк на книги К. Хеллера (*Russia mediaevalis*. Т. IX, 1. München, 1997), С. Франклина и Дж. Шепарда (Средневековая Русь. Вып. 2. М., 1999) и А.В. Назаренко – на книгу Г. Шрамма (Средневековая Русь. Вып. 6. М., 2006).

³ См.: *Горский А.А.* Славянское Расселение и эволюция общественного строя славян // *Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е.* Великое переселение народов: этнополитические и социальные аспекты. М., 1999; *Седов В.В.* Славяне: историко-археологическое исследование. М., 2002.

⁴ См.: Сборник Русского исторического общества. Т. 8 (156): «Антинорманизм». М., 2003; *Фомин В.В.* Народ и власть в эпоху формирования государственности у восточных славян // Отечественная история. 2008. № 2.

⁵ Не случайно среди противников отождествления варягов с норманнами нет ни одного археолога (равно как и лингвиста).

⁶ См.: *Котляр Н.Ф.* В тоске по утраченному времени // Средневековая Русь. Вып. 7. М., 2007.

⁷ См.: *Горский А.А.* Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 46–48.

⁸ В силу этого встречающиеся в литературе трактовки указания на происхождение руси от франков как свидетельства ее скандинавского происхождения ошибочны – скандинавские народы не были подвластны Каролингам.

⁹ См.: *Горский А.А.* Русь «от рода франков» // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2008. № 2 (32).

¹⁰ Из последних работ см.: *Свердлов М.Б.* Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII вв. СПб., 2003. С. 106–109, 118–120.

© 2009 г. В. В. МУРАШЕВА *

«ПУТЬ ИЗ ОБОДРИТ В ГРЕКИ...»

(археологический комментарий по «варяжскому вопросу»)

Тема, к которой прежде всего обращается В. В. Фомин¹, – участие в образовании Древнерусского государства выходцев из других, не-славянских территорий. Казалось бы, «норманская» или «варяжская» проблема давно утратила актуальность. Однако, по-видимому, это верно применительно к научному сообществу; во вне- или околону-учных кругах дискуссии времен М. В. Ломоносова все еще находят отклик. Работа Фомина, опубликованная в ведущем академическом журнале по отечественной истории, заставляет обращаться к очевидным вещам и вновь подводить итоги.

* **Мурашева Вероника Владиславовна**, кандидат исторических наук, заведующая Отделом археологических памятников Государственного исторического музея.

Спор между «норманистами» и «антинорманистами» никогда не существовал в рамках чистой академической науки, он всегда выходил в плоскость идеологии, превращаясь в спор между «патриотами», которые не могли допустить и мысли об участии выходцев из Скандинавии в процессе образования русского государства и «космополитами», допускавшими такую возможность. Споры были страстными, накал эмоций – нешуточный. Особенно остро полемизировали во второй половине XVIII в. Например, Ломоносов в 1764 г. писал: «Миллер требовал, чтобы диссертацию его рассмотреть всем академическим собранием, что и приказано от президента. Сии собрания продолжались больше года. Каких же не было шумов, браней и почти драк! Миллер заелся со всеми профессорами, многих ругал и бесчестил словесно и письменно, на иных замахивался в собрании палкою и бил ею по столу конференцскому. И наконец у президента в доме поступил весьма грубо, а пуще всего ассессора Теплова в глаза бесчестил»².

Драматичным было противостояние между «норманистами» и «антинорманистами» и в советскую эпоху. Марксистская идеология предполагала, что государство возникало как результат внутренних экономических процессов в обществе и никакое вмешательство извне не могло повлиять на этот процесс. Таким образом, места призванным из-за моря князьям и дружинам в ранней русской истории не оставалось. Официально признанная концепция обязывала ученых к обоснованию постулата, который может быть сформулирован так: да, древности северного, скандинавского происхождения на территории Древней Руси есть, но их немного, роль выходцев из Скандинавии в исторических процессах, происходивших на территории Восточной Европы, незначительна и сводится, в основном, к участию в наемных княжеских дружинах. В 1950–1970-е гг. любое отступление от официальной концепции являлось своего рода диссидентством. Статья, посвященная анализу скандинавских древностей на территории Древней Руси, была поступком, иногда даже чреватым неприятными последствиями. В 1960-е гг. при создании новой экспозиции Государственного Исторического музея в витрину, посвященную исследованию курганов Ярославского Поволжья, автор раскопок, М.В. Фехнер, поместила схему, в которой были показаны курганы, содержавшие вещи скандинавского происхождения³. Эта схема вызвала обвинение в космополитизме и затяжное разбирательство в партийной организации музея, но, к счастью, обошлось без репрессий.

Тем не менее, на излете советского периода нашей истории и после его завершения вышло множество работ, в которых были обобщены результаты многолетних археологических исследований, соотнесены источники письменные и вещественные и в итоге адекватно оценена роль выходцев из Скандинавии в образовании Древнерусского государства⁴. Данная небольшая статья посвящена лишь археологическому аспекту проблемы и, не претендуя на исчерпывающий охват всего материала и практически не касаясь историографии⁵, адресуется не археологам (которым и так ясна суть дела), а историкам.

Основа для спора об этнической принадлежности «варягов» заложена уже в самой «Повести Временных лет», где сказано, что варяги были призваны из-за моря, но не уточнено откуда именно. Это позволило выдвигать различные варианты истолкования этих слов. Историки, опирающиеся в своих исследованиях на письменные источники, вынуждены пользоваться косвенными свидетельствами, выстраивая систему доказательств, сопоставляя различные документы, привлекая данные других наук, прежде всего, филологии. Историки ограничены прежде всего тем, что корпус письменных памятников давно известен и обнаружение новых источников, касающихся эпохи образования Древнерусского государства, маловероятно. Между тем, историческая база археологии в процессе регулярных полевых исследований постоянно увеличивается. Если отвлечься от свидетельств письменных источников и идеологической нагрузки и рассмотреть лишь мир вещественных источников, то получим картину, лишенную тенденциозности. Итак, необходимо дать обзор восточноевропейских древностей, связанных с двумя основными претендентами на роль «варягов» – скандинавами и западными

славянами (Фомин, вслед за А. Г. Кузьминым, «варягами» считает славян южного побережья Балтики).

В рамках той или иной эпохи существуют критерии выделения предметов различной этнической окраски. Далеко не все предметы поддаются точной атрибуции, однако среди древностей эпохи образования Древнерусского государства на территории Восточной Европы четко выделяются наборы предметов, связанных с различными этническими массивами. Славянский мир характеризуется прежде всего набором специфических керамических форм. Кроме того, известна металлическая гарнитура славянского женского костюма – это, прежде всего, височные кольца определенных типов. Инородные элементы на фоне мира славянских древностей выделяются очень хорошо.

Типология и хронология скандинавских древностей эпохи викингов разрабатывается уже на протяжении полутора веков. Украшения, декорированные тератологическим орнаментом, в рамках которого выделяется целый ряд стилей (Усеберг, Борре, Еллинг и др.), оружие, амулеты (гривны с подвесками в виде молота Тора, щитообразные и кресаловидные подвески и др.) – все это яркие предметы, атрибутировать которые не составляет труда. На территории Древней Руси встречены все основные виды металлических деталей женского скандинавского убора. Это прежде всего фибулы, среди них наиболее распространенными являются овальные (их найдено не менее 200 экземпляров). Они использовались лишь как функциональная деталь одного из вариантов скандинавского женского костюма – ими крепились лямки к сарафану, в славянском же костюме, состоявшем из рубахи и юбки, им места не было. Данный тип украшений не мог быть предметом импорта и свидетельствует о присутствии женщин-скандинавок на территории Руси⁶. Доказан и факт изготовления этого вида украшений непосредственно на территории Древней Руси⁷. Особую категорию украшений составляют амулеты, которые были связаны с системой религиозных представлений и не могли составлять интереса в качестве объекта купли-продажи. Наиболее распространенной находкой являются железные гривны, на части которых зафиксированы различные подвески, в том числе «молоточки Тора». Железных гривен и их фрагментов на территории Восточной Европы обнаружено не менее 100 экземпляров⁸. Остальные виды скандинавских языческих амулетов, которые представлены, в основном, миниатюрными копиями различных предметов – кресал, щитов, мечей и пр., найдены в значительно меньшем количестве, однако суммарное число находок также не меньше 70 экземпляров⁹. Отметим при этом, что славянские металлические языческие амулеты IX – начала XI в. не известны вовсе.

Примечательно вооружение древнерусских дружинников. Все мечи раннего периода (IX–XI вв.) относятся к так называемому «каролингскому» типу. По мнению основного исследователя древнерусского оружия А.Н. Кирпичникова, клинки этих мечей могли быть откованы на территории Западной Европы¹⁰, но их распространение на территории Руси исследователи связывают с выходцами из Скандинавии¹¹. Находка меча – событие нечастое, однако мечей «каролингского» типа на территории Руси найдено 114¹², причем мечи концентрируются на памятниках, где встречены и другие предметы скандинавского происхождения. В славянских погребениях «доваряжского» периода мечи не известны совсем. Среди наконечников стрел выделяются типы, характерные для Северной Европы: ланцетовидная форма наконечников в Скандинавии была известна еще в VII–VIII вв. На территории Восточной Европы они получили достаточно широкое распространение: в Гнездове, например, они составляют около 40% всех наконечников стрел¹³.

Кроме очевидно этнически окрашенных предметов и некоторых видов оружия, есть еще ряд признаков, прежде всего технологических, позволяющих отнести некоторые изделия к предметам северного происхождения. Особенности технологии производства характеризуют ту или иную ремесленную традицию, к таким традициям относятся, например, использование «трехслойного пакета» при изготовлении железных изделий, и прежде всего, ножей. Эта технологическая схема предполагает использование трех полос металла: двух железных и стальной между ними. Нож получался «само-

затачивающимся» – железные полосы по мере использования стачивались, все больше обнажая стальную сердцевину. Истоки этой технологии восходят к Скандинавии, где они встречаются с VII в. Западным славянам (Великая Моравия), балтам и финнам такой способ изготовления железных изделий неизвестен. Многолетние исследования выявили большие серии ножей, изготовленных по этой технологии, в ранних культурных напластованиях многих древнерусских городов, прежде всего, северо-запада и северо-востока. Например, в Новгороде они составляют 79%, в Полоцке – 81, в Пскове – 63, в Ростове – 71%¹⁴.

Кроме железных изделий, с выходцами из Скандинавии может быть связано и распространение односторонних роговых гребней. Л. И. Смирнова, проанализировавшая распространение находок подобных гребенок на территории Древней Руси, показала, что эти предметы личной гигиены на раннем этапе встречены только на памятниках, где зафиксированы и другие свидетельства проживания выходцев с севера¹⁵.

Кроме предметов, скандинавский «след» фиксируется и в других областях материальной жизни Древней Руси. Было установлено, что городская жизнь Киева изначально возникла на Нижнем городе – Подоле, а не на территории Верхнего города. А между тем, принцип планировки Подола (застройка вдоль речной береговой линии, наличие усадеб площадью 300–320 кв. м со стабильными, несмотря на многочисленные перестройки, границами) оказывается аналогичен структуре расселения в городах средневековой Швеции, таких, например, как Сигтуна¹⁶. Следы скандинавского влияния в строительстве жилищ фиксируются в Старой Ладогге, где обнаружены крупные двухкамерные дома площадью до 60–80 кв. м, состоявшие из основного отапливаемого сруба и холодной пристройки. Центральную часть отапливаемого помещения занимал прямоугольный в плане очаг, а вдоль стен тянулись нары. По мнению Кирпичникова, происхождение таких построек скандинавское, и их можно рассматривать в качестве предшественников классических русских изб-пятистенков¹⁷.

География находок скандинавского происхождения довольно широка, но, как уже давно замечено, памятники со скандинавским элементом в составе материальной культуры тяготеют к основным речным магистралям Восточной Европы – волжскому, волхово-днепровскому и донскому путям.

В списке пунктов находок скандинавских древностей есть все крупнейшие древнерусские города – Ладога, Киев, Рюриково Городище (ранний Новгород), Гнездово (ранний Смоленск), а также крупные и мелкие укрепленные и неукрепленные поселки. Т.А. Пушкина, предлагая обзор скандинавских находок на территории Древней Руси, говорит о более чем 650 находках оружия, ювелирных украшений и бытовых предметов, которые найдены в 150 пунктах и относятся к периоду от VIII до XI в.¹⁸ Шведский исследователь И. Янссон приходит к выводу о том, что виды деятельности скандинавов на территории Восточной Европы были чрезвычайно многообразны, но прежде всего дальняя международная торговля и участие в военных действиях самого разнообразного характера. Об интересе к сельскохозяйственной деятельности свидетельствуют находки скандинавских древностей в окрестностях Владимира и Суздаля, в местах, удобных для земледелия, но отстоящих от магистральных речных путей¹⁹. Еще один тип деятельности – создание «факторий» для торговли ценной пушниной – зафиксирован на территории Юго-Восточного Приладожья²⁰.

Общим местом историографии является утверждение, что подвижные гребцы-скандинавы сыграли существенную роль в освоении речных путей Восточной Европы. Не случайно, что материальная культура всех ранних ключевых торговых пунктов на Волхово-Днепровском и Волжском путях несет на себе скандинавскую «взаль». В отношении недавней работе И.И. Еремеева рассмотрены скандинавские древности с территории системы волоков между верховьями Днепра и Ловатыю. Автор полагает, что несмотря на интеграцию древностей североевропейских типов в местный этнокультурный контекст, сам факт их наличия указывает на участие норманнов в торговле серебром²¹.

Как свидетельство процесса установления контроля над основными речными путями интересен один памятник – городище Супруты (Тульская обл.). Супруты являлись составной частью сети славянских поселений, обслуживавших северную часть Донского пути. Однако городище отличается от других синхронно существовавших поселков обилием находок оружия и торгового инвентаря, наличием изделий из драгоценных металлов и монет²², что указывает на функцию городища в качестве административного центра округа. При этом состав находок однозначно указывает на наличие группы выходцев из Скандинавии в составе жителей, хотя скандинавы не были среди основателей поселка. Поскольку регион лежит на границе сфер влияния Хазарского каганата и варяжских дружин, представляется, что материалы супрутского городища являются уникальной иллюстрацией картины борьбы за овладение крупнейшими трансевропейскими речными путями. Вероятно, скандинавские древности свидетельствуют о том, что в какой-то момент скандинавы захватили этот ключевой пункт на данном отрезке донского пути²³.

О масштабах иммиграции выходцев из Скандинавии в Восточную Европу свидетельствуют исследования в области погребального обряда²⁴. Ю.Э. Жарнов, анализируя скандинавские погребения в Гнездове, приходит к выводу, что скандинавы составляли не менее четверти гнездовского населения. Полагая, что размеры курганный насыпи в целом верно отражают прижизненный социальный статус погребенного, он делает заключение о сложном, достаточно неоднородном социальном составе скандинавов, погребенных в Гнездове. Они являлись органичной частью гнездовского общества, преобладавая только в «верхушке» общества – все «большие» курганы принадлежат скандинавам. Археологические источники не подтверждают вывод о постепенной ассимиляции скандинавов в славянской среде, напротив, наблюдается постоянный приток норманнского элемента, нашедший свое отражение в синхронности типов украшений в Скандинавии и на Руси, сменяемости ранних более поздними типами²⁵.

Такова характеристика скандинавского населения Гнездова, одного из крупнейших раннегородских центров Древней Руси. Другой памятник – Тимерево (Ярославское Поволжье) – поселение совершенно иного масштаба²⁶. Оно лишено укреплений, его площадь не превышает 10 га (для сравнения: площадь застройки в Гнездове не менее 20 га), курганный группу составляют около 500 насыпей (в Гнездове насчитывалось не менее 4 тыс. насыпей в начале XX в.). Когда было подсчитано количество точно этнически определимых женских скандинавских погребений в Тимерево, выяснилось, что процентное соотношение оказалось сопоставимым со шведской Биркой. Конечно, это никак не свидетельствует о том, что все погребенные в Тимерево – шведы, но определенно указывает на существенное присутствие скандинавов в регионе²⁷.

В заключение коснемся следов материальной культуры западных славян на территории Восточной Европы – других претендентов на роль «варягов». Свидетельства контактов западных и восточных славян, конечно же, известны. Общие черты в материальной культуре поморских славян и северо-западных регионов Руси обнаруживаются еще в VIII–IX вв. Часть керамических сосудов из погребального инвентаря культуры новгородских сопок находит аналогии в культуре славян междуречья нижней Вислы и Эльбы. Однако В. В. Седов полагает, что это обстоятельство не может служить поводом для предположения о расселении славян в Приильменье из региона балтийских славян. Более вероятной является гипотеза о том, что керамика ильменских славян и глиняная посуда балтийских славян имели одну основу (возможно, эти отдаленные территориально группировки раннесредневековых славян вышли из одного древнего региона славянства, определить который затруднительно)²⁸.

Позже, в период формирования раннегончарного производства (освоения гончарного круга) на территории северо-западной Руси, в трех городских центрах этого региона – в Новгороде, Рюриковом городище и Пскове – на разных стадиях освоения гончарного круга заметно присутствие единичных фрагментов посуды западнославянских форм или групп сосудов, возникших под их влиянием²⁹. Западнославянские формы, происхождением своим связанные с южным побережьем Балтики, и подражания им в

северных русских городах X в. свидетельствуют о влиянии западнославянского гончарного производства. Важно отметить, что западнославянские гончарные традиции оказали влияние не только на Новгородскую землю, но и на другие территории Балтийского региона, включая и скандинавское общество³⁰. Например, керамические коллекции шведской Бирки (IX–X вв.) и Сигтуны (конец X – начало XI в.) обнаруживают существенные западнославянские влияния. Причины этих культурных связей В. М. Горюнова усматривает в конкретных исторических событиях, прежде всего, в усилившемся после середины IX в. натиске германских племен на земли западных славян. Это повлекло за собой отток населения, начало активных набегов, например, на территорию Дании. Исследования показали, что славянская керамика первоначально появляется в Дании случайно, в единичных экземплярах, с конца же X в. распространяется повсеместно³¹.

Итак, беглый обзор только одних материальных свидетельств (без привлечения других видов источников) конца IX – начала XI в. с территории Восточной Европы показывает, что в этнополитических процессах этого региона принимали участие представители различных этнических общностей. Наряду с восточными славянами значительную роль в этих процессах играли выходцы из Скандинавии. Древности, носителями которых были выходцы с севера, имеют широкое распространение на рассматриваемой территории, встречаясь в составе культурного слоя как мелких населенных пунктов, так и крупнейших древнерусских городов, прежде всего, расположенных вдоль основных речных трансъевропейских путей. Археологические источники показывают, что скандинавы входили в состав древнерусской элиты (причем на ранних этапах образования Древнерусского государства составляли в ней значительную, если не преобладающую часть). Что же касается западнославянского элемента в материальной культуре Восточной Европы, то он также, безусловно, присутствует, но на ограниченной территории (на северо-западе Руси). Влияние это читается, в основном, в традициях изготовления керамических сосудов, что, вероятно, в первую очередь, связано с общими процессами освоения гончарных традиций во всем балтийском регионе. Конечно, отнюдь не исключены и переселения отдельных групп населения с западнославянских территорий. Однако дает ли это основание переименовывать путь, названный уже летописцем «из варяг в греки», в путь из «ободрит в греки»? В рамках данной небольшой работы мы сознательно касались (в соответствии с профессиональной принадлежностью) лишь археологических источников, но даже и этот ограниченный материал неизбежно приводит к выводу об особой роли выходцев из Скандинавии в ранней русской истории.

Примечания

¹ *Фомин В.В.* Народ и власть в эпоху формирования государственности у восточных славян // Отечественная история. 2008. № 2.

² *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. Т. 6. М.; Л., 1952. С. 549.

³ Ярославское Поволжье X–XI вв. М., 1963. С. 19.

⁴ *Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. Смоленск, 1995; *Мельникова Е.А.* К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (Постановка проблемы) // Древнейшие государства на территории Восточной Европы: 1992–1993 гг. М., 1995; *Jansson I.* Warfare, trade or colonisation? Some general remarks on the eastern expansion of the Scandinavians in the Viking period // The Rural Viking in Russia and Sweden. Örebro, 1997; *Носов Е.Н.* Современные археологические данные по варяжской проблеме // Раннесредневековые древности северной Руси и ее соседей. СПб., 1999.

⁵ См.: *Кураев И.В.* Историография варяжского вопроса (по исследованиям погребений Гнездово) // Гнездово. 125 лет исследования памятника. Труды ГИМ. Вып. 124. М., 2001.

⁶ *Пушкина Т.А.* О проникновении некоторых украшений скандинавского происхождения на территорию Древней Руси // Вестник МГУ. Сер. 8: История. 1972. № 1.

⁷ *Енисосова Н.В.* Скандинавские рельефные фибулы из Гнездова // Гнездово. 125 лет исследования памятника. Труды ГИМ. Вып. 124. М., 2001.

⁸ *Новикова Г.Л.* Скандинавские амулеты из Гнездова // Смоленск и Гнездово. М., 1991. С. 177.

⁹ *Новикова Г.Л.* Распространение североευропейских культовых древностей на Руси и их хронология // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1994. Псков, 1995. С. 79–83.

¹⁰ *Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие. Вып. 1. М.; Л., 1966. С. 38–39.

- ¹¹*Puškina T.* Scandinavian finds from Old Russia. A survey of their topography and chronology // *The Rural Viking in Russia and Sweden.* Örebro, 1997. P. 84.
- ¹²*Стальсберг А.* Связи между Норвегией и Древней Русью: археологические находки // *Ладога и истоки российской государственности и культуры.* СПб., 2003. С. 117.
- ¹³*Каинов С. Ю.* Ланцетовидные наконечники стрел из раскопок Гнездова // *Раннесредневековые древности северной Руси и ее соседей.* СПб., 1999. С. 49, 56.
- ¹⁴*Леонтьев А. Е. Розанова Л. С.* Ростовские ножи X–XIII вв. Технология производства и типологический анализ // *Русь в IX–XV веках. Взаимодействие Севера и Юга.* М., 2005. С. 159, 168.
- ¹⁵*Smirnova L.* Social Hierarchy of Early Novgorod on the Evidence of an Analysis of the 10th–11th Century Combs // *Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters.* Jahrgang 30. 2002. P. 93.
- ¹⁶*Sahajdak M.* Some Contested Questions of Historical Topography in Medieval Kiev // *Cultural interaction between East and West.* Stockholm, 2007. P. 118–119.
- ¹⁷*Кирпичников А. Н.* Ладога в первые века ее истории // *Кирпичников А. Н., Сарабянов В. Д.* Старая Ладога. Древняя столица Руси. СПб., 2003. С. 71–72.
- ¹⁸*Puškina T.* Op. cit. P. 84; *Puškina T.* Viking-period pre-urban settlements in Russia and finds of artifacts of Scandinavian character // *Land, Sea and Home. Proceedings of a Conference on Viking-period Settlement, at Cardiff, July 2001.* Maney, 2004. P. 43–44.
- ¹⁹*Jansson I.* Op. cit. P. 37–47.
- ²⁰*Богуславский О. И.* История Юго-Восточного Приладожья в погребальных древностях // *Старая Ладога. Древняя столица Руси.* СПб., 2003. С. 160–161.
- ²¹*Еремеев И. И.* Волок с «верха Днепра до Ловати» и варяги // *Археологические Вести.* № 12. СПб., 2005. С. 117.
- ²²*Григорьев А. В.* Славянское население водораздела Оки и Дона. Тула, 2005. С. 154–164.
- ²³*Мурашова В. В.* Супрутский клад. Из раскопок 1969 г. // *Труды ГИМ.* Вып. 175. М., 2008. С. 38.
- ²⁴Мы не касаемся дискуссии о критериях выделения этнически окрашенных комплексов, в данном случае, скандинавских.
- ²⁵*Жарнов Ю. Э.* Женские скандинавские погребения в Гнездове // *Смоленск и Гнездово (к истории древнерусского города).* М., 1991. С. 215–217, 219.
- ²⁶*Дубов И. В.* Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 143.
- ²⁷*Янссон И.* Контакты между Русью и Скандинавией в эпоху викингов // *Труды V Международного конгресса славянской археологии.* Т. III. Вып. 16. М., 1987.
- ²⁸*Седов В. В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. Археология СССР. М., 1982. С. 64.
- ²⁹*Смирнова Г. П.* О трех группах новгородской керамики X – начала XI в. // *Краткие сообщения Института археологии.* Вып. 139. М., 1974. С. 17–22; *Малыгин П. Д., Гайдуков П. Г., Степанов А. М.* Типология и хронология Новгородской керамики X–XV вв. (по материалам Троицкого XI раскопа) // *Новгород и новгородская земля. История и археология.* Вып. 15. Новгород, 2001. С. 82–97; *Горюнова В. М.* Раннегончарная керамика Рюрикова городища и общие тенденции развития раннегончарных комплексов городских центров Северной Руси X – начала XI вв. // *Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В.* Городище под Новгородом и поселения северного Приильменья. СПб., 2005. С. 82–121.
- ³⁰*Горюнова В. М.* Указ. соч. С. 121.
- ³¹*Горюнова В. М.* Проблемы происхождения западно-славянской керамики в Приильменье // *Новгород и новгородская земля. История и археология.* Вып. 8. Новгород, 1994. С. 74–75.

Историософия историка

Вероятно, историография, как и история, может повторяться. В свое время Р.Ю. Виппер под непосредственным впечатлением от мировой войны и революций в России высказал мысль о том, что жизненный опыт историков необычайно обострился, им приходится пересматривать свои суждения о прошлом, заменять одни положения другими, иногда противоположными; история стала из наставницы учительницей жизни. Нечто похожее под влиянием радикальных общественно-политических перемен на рубеже XX – XXI столетий пережила и нынешняя наука российской истории. Разумеется, каждый историк проявил себя в новой историографической ситуации по-своему: конкретная судьба и творчество далеко не всегда совпадают с общим вектором исторической науки. Не следует сбрасывать со счетов индивидуальные особенности, проблематику прежних работ, жизненные обстоятельства и, что греха таить, конъюнктурные соображения. Впрочем, в последнем никогда нельзя было упрекнуть автора рецензируемой книги*, профессора Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, приглашенного профессора ряда зарубежных и отечественных университетов Н.И. Цимбаева. Его новая книга дает возможность проследить, как приобретенный новый жизненный опыт сказывается не на исторической науке в целом, не в общей проблематике исследований, не на истории отдельных школ и направлений, но на творческой биографии «отдельно взятого», счастливо избежавшего соблазнов эпохи, исследователя. К тому же в некотором отношении «Историософия на развалинах империи» и юбилейное издание: на стадии завершения работы над книгой ее автору исполнилось 60 лет.

Вплоть конца 1980-х гг. научные интересы Цимбаева сосредоточивались в основном на проблемах истории общественного движения и общественной мысли XIX в., отчасти истории исторической науки и носили строго научный характер («И.С.Аксаков в общественной жизни

пореформенной России», 1978; «Славянофильство (из истории общественно-политической мысли XIX века)», 1986; «Сергей Михайлович Соловьев», 1990).

В начале 1990-х гг., повторив вслед за П.М. Бицилли: «Пережить великое крушение для историка – большая удача», – историк, не разрывая с прежними научными привязанностями, напротив, черпая в привычной тематике материал для осмысления действительности, заново прочитывая и перечитывая интеллектуальное наследие «властителей дум» XIX в., существенно увеличил удельный вес ее историософской компоненты. Прежде эта задача им ставилась в качестве перспективного направления научного освоения феномена славянофильства¹. При этом собственное решение бесспорно актуальной и злободневной темы было проблематичным: не столько историософия, сколько конкретное историописание, опирающееся на тщательную и предельно добросовестную интерпретацию текстов, было неизменно сильной стороной творчества Цимбаева. Параллельно с историософской проблематикой большее внимание, чем прежде, он стал уделять вопросам истории российской государственности. В целом направленность его научной деятельности в последние два десятилетия и была ориентирована на раскрытие возможностей и способности историографии учиться на опытах реальной политической и общественной практики, в свою очередь предлагая ей возможные пути развития и предостерегая от уже сделанных трудно поправимых ошибок. Обучение исторической науки на «опытах быстротекущей жизни» и в самом деле может привести к тому, что истории возвратятся утраченные права учительницы жизни. Другой вопрос: насколько будут востребованы, выучены властью и обществом ее уроки.

Характеристика времени, отчасти объясняющая историософскую составляющую в работе историка на руинах советской государственности, содержится в одном из очерков книги: «Россия. Конец XX века... Странное, зыбкое время, и стране, невнятен наш мир. Рухнул колосс, который, казалось, твердо стоял на ногах, истаяла ледяная глыба, чья форма как будто

* **Цимбаев Н.И.** Историософия на развалинах империи. М.: Издательский дом Международного университета в Москве. 2007. 616 с.

была определена навсегда, и нет у нас понимания настоящего, что совсем недавно было простым и ясным, ни веры в будущее, так легко предвидимое еще десять-пятнадцать лет назад. Ушел в небытие порядок вещей, определявший жизнь нескольких поколений. В умах воцарились растерянность, и в поисках опоры мы обращаемся к единственному, что представляется неизменным, что не в силах изменить ни злая воля, ни людское безумие – к нашему прошлому. Растет в цене историческое знание, из забвения, из тайников общественной памяти извлекаются имена и события, о которых не желало знать оптимистически дремучее невежество людей, озабоченных строительством "светлого будущего"» (с. 548).

Конечно, тут важен контекст, повод для именно такой оценки действительности. Показательна, однако, уверенность в возможности истории вернуть утраченные позиции как раз тогда, когда она, вспомним «Апологию истории» Марка Блока, нас обманула.

Большая часть текстов, вошедших в книгу, известна по журнальным публикациям и убедительно свидетельствует о достойном вкладе автора в разработку традиционно находящихся в сфере его профессиональных интересов проблем истории общественного движения и общественной мысли России. Но броское название книги лишь отчасти отражает ее содержание. В ней немало страниц, написанных и увидевших свет, когда словосочетание «советская империя» в отечественной историографической практике было невозможно, а сама она, если верить официальной идеологии, переживала период устойчивого развития. Никак не отнесешь ко времени кризиса и гибели Российской империи историософию мыслителей XIX в., анализ которой содержится в книге. В целом книга Цимбаева посвящена отечественной истории и историософии как в условиях видимого расцвета, так и бесславного крушения обеих империй. Но где и когда название ученого труда исчерпывало его содержание?

Сам автор считает, что структура книги определяется тремя проблемами. Первая – историософская, отправляющаяся от доказательного утверждения возможности принципиально различных интерпретаций национального прошлого и разнообразия на их основе проектов будущего развития. Конечно, этот тезис оспорить невозможно: строго говоря, история национальной исторической мысли, именно мысли, а не только стремящейся к строгости историографической науки, есть не что иное как история многочисленных, часто диаметрально противоположных, истолкований на философско-историческом, концептуальном, конкретно-историческом уровнях хода, смыс-

ла, значения, последствий прошедшей исторической реальности.

Но, кажется, можно понять автора, испытывавшего, в хронологических границах собственной конкретно-исторической практики, насильственное внедрение однолинейной и однозначной версии прошлого, настоящего и будущего страны, исключаяющее возможность и практическую целесообразность даже робких и неуверенных опытов альтернатив общественного развития.

Не удивительно, что освобождение национального научно-исторического сообщества от сковывавших его долгие годы пут идеологического давления повлекло за собой обостренное внимание к прежде почти запретному плоду. Тем более что переломная эпоха потребовала не только пересмотра прежних, казавшихся неизблемыми концепций, версий, но и сами исследователи стали рассматривать эту работу в числе первоочередных и первостепенных по важности и практическому значению. Автор обращает внимание на поток «смелых историософских построений», однако противопоставляет им «подлинную историософию», основой которой является научное историческое знание.

В этой связи принципиальное значение имеет текст, озаглавленный «До горизонта – земля! К пониманию истории России». В поиске содержания и смысла российской истории автор обращается к историософскому наследию классиков отечественной историографии, как бы проверяя жизнеспособность, вневременность их выводов всем ходом исторической жизни России, в том числе и современной исторической действительностью. Выходит, что судьба России, ее прошлое, настоящее и будущее определяются постоянно действующими, но изменяющимися во времени факторами.

Это колонизация – «подлинный стержень и смысл российской истории» (С.М. Соловьев), причем не только расширение, но освоение, продолжающееся и в настоящее время.

Это принадлежность Руси, «живой преемницы Византии» (Г. Флоровский) к европейской христианской цивилизации.

Это – сильный московский государь, владыка государства, гаранта централизации, достойный представитель страны в Европе. При этом идея сильного государя вовсе не имеет своим источником ордынской государственности, а восходит к византийским, к римским представлениям об императорской власти. В этом пункте историософия Цимбаева отчетливо и принципиально противостоит доевразийским, евразийским (вспомним хотя бы «Империю Чингисхана» Н.С. Трубецкого) и тем более современным, порой фантастическим и неизменно

вульгарно-спекулятивным, рассуждениям на темы Руси и Орды, Востока и Запада, России и Европы.

Это, наконец, как и в Европе, за некоторым исключением, трансформация единогодержавия в великодержавие и такая выдающаяся особенность имперского периода в отношении присоединяемых народов, как не национальная, не религиозная, а социальная ассимиляция, когда «местные правящие верхи... входили в состав господствующих в России сословий, сохраняя, как правило, свою веру, свои особые права и преимущества» (с. 22).

Н.И. Цимбаеву представляется решительно неприемлемой бытующая в новейшей историографии и исторической публицистике точка зрения, согласно которой сутью имперской политики с XVIII в. являлись три принципа: русификация, централизация и унификация, а также насильственное распространение православия. Напротив, полагает он, «народы и земли, мирным или насильственным путем включавшиеся в состав Российской империи, в течение долгого времени сохраняли присущие им особенности внутреннего административного устройства, правовых и социальных отношений» (с. 497).

По нашему мнению, контрпунктом и наиболее интересной частью историософии историка является объяснение им причин краха Российской империи, в конечном итоге повлекшее за собой сужение границ современной России к пределам XVII в. Заключается оно в неудаче строения единой российской нации. Существенные причины этой фатальной для будущего неудачи – проведение политики социальной ассимиляции за счет русского народа и непонимание государственными деятелями России возможностей и перспектив федеративного устройства страны. В блестящей статье, посвященной истории федеративных (и, добавим, унитаристских) идей, автор не поддерживает тех исследователей и публицистов, которые в разное время и по разным поводам занимались поисками исторических корней современного российского федерализма. Федералистские идеи не были реализованы на практике, а в 20–30-е гг. XX в. было создано такое национально-федеративное устройство, которое противоречило традиции российской государственности и могло существовать только при жесткой диктатуре центра. Политика «коренизации», суть которой заключалась в создании национальных руководящих кадров, в итоге привела к разрушению унитарного социалистического государства.

В этой связи уместно вернуться к вопросу о практической стороне «подлинной историософии», непосредственно обращенной к реалиям, фиксирующей противоречивость нынешнего

государственного строительства, небрежность в разработке и осуществлении на практике национальной и региональной политики. Отнюдь не только научное значение имеет и экскурс в историю теории разделения властей, приводящий к выводу о ее безрадостной судьбе на российской почве. Показателен и отклик историка на философский проект будущего. Речь идет о книге К.М. Кантора «Двойная спираль истории. Историософия проектизма», представляющей собой, по словам ее автора, «черновой набросок» историософии XXI в. Это отнюдь не рядовая рецензия хотя бы потому, что идеи, заключенные в ней, близки и созвучны собственным размышлениям Н.И. Цимбаева. Остается добавить, что в собственно историософский раздел книги вошли содержательные очерки историософии Ф.И. Тютчева и А.С. Хомякова, М.О. Гершензона и Г.А. Ландау, польских исследователей «русской идеи».

Историософская проблематика тесно переплетена в книге с собственно исторической, граница между ними весьма условна. Во втором разделе «История» наряду с очерками о А.И. Кошелеве, Ю.Ф. Самарине, И.С. Аксакове, истории Русской Православной Церкви помещена известная монография «Славянофильство». Переиздание с редкими купюрами и без какой бы то ни было переработки и дополнений монографии, вышедшей более 20 лет назад, в некотором смысле было рискованным решением. Историография славянофильства за эти бурные, тревожные и драматические годы выбора пути общественного и государственного развития отнюдь не оказалась на периферии общественного и научного внимания. Публицистика, весьма разнообразная по научному и литературному качеству, оказалась впереди историографии. Как и отмечал в свое время Цимбаев, интерес к славянофильству естествен не только для тех, кого занимает история русской мысли и русского общественного движения. Существует и иной подход к теме, стремление вывести славянофильство за пределы XIX в. Для автора не составляло бы особого труда вернуться к тексту 1970 – 1980-х гг., обновить и уточнить результаты прежних изысканий. Обновленное «Славянофильство», так или иначе учитывающее не только новейшую литературу, но и пережитый опыт современной эпохи, могло бы дать богатую пищу для размышлений на презентистскую тему. Тем не менее интересно и поучительно перечитать старое «Славянофильство», лишний раз убедившись, правда, на конкретном и достаточно частном примере, что ссылка на непростые внешние условия развития научно-исторического познания в советскую эпоху далеко не служит оправданием для тех, чьи исторические труды безнадежно уста-

рели и не представляют интерес даже для «грызущей критики мышей». Впрочем, книги-однодневки, конъюнктурные и заказные сочинения существовали во все времена, и нынешняя, как будто свободная от идеологических пут, эпоха не является исключением. Впрочем, хотелось бы при этом знать, как сегодня Цимбаев ответил бы своим критикам, не согласившимся с предложенными им хронологией классического славянофильства как направления, версий его внутренней периодизации и характеристической социальной природы.

Но, отказавшись от обновления «Славянофильства» при подготовке к его переизданию в рецензируемой книге, Цимбаев не раз находил способы высказать свою позицию по некоторым острым вопросам славянофильства и западничества в их современном облики. В форме диалога с В.К. Канторов, автором книги «"...Есть европейская держава". Россия: трудный путь к цивилизации», он пытается преодолеть глубоко укоренившееся представление о славянофильстве и западничестве как противоположных тенденциях социокультурного развития. «Славянофильство и западничество действительно "двуликий Янус", сердце которого – европеизм, понимаемый как единство христианских народов в многообразии их культур, ибо сущность европеизма не в заимствовании форм, но в познании и усвоении органических законов развития своей страны и своего народа» (с. 62).

Реальной антитезой является не «славянофильство и западничество», но «европеизм и варварство», причем последнее может принимать вид, как бездумного преклонения перед Западом, псевдозападничества, так и оголтелого национального самовосхваления, псевдосла-

вянофильства (с. 64). Европеизм – вот ключ к историософии старой и новой, современной России. Россия страна европейская, христианская; страна, народ которой на протяжении веков отдавал и продолжает отдавать силы, прежде всего, освоению и устройению огромных пространств.

Третьему разделу книги автор дал название «Глазами историка». С формальной точки зрения, помещенные в ней тексты относятся к опытам литературной (очерки об А.К. Толстом, Е. П. Карновиче, прозе Вяч. Л. Кондратьева) и кинокритики (фильм «На семи ветрах»). И та, и другая, в силу присущей профессии историка взглядов и принципов, несут своеобразный отпечаток. Профессия обязывает: автор, как бы не обращая внимания на особенности композиции, сюжета и стиля, в частности прозы Вячеслава Кондратьева, сосредоточивается на потенциальных возможностях художественного текста и киноязыка как исторического источника – эпохи, в них запечатленной, и времени, в котором жили его создатели.

И этот совершенно новый аспект творчества автора рецензируемой книги представляется и перспективным, и многообещающим.

В.И. Дурновцев,
доктор исторических наук
(Международный независимый
эколого-политологический университет)

Примечание

¹Цимбаев Н.И. Славянофильство (из истории русской общественно-политической мысли XIX века). М., 1986. С. 240.

История Удмуртии. С древнейших времен до XV века. Под ред. М.Г. Ивановой. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2007. 304 с.; История Удмуртии. Конец XV – начало XX века. Под ред. К.И. Куликова. Ижевск: УИИЯЛ УРО РАН, 2004. 552 с.; История Удмуртии. XX век. Под ред. К.И. Куликова. Ижевск: УИИЯЛ УРО, 2005. 544 с.

В отечественной историографии появилась современная академическая версия истории Удмуртии и удмуртского народа. Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, который до недавнего времени, на протяжении трех десятилетий возглавлял доктор исторических наук К.И. Куликов, выпустил в свет трехтомную серию коллективных монографий, освещающих политические, экономические, демографические процессы в этом российском регионе, его социальное и культурное

развитие с древнейших времен до начала XXI века¹. Потребность в осмыслении прошлого Удмуртии с современных научных позиций, без идеологической заданности давно назрела. Тем более что изданные полвека назад «Очерки истории» республики² безнадежно устарели как в методологическом, так и в содержательном отношении. В новом фундаментальном труде ижевских историков подводятся итоги многолетних исследований, формулируются спорные и нерешенные вопросы и намечаются перспек-

тивы дальнейшего изучения прошлого Удмуртии и удмуртского народа.

В отличие от традиционных «историй» республик и регионов, трехтомная «История Удмуртии» – это не просто пересказывание сведений, накопленных за несколько столетий изучения края. Представленный материал излагается (особенно в разделах, посвященных ранним этапам истории) зачастую не в виде готовых выводов и утвердившихся концепций, а как предмет научной полемики, с показом различных точек зрения ученых по тому или иному вопросу. Такой подход отражает реальную жизнь исторической науки и свидетельствует о том, насколько сложным и долгим может быть поиск истины в этой отрасли научного знания.

Работу отличает комплексный, междисциплинарный характер. В ней использован широкий арсенал средств и методов исследования не только собственно историографии (включая археологию и этнографию), но и лингвистики, фольклористики, религиоведения, демографии и других дисциплин.

Само понятие «Удмуртия» вошло в повседневный речевой обиход только в прошлом столетии. До того земли удмуртов административно не выделялись. Авторы рецензируемого труда описывают историю региона, который несколько шире современной Удмуртской Республики. Пространственный охват определяется ими приблизительно как территории Глазовского, Елабужского, Малмыжского и Сарапульского уездов Российской империи. При этом из глубины веков в этих местах идет историко-этнографическое разделение удмуртов на северных и южных. Накануне присоединения края к России, в XV в. такое разделение наглядно проявилось в проживании этих двух частей народа соответственно в Вятском крае и в Казанском ханстве (главным образом в одной из его провинций – Арской дороге).

Магистральными проблемами первого тома монографии являются процессы этнического и социального развития предков удмуртов до XV в. Самые ранние признаки этнического своеобразия позднейших удмуртов ученые склонны усматривать уже в неолите. Именно к той эпохе восходит появление названий некоторых родов по *воршудам* – мифическим зооморфным первопредам. Заметно, что среди воршудов отсутствуют домашние животные; следовательно, роды обрели свои тотемы до складывания в Приуралье производящего хозяйства. Здесь читателю предлагаются интереснейшие результаты палеолингвистических реконструкций. К новому каменному веку (и к последующей стадии – энеолиту) относится формирование мощного лексического пласта, связанного с обозначениями животных, растений, степеней род-

ства, числительных, категорий духовной жизни... (правда, появление понятия «душа» почему-то в двух разных местах книги датируется то неолитом, то энеолитом – т. 1, с. 81, 99). Однако авторы подчеркивают, что это пока история не удмуртского народа, а предков всех восточных финно-угров.

Разумеется, изложение древнейшего прошлого ведется преимущественно на основе археологических материалов. Именно археология дает исследователям материал для восстановления картины ранних этнических процессов в этой части Восточной Европы. Авторы прослеживают постепенное выделение предков удмуртов из более обширных общностей (финно-пермской, общепермской) в раннем железном веке и раннем средневековье, особое внимание уделяя ананьинской и мазунинской культурам. Очевидно, со второй половины 1 тыс. н.э. удмурты и коми окончательно отделились друг от друга и двинулись уже разными этническими путями.

Эпоха Великого переселения народов принесла предкам удмуртов первое знакомство с государственностью: по некоторым сведениям, они входили в готскую державу Германариха. Позднее регионы южнее Прикамья и Приуралья стали активно заселяться тюркскими народами, в Среднем Поволжье возникла Волжская Булгария. В X–XIII вв. ареал проживания финно-угорских народов был поделен на сферы влияния волжских булгар и Древнерусского государства.

В активных контактах (и конфликтах) с многочисленными соседями древние удмурты проходили тот же путь социально-политического развития, что и славяне, германцы и множество других народов. У них происходила общественная стратификация и затем дифференциация, формировалась военизированная общинная верхушка – зачаток будущей военной знати и дружинной элиты. Судя по изложенным в рецензируемом труде материалам, у удмуртов в раннем средневековье складывались первичные потестарные системы, которые имели потенциал перерасти в государственные образования.

Памятником тех времен служат открытые археологами республики городища, и прежде всего знаменитый Иднакар недалеко от г. Глазова; сейчас это крупный историко-культурный музей-заповедник и один из своего рода брендов современной Удмуртии. Построенный в конце IX в. при слиянии Чепцы и Пызена и просуществовавший четыре столетия, Иднакар был центром некоего сообщества из десятка окрестных общин (с их особыми, собственными городищами), объединенных, видимо, в некую раннеполитическую структуру. В Иднака-

ре располагалась резиденция главного вождя, предводителя этой структуры; этнография донесла возможные титулы такого предводителя – финское слово *эксэй* или заимствованное у тюрков *кун*. В период наивысшего расцвета население Иднакара могло достигать 1 тыс. человек.

Иднакар находится на землях северных удмуртов. Южные удмурты жили в местах с более плодородными почвами и оживленными торговыми путями, теснее общались с соседями-тюрками (булгарами, татарами Золотой Орды и Казанского ханства), и у них процесс социального развития шел несколько быстрее. Достоверно известно о существовании в их среде аристократии – арских князей. Веским аргументом в пользу ранней этнической консолидации и относительно развитых социальных отношений у южных удмуртов историки – авторы 2 тома справедливо считают отсутствие в их среде всяких следов племенной структуры.

С XII в. все более актуальными и активными становятся контакты с соседними русскими княжествами. Прежде всего это касалось Вятской земли. Сюда переселялись выходцы из новгородских, суздальских, нижегородских и прочих владений. В Вятке установился своеобразный внутренний строй, напоминавший вечевую республику Великого Новгорода. В рецензируемой монографии показан долгий путь постепенного присоединения территории северных удмуртов к Московскому государству: от борьбы за ханские ярлыки на Суздальско-Нижегородское княжество (одним из уделов которого считался Вятский край) – через периодические признания и непризнания вятчанами верховенства Москвы, временное подчинение Вятки Казанскому ханству – до решающего похода воевод Ивана III в 1489 г.

С этой даты авторы начинают периодизацию присоединения Удмуртии к России. Вторым этапом они считают 1552 г. – завоевание Казани и номинальное присоединение южных удмуртов (подданных арских князей); завершение присоединения связывается с разгромом восстаний народов Среднего Поволжья 1552–1557 гг. (т.н. первая Черемисская война).

Анализ последствий присоединения удмуртских земель к России далек от благостного воспеания «дружбы народов», присущего советской историографии. Авторы показывают как положительные, так и отрицательные стороны этого процесса. В частности, удмурты утратили собственное, пусть и несамостоятельное политическое образование – Арскую землю; Москва первоначально использовала арских князей, осуществляя традиционную политику сотрудничества с этническими элитами. Но это продолжалось лишь до 1580-х гг., т.е. до

подавления последних очагов сопротивления поволжских народов и до тех пор, пока сохранялась потенциальная угроза реставрации казанско-татарской государственности. После этого остатки удмуртской аристократии были полностью отстранены от участия в политической жизни.

Из-за войн и массовой миграции русских в «подрайскую землю» бывшего Казанского ханства большие массы удмуртов переселились в северные районы. Там, в прикамско-причепецких лесах удмурты слились в единый географический и этнический массив.

Что касается более широких обобщений относительно геополитических последствий присоединения Вятки и Казанского «царства» к России, то здесь, похоже, авторы не вполне избавились от традиционных историографических штампов (см. т. 2, с. 54). Во-первых, утверждается, будто тем самым Русское государство укрепило свои восточные границы. Все же достаточно взглянуть на карту, чтобы увидеть, что государственная граница на юго-востоке выдвинулась в заволжские степи, сомкнувшись с кочевьями ногаев и калмыков – соседей, не менее беспокойных, чем когда-то казанские татары. Во-вторых, была якобы устранена опасность крымского и турецкого завоевания Поволжья. Однако в османских военных планах середины XVI в. такая задача не значилась, а крымские ханы заводили разговоры о войне за Поволжье как раз после его завоевания русскими. В-третьих, с падением Казанского ханства будто бы «был сметен последний рубеж, задерживающий продвижение русской колонизации на восток». Эта колонизация уже продолжалась веками в более северных регионах, и Казань ей не мешала, а в рассматриваемый период продвижение на восток было для России неактуально – решались вопросы южной и западной экспансии. Движение в сторону Сибири началось гораздо позже и вне связи с одолением татарских ханств на Волге.

В «Истории Удмуртии» показано, что Удмуртский край в составе России прошел через те же перипетии и испытания, что и вся страна. Сюда докатывались Смута и Пугачевщина, разворачивались реформы Петра I, Александра II, П. Столыпина, которые давали далеко не только положительные результаты³.

Расположенный в глубоком тылу регион участвовал и в военной жизни государства. Прообразом знаменитой «кавалерист-девицы» была дочь сарапульского градоначальника Надежда Дурова, которая под именем корнета и затем поручика Александра участвовала в кампаниях против французов в 1807–1814 гг. В Удмуртии размещали иностранных солдат, попавших в плен во время Отечественной войны

1812 г. и Первой мировой, а в последствии и Великой Отечественной войны.

Коренное население долго придерживалось языческих верований, что не давало покоя светским властям и церковному начальству, время от времени устраивавших кампании по христианизации удмуртов и одновременному искоренению язычества. Специфической культурно-религиозной проблемой было массовое домашнее изготовление алкогольного напитка *кумышки*, использовавшегося при обрядах. В монографии показано развитие долгой и чрезвычайно интересной кампании вокруг запрещения и разрешения этого занятия, когда переплетались и интересы производителей водки, и попечение о фискальном пополнении казны, и забота правительства о защите удмуртов – лояльных подданных и налогоплательщиков от злоупотреблений со стороны винных откупщиков.

Уделено достаточное внимание скандальным процессам против удмуртов, ложно обвиненных в отправлении изуверских языческих ритуалов, – Малмыжскому делу 1848–1856 гг. и знаменитому Мултанскому делу 1892–1896 гг., которое всколыхнуло всю общественность империи.

По поводу этих и иных событий авторы неоднократно высказывают справедливое, на наш взгляд, суждение, которое не могло появиться на страницах научного труда в советское время. Высшие власти империи обычно стремились к проведению толерантной политики, избегали мер, которые могли бы вызвать притеснение «иностранцев», разрабатывали соответствующие законоположения. Конфликты же и недовольство нерусского населения, в том числе удмуртов, вызывались зачастую злоупотреблениями и произволом местной администрации – алчной, корыстной, равнодушной к нуждам жителей подведомственного региона.

По мере приближения к XXI в. изложение все более и более наполняется биографической конкретикой. На страницах книги появляются очерки о местных кушцах, промышленниках, общественных деятелях, которые внесли заметный вклад в развитие края. Его история приобретает зримое «человеческое измерение», наполняется живыми, интересными подробностями.

По мере приближения к нашему времени, при описании истории XX в. внимание к отдельным ярким судьбам жителей края уменьшается, а изложение становится все более схематизированным и социологизированным. В последнем томе показаны основные вехи в жизни СССР применительно к изучаемому региону. Начало государственного строительства здесь и образование удмуртской автономии проходило сравнительно бесконфликтно, хотя велись

споры об определении границ с соседними губерниями, и немалое количество удмуртов оказалось вне Удмуртской республики, в определенных административных образованиях.

На различных этапах истории Советского Союза Удмуртия имела свои особенности. Так, в период коллективизации одной из основных проблем для власти оказалась борьба против *кенеши* – традиционного института крестьянского схода как «реакционного» противовеса сельсовету и колхозному собранию. В период репрессий 1930-х гг. местные органы НКВД раздули «дело СОФИН» – антисоветской организации, якобы планировавшей создание финно-угорской федерации под протекторатом буржуазной Финляндии.

Следует отметить, что повествование о драматических и порой трагических событиях в жизни республики ведется в спокойном, нейтральном, истинно академическом тоне, без навешивания ярлыков и присваивания хлестких эпитетов при оценке исторических деятелей и событий. Такой объективный, даже беспристрастный подход особенно важен при изучении советского периода нашей истории, который многими читателями по понятным причинам воспринимается эмоционально, сквозь призму собственной биографии.

В целом можно, заключить, что ижевские историки создали фундаментальный исторический труд, который на долгие годы станет основополагающим ориентиром в историографии Удмуртии.

В.В.Трепавлов,
доктор исторических наук
(Институт российской истории РАН)

Примечания

¹В дополнение к трехтомнику по инициативе Комитета по делам архивов при Правительстве Удмуртской Республики издан двухтомный сборник документов по истории Удмуртии: Хрестоматия по истории Удмуртии. В 2 т. Документы и материалы. Ижевск: ЦГА УР, ЦДНИ, УИИЯЛ УрО РАН, 2007. Т. 1. 1136–1917; т. 2. 1917–2007. Представленные в нем источники (многие из которых публикуются впервые) иллюстрируют и дополняют материал, изложенный в коллективном монографическом труде.

²Очерки истории Удмуртской АССР. Т. 1–2. Ижевск, 1958–1962.

³Заметим, что порой исторические события трактуются в русле далеко не общепризнанных воззрений Л.Н. Гумилева, что легко угадывается по присущей ему специфической терминологии: восстания конца XVI в. на юге Удмуртии «во многом сняли пассивное напряжение»; движение Пугачева явилось «результатом резкого нарастания социальной энтропии» (т. 2, с. 92, 140) и т.п.

А.А. Сафонов. Свобода совести и модернизация вероисповедного законодательства Российской империи в начале XX века. Тамбов: Издательство Р.В. Першина, 2007. 367 с.

Проблема становления в России религиозной свободы не изучалась в отечественной историографии так интенсивно, как вопросы политического реформирования, революционных и общественно-политических движений, социально-экономического развития. Между тем, как писал Г. Йеллинек, право на религию – это «мать всех прав». Этот же тезис подтверждают современные западные ученые, напоминая, что «свобода вероисповеданий является первичной свободой, которая лежит в основе всех остальных свобод»¹.

Монография А.А. Сафопова свидетельствует о росте исследовательского интереса к проблемам реформирования религиозного законодательства в Российской империи. В книге широко использованы работы известных дореволюционных правоведов и православных канонистов, современных исследователей истории российских конфессий и церковно-государственных отношений. Источниковую базу составляют документы Российского государственного исторического архива и Государственного архива Российской Федерации. Часть материалов впервые вводится в научный оборот.

Исследование основано на анализе сложного правового механизма, регулировавшего порядок функционирования христианских и иноверных конфессий, религиозных групп и общин, признанных законом в качестве веротерпимых. Автор рассматривает сложную и противоречивую эволюцию законодательства, в ходе которой произошел переход от традиционной российской веротерпимости к западному либеральному стандарту правового регулирования отношений государства с религиозными организациями в форме свободы совести.

Анализируя систему вероисповедных отношений в Российской империи, Сафонов подчеркивает, что для традиционных христианских обществ была характерна ситуация, когда один привилегированный религиозный институт опирался на силу государства для поддержания своего исключительного правового статуса среди всех терпимых в государстве конфессий и религиозных общин. Определение статуса Православной церкви как «первенствующей и господствующей» среди всех вероисповеданий России позволяет, в свою очередь, выстроить иерархию веротерпимости, определить границы религиозной свободы для деятельности неправославных религиозных сообществ, а также нормы взаимоотношений между ними, Православной церковью и государством.

Исследуя принципы устройства четырехъярусной иерархии конфессий, религиозных групп и общин, автор указывает на политические, догматические и правовые критерии, которые позволили государству, сохраняя формальное равенство терпимых религий перед законом, определить объем прав и привилегий для каждого терпимого вероисповедания, соотнося его со статусом «господствующего» православия. Становится очевидным, что иерархически устроенная система преимуществ, характерная для всех признанных законом вероисповеданий, содержит в себе элементы правовой дискриминации для тех, кто ранее принадлежал к «господствующему» православию, т.е. для старообрядцев и сектантов, частично терпимых или вовсе не признаваемых российским законодательством в качестве религиозных организаций.

Указывая на особенности устройства института веротерпимости, отличавшие его от правовых западноевропейских институтов, основанных в той или иной мере на принципах свободы совести, Сафонов не упускает из поля зрения функциональную составляющую государственной веротерпимости. На этот институт, помимо общих задач поддержания традиционного религиозного и этнического многообразия российского общества, государством возлагались и конкретные задания по метрикации подданных империи, противодействию религиозным конфликтам и политизации пастырской деятельности, бюрократическому контролю над неправославным духовенством и его паствой и т.д. Автор анализирует процесс реформирования российского религиозного законодательства, который рассматривается в контексте системной модернизации российского социума, ускорившей процессы секуляризации общественного сознания, культуры и образования.

Исследователь останавливается также на восприятии проблемы свободы совести в правовой и общественно-политической мысли России. Для анализа позиций консерваторов и либералов относительно целесообразности сохранения или модернизации института веротерпимости Сафонов привлекает работы известных западных и российских правоведов – Ф. Руффини, М.А. Рейснера, С.В. Познышева, историка С.П. Мельгунова, канониста И.С. Бердникова, материалы религиозно-философских собраний и др. Такой подбор источников можно назвать удачным и, в известной мере, репрезентативным. Но все же хотелось бы отметить, что либеральная парадигма реформирования представлена в моно-

графии более полно и обстоятельно, чем консервативная сторона со своей системой правовой и богословской аргументации в пользу частичных изменений действовавшего религиозного законодательства².

В этом отношении значительный интерес представляют материалы Редакционной комиссии по составлению проекта нового Уголовного уложения, в состав которой входили такие известные правоведы как Н.С. Таганцев, Н.А. Неклюдов, И.Я. Фойницкий и В. Случевский. Мнение этих юристов дает представление об эволюции консервативных взглядов на проблему сокращения «уголовных наказуемых религиозных посягательств» в рамках действовавшего института веротерпимости. Можно высказать определенное сомнение и в правомерности использования термина «цезарепапизм» (с. 48) для определения характера отношения русского монарха к Православной церкви. Этот термин был изобретен немецким историком Й. Хергенретером для характеристики политической системы Византии, но впоследствии приобрел расширительное значение. В России положение императора как главы Церкви определялось законодательством, которое было создано под воздействием протестантской доктрины государственной церковности. В соответствии с ней государь, принадлежавший к религиозной общине, составляющей большинство населения, официально именовался главой Церкви. Монарх не обожествлял себя в качестве главы Церкви (в России царь уподоблялся Христу только в акте помазания), но утверждал ее статус в качестве государственной среди других религиозных сообществ империи.

Трудно согласиться и с утверждением автора, что Российская империя являлась классическим конфессиональным государством (с. 113). Представляется, что в данном случае можно говорить о сложном правовом статусе империи. С юридической точки зрения в начале XX в. Россия была одновременно православным, христианским и правовым государством, в котором традиции православного абсолютизма сочетались с релятивистским, т.е. секулярным, и правовым подходом к терпимым христианским и нехристианским исповеданиям³.

Рассматривая вопрос о разработке нового религиозного законодательства в 1904–1906 гг., автор уделяет пристальное внимание расширению правовых границ традиционной веротерпимости и предоставлению ряда религиозных и гражданских прав верующим, подвергавшимся ранее различным формам религиозной дискриминации. Он отмечает принципиальную новизну религиозно-правовой реформы, заключавшейся в том, что «господствующая»

Православная церковь лишилась права насильственно удерживать своих членов от перехода в другие вероисповедания. Соответственно, подчеркивает автор, было расширено правовое пространство религиозной свободы для старообрядцев и сектантов, получивших необходимое юридическое признание для выполнения своих религиозных обязанностей. Произошло улучшение правового положения мусульман и буддистов.

Реализация положений указа 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» была связана с определенным риском для духовенства и паствы «господствующей» Церкви. Поэтому особый интерес вызывает описание реакции на указ тех религиозных сообществ, кому были адресованы его положения. Освободительный порыв «упорствующих в латинстве» бывших униатов Холмщины в результате целенаправленной деятельности католического духовенства трансформировался в различные формы насилия над совестью тех православных, кто продолжал сохранять верность своей Церкви. Фанатизм и нетерпимость, проявленные католиками этого региона, послужили дискредитации указа о веротерпимости в сознании местного православного духовенства и мирян. Основная часть старообрядцев, напротив, с радостью восприняла новый закон о религиозной свободе.

Следует согласиться с автором, что меры, предпринятые правительством, трансформировали традиционный институт веротерпимости, установив в России ограниченную свободу вероисповеданий. Вместе с тем новый закон о веротерпимости положил начало модернизации церковно-государственных отношений, выступив в качестве необходимой правовой основы для разработки и обсуждения в Государственной думе министерских и партийных законопроектов о свободе совести.

Новый этап модернизации религиозного законодательства последовал после манифеста 17 октября 1905 г. Автор анализирует законотворческую программу П.А. Столыпина и законопроекты о свободе совести, предлагаемые различными политическими партиями в Государственных думах 1–4 созывов. Показывая судьбы министерских законопроектов, Сафонов делает принципиальный вывод, что основной причиной, не позволившей вплоть до Февральской революции 1917 г. осуществить либеральный проект реформирования вероисповедных отношений, стало сохранение «господствующего» правового статуса Православной церкви. Получивший подтверждение в новых Основных законах, утвержденных 23 апреля 1906 г., «господствующий» статус православия и выстроенная на этой основе иерархия веротерпи-

мости, могли быть изменены только в результате «глубинной модернизации всего здания российской государственности». В конечном итоге, компромиссный вариант законопроектов о свободе совести, представленных МВД на рассмотрение Государственной думы, не получил поддержки представителей из правого и левого лагерей, а, главное, у Святейшего Синода.

Автор выделяет три модели реформирования института веротерпимости – монархическую, либеральную и демократическую, сформировавшиеся в острой идейно-политической борьбе между приверженцами традиционных ценностей и их оппонентами. Эти модели были разработаны, соответственно, монархическими партиями и группами, Партией народной свободы и социалистами. Определение автором выдвинутой социалистами модели вероисповедных отношений как «демократической» вызывает определенные сомнения. Представление о том, что только жесткое разделение Церкви и государства может автоматически привести к полной свободе совести, не подтверждается практикой. Исторический опыт свидетельствует, что механическое требование разделения любой ценой подталкивает государственную систему как к спокойному равнодушию, так и к сознательным репрессиям¹.

Исследователь указывает, что либеральную модель религиозного реформирования, подготовленную в стенах Государственной думы, начало воплощать в жизнь Временное правительство. Оно утвердило свободу совести, легализовало внеконфессиональное состояние, свободу переходов из одной конфессии в другую, отменило политические и гражданские ограничения по религиозному признаку, расширив права инославных и иноверных вероис-

поведаний. Автор констатирует, что после большевистского переворота переход к либеральной модели церковно-государственных отношений, создаваемых на внеконфессиональной секулярной основе, учитывавшей, в известной степени, особое положение православия в государстве, был насильственно прерван. Правительство большевиков осуществило жесткое разделение Церкви и государства, которое привело к установлению атеизма в качестве государственной идеологии.

Монография А.А. Сафонова является серьезным и основательным исследованием, которое, несомненно, сыграет важную роль в осмыслении проблем становления религиозной свободы в России в начале прошлого столетия.

А.Ю. Бендин,
кандидат исторических наук
(Институт теологии Белорусского
государственного университета)

Примечания

¹Витте-младший Дж. Введение // Права человека и религия. Хрестоматия. М., 2001. С. 17.

²См., напр.: Иоанн (Соколов), епископ. О свободе совести // Христианское чтение. 1864. Ч. III; Добротин Г.П. Закон и свобода совести в отношении к лжеучению и расколу. Киев, 1896; Понов А. Суд и наказания за преступления против веры и нравственности по русскому праву. Казань, 1904.

³Свод законов Российской империи. Т. 1. Ч. 1. Ст. 42; Т. 11. Ч. 1. Ст. 1109; Суворов Н. Учебник церковного права. Ярославль, 1898.

⁴Коул Дарэм-младший У. Перспективы религиозной свободы: сравнительный структурный анализ // Права человека и религия. Хрестоматия. М., 2001. С. 153.

С. Живанов. Падение Российской Империи: Т. I. Россия в Первой мировой войне. Белград: «НОЛИТ», 2007. 717 с.; Т. II. Февральская революция. Белград: «НОЛИТ», 2007. 630 с.¹

Профессор Сава Живанов свыше 40 лет посвятил изучению новейшей русской истории. Около 15 лет он работает над проектом «Россия на рубеже веков», задуманным совместно с покойным академиком П.В. Волобуевым. Рецензируемый двухтомник – прямое продолжение исследования вопросов, поставленных в предыдущих монографиях². Ход событий, приведших к падению монархии, относительно легко реконструировать, чего нельзя сказать о причинах гибели Российской империи. В своей книге Живанов стремится с максимальной точ-

ностью показать положение империи в начале XX в. и проследить нарастание кризисных явлений на протяжении последних лет ее существования. Для решения поставленной задачи автором привлечен широкий круг источников, проанализировано множество фактов. Это позволило ему проявить незаурядную эрудицию: так или иначе в книге упомянуто свыше 900 имен.

Книга разделена на 3 части, каждая из которых имеет довольно подробную структуру, облегчающую понимание собранного автором материала. В первой части («Российская Империя

накануне великой войны и революции») характеризуются государственный строй, экономика, социальная структура, этнический состав и развитие системы образования в России в 1914 г., освещены «проблемы незавершенной модернизации империи». Большое внимание уделено образу жизни царской семьи, взглядам царя, сложившимся у него представлениям о самодержавии, способам принятия им решений. Император представлен при этом простым человеком, мечтающим о спокойной семейной жизни. Подробно рассматривается и влияние на царскую семью Г.Е. Распутина, который, по мнению Живанова, играл существенную роль и в государственных делах. Не менее тщательно анализируются автором программы и действия российских политических партий, активно формировавших общественное мнение в стране, а также участие массов в оппозиционном движении.

Во второй части своей работы («Россия в великой войне») Живанов пытается выяснить, в какой мере война стала катализатором кризиса империи. В связи с этим он описывает структуру русской армии и особенности ее боевой подготовки, сравнивает ее силы и оснащенность с возможностями вооруженных сил других великих держав. Значительное место в исследовании занимает анализ военных операций, взаимоотношений союзников, их соглашений о целях войны (в частности, о Константинополе и проливах). Автор отмечает роковые последствия для России событий 1915 г., ставшего ее «военным несчастьем». Он ярко описывает недовольство поражениями со стороны общества и неудачные попытки исправить положение, предпринимавшиеся императором и его правительством. Отношение к войне социалистов особо исследуется Живановым. При этом он указывает на пагубное воздействие социалистической пропаганды (особенно большевистской) на боевой дух армии и настроения рабочих. Затронут им и вопрос о финансировании большевиков со стороны германского Генерального штаба.

Третья часть исследования («Революция и конец династии Романовых») составила второй том книги. Автор непревзойденно изображает атмосферу кипящих страстей, в полном смысле слова завораживающих читателя. То, что будет

названо революцией, не было подготовлено, не имело вождей и стало неожиданностью, несмотря на всеобщее ожидание развязки. Стремление к переменам в наэлектризованной обстановке вылилось в широкое забастовочное движение, а оно, в свою очередь, обернулось восстанием в Петрограде. Живанов называет это перерастанием комплекса народных протестов в вооруженную революцию. Он прекрасно передает, в каком паническом состоянии находились политики в дни Февральской революции. Раскрывается им и человеческая драма оставленного всеми императора, отказавшегося от престола во избежание гражданской войны. Итогом падения самодержавия стало двоевластие Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и Временного правительства, не позволившее разрешить ключевые для России вопросы. Венчает книгу историко-философский «Эпилог», в котором автор размышляет о достижениях, проблемах и перспективах дальнейшего изучения темы.

Книга Живанова отличается не только широтой тематики и высоким качеством анализа, но и научной беспристрастностью, все реже встречающейся в современной историографии. Живанов избегает поверхностных выводов, суждений и оценок. При этом он ведет свой рассказ весьма убедительно и пластично, с блеском анализируя деятельность наиболее видных участников исторических событий, порою не вполне сознававших последствия своих поступков. Новую книгу С. Живанова можно отнести к числу наиболее полных и выдающихся исследований о гибели Российской империи.

Н.Б. Попович,
доктор исторических наук
(Университет Бани Лука, Республика Сербская
(Босния и Герцеговина))

Примечания

¹Živanov S. Pad Ruskog carstva. T. 1–2. Beograd, 2007.

²Živanov S. Rusija na prelomu veka. Poslednje decenije Ruskog carstva. Od završetka Krimskog do početka Prvog svetskog rata (1855–1914). Beograd, 2002; Živanov S. Rusija i raskol Evrope. Odnosi između evropskih sila pred Prvi svetski rat. Od Berlinskog kongresa do početka rata (1878–1914). Beograd, 2005.

Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1917 гг. / сост. А.В. Репников. М.: РОССПЭН, 2008. 440 с.

В современной отечественной историографии значительное внимание уделяется российским консерваторам XIX – начала XX в., причем, одни авторы их одобряют, а другие крити-

куют (с позиций сегодняшнего дня). В этой связи не могла не привлечь внимания личность Льва Александровича Тихомирова – бывшего революционера-народника, превратившегося в убежден-

ного монархиста. За последние годы вышли несколько монографий и десятки публикаций, посвященные его жизни и взглядам. Большими тиражами переиздаются сочинения Тихомирова. Обращались историки и к его дневникам, хранящимся в его личном фонде в ГА РФ (ф. 634), фрагменты из которых публиковались как в 1920–начале 1930-х гг., так и в 2000-е гг. Как указывает составитель рецензируемого издания доктор исторических наук А. В. Репников (автор монографии «Консервативные концепции переустройства России». М., 2007), «вряд ли когда-нибудь удастся опубликовать весь дневник Тихомирова, поскольку это требует многолетней кропотливой работы и значительных материальных затрат» (с. 31). В этом случае выбор для книжной публикации именно 1915–1917 гг. представляется вполне оправданным.

Книга открывается обстоятельным предисловием составителя, который на основании широкого круга источников (в том числе архивных) рассказывает о жизни, деятельности и взглядах Тихомирова (отмечу в этой связи, что было бы желательно получить больше информации о составе его личного архивного фонда). Изучение самого публикуемого текста позволяет оценить его как яркий и характерный образец дневника как вида исторического источника. Хронологическое описание личной (трудовой и семейной) жизни автора сочетается тут с интересными и важными картинами окружающей действительности и серьезными размышлениями Тихомирова о происходивших на его глазах процессах российской и европейской жизни.

Откуда же Тихомиров получал (наряду с личными наблюдениями) информацию о происходившем? Как профессиональный журналист он, конечно, внимательно читал прессу (в том числе и официальные сообщения). В дневнике неоднократно встречаются вклеенные вырезки из газет. О многом узнавал из рассказов осведомленных друзей и знакомых. Наконец, он регулярно записывал ходившие по Москве и Сергиеву Посаду слухи. При этом он неоднократно подчеркивает, что дело не в том, насколько правдивы эти слухи, а в том, какое влияние они оказывают на людские массы.

На основе полученной и переосмысленной информации Тихомиров фактически рисовал картину общенационального кризиса. Можно сказать, что здесь мы видим агонию и крах монархического строя глазами убежденного монархиста. Прежде всего, Тихомирова волновал и нервировал ход военных действий, свидетельствующий по существу о слабости российской армии и особенно ее командования. Но этим дело не ограничивалось. На страницах дневника мы находим множество резких высказываний о Николае II, об императрице Александре Федоровне, о правительстве и, конечно, о Г. Распути-

не. При этом неоднократно выражается мнение о роковой роли изменников, немецких агентов и, конечно, масонов и евреев в истории России. Вместе с тем, Тихомиров отнюдь не сочувствовал и либералам (не говоря уже о революционерах). В дневнике встречаются резкие высказывания о Государственной думе и оппозиции.

Наряду с политическими сюжетами Тихомиров много писал об экономическом положении страны, прежде всего о росте цен, резко понижавшем жизненный уровень. В целом ситуация в стране выглядит в дневнике по существу безнадежно. Еще 5 октября 1915 г. Лев Александрович записал: «Не знаю, чем кончится война, но *после нее* революция кажется совершенно неизбежной» (с. 145). А вот что было записано 20 января 1917 г.: «Я часто ломаю голову над вопросом, чем можно спасти Монархию? И право – не вижу средств» (с. 329). 11 февраля 1917 г.: «Правительство у нас, совершенно беспристрастно говоря, *никуда не годно*. Мне кажется, что *хуже не может быть*. И все идет к перевороту. Но в таком положении страны, и при войне – переворот составляет страшный риск» (с. 337). В ночь на 1 марта 1917 г. Тихомиров записывает: «Итак, наша Монархия, по крайней мере, в самодержавной форме – *рухнула*. Перевороты у нас бывали, но на место одного Царя немедленно являлся другой. Теперь мы – пока – не знаем, кто правит нами, кто у нас Верховная Власть, и есть ли она. А у нас – страшная война. Вопрос в том, успеют ли лица, произведшие переворот, создать моментально *беспорную* власть?» (с. 345). 8 мая Тихомиров записывает: «...у нас закладываются две идеи, очень противоположные: *демократическая* и *социалистическая*, которые считаются ошибочно совпадающими. В действительности глубокая демократизация, о которой стараются "кадеты" – немыслима без сохранения прав и достояний буржуазии, ибо она существует; социалистическая же идея подрывает буржуазию и в сущности почти уничтожает. Социалистическую идею поэтому можно насаждать только при диктатуре одной лишь части народа, т.е. вообще если не одного пролетариата, то малоимущих классов. При диктатуре же, чьей бы то ни было, демократические учреждения нельзя насаждать» (с. 357). В дальнейшем Тихомиров вел записи изредка. Последняя (после двухмесячного перерыва) была сделана 16 октября и посвящалась семейным делам.

После текста самого дневника в книге следуют комментарии и примечания, написанные А.В. Репниковым и содержащие различные сведения (зачастую ранее не известные) об упоминаемых в дневнике лицах.

А.Д. Степанский,
доктор исторических наук
(Российский государственный гуманитарный университет)

Александр Рабинович. Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. Пер. с англ. И.С. Давидян. М.: АИРО-XXI; Новый хронограф, 2007. 624 с.

Новая книга Александра Рабиновича, профессора университета штата Индиана (Блумингтон, США) была выпущена почти одновременно на английском и русском языках. Имя профессора Рабиновича хорошо известно специалистам по истории Российской революции 1917 г. Его первая книга была посвящена Июльскому кризису¹. В 1976 г. была издана новая книга «Большевики приходят к власти»². Эти исследования сразу же привлекли внимание специалистов, сейчас без них нельзя обойтись ни одному исследователю истории революции. Неудивительно, что во время «перестройки» они были в числе первых зарубежных исследований по истории России XX в., которые были переведены и изданы в СССР³.

В центре внимания Рабиновича – партия большевиков; подобно ряду других историков он предлагает «большевикоцентричную» картину революции. Но тщательное исследование источников позволило ему по-новому понять и описать деятельность партии. Многие его предшественники – и историки, симпатизировавшие Октябрю, и те, кто его обличал, – описывали большевистскую партию как монолитную организацию, спаянную железной дисциплиной и руководимую волей вождя. Рабинович же убедительно показал, что действия партии в Петрограде порой определялись конфликтами между различными группировками, когда, например, Петербургский комитет и Военная организация бросали вызов Центральному комитету партии. Подобный подход отличает и новую книгу американского исследователя. Автор тщательно реконструирует сложные отношения внутри партии, убедительно показывая, что и в 1918 г. большевиков нельзя представить какой-то «стальной когортой», послушной воле вождя, хотя действия Ленина не раз оказывали определяющее воздействие на развитие событий.

Однако новая книга основывается на принципиально иной источниковой базе. Показательна история этой работы: к началу 1990-х гг. книга была уже практически завершена, однако автор не был ею удовлетворен, ведь если исследовать события 1917 г. можно было, основываясь на материалах периодической печати, то для изучения следующего года роль этого источника резко уменьшается ввиду усиления цензуры и закрытия оппозиционных изданий большевиками. Однако как раз в это время двери российских архивов, лишь приоткрытые ранее для исследователей, распахнулись относи-

тельно широко, и Рабинович на годы отложил публикацию книги, обратившись к работе в архивах. Он собирал материалы в Государственном архиве Российской Федерации, Российском государственном архиве социально-политической истории, Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга, Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга, в Ленинградском областном архиве в Выборге, Российском государственном архиве Военно-морского флота, Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга, Центральном архиве Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Архиве Управления Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки. Всего использованы материалы, находящиеся в 125 архивных фондах. В книге используются также материалы Национального архива Великобритании и трех архивохранилищ США.

Обратимся к содержанию монографии. Рабинович реконструирует ход переговоров о создании «однородного социалистического правительства». Он показывает, что порой большинство членов ЦК большевиков выступало против позиции Ленина и Троцкого. Однако их готовность идти на компромисс уменьшалась из-за жесткой антибольшевистской позиции, поначалу занятой руководящими центрами меньшевиков и эсеров. Позже, по мере того, как противники большевиков терпели военные поражения, меньшевики и эсеры выдвинули более реалистичные предложения, однако в этой ситуации Ленин и его сторонники опирались на бескомпромиссный настрой масс. Но и в этой ситуации ЦК большевиков, несмотря на давление Ленина, выступал за продолжение переговоров о создании нового правительства. Для давления на ЦК Ленин апеллировал к Петербургскому комитету большевиков (ПК), который был настроен очень радикально.

Страницы книги, посвященные так называемым «умеренным большевикам» (Л. Каменев, Ю. Ларин, В. Ногин и др.), читаются с большим интересом. Автор, например, показывает, что «умеренные», получившие большинство на выборах во Временное бюро фракции большевиков в Учредительном собрании, использовали политический ресурс этой структуры, бросая вызов Центральному комитету партии и Совнаркому. Необычайно важны наблюдения ав-

тора, касающиеся «этатизации» партии большевиков. На какое-то время не Центральный комитет, а Совет народных комиссаров превратился в тот центр, в котором генерировались важнейшие политические решения. И на местах партийные организации, посылавшие своих активистов в государственный аппарат, Советы, Красную гвардию, порой прекращали работу. При этом они порой даже не информировались о важных политических решениях. Процесс создания «партийного государства» не был прямым, ему предшествовала фаза ослабления партии, за которой после захвата власти оставались, по мнению многих большевиков, лишь агитационные и пропагандистские функции.

При этом некоторые большевики осознавали уход партийных активистов во власть как серьезную опасность, они хорошо помнили, что в 1917 г. власть фактически поглотила более массовую партию эсеров, что послужило одной из причин политического поражения этой партии. Правда, уже весной 1918 года принимались решения о превосходстве партийных органов над советскими, однако воплотить их в жизнь удавалось не сразу. Рабинович справедливо связывает подобную динамику складывающейся политической системы с политической культурой многих партийных активистов, которые первоначально не были заинтересованы в институционализации руководящей роли партийных органов. Острые политические дискуссии, в ходе которых ПК и другие комитеты порой противостояли ЦК, также влияли на конструирование власти.

Весьма любопытны и страницы исследования, посвященные «временному» переезду правительства в Москву. Так, руководители петроградских большевиков были возмущены тем, в каком состоянии центральное правительство оставило город. Показательно, например, что ВЧК вывезла в Москву следователей и архив, парализовав тем самым следствие по делам заключенных, оставленных в тюрьмах. Крайне интересны разделы книги, посвященные особенностям взаимоотношений большевиков и левых эсеров в Петрограде. Автор убедительно показывает, что в северной столице сотрудничество двух партий было более конструктивным, чем в Москве, их взаимодействие было решающим условием выживания новой власти в регионе. Не последнюю роль играло и то обстоятельство, что левые эсеры в условиях крайнего дефицита кадров направляли партийных функционеров для работы в складывающихся структурах власти и управления Северной коммуны. При этом влияние левых эсеров значительно превышало их численность, что в значительной степени объясняется энергичной деятельностью комиссаров, представлявших

партию, прежде всего П. Прошьяна (комиссар внутренних дел) и Н. Корнилова (комиссар земледелия). На структурирование власти в Петрограде влияло и то обстоятельство, что если в Москве многие народные комиссары-большевики с подозрением относились к областным образованиям и всячески стремились ограничить их власть, то руководство левых эсеров, поддерживая различные проявления федерализма, одобряло независимые акции Северной коммуны.

Вместе с тем, Рабинович не считает общую политику партии левых эсеров прагматичной и выверенной. Одна из глав носит название «Самоубийство левых эсеров». Действия партии в июле исследователь в целом рассматривает как попытку оказать давление на большевистский Совет народных комиссаров, чтобы заставить его изменить политику. В то же время он выявляет и те нечистоплотные приемы, с помощью которых руководство большевиков обеспечивало себе политическое преимущество. Так, подлоги и фальсификации отличали выборы делегатов на V Всероссийский съезд Советов.

Используя интересные архивные материалы, исследователь существенно уточняет картину складывания советского репрессивного аппарата. Он показывает, что карательные органы формировались в результате очень серьезных конфликтов и дискуссий между большевиками и левыми эсерами, а также между различными группами среди партии большевиков. Постепенное «сползание» в «красный террор» в Петрограде и некоторых других городах было обусловлено прежде всего нарастанием страха в сильно ослабленных местных большевистских руководящих центрах, давление же со стороны Ленина, убийства Володарского и Урицкого и, наконец, покушение на Ленина не играли первостепенной роли. Так, уже в конце июля ПК решительно высказался за расширение политических репрессий; принимались резолюции, требовавшие «массового террора». Фактически политика «красного террора», включавшая практику взятия политических заложников, проводилась и до его официального объявления. Активность ПК по развязыванию террора способствовала укреплению его роли в системе городских органов власти.

Интересна глава, посвященная организации празднования годовщины большевистского Октября в Петрограде. Автор убедительно показывает, что эта важная акция служит своеобразным индикатором изменения системы власти в городе. При подготовке к празднованию явно прослеживалась тенденция к централизации управления в городе. В частности, отмечалось уменьшение влияния районных Советов и увеличение роли партийных комитетов, хотя

структурные противоречия между Советами и партийными комитетами, между городскими и районными властями продолжали существовать. Возможно, в этой главе исследователю следовало бы упомянуть о сложившейся в городе традиции революционных праздников и о влиянии политической топографии города на их проведение.

Книга профессора Рабиновича необычайно привлекательна и научной честностью автора. Это проявляется как в подборе и интерпретации источников, так и в отношении автора к изучаемым проблемам. Он не раз признает, что даже после многих лет работы с источниками не может дать ответа на некоторые важные вопросы. Это, например, относится к роли Петроградского Военно-революционного комитета, который на какое-то время стал неким «государством в государстве», превратившись в главный орган власти в столице (в книге показано, что ВРК принимал важные политические решения без согласования с Совнаркомом и ЦК большевиков). Непроясненным остается и вопрос о том, почему левые эсеры, какое-то время располагавшие большинством в объединенном ВЦИК, не использовали его для реорганизации Совнаркома. Наконец, специального изучения заслуживает деятельность «умеренных» большевиков, прежде всего Л. Каменева.

Книга убедительно опровергает суждения о том, что история российской революции изучена «вдоль и поперек». Автор, используя подходы традиционной политической истории, уделяя основное внимание политическим институтам, партиям и ведущим политическим деятелям, сделал необычайно много для развития историографии темы и наметил пути для новых исследований.

Редактору русского перевода книги следовало бы тщательнее сверить имена, упоминаемые в тексте. Так, В.А. Быстрянский упоминается как В. Быстринский. П.Ф. Куделли в двух случаях упоминается как П.Ф. Кудели, а в именном указателе упоминается дважды. Известный американский историк один раз упоминается в именном указателе как Л. Хаймсон и дважды как Л. Хеймсон. Петроградский чекист на одной странице именуется то Шенкманом, то Шейнкманом, и дважды попадает в именник Указатель. А.П. Ненаровок также упоминается в именном указателе дважды, один раз почему-то в датильном падеже. Имя

известного британского дипломата в русских переводах обычно транскрибируется Р. Локкарт, в рецензируемом издании он упоминается как Р. Локхардт. В именном указателе упоминается и некто А.М. Наморси. Между тем обращение к указанной странице дает ссылку на книгу Е.М. Шошкова «Наморси А.М. Щастный» (СПб., 2001). Наморси – это не фамилия, а сокращенное название должности: начальник морских сил. Легко можно было бы установить и многие пропущенные инициалы.

Разумеется, характер исследования и объем книги не позволили Рабиновичу описать все политические конфликты, с которыми сталкивались большевики в Петрограде и Москве. Однако представляется, что в некоторых случаях структура книги определялась и подходом автора, которого интересуют прежде всего борьба политических партий и деятельность органов государственной власти. Поэтому вне рассмотрения исследователя остаются другие аспекты политической истории, которые весьма волновали современников. Так, автор не упоминает о конфликтах большевиков с православной церковью, хотя такие акции, как попытка захвата помещений Александро-Невской лавры вызвали массовый протест жителей Петрограда.

В целом же, можно утверждать, что у изучающих историю российской революции – огромное поле для исследовательской работы. Можно с уверенностью предположить, что замечательная книга американского исследователя вдохновит многих молодых историков на изучение этого загадочного времени.

Б.И. Колоницкий,
доктор исторических наук
(Санкт-Петербургский Институт истории РАН;
Европейский университет в Санкт-Петербурге)

Примечания

¹Rabinowitch A. Prelude to Revolution: The Petrograd Bolsheviks and the July 1917 Uprising. Bloomington, 1968.

²Rabinowitch A. The Bolsheviks Come to Power: The Revolution of 1917 in Petrograd. N.Y.; L., 1989.

³Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде. М., 1989; *его же*. Кровавые дни: Июльское восстание 1917 года в Петрограде. М., 1992.

Гражданская война на Севере в биографиях ее участников

Персонификация истории Гражданской войны в России в отечественной историографии долгое время отличалась односторонностью и конъюнктурной избирательностью. Вместо всей совокупности противоречивых и весьма неоднозначных деятелей реального исторического процесса официальная историография предлагала читателю селективно отобранный набор мифологизированных «героев Гражданской войны» из стана победителей. Лагерь поверженных противников при этом был представлен безликими «классовыми врагами», «международным империализмом» или их отдельными окarikатуренными представителями, которым отводилась роль презренных и жалких «антигероев» истории. С конца 1980-х гг. ситуация стала меняться, но нередко одна тенденциозность сменялась другой, что также вряд ли могло способствовать научному познанию прошлого. И если серьезное и заинтересованное внимание, проявленное теперь историками к деятелям Белого движения и другим противникам большевиков, было с точки зрения потребностей исторической науки оправданным и необходимым, то замалчивание или огульное развенчивание вчерашних «героев Гражданской войны» отражало скорее политическую конъюнктуру наступившей постсоветской эпохи.

Рецензируемое издание* представляет собой своеобразную попытку преодоления отмеченных историографических крайностей. Автор – архангельский историк, кандидат исторических наук Н.А. Макаров – попытался собрать в одном энциклопедическом биографическом словаре сведения об активных деятелях всех боровшихся в период Гражданской войны 1918–1920 гг. на Севере России сил: различных партийных активистах, советских работниках, бойцах и командирах Красной армии, участниках Белого движения, иностранных дипломатах и военных, участвовавших в интервенции. В словаре представлены также отдельные работники кооперации, земского и городского общественного управления, другие местные деятели, оставившие след в истории региона.

Автор словаря стремился опереться на ту часть наследия предшествующей историографии, которая – при всех известных недостатках – сохраняет, все же, по мнению историка, научную ценность и сегодня. Во введении отмечен значительный вклад в персонификацию исто-

рии Гражданской войны на Севере, который внесли петрозаводский историк М.И. Шумилов, Мурманские историки А.А. Киселев и И.Ф. Ушаков, архангельский историк Е.И. Овсянкин, а также многие северные историки-краеведы, архивисты, журналисты, которые в советскую эпоху занимались изучением биографий участников войны со стороны «красных». Для персонификации противоположного лагеря большое значение имеют выпшедшие в 1990-е гг. работы В.И. Голдина, который впервые составил развернутый аннотированный указатель имен участников антибольшевистского движения на Севере, помещенный в сборнике мемуаров «Белый Север», а затем издал (при участии американского историка Дж.У. Лонга) сборник воспоминаний участников интервенции, также снабженный аннотированным именным указателем. Из работ последних лет, которые вносят весомый вклад в биографику Белого движения в России, Макаров выделяет изданные в Москве и Санкт-Петербурге работы С.В. Волкова. В них содержится много новых биографических данных, в том числе и о «белых» участниках Гражданской войны на Севере.

Из новейшей научно-справочной литературы при работе над словарем автор широко использовал региональные издания энциклопедического типа — Поморскую и Вологодскую энциклопедии и другие труды этого жанра.

Следует особо отметить, что при составлении словаря Макаров опирался также на многочисленные собственные разработки в области биографии, которой он активно занимается много лет. Ранее им уже были опубликованы монография о Н.В. Чайковском, энциклопедический словарь «Плесецкий район Архангельской области», содержащий большое количество биографических статей, другие исторические исследования в жанре научной биографии. При подготовке словаря, Макаров привлекал изученные им архивные источники — документы Государственного архива Архангельской области (ГА АО) из фондов губкома и Севкрайкома ВКП(б), обкома КПСС, а также личные воспоминания участников событий из коллекции документов «Гражданская война и военная интервенция на Севере России» (ГА АО, ф. 5661). Часть биографических сведений была получена им из центрального архива — из документов фонда отдела внутренних дел Верховного управления Северной области (ГА РФ, ф. 3695).

Собранные сведения автор структурировал в статьи-персоналии, расположенные в книге в алфавитном порядке фамилий. Каждая статья, включающая основные установленные биогра-

* Макаров Н.А. Военная интервенция и Гражданская война на Севере России. 1918–1920 гг.: энциклопедический биографический словарь. Архангельск: ИПП «Правда Севера», 2008. 400 с.

фические данные, сопровождается указанием на литературу и (или) архивные источники, используемые автором. Книга иллюстрирована многочисленными фотографиями, в том числе из архивных и музейных фондов, а также из коллекции автора. В конце книги дается алфавитный список статей-персоналий от А до Я, что призвано облегчить читателю быстрый поиск информации о конкретном лице. Попутно отметим вкравшуюся в книгу ошибку: в алфавитном списке указаны 2 статьи – «Москвин Николай Афанасьевич» (с. 393) и «Харитонов Сергей Валерьевич» (с. 396), которые в действительности отсутствуют в словаре. На с. 19 указано, что в словаре 865 статей, на самом же деле их 863.

Автор не стал каким-либо образом дополнительно классифицировать персоналии по принадлежности к тому или иному боровшемуся в период Гражданской войны лагерю. Между тем, как нам представляется, подобная дополнительная систематизация не была бы излишней. По произведенным нами подсчетам, 399 вошедших в словарь персоналий (или 46,2%) могут быть отнесены к лагерю «красных» (большевистские деятели, их активные сторонники и союзники); 380 (44,0%) – «белых» (в самом широком смысле слова – антибольше-

вистские силы от монархистов до демократов-социалистов); 26 (3,0%) – те, кто проявляли явные колебания, при разных обстоятельствах в ходе Гражданской войны становясь на сторону то одних, то других; 58 (6,7%) – иностранцы, которых можно отнести к категории «интервентов» (военные и дипломаты стран, участвовавших в интервенции).

Однако делать какие-то далеко идущие выводы из подобного соотношения персоналий словаря и переносить их на саму историю Гражданской войны на Севере, конечно, было бы опрометчиво: приведенные данные не являются для этого репрезентативными. Не случайно сам автор признает во введении к словарю: «Нет оснований считать данный словарь полным, исчерпывающим. Еще предстоит многое сделать для воссоздания научно достоверной истории одного из коренных, переломных периодов в истории нашего Отечества – военной интервенции и Гражданской войны. Еще предстоит возвратить из небытия многие и многие имена» (с. 14).

А.Н. Зашихин,
доктор исторических наук
(Поморский государственный университет
им. М.В. Ломоносова)

А.В. Голубев. «Если мир обрушится на нашу республику...»: Советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е гг. М.: Кучково поле, 2008. 384 с.

Разработка проблемы культивирования и циркуляции в советском обществе межвоенного времени внешнеполитических стереотипов, безусловно, относится к числу перспективных направлений современной историографии. Новая монография А.В. Голубева посвящена систематическому анализу одного из главных аспектов темы: советское общество и внешняя угроза. Определяя объект своего исследования, автор предварительно производит селекцию принятых представлений о внешнем мире. К таковым относятся этнические, внешнеполитические и инокультурные стереотипы, а также географические образы. Согласно исторической реконструкции, предложенной автором, в первой половине XX в. в российском обществе происходит постепенное замещение традиционных этнических стереотипов внешнеполитическими образами, отражавшими тогдашнюю геополитическую реальность: «Образ: немца, англичанина, поляка в значительной степени сменяется образом Германии, Великобритании, Польши»

(с. 12). Внешнеполитические стереотипы, свойственные конфронтационной картине мира, господствовали в массовом сознании на протяжении всего межвоенного периода. Окружающий мир в его пропагандистском измерении выглядел как источник внешней угрозы для одних людей, или, наоборот, в качестве обнадеживающей альтернативы советскому эксперименту для других. В таком контексте предметом исследования названы *представления о войне*, а точнее, о перспективах войны, и *представления о союзниках*, сложившиеся в советском обществе в межвоенный период и в годы Второй мировой войны.

Погружение в субъективную реальность обычно не обходится без источников личного происхождения. Но в данном случае автор намеренно отказался от систематического использования мемуарной литературы, дневников и писем, обращаясь к ним лишь эпизодически, как дополнению к «задокументированным голосам». Мир мнений и ожиданий советского

человека в монографии раскрывается посредством анализа секретных информационных материалов, которые готовились различными официальными структурами, имевшими в своем распоряжении штат осведомителей (ОГПУ-НКВД, партийным и комсомольским аппаратом, политорганами армии и флота, прокуратурой). Раскрывая родословную служебных информационных материалов, Голубев установил любопытную тенденцию: к середине 1930-х гг. обостренный интерес власти к массовым настроениям частично притупился. На смену сводкам о настроениях приходят спецсводки, которые обычно готовились по какому-либо случаю (с. 22–23). Одной из таких причин, побуждавших власть активно зондировать общественные настроения, являлись «военные тревоги» – спонтанные реакции населения на угрозу войны, вызванные международными событиями и даже внутренними мероприятиями властей.

Государственный контроль в области внешнеполитической информации облегчил создание нормативной картины мира. К концу 1930-х гг. под влиянием официальной пропаганды складывается представление о Западе как *«об антимире, где все "не так", где все не по-человечески и все страшно»* (с. 271). Тем не менее, как считает автор, советское общество, вопреки насаждаемому режиму закрытости, демонстрировало известный иммунитет к официальной пропаганде. В силу культурного ценза, а также наличия критических и даже оппозиционных настроений в стране, внутри советского общества циркулировали представления о внешнем мире, порой разительно отличавшиеся от тех, которые тиражировала официальная пропаганда. К тому же Вторая мировая война обернулась перепроверкой официозных пропагандистских штампов. В 1939–1940 гг. состоялась сталинская ревизия восточно-европейского пространства, и прервался период, когда контакты с внешним миром достаточно эффективно контролировались государством. На последующем этапе миллионы советских граждан смогли самостоятельно оценить повседневную жизнь Запада. Попытка Сталина в послевоенные годы восстановить прежний информационный климат дала лишь ограниченный по времени результат.

Доступные материалы позволили автору сделать вывод о том, что предчувствие скорой войны в 1920-х гг. было гораздо острее, чем в следующее десятилетие (с. 89). Многочисленные международные инциденты и дипломатические конфликты 1920-х гг. не стали поводом к войне. В 1930-е годы ощущение военной угрозы притупилось, а отношение масс к внешней опасности стало более взвешенным. Этому

способствовали очевидные успехи индустриализации, а также убедительная «самореклама» военной мускулатуры СССР. Часть современников поверила в готовность страны к войне. Под воздействием пропаганды формируется *психологический тип победителя*, который рассматривал войну как возможность выполнить свой долг перед страной, а также как способ снять накопившееся напряжение. Место «военных тревог» занимает «оборонное сознание». На данном этапе массовые настроения до известной степени обособляются от международных реалий: фатальное ожидание войны сменяется «догадками» о ее вероятности как раз в тот момент, когда в реестре потенциальных врагов на первые позиции выходит нацистская Германия. К тому же антифашистская пропаганда встретила сопротивление части современников, не готовых видеть в цивилизованных немцах смертельного противника. Сложилась парадоксальная ситуация: опасность войны стала гораздо более очевидной, но скепсис одних и самоуверенность других не способствовали трезвому учету реальных внешних угроз (с. 131–132).

На протяжении всей войны в массовом сознании сохранялись ментальные предпосылки последующей конфронтации с «врагами второй очереди», как однажды назвал союзников писатель Вс. Вишневский. Благожелательные представления о союзниках, по словам Голубева, существовали не столько *благодаря*, сколько *вопреки* официальной пропаганде, которая порой недооценивала или в завуалированном виде трактовала помощь союзников. Советские граждане, имевшие зачастую недостаточное представление о реальном вкладе союзников, в целом понимали важность антигитлеровской коалиции. Людей тревожили сроки открытия второго фронта, прежде всего на территории Франции, занимала тема ленд-лиза, интересовали перспективы послевоенного переустройства мира. В городах и на селе высказывались надежды, что союз с западными странами поможет некоторой демократизации советской системы, хотя такого рода ожидания, по мнению Голубева, порой преувеличиваются в современной литературе (с. 213). В условиях мировой войны наиболее достоверный образ союзника основывался на личных контактах с иностранцами, например, в морских портах, на территории Ирана, на фронте или же в плену.

В годы Второй мировой и Великой Отечественной войн советская сатирическая графика в целом повторяла основные линии официальной пропаганды, обращая свой критический взгляд не только на врагов, но порою и на союзников. Политическая карикатура, с одной стороны, позволила исследователю проследить

зигзаги официальной пропаганды тех лет, а, с другой, помогла очертить внешнеполитические стереотипы, свойственные значительной части советского общества.

А.В. Голубев рассуждает о поэтапном процессе открытия советского общества внешнему миру, и предлагает собственный прогноз динамики изменений имажологических констант российского общества на современном этапе. Представления о внешнем мире, прежде всего о Западе, останутся столь же сложными и во многом будут определяться пониманием российских национальных интересов. На первые годы XXI в., по словам автора, приходится феномен «ретроградной инверсии» – возрождение традиционных стереотипов, демонизирующих Запад (с. 272–273).

Рецензируемая монография содержит ряд дискуссионных моментов. Прежде всего, хотелось бы смягчить один из частных выводов монографии. Автор полагает, что информационные сводки не позволяют представить удельный вес тех или иных настроений в обществе (с. 25). Как думается, при известных организационных условиях, которыми обеспечиваются оптимальная выборка документов и должный уровень репрезентативности, такая задача, конечно, не всегда и применительно не ко всем сюжетам, может быть в достаточной степени решена.

Более широкой аргументации и конкретизации заслуживает реплика исследователя о весьма критическом отношении советской военной элиты в 1930-е гг. к боеспособности западных армий (с. 172–173). Не вполне убедительна ремарка автора о том, что накануне столкновения с нацистской Германией советское политическое руководство по-прежнему не рассчитывало на каких-либо союзников (с. 179). Подписание договора о взаимопомощи между СССР и Югославией в апреле 1941 г. как раз свидетельствовало о том, что в Кремле проявляли озабоченность этой проблемой.

В целом центральные выводы содержательного научного исследования Голубева о влиянии информационного режима и разновременных «военных тревог» на мироощущение советского общества подкреплены широким кругом опубликованных источников и многочисленными архивными материалами из фондов более двадцати столичных и областных архивов. Рассматривая проблему внешнеполитических стереотипов, автор в свою очередь потревожил ряд хрестоматийных научных мнений, которые теперь нуждаются в дополнительной верификации. Монография А.В. Голубева, выделяющаяся новизной фактического материала и сюжетов, очерчивает круг полноценных исследовательских задач. Дальнейшего изучения требуют страноведческие образы в их динамике, официальная цензурная практика и издательская политика, в том числе ведомственная («Le Journal de Moscou», «Интернациональная литература», «За рубежом», «Коммунистический интернационал», «Военный зарубежник», «Война и рабочий класс»), общественные реакции на конкретные события международной жизни и т.п. Следом за карикатурой своей очереди ожидают другие источники, формировавшие представления советской публики о внешнем мире: международные обзоры и фельетоны (например, Карла Радека или Давида Заславского), художественная и очерковая литература, картографические источники, фоторепортаж, кинематограф, эстрада, театр, музейные экспозиции. Кстати, настоящая программа частично реализуется в рамках научного проекта «Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия», который осуществляется Центром по изучению отечественной культуры ИРИ РАН.

В.А. Токарев,
кандидат исторических наук
(Магнитогорский государственный университет)

Аполлон Давидсон. Я вас люблю. Страницы жизни. М.: МИК, 2008. 335 с.

В последние годы к воспоминаниям все чаще обращаются люди искусства – артисты, художники, скульпторы, а также политики, военачальники. Гораздо реже – люди науки и совсем редко – историки. Сказывается, видимо, осознание представителями этой науки особого значе-

ния мемуарной литературы как исторического источника, боязнь внести личное в освещение событий или выглядеть политически некорректным, а то и просто скромность. Лишь сравнительно недавно в нашей стране начали появляться книги, авторы которых – профессиональ-

ные историки – на основании личных впечатлений пытаются понять и объяснить окружавший их мир советской эпохи¹. Взгляд историка – зорче обычного взгляда современника; он видит социальные тенденции, ускользающие от многих других наблюдателей. Таковы и воспоминания А.Б. Давидсона, вписывающиеся в ряд воспоминаний историков-ленинградцев, становление которых в исторической науке пришлось на конец 1940 – начало 1950-х гг.

А.Б. Давидсон – автор огромного числа работ по истории Африки, заслуженный деятель науки РФ, руководитель Центра африканских исследований ИВИ РАН, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова и Высшей школы экономики, член Совета Кейптаунского университета, президент Ассоциации британских исследований, член Союза писателей г. Москвы. Книга его воспоминаний будет интересна не только историкам. Это – исповедь представителя той части военного поколения, которое не было на фронте, но испытало на себе и войну, и сталинское время, и многое другое. Воспоминания содержат богатый фактический материал и по многим общим историографическим проблемам, и по разнообразным частным вопросам, относящимся к российской истории. В них немало новых, свежих фактов и о политике западных стран в Южной Африке, и о культурных связях России с живущими там народами. Важны эти воспоминания и как источник для изучения менталитета и повседневности советских историков, для характеристики духовной жизни советской интеллигенции, для воссоздания истории исторической науки в СССР во второй половине XX в.

Значение мемуаров – не только в *прожитом*, но и в *пережитом*. Воспоминания отличаются той самой «субъективностью», представляющей исключительную важность как дополнение к историческим трудам, созданным в русле идеологизированной советской историографии. В них происходит коррекция объективистских оценок прошлого, которыми наполнена наша литература. Это – один из случаев субъективной оценки исторической реальности, важной для характеристики как самого мемуариста, так и той среды, в которой он пребывал.

Детские и отроческие годы автора прошли в среде ленинградской интеллигенции. Он хорошо помнит как «исчезали» один за другим ее представители в 1930-е гг. В 1941–1942 гг. он пережил голод ленинградской блокады. Автор делится воспоминаниями о довоенной, военной и послевоенной жизни Ленинграда, о культурной среде города, общественность которого пережила в конце 1940 – начале 1950-х гг., когда автор воспоминаний был студентом, лысенковский разгром генетики, борьбу против «безродных космополитов» и «низкопоклонства перед Запа-

дом», «ленинградское дело», «процесс врачей». Затем читатель переносится в Институт истории СССР, аспирантом которого являлся автор, а также в Институт востоковедения и Африки АН СССР, узнает много нового о видных ученых-историках тех лет. Автор уделяет внимание «московскому бытописанию», важным событиям в жизни этого города – Всемирному фестивалю молодежи и студентов 1957 г. и др. В книге можно найти немало интересного о людях, с которыми был знаком автор, например, об А.А. Ахматовой и ее окружении (культура Серебряного века давно является любимым научным занятием автора).

Нельзя не упомянуть в рецензии важного для автора и для исторической науки опыта пережитого национального остракизма, пренебрежения к личности и других «прелестей» тогдашнего режима. Он испытал их на себе и в студенческие годы, и во время поступления в аспирантуру, и на пути в африканистику. Пытаясь понять, что же позволило ему стать тем, кем он стал, Давидсон приходит к заключению, что в этом – заслуга прежде всего его друзей, которым посвящена книга. Цена дружбы «превыше всего», некоторым из своих друзей он посвящает отдельные главы своего повествования. Много теплых слов говорит он о научном руководителе Н.А. Ерофееве, старинном друге И.С. Коне и многих других. Но, главная причина научных успехов Давидсона и того, что он смог реализовать себя, состояться как крупный ученый – это его собственная одаренность, о которой ярко свидетельствуют и сами воспоминания.

Автор воспоминаний руководствовался тем же принципом, что И.Л. Андронников, который как-то сказал редактору своих мемуаров: «Сокращайте главное, детали – оставляйте». Воспоминания дают представление, например, о различных типах ученых в России во второй половине XX в. С иронией автор вспоминает историков, избравших для себя манеру говорить непрерываемым тоном от лица партии, считавших себя «проводниками» ее идеологической линии и делавшими карьеру, спекулируя партбилетом, а то и принадлежностью к «титульной» нации. Публичность в научном мире, как правило, плохо соответствовала настоящему профессионализму. Развитие науки держалось на ученых другого типа – на постоянных посетителях архивов и библиотек, несуетливых, обладавших чувством собственного достоинства, не позволявших сломить себя иногда очень драматичными жизненными обстоятельствами. К такому идеалу стремился и сам автор воспоминаний.

Давление со стороны власти сильно коснулось и многих ученых-африканистов. Но именно они, выйдя из всех политических передеряг гордыми и независимыми, помогли автору как в

формировании жизнеутверждающего отношения к жизни, так и в научных исканиях. Среди них он особо выделяет первого оппонента своей кандидатской диссертации Д.А. Ольдерогге (1903–1987), человека энциклопедических знаний, одного из основателей африканистики в России. Этому ученому с мировым именем был заказан путь за рубеж вообще и в Африку – в частности. Унаследовавший от обрусевших предков немецкую фамилию, дворянин и воспитанник кадетского корпуса, он жил под страхом ареста и до войны, и во время блокады и после нее. Не легче был жизненный путь ученых-африканистов, пришедших в науку из Коминтерна, например, А.З. Зусмановича (1902–1965). Практически единственный знаток нескольких африканских языков, он был уволен в связи с ликвидацией этой международной организации. Тогда же было прекращено на многие годы изучение Африки. Зусманович долго работал администратором театра, с началом войны ушел на фронт, где дослужился до полковника, был заместителем коменданта Будапешта. После нового шквала репрессий он получил 25 лет лагерей и был освобожден лишь в 1956 г. калеккой. По мере сил Зусманович включился в возрождение изучения Африки, но прожил после этого недолго. Прав автор воспоминаний, что современная историческая наука в долгу перед репрессированными, сосланными, арестованными, безвременно погибшими учеными.

Еще в XIX в. российское общество было расколото на тех, кто не хотел знать никакой другой страны кроме России (славянофилов), и тех,

кто «любил Россию странною любовью» (западников). Автор воспоминаний принадлежит к последним. В книге он много пишет о ксенофобии, пагубно влиявшей на общественную атмосферу и идущей от «умышленного незнания» всего британского, французского, португальского и т.п. В этом отношении Давидсон не щадит и таких авторитетов как А.И. Солженицын.

Не все бесспорно в книге А.Б. Давидсона. Противопоставляя историю такой, какой она предстает в учебниках и в индивидуальной памяти очевидцев, нельзя не учитывать, что учебная литература, как и многие популярные работы, окрашенные в героические тона, ориентируются на массовую память, которая, как правило, надолго сохраняет в сознании положительные итоги истории. Спорно заявление автора, что «хороший человек» важнее «профессионала». Но не в этом суть. Воспоминания – откровенный, правдивый и яркий и рассказ о людях, творивших историю в XX в. Они написаны прекрасным поэтичным языком, что создает особую атмосферу доверия к автору, помогает лучше понять его оценки, да и само название его книги.

**И.М. Пушкарева, доктор исторических наук,
Л.Н. Пушкарев, доктор исторических наук
(Институт российской истории РАН)**

Примечание

¹Ганелин Р.Ш. Советские историки: о чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940–1970-х гг. СПб., 2002; *Кон И.С.* 80 лет одиночества. М., 2007.

О происхождении Кузьмы Минина

Вопрос о происхождении организатора II ополчения Кузьмы Минина является спорным в историографии Смутного времени. Существуют две точки зрения на эту проблему. Первая версия – нижегородская. Во всех известных документальных свидетельствах он называется нижегородским земским старостой. В «Повести достоверной о победах Московского государства», в частности, написано следующее: «Был же... в Нижнем Новгороде некий муж добродетельный и очень рассудительный, по имени Козьма Минин, посадскими людьми выбранный земским старостой в Нижнем Новгороде»¹. Нижегородская версия господствовала в историографии в XIX – первой половине XX в.² Однако нигде нет упоминания, что он родился в Нижнем Новгороде. Равным образом, отсутствуют сведения о его жизни до 1611 г.

Вторая версия – балахнинская. В научной литературе она была выдвинута нижегородским исследователем И.А. Кирьяновым³. Взяв за основу своей гипотезы предание о балахнинских корнях Кузьмы Минина, используя писцовую книгу Балахны 1674–1676 гг.⁴, Кирьянов сделал предположение, что отцом Кузьмы Минина был посадский человек города Балахны Мина Анкудинов. Эту версию поддержали известные нижегородские и московские историки⁵. Прямых доказательств, подтверждающих балахнинское происхождение Кузьмы Минина, нет. Попытаемся, тем не менее, рассмотреть несколько аспектов данной проблемы.

Первое упоминание предания о балахнинском происхождении Кузьмы Минина содержится у П.Н. Мельникова-Печерского, который не был сторонником этой версии: «В Балахне утверждают, что Козьма Минин был Балахонец и что потомки его родственников до сих пор существуют в этом городе, как фамилии Мининых... Но все это несправедливо». Доказывая свою версию, автор пишет: «В Сотной грамоте 1632 года... сказано: "Левкею Богданову сыну Редозубову да Ганьки Минину сыну Редозубову сто бадей росолу, а крепости на те росолы не положили". "Гаврилке да Онтошке Мининым детям Редозубова по старине 200 бадей росолу". Значит они были не Минины, а дети Мины Редозубова. Встречаются в числе владельцев росолов Минины, но, перебирая сотные грамоты, нашел я, что они происходят от Мины сына Анкудинова и прежде назывались Анкудиновыми; поэтому я и назвал их здесь Миниными Анкудиновыми. Эти то Минины суть предки нынешних Мининых, купцов балахнинских»⁶. Балахнинским купцом 3-й гильдии был Павел Федорович Минин, бывший в 20–30-е гг. XIX в. городским головой. Он считал себя потомком Федора Минина сына Анкудинова, о чем имеются свидетельства в документах Семеновского уездного суда, в которых говорится, что он «есть действительно потомок предков Мининых»⁷.

Историческая память – вещь упрямая. В Балахне помнили, что Кузьма Минин был родом из Балахны. Именно предание, зафиксированное Мельниковым, стало импульсом для появления и обоснования научной гипотезы о балахнинских корнях народного героя.

Заслуживает внимания царская грамота 1615 г. об изъятии сына, братьев и крестьян Кузьмы Минина от суда в Нижнем Новгороде: «Бил нам челом думной наш дворянин Кузьма Минич, что живет он на Москве при нас, а поместья де и вотчинка за ним в Нижегородском уезде, и братья его и сын живут в Нижнем Новгороде, и им деи, и его людем и крестьяном от исков и от поклепов чинится продажа великая: и нам бы его пожаловати, братью его и сына, и людей и крестьян, ни в чем в Нижнем Новгороде судити не велети; а велети их судити на Москве»⁸. Кто же возводил «поклепы» на братьев Минина? Соответствующих нижегородских документов не выявлено. Зато известно, что 30 июля 1613 г. была послана грамота «на Балахну по челобитью Иванка Буяна на Федку Анкудинова о управе»⁹. Что касается указания на то, что братья Минина жили в Нижнем Новгороде, то москвичи и балахнинцев могли считать нижегородцами.

Обратимся также к материалам о солевладении в Балахне. Князь Д.М. Пожарский, как свидетельствует писцовая книга Балахны 1674–1676 гг., в 1628 г. являлся владельцем 100 бадей росола в трубе Лунинской. В этой же трубе пятьюстами бадьями владел Федор Минин Анкудинов. Большой интерес представляет и тот факт, что после Смуты Федор Минин оказался в числе са-

мых богатых солеладельцев. По свидетельству Мельникова-Печерского Минины-Анкудиновы занимали 3-е место по числу рассолов на Балахонском Усолье¹⁰. Еще в 1580–1581 гг. за Миной Анкудиновым числился рассол в трубе Каменке¹¹. Как же Федору Минину удалось войти в число богатейших посадских людей Балахны?

В период Смуты в Балахне произошло имущественное перераспределение. После взятия нижегородцами Балахны в 1608 г. были казнены двое «главных солепромышленников»: посадские старосты Василий Кухтин и Алексей Суровцев¹². Мельников-Печерский описывал состояние Балахинского соляного промысла так: «Разорение Балахны казаками в 1610 г. довершило падение промыслов – в этом году один богатый солепромышленник Иван Соколов решился даже оставить Балахну и искать в других местах привычных занятий»¹³. Минины же в трудные годы Смуты не просто сохранили свое благосостояние, но и сумели значительно повысить его. Внуки Федора – Андрей и Сергей Григорьевичи Минины в 1660-е гг. были купцами Гостиной сотни. Не говорит ли это о том, что их предком был «выборный вся земли» Кузьма Минин?

Еще один интересный момент встречаем в «Повести достоверной о победах Московского государства»: «И когда пришли они (ополченцы. – М.К.) в Балахну, то Кузьма Минин, заботясь о войске, велел всех посадских людей собрать и приказал им по нижегородскому уставу две части имущества своего в ратную казну отдать... Они все так по его уставу имущество свое в казну принесли. Некоторые же захотели имущество утаить, и принесли не соответственно его уставу, и бедными назвали, но он, видя их коварство и жадность, велел им руки отсечь. Они же, не желая великую муку принять, принесли больше, чем следовало по уставу»¹⁴. Действовал ли в данном случае Кузьма Минин по подсказке балахонцев или сам знал их финансовое состояние – установить сложно. Но этот сюжет может служить косвенным доказательством его связи с Балахной.

Косвенным доказательством связи Мининых с Балахной являются и данные о брате Кузьмы Минина – Безсоне. Согласно писцовой книге Нижнего Новгорода 1620–1621 гг., в Нижегородском кремле недалеко от двора стряпчего Нефёда Минина был двор, «а сказали: был за посадским человеком за Безсоном Мининым, а место бывало не тяглое»¹⁵. Ляготу, он, видимо, имел как брат Кузьмы Минина. Потом народный герой умер, и Безсон «с посадскими людьми в тягле был, а ныне обнищал». Больше он в нижегородских документах не упоминается. В Балахне же в приходе церкви Воскресения Христова «на посаде в торгу» в 1644 г. проживал посадский человек Безсонка Минин¹⁶. Возможно, это и был брат Кузьмы Минина, живший в Нижнем Новгороде, а затем переехавший обратно в Балахну. В писцовой книге Балахны 1674–1676 гг. двор Безсонка Минина числится пустым¹⁷.

Таким образом, балахинскую версию происхождения Кузьмы Минина, основанную на 200-летнем предании, используя известные нам источники, опровергнуть не удастся.

М.В. Карташова
(Балахинский краеведческий музей)

Примечания

¹Повесть достоверная о победах Московского государства, о том, сколь много напастей за умножение грехов наших приняли мы от междоусобной войны, от иноверных поляков, и как от столь многих бед избавил нас всемилостивый господь бог наш своим человеколюбием и молитвами пречистой его матери и, ради всех святых, вернул нас своим человеколюбием в первоначальное состояние // Кузьма Минин – Дмитрий Пожарский: Сборник. М., 1997. С. 264.

²В настоящее время нижегородское происхождение Кузьмы Минина отстает от нижегородский исследователь Б.М. Пудалов. *Пудалов Б.М.* К биографии Кузьмы Минина // Мининские чтения: Труды научной конференции. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (20–21 октября 2006 г.). Н. Новгород, 2007. С. 188.

³*Кириянов И.А.* О Кузьме Минине (Новые материалы к биографии) // История СССР. 1965. № 1. С. 144–146.

⁴Писцовая книга города Балахны 1674–1676 гг. // Действия Нижегородской губернской учетной архивной комиссии. Н. Новгород, 1913.

⁵*Скрябин Р.Г.* Крушение царства: Историческое повествование. М., 1995. С. 406; *Кучкин В.А.* О роде Кузьмы Минина // История СССР. 1973. № 2. С. 209–211; *Макарихин В.П.* День памяти гражданина Минина. Научно-методическое пособие. Н. Новгород, 1999.

⁶*Мельников П.* Балахна // Нижегородские губернские ведомости. 1850. № 2. С. 6.

⁷Главное управление Центрального архива Нижегородской области, ф. 160 – Семеновский уездный суд, оп. 108, д. 3 – Дело о передаче в казну рассольных труб и варниц г. Балахны, принадлежащих частным владельцам. Т. I, л. 551.

⁸*Садовский А.Я.* Одно ли лицо Кузьма Минин и Кузьма Захарьев Минин-Сухорук. Н. Новгород, 1915.

⁹Перечень грамот, отправленных в Балахнинский уезд в 1613 г. (по документам Печатного приказа) // Балахнинский уезд в XVII веке. Документы приказного делопроизводства: Сборник документов. Н. Новгород, 2005. С. 71.

¹⁰Мельников П. Балахна // Нижегородские губернские ведомости. 1850. № 1. С. 4.

¹¹Кириянов И.А. Указ. соч. С. 145; Писцовая книга города Балахны. С. 141.

¹²Мельников П. Балахна // Нижегородские губернские ведомости. 1850. № 1. С. 3.

¹³Там же. С. 3–4.

¹⁴Повесть достоверная... С. 266.

¹⁵Писцовая книга Нижнего Новгорода 1620–1621 гг. // Писцовая и переписная книги XVII в. по Нижнему Новгороду, изданные Археографической комиссией. СПб., 1896. С. 46.

¹⁶Материалы для истории церквей Нижегородской епархии. Балахнинской десятины жилые данные церкви и пустовые церковные земли. 7136 (1628)–1746 гг. М., 1903. С. 22.

¹⁷Писцовая книга города Балахны. С. 82.

К биографии Кузьмы Минина

Достоверных сведений о происхождении, дате и месте рождения Кузьмы Минина нет. Нарративные источники сообщают о нем и его занятиях до 1611 г. лишь то, что Кузьма Минин был нижегородец, посадский человек, торговец мясом (и, возможно, рыбой)¹. Отсутствие источников носит объективный характер: для представителей посадского населения на обнаружение документальных источников о рождении рассчитывать не приходится. Разумеется, в биографии вождя ополчения 1611–1612 гг. вопрос о происхождении – не самый важный. Однако и в этом вопросе мифотворчество недопустимо, тем более что возможности привлечения неизвестных ранее источников и их научного анализа не исчерпаны.

Неполнота биографических сведений о выдающемся человеке в обстановке общественного интереса неизбежно порождает большое количество версий, стремящихся «дополнить» его биографию. Наибольшее распространение получила версия о происхождении К. Минина из Балахны и о его родстве с видными балахнинскими солепромышленниками². Внимательный анализ имеющихся источников не позволяет согласиться с этой версией³.

Нам известен лишь один фольклорный источник – историческая песня («побывальщина»), где сказано, что Кузьма, «богатый мецанин», жил-поживал «во славном и богатом Нижнем»⁴. По лексике можно предполагать, что эта песня, записанная в Калужской губ., достаточно позднего происхождения, но более ранние исторические предания нам неизвестны. Видимо, правы авторы биографического очерка о Минине в своем утверждении, что историки «слишком поздно озаботились сбором сведений о нижегородском мужике, оказавшемся спасителем Отечества в далекую Смуту начала XVII в.»⁵.

Действительно, первые поиски биографических сведений о К. Минине относятся к XIX в. Но примечательно, что проходили эти поиски в Нижнем Новгороде, потому что историческая память прочно связывала народного героя именно с этим городом⁶. Какие-либо исторические предания о балахнинском происхождении Кузьмы Минина не были известны наиболее авторитетным в то время историкам-краеоведам и собирателям старины Н.И. Храмцовскому и А.С. Гацискому. Однако растущий общественный интерес к спасителям Отечества и похвальное желание властей благодетельствовать их потомков привели к многочисленным злоупотреблениям: в родственники к Кузьме Минину попытались записаться многие. В результате родня и потомки нижегородского героя объявились не только в Нижнем, но и в Балахне, а также Казани и Туле⁷. Поэтому понятно недоверчивое отношение П.И. Мельникова к претензиям балахнинских купцов Мининых считаться потомками вождя ополчения или хотя бы его братьев: он не видел оснований искать корни рода Кузьмы за пределами Нижнего Новгорода⁸. Безусловно, прав В.А. Кучкин, настаивающий на доказательстве балахнинской версии не местным преданием, а документальными источниками⁹.

В качестве аргумента в пользу версии о балахнинском происхождении К. Минина приводятся обычно два документа – грамота из Новгородской чети в Нижний Новгород о неподсудности Кузьмы Минина, его братьев и крестьян в Нижнем (31 мая 1615 г.) и аналогичная грамота в отношении Нефёда Минина (31 октября 1616 г.)¹⁰. Упомянутые в этих документах случаи «исков и поклонов» на Мининых и их вотчинных крестьян теоретически можно связать с грамотой «на Балахну по челобитью Иванка Буяна на Федку Анкудинова о управе» (30 июля 1613 г.)¹¹. Однако, на наш взгляд, это слишком смелое допущение: между грамотой на Балахну и грамотой в Ниж-

ний есть временной разрыв в два года. Между тем известно, что в 1614 г. думному дворянину Кузьме Минину был предъявлен иск об укрывательстве беглых крестьян в своей нижегородской вотчине с. Ворсма¹². Следовательно, есть основания полагать, что грамоты 1615–1616 гг. были выданы именно вследствие таких исков. К тому же, челобитье И. Буяна, вызвавшее грамоту 1613 г., было направлено против «Федки Анкудинова», и следует предварительно доказать, что этот «Федка» и Федор Минин сын Анкудинов – одно и то же лицо, являющееся к тому же братом Кузьмы Минина.

По мнению В.А. Кучкина, «связь Мининых с Балахной доказывается... замечанием грамоты от 31 октября 1616 г., согласно которому братья Кузьмы Минина «приезжая, живут в Нижнем», т.е. постоянно проживали где-то поблизости от Нижнего¹³. Между тем о проживании братьев Кузьмы Минина «поблизости от Нижнего» в тексте грамоты не говорится. Документ свидетельствует лишь о том, что ближайшие родственники Кузьмы Минина к 1616 г. не проживали в Нижнем Новгороде постоянно, и это действительно так: его сын Нефед входил в состав Государева двора и жил в Москве; из Москвы же привез в Нижний грамоту Сергей Минин, брат Кузьмы. Следовательно, фразу «приезжая, живут в Нижнем» можно понимать как «приезжая из Москвы».

Родство Кузьмы Минина с балахнинскими солепромышленниками Миниными-Анкудиновыми также вызывает сомнения. Нам неизвестен ни один документ, в котором балахнинские Мининые-Анкудиновы ссылались бы на родство с Кузьмой. Попасть в 1660-е гг. в Гостиную сотню и ни разу не подчеркнуть близкого родства с думным дворянином – такое для XVII в. вряд ли было возможно.

Действия К. Минина по сбору средств в Балахне во время похода к Москве, описанные в «Повести достоверной о победах Московского государства», также не дают доказательств в пользу балахнинского происхождения вождя ополчения. «Выборный человек», проводя сбор денежных средств, обязан был опираться на документы по налогообложению – окладные, доимочные, лавочные, платежные книги, достаточно полно отражавшие имущественное положение населения. Именно так наверняка и действовал К. Минин, распространяя «нижегородский устав» в Балахне, Юрьевце, Костроме, Ярославле. Что же касается жестких действий в Балахне, то объясняются они не личными счетами с «земляками», а, скорее всего, изменческими действиями балахнинцев в 1608 г. и понятной неприязнью к ним нижегородцев.

Пожалуй, наиболее сложным является вопрос о Безсоне Минине. Как известно, в писцовой книге 1620–1621 гг. упомянут в Нижнем Новгороде двор посадского человека Безсона Минина¹⁴, причем именование владельца полным именем и временное отсутствие на нем тягла позволяют высказать догадку, что это – родной брат Кузьмы Минина¹⁵. Однако эту версию, изначально содержащую не менее двух допущений (что Безсон – брат Кузьмы и одно и то же лицо с балахнинским Безсонкой), опровергает проведенное С.В. Сироткиным исследование комплекса балахнинских документов XVII в., хранящихся в Научной библиотеке Казанского университета¹⁶. Сироткин выяснил, что «Безсонко Минин сын швец» (молитвенное имя – Самсон) проживал в Балахне в первой половине XVII в.: его называют дозорная книга 1617/18 г., переписные книги 1646 г. и 1653 г., но сведения о каких-либо его переселениях в Нижний Новгород и о родстве с думным дворянином Кузьмой Миничем отсутствуют. Более того: в данных источниках немало сведений о балахнинских Мининых-Анкудиновых и их взаимном родстве, но Кузьма Минин среди их родни не упоминается. Зато обнаруженный Сироткиным документ из фондов Российского государственного архива древних актов о родной сестре Кузьмы Минина Софье содержит указание на место ее проживания – Нижний Новгород¹⁷.

Таковы, в общих чертах, основные данные о происхождении К. Минина. Они, на наш взгляд, не позволяют говорить о его балахнинских корнях. Думается поэтому, происхождение Кузьмы Минина следует определять так, как указано во всех доступных источниках: нижегородец, посадский человек.

А.В. Морохин, кандидат исторических наук
(Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского),
Б.М. Пудалов, кандидат филологических наук
(Комитет по делам архивов Нижегородской области)

Примечания

¹ См.: Памятники истории нижегородского движения в эпоху смуты и земского ополчения 1611–1612 гг. // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии (далее НГУАК). Сборник. Т. XI. Н. Новгород, 1913. С. 361, 364, 370, 387, 402, 407, 413, 428, 435, 453, 457, 459, 461. Кроме того, есть четкое указание Синодика Нижегородского Вознесенского Печерского монастыря: «Род Козмы Минича нижегородца» (Центральный архив Нижегородской области (далее ЦА НО), ф. 2636, оп. 2, № 2, л. 173.

² *Карташова М.В.* Балахна – Минин – Нижегородское ополчение // Нижегородский музей. № 7–8. Н. Новгород, 2006. С. 46–55.

³ См.: *Пудалов Б.М.* К биографии Кузьмы Минина // Мининские чтения. Труды научной конференции. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (20–21 октября 2006 г.). Н. Новгород, 2007. С. 184–195; *Козляков В., Михайлов П.* Кузьма Минин // День народного единства: Биография праздника. М., 2009. С. 283–285.

⁴ Памятники истории нижегородского движения... С. 439.

⁵ *Козляков В., Михайлов П.* Указ. соч. С. 281.

⁶ ЦА НО, ф. 2, оп. 6, д. 345; ф. 60, оп. 233, д. 2025, л. 1–30 и др. См. также: «Дело о потомках Козьмы Минина» // Действия НГУАК. Сборник. Т. XIII. Вып. TV. Н. Новгород, 1912.

⁷ Храмцовский упомянул предание, согласно которому Кузьма Минин был родом из Новгорода Великого; историк допускал возможность появления потомков братьев К. Минина в Балахне, но не происхождение рода оттуда (*Храмцовский Н.И.* История и описание Нижнего Новгорода. Н. Новгород, 1998. С. 100, С. 537, прим. 187). А.С. Гациский сообщил о случае со «старухой Матреной Федосеевной», которая заявляла нижегородскому губернатору, что ей как представительнице рода Минина было его тройное чудесное видение и требовала построить ей дом на месте дома Кузьмы Минина (*Гациский А.С.* Нижегородский летописец. Н. Новгород, 2001. С. 63–64). См. также: ЦА НО, ф. 2, оп. 6, д. 345; *Голов И.И.* Род Кузьмы Минина (По новым материалам) // Записки краеведов. Горький, 1975. С. 108–112; «Дело о потомках Козьмы Минина»... С. 22, 27–30; *Садовский А. [Я.]* О потомстве сестры Минина, Дарьи Минишны. Н. Новгород, 1910.

⁸ *Мельников П.И. (Андрей Печерский).* Исторические заметки // Полн. соб. соч. П.И. Мельникова (Андрея Печерского). Т. VII. СПб., 1909. С. 504–505.

⁹ *Кучкин В.А.* О роде Кузьмы Минина // История СССР. 1973. № 2. С. 209–211.

¹⁰ Акты Археографической экспедиции. Т. III. СПб., 1836. С. 108, 119; Нижний Новгород в XVII в. Сборник документов. Горький, 1961. С. 44, 47.

¹¹ РГАДА, ф. 233, оп. 1, кн. 1, л. 408 об. Опубликовано: Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.). М., 1994. С. 275.

¹² Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV–XVII вв. Т. 1. М., 1929. С. 215.

¹³ *Кучкин В.А.* Указ. соч. С. 209.

¹⁴ Писцовая книга Нижнего Новгорода 1620–1621 гг. // Писцовая и переписная книги XVII в. по Нижнему Новгороду, изданные Археографической комиссией. СПб., 1896. С. 46.

¹⁵ Первым эту версию выдвинул П.И. Мельников: «Дело о потомках Козьмы Минина»... С. 24. Напомним, что достоверно известно имя лишь одного из братьев Кузьмы, Сергея.

¹⁶ О происхождении, составе и судьбе всего комплекса балахнинских, нижегородских и арзамасских документов в Казани см.: *Хачко А.Ю.* Казанская коллекция нижегородских рукописей XVII в. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2001.

¹⁷ *Сироткин С.В.* «Братья» и сестры Кузьмы Минина: генеалогический этюд (в печати). Сообщение С.В. Сироткина было представлено на «Мининских чтениях» в Нижнем Новгороде в 2008 г.; текст статьи находится в печати в сборнике материалов этой конференции, а результаты исследования приведены здесь с любезного разрешения автора.

Сибирь: начало истории – новая версия

По вопросу о присоединении Сибири к России до настоящего времени нет общепринятой версии. Писательские рассказы о завоевании Сибири Ермаком переходят из книги в книгу, обрастая все новыми подробностями. Профессиональные историки стараются опираться на летописные источники, но и в их работах имеют место расхождения в трактовках: кому принадлежала инициатива в организации похода Ермака, год начала этого похода, его продолжительность, количество сражений, место и дата главной битвы с войском Кучума. Нет единства и в определении численности дружины Ермака: ученые называют количество от 540 до 1 650 человек.

То, что ученые-историки расходятся в концепциях и трактовках первичного исторического материала – нормальное явление. Однако у авторов нет детального представления о некоторых топографических пунктах, важнейшим образом связанных с походом Ермака и со всей историей начала вхождения Сибири в состав Российского государства. Это, прежде всего, Искер – рези-

денция Кучума, которую считают столицей Сибирского ханства, а также место основного сражения Ермака с Кучумом. Отсутствие представлений о возможностях поведения людских масс в этих местах приводит к «кабинетным» ошибкам, создавая путаницу в расшифровке исторических событий.

Важно иметь представление о том, что являл собою Искер. *Искер (татар. – старое городище, древняя земля)* расположен в 15 км от Тобольска вверх по Иртышу. Это безлесный участок высокого коренного берега Иртыша. От лесного массива Искер отделен глубоким оврагом, который охватывает сопку с востока и юга. Подняться с этих сторон на Искер весьма проблематично. С запада холм защищен неприступным 60-метровым обрывом в Иртыш. Лишь с севера, где теперь неширокая ложбина (в прошлом, возможно, рукотворный ров), татарское селище нуждалось в защите. В середине XX в. площадь Искеровской сопки составляла около 2 га; вследствие того, что сопку постоянно подмывает Иртыш, от Искера к настоящему времени мало что осталось. На Искере при участии московских археологов В.Н. Чернецова и В.И. Мошинской были произведены археологические раскопки. Однако ни там, ни на Сузгунской сопке, где, согласно преданию, жила одна из жен Кучума, не было обнаружено никаких следов дворцовых сооружений.

Искеру учеными приписываются два других имени, отчего создалось немало путаницы. Одно из этих имен – *Кашлык*. Идентификация Кашлыка с Искером объяснима, поскольку «кашлык» по-татарски означает «селище на высоком берегу». Однако эта версия не может быть признана убедительной. Если верна гипотеза о том, что решающее сражение между Ермаком и Кучумом происходило под Кашлыком на Княжем лугу у Чувашского мыса, то Кучум никак не мог наблюдать за ходом битвы из Искера¹, поскольку тот располагается на 12–15 км выше по течению Иртыша. Искер и Кашлык, таким образом, являются разными местами, причем, судя по всему, вовсе не Искер был кучумовской столицей. Напомним, что торговым караванам было бы весьма затруднительно приходить в Искер, поскольку тот совершенно неприступен со стороны реки.

Иногда Искер именуют и Сибирью. Это географическое название было известно на Руси еще до похода Ермака. Н.М. Карамзин, в частности, пишет: «Сибирь, коей имя... известно в Москве от наших Югорских и Пермских данников». Далее историк уточняет: «Еще не видели татар в тех местах, где уже существовала крепость Сибирь»². С.М. Соловьев замечает: «Бухарские купцы дали знать Ермаку, что Кучум не пропускает их в город Сибирь»³.

Однако «град Сибирь» не тождественен Искеру. Поскольку к этому граду стремились купцы, то становится очевидным, что это был крупный торговый центр. Искер же для торговли крайне неудобен: добраться к нему можно было только на лошадях, поскольку со стороны Иртыша к Искеру нельзя было даже причалить. А наиболее удобными торговыми путями были именно реки. Где же располагалась крепость – «град Сибирь»?

В нынешнем Тобольске есть Татарская слобода, прилегающая к Иртышу, отделенная от основной части города речкой Абрамовкой. Надо полагать, что татары жили там еще до прихода Ермака и задолго до возведения самого Тобольска, поскольку вряд ли воеводы допустили бы появление на столь стратегически важном месте нового татарского поселения. Известно, что ранее Тобол впадал в Иртыш именно против этого места, близ нынешнего русла р. Бекеревки. Вряд ли при слиянии двух больших рек могло не быть крупного поселения.

Именно там, при слиянии Иртыша и Тобола, где располагалась древняя ярмарка, находился город Сибирь. Многочисленные татарские поселения в окрестностях Тобольска сохранили свои названия (юрты Медянской, Сузгун, Суклемы, Сабанаки, Саусканы и т.д.). Лишь заабрамовская слобода потеряла свое имя, поскольку Сибирью стало называться все колонизируемое русским людям зауральское пространство. Именно отсюда пошло название Сибирь, определяющее сейчас исполнинское пространство.

Для понимания истории начала освоения Сибири огромное значение имеют труды незадолго забытого историка XIX в. – П.А. Словцова, жившего и похороненного в Тобольске. В своей работе Словцов очень осторожно относился к использованию летописных известий, поскольку летописцы нередко увлекались литературными изысками; по выражению С.М. Соловьева, могли, «говоря о Сибири, толковать об Италии, говоря о Кучуме, наполнять целую главу толками о Моисее». Так, например, источником описания «брани велия» у Чувашского мыса послужил для летописца рассказ из другого древнего источника о битве болгар с византийцами⁴. Историк поставил перед собой задачу использовать только документы, объективность которых не вызывала сомнений. Исследователь отметил: «С половины XVI века летописи начинают говорить об Едигере... и потом о Кучуме. Государственные листы в разных грамотах называют первого сибирским князем, а последнего сибирским царем». Однако перечисленные историком объективные данные о Кучуме отнюдь не демонстрируют его «царственность». Отметил исследователь

также и то, что «ханство Кучумово ныне вмещается в уезде Тобольском». Самого же Кучума Слобцов характеризовал как главаря разбойничей банды, кочующей «с места на место, где и удавалось подбирать толпу охотников для преднамеряемого нападения». Промышляя разбоями и работорговлей⁵, Кучум покорил жителей главного торгового центра края – града Сибирь, но благоразумно решил сделать своей ставкой более безопасное место – сопку, получившую название Искер.

Как известно, поход Ермака нередко именуют завоеванием Сибири. Однако, что было завоевано Ермаком, кроме права на ясак «мягкой рухляди» на небольшой территории Прииртышья? Подробный анализ ермаковского похода свидетельствует, что казачья дружина Ермака благополучно и без боев достигла устья Тобола и вышла на Иртыш, обнаружив там град-крепость Сибирь, жители которой, по словам С. Ремезова, были «невоисты»⁶. Они не только не оказали сопротивления, но, узнав, что приплывшие колонисты – из России, оказали им дружеский прием. Кучум из Искера пошел навстречу пришельцам, и Ермаку ничего не оставалось, как «изыдоша из городка на бой месяца октября в 23 день». Близ Кашлыка, в юго-восточном углу Княжего луга у подножия Чувашского мыса схватились две невеликие ватаги Ермака и Кучума. «Брань велия» закончилась победой ермаковцев; вооруженные луками, саблями и копьями, люди Кучума не смогли нанести казакам большого урона⁷. Несмотря на небольшие масштабы сражения оно, тем не менее, сыграло большую историческую роль, лишив Кучума власти над землями в Прииртышье. Ермак, ничего особенного не завоевав, открыл для России «новый континент», подобно тому, как Колумб без всяких завоеваний открыл для европейцев Америку.

Некоторые замечания должны быть высказаны относительно закладки Тобольска. В современной литературе основание Тобольска относят к 1587 г.; основателем города считается письменный голова Данила Чулков. Слобцов основание Тобольска датирует 1586 г., а основателем города считает воеводу Василия Сукина. В 1587 г. город был перенесен на мыс нагорного берега над Иртышом⁸. Что же касается сказов о том, что закладка Тобольска была произведена из материалов разобранных ладей – то это, безусловно, лишь легенда. Уничтожать плавсредства на берегу реки при наличии реальной угрозы нападения со стороны неприятеля было бы верхом неблагоразумия. Скорее всего, речь шла о «ладейном лесе».

Итак, подведем итоги. В конце XVI в. Сибирского царства как такового не существовало, хотя Кучум и именовал себя ханом. Имя Сибирь носил город на Иртыше против старого русла Тобола. Город Сибирь был крупным торговым центром. Ермак не завоевывал Сибирь как страну, город Сибирь добровольно перешел под власть Москвы. Историческая заслуга Ермака в том, что он в нужное время обратил внимание московских властей на зауральское пространство.

П.А. Пантелеев, доктор биологических наук (Тобольск)

Примечания

¹ Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1986. С. 19, 218.

² Карамзин Н.М. История государства Российского. Репринт. 1989. Т. VI–VII. С. 140; Т. IX. С. 220.

³ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. VII–VIII. М., 1989. С. 270.

⁴ Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 23.

⁵ Слобцов П.А. История Сибири. От Ермака до Екатерины II. М., 2006. С. 49, 51.

⁶ Скрынников Р.Г. Указ. соч. С. 213.

⁷ Там же. 218.

⁸ Слобцов П.А. Указ. соч. С. 268.

III Всероссийская научная конференция

«Н.В. Устрялов в истории мировой политической мысли»

В последнее десятилетие заметно возрос интерес к личности и творческому наследию Н.В. Устрялова. Важную роль играют при этом посвященные этому политику и мыслителю научные конференции, которые проходят с 2003 г. в Калуге. Материалы первых двух конференций были изданы и вызвали интерес научной общественности (Николай Васильевич Устрялов: Калужский сборник. Вып. 1. Калуга, 2004; Вып. 2. Калуга, 2007). Калуга не случайно стала центром консолидации научных сил, занимающихся изучением личности и творчества Устрялова. В этом городе прошли его гимназические годы, формировались основы мировоззрения.

III конференция состоялась в Калуге 11–12 октября 2007 г. В ее работе приняли участие ученые из Калуги, Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Брянска, Орла, а также Белоруссии и Украины. Конференция проходила на базе Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

На пленарном заседании выступила депутат Государственной думы РФ д.и.н. Н.А. Нарочницкая. В ее докладе содержалась оценка личности и взглядов Н.В. Устрялова в контексте современности. По мнению докладчика, для Устрялова Россия в любом облике всегда оставалась Родиной. Такая позиция роднила его с теми эмигрантами, которые, не принимая советский режим, считали сохранение Отечества для будущих поколений выше желания быстрее поменять то государственное устройство, которое их не устраивало. К.и.н. В.К. Романовский (Нижегородский институт развития образования) в докладе «О периодизации жизненного пути Н.В. Устрялова и эволюции его идейно-политических воззрений», основанном на широком круге источников, выделил основные вехи жизни, деятельности и трансформации взглядов известного сменовеховца. В 1890–1916 гг. происходило становление Устрялова как политика и публициста, формировались консервативно-либеральные основы его политического мировоззрения. В годы революции и Гражданской войны Устрялов эволюционирует «вправо», становится активным сторонником диктаторской власти, а после разгрома Колчака порывает с либеральным лагерем. В 1920–1935 гг. на чужбине он приобретает широкую известность основоположника национал-большевизма – разновидности консервативной идеологии. Вернувшись на родину, инициатор примирения оказывается невостребованным и трагически погибает в 1937 году. Проследив эволюцию взглядов Устрялова, докладчик подчеркнул, что он являлся наиболее последовательным защитником идеи государственности из числа виднейших представителей русской мысли XIX–XX вв.

В докладе д.и.н. Э.М. Шагина (МПГУ) «Н.В. Устрялов и политическая жизнь России в 1920-е годы» был представлен глубокий и всесторонний анализ сложной и противоречивой политической обстановки в СССР в 1920-е гг., что во многом определило становление устряловской концепции «национал-большевизма». Д.и.н. А.В. Квакин (МГУ им. М.В. Ломоносова) в своем докладе рассмотрел современную историографию, посвященную деятельности Устрялова, и перспективы изучения этой темы. В докладе д.и.н. Д.В. Арноста (Орловский государственный технический университет) Устрялов характеризовался как представитель либерального течения политико-правовой мысли. Его творчество пришлось в основном на период переосмысления представителями науки способов общественного переустройства, места и роли в этом процессе основных либеральных концептов – личности, общества, государства, подчеркнул докладчик. Переосмыслив причины неудач, постигших российскую либеральную практику, он предложил свою собственную технологию общественного преобразования, вписанную в систему его геополитических воззрений на роль и место России в современном мире.

В докладе Л.А. Быстрынецовой (Санкт-Петербург) «Н.В. Устрялов и Белое движение» были приведены новые факты жизни мыслителя, относящиеся к периоду его сотрудничества с колчаковским правительством, а также рассмотрены некоторые обстоятельства осмысления Устряловым опыта прошлого во время его пребывания в Харбине. Интересные материалы о жизни в Харбине в 1920-е гг., о деятельности Устрялова на Харбинском юридическом факультете сообщила в своем выступлении к. пед. н. В.П. Пономарева (Брянский государственный университет). Д.и.н. В.Я. Филимонов (Калужский государственный педагогический университет) посвятил свое выступление анализу известной публикации Устрялова «Россия. У окна вагона». Докладчик отметил, что оптимистичные оценки Устряловым советской России середины 1920-х гг. были продиктованы стремлением создать позитивный образ «ростков нового» в эмигрантских кругах. Опыт целостного осмысления концепции государства Устрялова был представлен в сообщении к.и.н. Н.П. Марченковой (МПГУ). Эмигрантской критике национал-большевизма было посвящено выступление А.В. Козлова (МПГУ). О материалах русской эмиграции, хранящихся в Российском государственном архиве экономики, сообщил заместитель директора архива, к.и.н. С.И. Дегтев. Важные свидетельства о жизни семьи Устряловых содержались в выступлении внучки мыслителя Н.С. Устряловой, а также в представленных д. пед. н. А.Е. Шапошниковым (Москва) материалах переписки М.И. Разумовской и ее дочерей с Н.В. Устряловым.

В ходе конференции состоялся также «круглый стол», в котором приняли участие, помимо докладчиков, преподаватели, аспиранты и студенты исторического факультета Калужского государственного педагогического университета. Участники «круглого стола» определили наиболее актуальные направления изучения наследия Устрялова. Особое внимание было уделено проблеме выявления, собирания и научной публикации источников (переписки, мемуаров, публикаций Устрялова). Для реализации этой задачи было инициировано создание научно-редакционного совета. Материалы конференции будут опубликованы в очередном «Калужском сборнике».

**В.Я. Филимонов, доктор исторических наук, И.Н. Берговская, кандидат философских наук (Калужский государственный педагогический университет),
В.К. Романовский, кандидат исторических наук (Нижегородский институт развития образования)**

Научно-практическая конференция «Шацк: 455 лет в истории России»

Рязанский город Шацк, сыгравший в XVI–XVII вв. значительную роль в истории России, в 2008 г. отметил свое 455-летие. Основанный в 1553 г. как южный форпост русского государства, Шацк ни разу не был захвачен неприятелем, хотя его пытались подчинить и в Смутное время, и в период восстания Пугачева. В XVIII в. город был центром провинции, позже – центром уезда, а в настоящее время является центром одноименного района.

Муниципальное образование «Шацкий муниципальный район» совместно с Союзом краеведов России и кафедрой региональной истории и краеведения РГГУ 22–23 июня 2008 г. провели научно-практическую конференцию «Шацк: 455 лет в истории России». В работе научного форума, помимо шацчан, приняли участие исследователи из Москвы, Санкт-Петербурга, Рязани, Нижнего Новгорода, Саранска, Пензы, Кадома. Тематика заслушанных докладов вышла далеко за пределы местного краеведения и затрагивала вопросы российской истории, источниковедения, археологии, религиоведения, библиографии, образования, топонимики, генеалогии.

Открывая конференцию, глава Муниципального образования «Шацкий муниципальный район», председатель оргкомитета П.М. Калнин отметил, что своей основной целью конференция ставит комплексное изучение историко-культурного и природного наследия Шацкого края, а также популяризацию исторических и краеведческих знаний среди жителей района. Было зачитано приветственное слово почетного председателя Союза краеведов России, академика Российской академии образования, д.и.н. С.О. Шмидта и председателя Союза краеведов России, доцента В.Ф. Козлова, в котором говорилось, что состоявшаяся 5 лет назад конференция, посвященная 450-летию Шацка в истории России, получила большой резонанс в научно-исторических и научно-краеведческих кругах, о чем свидетельствуют многочисленные отзывы, опубли-

кованные в различных научных изданиях. «Экономическое и социальное возрождение и развитие малых городов, – говорилось в обращении, – тесно связано с осознанием важности исследований в области местной истории и их популяризации. Прекрасным примером является деятельность администрации и предприятий Шацкого района по поддержке местных сил исследователей древнего края».

Одним из первых выступил уроженец Шацкого района, почетный гражданин района, вице-президент и первый заместитель генерального конструктора ракетно-космической корпорации «Энергия» им. С.П. Королева д. техн. н., профессор В.М. Ф и л и н с интересным автобиографическим сообщением «Шацкая закалка, или мой путь к космосу (от деревенского мальчишки до РКК «Энергия» им. С.П. Королева)».

К.и.н., старший преподаватель Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) С.Ю. Ш о к о р е в в докладе «Предпосылки и жизненная необходимость организации города Шацка в середине XVI в. для защиты Русского государства» проанализировал целесообразность основания города на занимаемом им месте в качестве оптимального оборонительного форпоста, на пути пересечения дорог, идущих от ногайцев и крымских татар. Заведующий научно-исследовательской лабораторией Рязанского областного института развития образования, д.и.н., профессор Б.В. Г о р б у н о в установил, что Шацкое казачество – одна из показательных групп русского казачества, которое внесло в XVI–XVII вв. большой вклад в оборону южных и юго-восточных рубежей Русского государства и вошло в состав Донского, Терпского, Волжского и Оренбургского казачества. Учитель из поселка Башмаковы Пензенской обл. Г.А. К у р а н о в а в докладе «Нарышкины и Башмаковы: исторические коллизии» исследовала сложные взаимоотношения, существовавшие между двумя известными дворянскими родами во второй половине XIX в. Она рассказала о разгульном образе жизни бездетного С.К.Нарышкина (1819–1854), завещавшего свое состояние Вышенской Успенской пустыни, а также о почти 20-летней тяжбе между Башмаковыми и Русской Православной Церковью, закончившейся в пользу последней лишь благодаря вмешательству императора Александра II.

К.и.н., преподаватель РГГУ А.В. Т о п ы ч к а н о в сделал обзор сохранившихся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) документов Шацких монастырей за XVII–XVIII вв. Он показал, что хорошо сохранились документы Никольского Чернеевского монастыря, Успенской Андриановой пустыни (ныне территория Касимовского района Рязанской обл.) и Никольской Мамонтовой пустыни (ныне территория Тамбовской обл.). В сообщении ведущего специалиста отдела информации РГАДА С.В. С и р о т к и н а были представлены новые сведения за XVII–XVIII вв. об Успенском Проломском монастыре, существовавшем на территории Шацкого уезда вблизи села Малый Пролом. Последние данные о монастыре датированы 1763 г., когда в нем оставались дяк и пономарь, а священников и монахов не было. Докладчик высказал предположение, что в это время монастырь и прекратил свое существование.

Генеральный директор ОАО «Автоколонна 1663», член Международного Союза журналистов В.М. С у х о р у к о в выступил с докладом «Шацкий край глазами князя Владимира Петровича Волконского в 1850 г.». Новыми материалами по истории Шацкой женской гимназии за 1904–1918 гг. из фондов Государственного архива Рязанской обл. поделилась заведующая отделом краеведения Рязанской областной универсальной библиотеки им. А.М. Горького, заслуженный работник культуры Российской Федерации В.В. Б е з у г л о в а, уточнившая дату основания гимназии и показавшая основные преобразования, произошедшие в ней за исследуемые годы. Профессор РГГУ, д.и.н. Л.А. М о л ч а н о в изучил выявленную в Российской государственной библиотеке (РГБ) газету «Красное знамя» Конобеевского района (входящего в настоящее время в состав Шацкого района) Рязанской обл. за 1944–1958 гг. и установил, что в ней содержится информация о социально-экономических, политических и культурных изменениях, происходивших в Конобеевском и Шацком районах.

Главный библиограф справочно-библиографического отдела РГБ И.Д. С и р о т к и н а поделилась методикой поиска и выявления литературы о Шацком крае с применением современных информационных средств, что особенно актуально сегодня при большом количестве выходящих публикаций. Сотрудница Государственной публичной исторической библиотеки (ГПИБ) Л.В. В о л г и н а рассказала о библиографическом поиске и выявлении материалов о Феофане Затворнике Вышенском в фондах Исторической библиотеки. Главный библиограф ГПИБ И.А. Г у з е е в а посоветовала исследователям обратить внимание на уникальное собрание документов, хранящееся в фондах библиотеки, которое получило по имени своего собирателя название «Коллекция М.Д. Хмырова». В нее входят вырезки из газет и журналов за XVIII–XIX вв. о Тамбовско-Шацком крае. В течение нескольких лет Шацкая межпоселенческая библиотека успешно занимается краеведческой работой, что наглядно продемонстрировала главный биб-

лиограф краеведческого сектора Г.И. Елисеева, представившая 43 издания, выпущенные библиотекой за эти годы, среди которых разноплановые брошюры, буклеты и другая полиграфическая продукция о Шацком крае.

Начальник отдела Рязанского археологического центра по сохранению объектов культурного наследия В.П. Чеплюгов рассказал об археологическом изучении Шацкого района. Учитель истории Шацкой общеобразовательной средней школы Н.А. Киселев поделился опытом работы шацкого лагеря «Юный археолог», отметив энтузиазм и интерес школьников. Фактически занятие археологией, по словам докладчика, – это «урок истории на практике», что и подтвердил в своем выступлении ученик 7 класса Шацкой общеобразовательной школы С. Елисеев, исследовавший в период летних каникул сохранившиеся с древнейших времен на территории района элементы Шацкой засечной черты. Д.и.н., профессор Н.Ф. Мокшин рассказал о мордовских названиях рек и сельских поселений на территории Шацкого края и Рязанской обл. Он выявил топонимы и гидронимы, имеющие явно выраженные мордовские корни: Карля, Кермись, Кужля, Пурля, Шевырляй, а также сельские поселения: Шаморга и Сыровель.

Автор книги о Шацком крае «Город-страж на засечной черте» рязанский писатель А.Н. Потопов разработал и предложил собственную классификацию «Шацкого землячества». Вопросам уточнения мусульманских корней Енгальцевых в XVI–XVII вв. посвятил свой доклад доцент Рязанского филиала Московского психолого-социального института, к.и.н. А.В. Беляков. Он отметил, что Енгальцевы сыграли значительную роль в истории Шацкого края, а предводитель Шацкого уездного дворянства П.Н. Енгальцев оставил после себя несколько книг по народной медицине. Врач-нарколог и генеалог А.И. Григоров проследил родословную шацких Григоровых. Он установил, что его первые однофамильцы появились в крае в XVII в. и были помещиками, а с XVIII в. с расширением территории страны часть Григоровых перебралась в другие уезды, в частности – в Кирсановский, где и ныне живут представители этого рода. Исследователь сообщил, что Ф.Л. Григоров (1575–1644) был воеводой в Шацке в 1635–1640 гг.

Ученики 9-го класса Чернослободской основной школы Д. Атаева и М. Колганова, под руководством учителя истории М.Ф. Юсуповой, изучили жизнь уроженца родного села, известного отечественного ботаника и эколога И.Г. Серебрякова (1914–1969), разработавшего систему жизненных форм растений, в которой он не только отобразил их различные группы, но и показал эволюционное происхождение и расселение по всей поверхности земного шара. Начальник лаборатории Научно-производственного объединения «Импульс», уроженец деревни Спаск В.Е. Потехин рассказал о своих земляках – С.Д. Плетневе, докторе медицинских наук, профессоре, получившем в 1981 г. Государственную премию СССР за внедрение в медицине лазеров, и Ф.Ф. Махонине, художнике, члене-корреспонденте Петровской Академии наук и искусств, авторе многих картин и более 160 экслибрисов. Уроженец шацкого села Кермись Б.Г. Чурочкин, в течение 15 лет занимающийся историей села и своей родословной, автор книги «Память поколений: родословная Шацких крестьян Чурочкиных» поделился навыками генеалогических изысканий и рассказал о своем опыте по созданию летописи родного села.

Кроме обширной научной программы для участников и гостей конференции было организовано знакомство с районом и городом, в которое входили экскурсия по Шацку, посещение Вышенского Успенского монастыря, Чернеевского Николаевского монастыря, усадьбы Нарышкиных на Быковой Горе и Желановского сельского краеведческого музея.

Итоги работы конференции подвел заведующий кафедрой Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина, д.и.н., профессор П.В. Аккульшин, подчеркнувший, что «регионы – понятие историческое, они возникают, развиваются, могут даже исчезать. В этом плане Шацкий край существовал как отдельный регион России, и поэтому его историческое наследие требует не только сохранения, но и изучения как одного из интереснейших мест России. Общественно-историческое место Шацкого края как региона пока еще по достоинству не оценено исторической наукой».

Г.А. Мельничук

Всероссийская научно-практическая конференция по истории русского либерализма в Ярославле

10–12 сентября 2008 г. на базе Ярославского госуниверситета им. П.Г. Демидова была проведена Всероссийская научно-практическая конференция «Российский либерализм в региональном измерении: идеи, структуры, тактики, лидеры». В работе форума участвовали ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Харькова (Украина), Белгорода, Орла, Пензы, Челябинска, Костромы, Иванова, Ярославля, Рыбинска и Ростова. К конференции проявили интерес члены Государственной думы РФ, действующие региональные политики. Было заслушано более 40 докладов; к началу конференции подготовлен компакт-диск с докладами, что позволило больше времени уделить дискуссии.

Главными целями конференции стало обсуждение и осмысление содержания, потенциальных возможностей и важнейших тенденций развития либерализма в дореволюционной России, его идеологии и программтики, либеральных практик; социальной базы либерализма и деятельности российских либералов в Государственной думе; роли либерально настроенной личности в политической жизни всей страны и отдельных регионов; формирования новых и ротации существующих элит путем использования интеллектуального потенциала российских регионов; истории либеральной отечественной журналистики; а также перспективных направлений научных исследований по истории российского либерализма. Хронологические рамки представленных докладов охватывали период от XVIII до рубежа XX–XXI вв. Особенно пристальное внимание было уделено периоду начала XX столетия, когда российские либералы наиболее активно формировали свои политические структуры в центре и на местах, когда идеология либерализма проникала в широкие слои общества, а ее носители активно участвовали в деятельности Государственной думы.

Конференция включала пленарное и три секционных заседания, а также «круглый стол»: «Современный либерализм: состояние, тенденции, перспективы». В пленарных докладах подводились общие итоги разработки актуальных проблем либерализма в историографии, обобщалась конституционная практика и возможности распространения и закрепления либеральных идей в обществе, в том числе в регионах страны.

Д.и.н. В.В. Шелухаев (РГГУ) отметил, что современные отечественные обществоведы начали изучать русский либерализм как сложносоставное социокультурное явление, освещая длительный процесс генезиса, формирования и эволюции данного явления в контексте трансформирующейся исторической среды. В последние годы в условиях «плюрализма мнений» стала активно публиковать свои труды новая генерация исследователей; в разработку проблемы активно включились негосударственные научные структуры: Российский независимый институт социальных и национальных проблем (РНИСиНП), Институт общественной мысли (ИОМ), Фонд «Либеральная миссия». В историографии произошло значительное расширение проблемного поля истории русского либерализма, в которое в качестве объекта и предмета включены новые, не разработанные ранее темы и сюжеты (соотношение либерализма и демократизма, либерализма и социализма и т.д.).

В докладе «Политическая программа русского либерализма и современная конституционная практика» д. филос. н. А.Н. Медушевского (ИРИ РАН) была подробно освещена политическая программа русского либерализма. Докладчик сопоставил ее с теми компонентами конституционной реформы, которые стали актуальны с переходом к демократическому строю в постсоветский период. Все крупнейшие революционные кризисы в истории России заканчивались восстановлением авторитарной модели государственной власти. В какой-то мере этот вывод применим к современной эпохе, и современная политическая практика может позаимствовать опыт либерального конституционного движения начала XX в. В докладе были проанализированы: общий подход русского либерализма к решению конституционного вопроса (роль Учредительного собрания); социальное содержание и подлинность конституционных гарантий прав человека; правовые гарантии собственности и возможности ее отчуждения при проведении необходимых социальных преобразований, а также формы государственного устройства (унитарное или федеративное государство); структуры законодательной власти (однопалатный или двухпалатный парламент); форма правления и тип политического режима (монархия, республика, ответственное правительство); критерии разделения местного управления и самоуправления; проблемы переходного периода (административные и судебные реформы). Докладчик пришел к заключению о том, что, несмотря на трудности и срывы конституционного развития в России, именно либеральная концепция конституционализма являлась определяющей на начальной стадии проведения политических преобразований постсоветского периода, став основой конституционных реформ на современном этапе.

В докладе «Либералы и рабочее движение на рубеже XIX–XX вв.» д.и.н. И.М. Пушкарёва (ИРИ РАН) утверждала, что идеи гражданского общества в дореволюционной России получили более широкое развитие, чем это принято считать. На материалах нового массового источника «Рабочее движение в России. 1895 – февраль 1917 гг. Хроника» можно обосновать, что рабочим в России не чужды были либеральные понятия, доходившие до них через разного рода общественные организации (кооперативы, «кассы взаимопомощи» и т.д.), существовавшие и до 1905 г. Рабочие воспринимали разные идеи – отстаивавшиеся как либералами, так и теми идеологами, которые связывали свою тактику с революционными выступлениями. Но понимание принципов либерализма («верховенство закона», «свобода») у рабочих могло иметь свою специфику: не «свобода в рамках закона», а «неограниченность свободы» и др.

В докладе «Провинциальное пространство российского либерализма в начале XX в.» д.и.н. В.Ю. Карнишин (Пензенский государственный университет) отмечал, что прорыв в изучении феномена русского либерализма позволил закрыть многие лакуны в осмыслении либеральной модели переустройства поздней имперской России, практики партийных структур, деятельности их лидеров. Смещение либеральных проектов общественного переустройства в сторону радикализации критически увеличивало пропасть между либералами и консерваторами на пороге Первой мировой войны. Дефицит ответственности перед обществом, как представителей власти, так и сторонников различных политических сил, сыграл роковую роль в определении политического выбора страны в начале XX в. В заключение пленарного заседания состоялась презентация нового учебного пособия для вузов «История современной России: поиск и обретение свободы. 1985–2008 годы» (М., 2008) д.и.н. Г.И. Герасимова (Институт общественного проектирования, Москва). Автор поставил своей целью выявление смысла исторического развития современной России. Обсуждение концепции этого учебного пособия позволило перейти к практической части конференции, связывая проблемы становления и эволюции либеральных идей в России с современностью.

Пленарное заседание продолжил «круглый стол»: «Современный либерализм: состояние, тенденции, перспективы». Кроме участников конференции, в нем приняли участие Ярославские отделения партии «Единая Россия», ООО «Деловая Россия», Клуб политического действия «4 ноября», специалисты ярославских музеев, библиотек, журналисты, аспиранты и студенты. Было обсуждено состояние современного либерализма в России и прогнозы его развития; формы проявления либерализма в идеологии, политике, экономике; взгляды современных либералов на общественно-политическое развитие России; основные тенденции развития либерально-консервативного течения в «Единой России»; сочетание тенденций централизма и свободы в России.

В дискуссии активно участвовали заместитель губернатора Ярославской обл. О.И. Виноградов, д.и.н. Г.И. Герасимов, д.э.н. В.И. Пётров (Ярославский государственный педуниверситет им. К.Д. Ушинского, далее – ЯГПУ), д.и.н. И.М. Пушкарёва, д.и.н. С.М. Усманов (Ивановский государственный университет), д.и.н. С.Б. Ульянова (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет), В.В. Таточенко (ЯГПУ), д. филол. н. В.А. Степанов (Международный университет бизнеса и новых технологий, Ярославль), к.э.н. А.Ф. Степанов (ООО «Деловая Россия») и др. Отмечалось, что изучение стратегии, тактики и программтики либерализма в российской провинции в исторической ретроспективе позволяет провести реконструкцию стереотипов общественно-политической мысли. Приоритет либеральной идеологии необходим для интеграции страны, для снятия межнациональных и религиозных противоречий. Между тем в настоящее время в России наблюдается отход от либеральных ценностей в действиях власти и во взглядах населения. Политическая практика часто далека от реализации деклараций о формировании гражданского общества, от следования принципам конституционализма, развития малого и среднего предпринимательства. К сожалению, гражданское самосознание россиян находится в «зачаточном» состоянии, большинство населения равнодушно к либеральным ценностям. Необходим широкий комплекс мер по либерализации общественно-политической жизни по пути к гражданскому обществу. Острота проведенной в рамках «круглого стола» дискуссии показала актуальность обсуждаемых проблем.

На секции «Особенности формирования либеральных идей и политических структур в российских регионах» (председатель – д.и.н. И.В. Сабенникова, ВНИИ документоведения и архивного дела) было представлено 15 докладов. В большинстве из них вводились в научный оборот новые источники: материалы центральных и местных архивов, местная либеральная периодическая печать. В докладах д.и.н. А.Д. Каплина (Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина), к.и.н. А.В. Борисова (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, далее – ЯрГУ), к.и.н. Е.Л. Сараява (ЯГПУ) затрагивались проблемы генезиса либерализма в России и его восприятия правительственной элитой в конце XVIII – первой половине XIX в. Доклады д.и.н. Н.Н. Карнишина (Пензенский государственный университет), к.и.н. О.В. Бакулина (Белго-

родский государственный университет), к.и.н. Г.Н. Четверухина (Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова, далее – КГУ), В.В. Таточенко (ЯГПУ) были посвящены особенностям развития российского либерализма во второй половине XIX в., когда Великие реформы начали трансформировать сословное общество в гражданское, а абсолютизм – в правовое государство. Эволюцию либеральной идеологии, связанную с социально-политическим развитием России после реформ, и отношение либералов к проводимым реформам 1860-х г. проанализировали д.и.н. А.И. На ре ж н ы й (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону), к.и.н. Н.С. В е л и т ч е н к о, Л.М. Рутковская, И.Г. Мельникова (ЯрГУ). В докладах отмечалось, что в конце XIX в. в России стал формироваться качественно новый тип либерализма, который соответствовал современной его западноевропейской модели. Его социальным носителем нового типа либерализма выступили интеллигенты-интеллектуалы.

Л.Ю. Ка з а н и н а (Новомосковский филиал университета РАО) рассмотрела отношение кадетов к столыпинской программе реформ. И.В. С а б е н н и к о в а отметила, что земское движение в России традиционно представляло собой альтернативу авторитарной системе. Так, в период Первой мировой войны Земгор ставил своей задачей координацию усилий общественности по содействию российской армии. Интересно, что эта модель социально-политической организации была воспроизведена в условиях эмиграции, чтобы подготовить альтернативную советской системе управления. Д.э.н. В.И. П е ф т и е в и д.и.н. Г.Н. К о ч е ш к о в (ЯГПУ) отметили значение дореволюционного опыта общественных организаций для формирования гражданского общества в России начала XXI в.

На секции «Либеральные технологии и практики» (председатель – д.и.н. Ю.Ю. Иерусалимский, ЯрГУ), в частности, были проанализированы взаимоотношения либералов и коронной власти (к.и.н. И.Т. Ш а т о х и н, Белгородский государственный университет); либералов и консерваторов (д.и.н. А.В. Р е п н и к о в, РГА СПИ; к.и.н. Ф.А. Г а й д а, МГУ им. М.В.Ломоносова); либералов и рабочих (к.и.н. А.В. Н о в и к о в, КГУ; д.и.н. Ю.Ю. И е р у с а л и м с к и й, к.и.н. Н.В. Т и х о м и р о в, ЯрГУ); либералов и других социальных групп населения, например, старообрядцев (к.и.н. И.С. Н а г р а д о в, РГГУ, Костромской филиал). Традиционными темами конференции стали деятельность земств (к.и.н. Т.И. В о л к о в а, ЯрГУ) и избирательные кампании в Государственную думу (д.и.н. А.М. Б е л о в, к.и.н. Т.В. Б е л о в а, КГУ), И.А. М а м з е л е в (ЯГПУ). Д.и.н. В.И. С е д у г и н (Новомосковский институт Российского химико-технологического университета им. Д.И. Менделеева) и к.и.н. В.В. В о с т р и к о в а (Всероссийский заочный финансово-экономический институт, филиал в Орле) проанализировали особенности программтики провинциальных кадетских организаций. Д.и.н. Ф.А. С е л е з н е в (Нижегородский государственный университет) изучил отношение кадетов к проблеме введения 8-часового рабочего дня. Докладчики выявили каналы, через которые шло воздействие либералов на общество: периодическую печать д.и.н. Ю.Ю. И е р у с а л и м с к и й, д.и.н. В.М. М а р а с а н о в а, Р.А. Н е в и н и ц ы н (все – ЯрГУ), д.и.н. Д.М. У с м а н о в а (Казанский государственный университет). Либеральные технологии на примере нэповской хозяйственной модели были рассмотрены в докладе д.и.н. С.Б. У л ь я н о в о й. Она обратила тем самым внимание на факт, о котором еще не упоминалось в литературе. На конкретных примерах было показано, что либеральные идеи смогли «перешагнуть» 1917 г., сделав попытку утвердиться в советском обществе.

Участники конференции возложили цветы к мемориальным доскам, установленным в честь либеральных деятелей начала XX в., членов Государственной думы кн. Д.И. Шаховского, К.Ф. Некрасова, кн. С.Д. Урусова. С этого начала работу секция «Либеральная региональная элита» (сопредседатели – д.и.н. И.М. Пушкарёва и д.и.н. В.П. Федюк, ЯрГУ). Большой интерес у участников секции вызвало выступление С.В. Д р у ж и н и н о й, внучки известного ярославского либерала и журналиста начала XX столетия Н.П. Дружинина. Она проанализировала его личный фонд из Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. С докладом о вкладе Н.П. Дружинина в популяризацию либеральных идей в России выступила д.и.н. В.М. М а р а с а н о в а. В докладе В.П. Ф е д ю к а были показаны состав и эволюция либеральной региональной элиты Ярославля, проведено сопоставление столичных и провинциальных кадров партии. Его доклад был дополнен выступлениями к.и.н. А.Р. Х а и р о в а, к.и.н. Н.В. О б н о р с к о й (ЯрГУ) и председателя Рыбинского исторического общества к.и.н. Ю.В. Ч у б у к о в о й, которые рассказали о видных ярославских либералах.

Участники секции сошлись в том, что власть может быть сильной и эффективной при условии, что она опирается на поддержку региональной политической элиты. Российский опыт показал, что именно инициативное меньшинство, наиболее чутко и адекватно улавливающее вызовы времени, оказывалось более способным и к выработке проектов, несущих в себе мощный преобразующий потенциал. Д.и.н. И.В. Н а р с к и й (Южно-Уральский государственный университет, Челя-

бинск) проанализировал состав региональной политической элиты России начала XX в. на примере уральских либералов. Деятели российской либеральной элиты были представлены также в докладах об И.В. Михайловском (д.и.н. О.А. Харусь, Томский государственный университет), М.П. Чубинском (к.и.н. А.М. Мойсинович, ЯрГУ). З.Г. Френкеле и других костромских либералах (к.и.н. И.В. Голубева, к.и.н. А.Н. Баранов, к.и.н. Н.В. Миловинова, КГУ). Канд. иск. И.А. Бродова (Ярославский государственный театральный институт) посвятила свой доклад Обществу любителей музыкального и драматического искусств, действовавшему в Ярославле в начале XX в.

Проведение широкой по составу и географии участников конференции в Ярославле показало активное подключение к изучению русского либерализма молодых исследователей новой генерации. По итогам работы опубликованы материалы конференции¹.

В.М. Марасанова, доктор исторических наук
(Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова),
И.М. Пушкарева, доктор исторических наук (Институт российской истории РАН)

Примечание

¹Российский либерализм в региональном измерении: идеи, структуры, тактики, лидеры: Всероссийская научно-практическая конференция 10–12 сентября 2008 г. Пленарные доклады и материалы конференции Ярославль, 2008; То же. Сборник докладов и материалов конференции. М., 2008.

Международная научная конференция «Мининские чтения»

24–25 октября 2008 г. в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского (ННГУ) состоялась Международная научно-практическая конференция «Мининские чтения». Научный форум ведет свое начало с 1991 г., когда состоялась первая конференция «Мининские чтения»; успешно выдержал серьезные финансовые и общественно-политические коллизии 90-х гг. XX в.; вошел в XXI в., и, успешно отпраздновав свое 15-летие в 2006 г., существует и поныне как давно и удачно зарекомендовавший себя представительный съезд ученых, занимающихся проблемами древней и средневековой истории России.

В программу «Мининских чтений-2008» вошли доклады и сообщения представителей Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Волгограда, Воронежа, Вологды, Орла, Ельца, Рязани, Муром, а также ученых Франции, Польши и Украины. Работа конференции проводилась в два этапа: пленарное заседание и работа секций. Основной проблематикой «Мининских чтений» является, традиционно, история Смутного времени в России начала XVII в., представленная в отдельной секции. Прочий круг научных проблем был обозначен в секциях «Проблемы истории Руси–России XI–XVII вв.» и «Проблемы источниковедения и историографии истории средневековой России».

На пленарном заседании, помимо приветственных выступлений ректора ННГУ Р.Г. Стронгина и декана исторического факультета Е.А. Молева, отметивших важность и значимость проводимой конференции, прозвучал доклад Б.М. Пудалова (Нижний Новгород) «Ополчение 1611 – 1612 гг.: персоналии и проблемы источников», в котором на основе анализа источниковых данных было предложено скорректировать оценку деятельности протопопа Спассо-Преображенского собора Саввы Евфимьева и архимандрита Печерского монастыря Феодосия, сыгравших важную роль в организации Нижегородского ополчения. В выступлении А.А. Кузнецова и А.В. Морохина (Нижний Новгород) освещалась проблема изучения истории Смутного времени нижегородскими (горьковскими) историками с 1917 г. по начало XXI в. Характерной чертой нижегородской (горьковской) историографии Смутного времени, по мнению авторов, была изолированность от общего развития исследований данной проблематики.

В работе секции «Смутное время в России» история Нижегородчины в период Смуты начала XVII в. была продолжена. С.В. Сироткин (Москва) представил новые данные по истории рода Мининых. Н.В. Рыбалко (Волгоград), проанализировавшая деятельность Нижегородской приказной избы в начале XVII в., пришла к выводу о том, что это учреждение способствовало тому, что Нижний Новгород стал одним из центров национально-освободительного движения.

Нижегородский историк А.В. Морохин, изучив немногочисленные источниковые данные о пребывании в Нижнем Новгороде Московского Печатного двора в 1613 г., обосновал тезис о недостаточности фактических сведений о функционировании этого ведомства и деятельности печатника Никиты Фофанова.

Участию иностранцев в событиях Смутного времени были посвящены доклады О.В. Скобелкина (Воронеж) и О.Я. Ноздрина (Орел). М.М. Якушкина и Г.Р. Якушкин (Москва) представили сообщения, касающиеся экономико-географических аспектов в изучении земельных владений князя Д.М. Пожарского. Состояние умов и нравов населения южно-русских уездов России во время Смуты и после нее осветили А.В. Воробьев и Д.А. Ляпин (Елец). Рязанский историк А.В. Беляков в своем выступлении обосновал немаловажную роль, сыгранную Чингизидами – легитимными лидерами тюрко-исламского населения России – в политических коллизиях начала XVII в. Деятельность ратных людей Северо-Западного края на завершающем этапе Смуты проанализировал А.В. Малов (Москва). П.В. Белоусов (Москва) посвятил свое выступление сугубо медицинским обстоятельствам смерти царевича Дмитрия, сделав выводы, соответствующие официальной версии следствия по указанному делу. Источниковедческое исследование сочинения Себастьяна Патриция начала XVII в. представил В.В. Гипич (Краматорск, Украина). Историк Т. Бохун (Варшава, Польша) рассказал о судьбе польского гарнизона в Московском Кремле в 1612 г. Выступление Д.В. Лисейца (Москва) касалось уточнения датировки составления царских утвержденных грамот конца XVI – начала XVII вв., связанных с избранием на русский престол Бориса Годунова и Михаила Романова.

Проблемы социокультурного восприятия Смутного времени сквозь призму идей позднейших эпох были затронуты в выступлениях Д.А. Николеева и Н.П. Ершовой (Нижний Новгород), рассмотревших дневниковые записи нижегородского общественного деятеля XIX в. А.С. Гациского, посвященные оценкам исторической роли Кузьмы Минина. Взгляды историка И.И. Голикова – исследователя эпохи Петра Великого – на ополчения 1612 г. представила С.В. Сигунова (Нижний Новгород).

В процессе работы конференции произошло объединение секций «Проблемы истории Руси–России XI–XVII вв.» и «Источниковедение и историография истории средневековой России», что сыграло, в итоге, положительную научно-интеграционную роль в дальнейшем ходе научного форума. Проблемам истории Руси домонгольского периода были посвящены доклады М.К. Юрасова (Москва) «Значение венгерского анонима для истории Древней Руси», С.В. Медовой (Нижний Новгород) о биографии рязанского князя Глеба Ростиславича. Личности и деятельности князя Георгия (Юрия) Всеволодовича во время Батыева нашествия было уделено внимание в выступлениях К.В. Петрова (Санкт-Петербург), А.А. Кузнецова (Нижний Новгород). М.В. Киселева (Воронеж) проанализировала в хронологической последовательности корпус письменных источников о печенегах. Источниковедческие и историографические проблемы написания биографий ордынских политических деятелей XIV в. были затронуты в сообщении Д.Ю. Кривцова (Нижний Новгород). Воронежский историк Ю.В. Селезнев выявил особенности восприятия взаимоотношений Руси и Орды в Средневековой русской письменной традиции. А.Л. Мусихин (Нижний Новгород), изучив сведения летописей о гибели боярина Анфала Никитина, указал на особенности адаптации в вятском летописании общерусских летописных сведений. В сообщении А.А. Мартыхиной (Нижний Новгород) «Возникновение “Легенды о Феде Литвиче”» показаны характерные черты формирования нижегородскими историками XIX–XX вв. корпуса нарративных сведений об отражении татарско-ногайского набега на Нижний Новгород в 1505–1506 гг.

Различным аспектам политической истории России XVI в. были посвящены доклады М.В. Моисеева (Москва) «Обоснование прав на Казанское ханство в русской политической мысли XVI в.», П.В. Чеченкова (Нижний Новгород) об организации обороны рязанского рубежа в 30-х – 50-х гг. XVI в. и В.Д. Назарова «Государев двор накануне и в годы Первой Избранной Рады».

На конференции «Мининские чтения» широко обсуждались проблемы истории и источниковедения XVII в. Разнообразные по тематике сообщения А.Ю. Кононовой (Москва), В.Е. Ершова (Муром), В.Н. Филатовой (Нижний Новгород), М.С. Черкасовой (Вологда) отразили особенности изучения писцового делопроизводства как важнейшего корпуса исторических источников по характеристикам крестьянского подворного земледелия и землепользования различных областей страны. Характеристику «служилого города» Нижнего Новгорода по сведениям десятины 1622 г. дала М.И. Балыкина (Нижний Новгород). А.Н. Маслов и А.В. Морохин подготовили сообщение об итогах источниковедческой обработки массива польско-литовских латиноязычных грамот, хранящихся в Центральном архиве Нижегородской области.

Ряд докладов и сообщений составили цельный блок материалов по изучению проблем социально-экономической жизни России XVII в. М.Ю. Зенченко (Москва) охарактеризовал научно-методические возможности и критерии выборки материалов для составления списка городов России в XVII в. А. Берелович (Париж, Франция) ознакомил слушателей с процессом утверждения в русской деловой письменности экономических терминов и понятий. Тесную связь монетарно-экономического реформаторства эпохи Алексея Михайловича и процессов в политической и духовной жизни XVII в. выявил в своем докладе Д.Е. Расков (Москва). В.В. Керов (Москва) исследовал идейные начала культурно-экономической составляющей старообрядческого мира на основе литературы раннего старообрядчества.

Прочие вопросы, касающиеся проблем социально-политической жизни XVII в., получили отражение в сообщениях Д.З. Фельдмана (Москва) – об отправке пленных литовских евреев в поволжские города в 1655 г. и Д.А. Черненко (Вологда), охарактеризовавшего своеобразие судебно-правовой системы Вологды по источникам рубежа XVII–XVIII вв.

Конференция «Мининские чтения», вполне утвердившаяся к сегодняшнему дню как профессиональный и авторитетный научный форум, стала значимым явлением в научной жизни, продолжив творческий путь плодотворного научного общения. Большинство представленных докладов и сообщений вызвали оживленные дискуссии и споры, что вполне объяснимо: проблемы истории, источниковедения, историографии, новые историко-гуманитарные концепции, введение в научный оборот актуального фактологического материала – все это вкупе не должно и не может оставить равнодушным каждого, кто стремится к реальному познанию событий прошлого.

А.А. Кузнецов, кандидат исторических наук,

А.В. Морохин, кандидат исторических наук,

Д.А. Николаев, кандидат исторических наук

(Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского)

Международная конференция «Нансеновские чтения – 2008»

27–29 октября 2008 г. в Санкт-Петербурге прошла международная конференция «Нансеновские чтения – 2008». Ее организаторами выступили Комитет по внешним связям правительства Санкт-Петербурга, Санкт-Петербургский Институт истории РАН и Информационно-культурный центр «Русская эмиграция» Санкт-Петербурга. Прошлогодние «Нансеновские чтения» были посвящены Ф. Нансену, его фонду, разнообразным аспектам помощи русским эмигрантам, «нансеновским» паспортам и связям русской эмиграции с международными организациями. Нынешняя конференция стала еще более представительной и интересной.

Основная тема «Нансеновских чтений – 2008» – проблемы взаимодействия русской эмиграции и метрополии, т.е. Советского Союза. Работа форума была организована по следующим секциям: «Российская эмиграция и ее отношение к советской России», «Отношение советской власти к русской эмиграции», «Репатриация», «Война и русская эмиграция», «Противостояние КГБ и русской эмиграции», «Переписка советских граждан и эмигрантов» и, наконец, самая дискуссионная – «Общее культурное поле: миф или реальность?».

Оргкомитет конференции возглавляли научный руководитель проекта «Нансеновские чтения», советник по науке Председателя Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации, д. физ.-мат. н. М.Н. Толстой, директор Санкт-Петербургского института истории РАН, д.и.н. В.Н. Плешков и директор Информационно-культурного центра «Русская эмиграция» М.Д. Чернышева. Конференция проходила в старинном особняке на Моховой улице, часть помещений которого занимает «Санкт-Петербургский Дом национальностей».

«Нансеновские чтения – 2008» были действительно международной конференцией. 34 российских ученых представляли Санкт-Петербург, Москву, Калининград, Архангельск, Владимир, Воронеж, Омск, Барнаул, Хабаровск, Владивосток. Впечатляет и география 15 зарубежных участников конференции: Прага, Копенгаген, Париж, Брюссель, Рим, Неаполь, Минск, Тарту, София, Варшава, Сан-Франциско, Осака. Подавляющее большинство выступавших ученых представили новые, ранее не апробированные материалы.

Несомненным украшением конференции стали доклады и сообщения русских эмигрантов и славистов. Связь эпох олицетворял потомок первой и второй «волн» русской эмиграции

А.В. Шмелев – куратор русской коллекции Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета. Его доклад «Русские дипломаты после большевистского переворота» был своеобразным мостом между прошлогодней и нынешней конференциями. В нем речь шла о Ф. Нансене, его контактах и взаимоотношениях с дипломатическим корпусом России, представители которого не признали Октябрьской революции. Еще более знаковой фигурой явился Н.И. Кривошеин (Париж). Внук А.В. Кривошеина – министра земледелия Российской империи (1908–1915), главы «врангелевского» правительства «Юга России» (1920); сын И.А. Кривошеина – участника движения «Сопротивления», вернувшегося после войны в СССР на пике патриотизма и оказавшегося в ГУЛАГе, представил выступление «История и итоги репатриации по документальным свидетельствам», носившее во многом личный и мемуарный характер. Доцент Брюссельского университета, заместитель руководителя «Фонда наследия русской эмиграции» Н.С. Белявский рассказал о непростой ситуации, сложившейся в годы Второй мировой войны среди русских эмигрантов. Его выступление «Военное поведение русской белой эмиграции в Бельгии» вызвало не меньший интерес, чем любой академический доклад. То же можно сказать и о сообщении независимого исследователя А. Худокормова (Брюссель, Бельгия) «Генерал-лейтенант Архангельский – храбрый офицер, мудрый политик и русский патриот».

Эмоциональным, но вместе с тем научным и фактографическим был доклад гостя из Варшавы, д. филол. н. И.В. Обуховой-Зелинской «Юрий Анненков – должитель эмиграции. Эволюция сознания и репутации». Практически детективную историю поведal независимый исследователь, представитель третьей «волны» эмиграции Б.Б. Вайль (Копенгаген, Дания). В докладе «Советская власть и православный храм в Копенгагене: 1924–1925 гг.» речь шла о попытке большевиков конфисковать или обменять посольскую церковь на маслодельные сепараторы, захваченные в 1919 г. в Сибири. Как всегда блестящими были выступления признанных специалистов к.и.н. М.Г. Талалая (Неаполь, Италия) «М. Горький, между Сорренто и Москвой» и профессора-эмеритуса Тартуского университета С.Г. Исакова «Советская литература в восприятии русских читателей Эстонии в 1920–1930 гг.». Личный, и в то же время научный характер, носило выступление «Разнообразные связи советских граждан с их родственниками и друзьями эмигрантами» доктора филологии, редактора «Русского журнала» В. Жобер (Сорбонна). Приходясь племянницей известной писательнице и журналистке «Русского Шанхая», реэмигрантке и пропагандисту истории русской эмигрантской культуры Н.И. Ильиной, она смогла представить даже такой искусственной аудитории много новых интересных фактов. Оживленное обсуждение вызвал доклад д.и.н. И.В. Сабенниковой (ВНИИДАД) «Советские спецслужбы против эмиграции: по материалам префектуры полиции Парижа».

Директор Славянской библиотеки в Праге Б. Лукаш выступил с докладом «Русский заграничный исторический архив и историческая работа Яна Славика», посвященным малоизученной фигуре чешского ученого-русофила. Журналист и публицист из Рима Дж. Мелев в сообщении «"Бывшие" русские в Италии в 1920–1930-е годы» рассказал о нелегкой судьбе эмигрантов в своей стране. С одной стороны, правые русские видели в итальянском фашизме готовый рецепт борьбы с коммунизмом, а с другой – Б. Муссолини стремился поддерживать дружеские, антиантантовские отношения с СССР. В докладе была проанализирована непростая позиция Италии по отношению к русской эмиграции в свете итало-советских официальных, социальных и культурных связей в период между двумя войнами. Заместитель директора Национального исторического музея Болгарии, д.и.н. Ц. Кьосева сделала доклад «Разведывательная деятельность советской дипломатии среди русской эмиграции в Софии», основанный на источниках из болгарских архивов, в том числе и недавно рассекреченных. Также на материалах, практически не доступных отечественным ученым, построила свой доклад «Российские эмигранты и советские граждане в Маньчжоу-Ди-Го» профессор университета из Осаки М. Икута. Ближнему сюжету посвятила свой доклад «"Выше знамя русской чести..."» Рущкая эмиграция в Маньчжоу-Ди-Го» профессор Хабаровского пограничного университета ФСБ д.и.н. Е.Е. Ауриллене. Доцент Омского государственного университета к.и.н. В.Ю. Волошин в выступлении «М.М. Новиков о судьбах высшей школы в СССР» не только раскрыла взгляды своего героя на советские реформы, но и показала, насколько позиция «последнего добольшевицкого» ректора Московского университета оказалась актуальна в современных условиях.

Проблемам реэмиграции и репатриации были посвящены доклады признанных специалистов по этой тематике: д.и.н. З.С. Бочаровой (МГУ им. М.В. Ломоносова) «Практика и политика советской власти по возвращению соотечественников на родину в 1920–1930 гг.»; к.и.н. Т.М. Симоновой (Институт военной истории МО РФ) «Проблемы репатриации из-за рубежа в советскую Россию» и к.и.н. Н.А. Родионовой (Высшая школа экономики) «"Возвращенчество" в публицистике Е.Д. Кусковой: заблуждение или провокация».

К.и.н. Е.М. Миронова (Институт всеобщей истории РАН) выступила с двумя докладами: с традиционной для нее темой «Дипломаты русского зарубежья и советская власть в России» и новой «Выработка советской властью отношения к пореволюционной эмиграции. Новые документы». К.и.н. М.Н. Мосейкина (Российский университет дружбы народов) представила свои соображения по теме «Славянский комитет СССР и латиноамериканская ветвь русской эмиграции: связи и проблемы». Московский журналист М.В. Соколов в докладе «Партия "Крестьянская Россия" и советский "железный занавес" в 20-е гг. XX в.», основанном на данных из пражских архивов и ЦА ФСБ, увлекательно рассказывал о том, как эмиссары этой эмигрантской политической организации проникали на территорию СССР, и как с ними боролось ОГПУ – НКВД. Очень интересные темы подняли известные исследователи: главный специалист ГА РФ, заведующая архивохранилищем «Белое движение и эмиграция» Л.И. Петрушева и заведующая отделом русского зарубежья РГБ Н.В. Рыжак. Первая подняла вопрос о взаимодействии Комитета русской культуры в Белграде и русской эмиграции, а вторая крупными мазками набросала этюд «Советская литература глазами писателей-эмигрантов (по материалам парижской газеты "Возрождение")». С сообщением «Планы и проекты Библиотеки-фонда "Русское зарубежье" по изучению русского зарубежья» выступила заместитель директора этого учреждения Т.А. Королькова.

Среди петербургских участников конференции надо выделить интереснейшее выступление к.и.н. В.Ю. Черняева (Санкт-Петербургский Институт истории РАН). В его основанном на ранее неизвестных архивных материалах докладе «Кронштадтские повстанцы, белая эмиграция и антибольшевистское подполье Петрограда» раскрывалась связь антисоветского подполья с эмиграцией. Тематически с ним перекликался и доклад к. пед. н. О.Н. Ильиной (Российская национальная библиотека) «В.Н. Тукалевский: жизнь и судьба» об известном общественном деятеле русской эмиграции в Чехословакии. Запомнилось и сообщение д.и.н. А.И. Рупасова (Санкт-Петербургский Институт истории РАН) «Советская внешняя политика и эмигрантская пресса в Прибалтике», основанное на редких и малодоступных архивных документах.

По мнению практически всех участников конференции и слушателей, «Нансеновские чтения – 2008» удались. Просторные залы «Санкт-Петербургского Дома Национальностей» были заполнены, причем заседания конференции привлекли не только ученых, но и аспирантов, студентов петербургских вузов, всех интересующихся историей российской эмиграции. В сухой форме отчета о международной конференции «Нансеновские чтения – 2008», к сожалению, невозможно подробно рассказать обо всех докладах, выступлениях и дискуссиях, а главное – об окружающей ее необыкновенной атмосфере. В ближайшее время планируется издать сборник материалов конференции. Следующая международная конференция «Нансеновские чтения – 2009» будет посвящена влиянию русской эмиграции на советское общество и второй «волне» эмиграции.

Своеобразным продолжением конференции стал международный «круглый стол» «Изучение и сохранение культурного наследия Русского зарубежья», состоявшийся 31 октября 2008 г. В Санкт-Петербурге под эгидой Международного благотворительного фонда им. Д.С. Лихачева и при поддержке городского Комитета по внешним связям формируется двухлетняя программа (2009–2010) изучения культурного наследия русской эмиграции. На «круглом столе» экспертам было предложено обсудить основные направления дальнейшей работы в сферах художественного и архитектурного наследия, книжных собраний, некрополей. В практическом смысле организаторы хотели наметить перечень малоизученных областей, малоизвестных объектов (собраний, фондов, архивов, коллекций и т.п.), на описание и изучение которых можно было бы направить финансовые и организационные ресурсы программы. Для этого российским экспертам были заказаны аналитические обзоры по шести темам.

В своих докладах «Художественное наследие Русского зарубежья» и «Изучение архитектурного наследия Русского зарубежья» признанные специалисты, соответственно доктор искусствоведения Е.П. Яковлева (Государственный Русский музей) и кандидат архитектуры С.С. Лешко (Санкт-Петербургский филиал НИИ теории архитектуры и градостроительства РААСН) сошлись в выводе о недостаточной изученности этих проблем. О.Л. Лейкина (Международный благотворительный фонд им. Д.С. Лихачева) провел презентацию проекта электронной базы данных «Культурное наследие Русского зарубежья». К.и.н. В.Ю. Волшина (Омский государственный университет) в обзоре «Проблемы изучения русской научной эмиграции 1920–1930-х гг.» указала на большое количество исследований по культуре и политике русской эмиграции в ущерб изучению ее научного наследия.

Больше всего споров вызвало выступление «Русское зарубежье и архивы» к.и.н. А.В. Попова (РГГУ). По его мнению, в Москве находится 90% архивного наследия эмиграции из России, и все, что есть за границей, нужно постепенно передавать в столицу России. К. пед. н. О.Н. Ильина (Российская национальная библиотека) осветила в докладе «Книжные собрания Русского зарубе-

жья» проблемы комплектования современных российских библиотек эмигрантской книгой. Историк церковной архитектуры В.В. Антонов в докладе «Русская православная церковь и русская эмиграция: общественно-культурный аспект» поднял многие актуальные вопросы – о сохранности православных храмов за рубежом, захоронений выходцев из России и о проблемах составления некрополей.

Тексты докладов были заранее разосланы участникам «круглого стола», что дало возможность реально представить значимость проблем, не просто ознакомиться с предложениями и выводами экспертов, но и сделать свои. В числе участников «круглого стола» было 13 зарубежных специалистов, 13 петербуржцев и 5 ученых из других городов России. По первым двум обзорам наиболее ярко выступали исполнительный директор Международного благотворительного фонда им. Д.С. Лихачева А.В. Кобак, эксперт фонда, кандидат искусствоведения Д.Я. Северухин и директор Информационно-культурного центра «Русская эмиграция» М.Д. Чернышева. А.В. Попову оппонировал А.В. Шмелев, а также профессор Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, д.и.н. П.Н. Базанов, который отметил, что Санкт-Петербург обладает уникальными малоисследованными архивными коллекциями документов эмигрантского происхождения. К.и.н. В.Ю. Черняев и научный руководитель проекта «Нансеновские чтения» М.Н. Толстой обратили внимание на недостаточную изученность архивного и книжного аспекта эмигрантоведения. О петербургском наследии за рубежом рассказывали ведущий специалист библиотеки Мюнстерского университета Г. Крайтц, заведующая отделом Центрального государственного архива Болгарии Л. Цветкова и д.и.н. Ц. Кьосева. Запомнились своими выступлениями также Д.Ю. Гузевич (Школа высших исследований в области социальных наук, Франция), И.Н. Толстой (радио «Свобода», Прага), директор Санкт-Петербургского института истории РАН В.Н. Плешков и известный эмигрантовед, руководитель Российского отделения Группы по изучению русской эмиграции при Институте славяноведения в Париже Л.А. Мнухин.

Итоги выступлений можно сформулировать следующим образом. Санкт-Петербург является крупнейшим центром изучения Русского зарубежья. Его музеи, архивы и библиотеки обладают огромными малоизвестными или неизвестными материалами, требующими выявления и изучения. На территории самого города и Ленинградской обл. есть как уникальные места (Репино, Комарово, Зеленогорск и др.), музеи деятелей культуры и политики русской эмиграции (Н.К. Рериха, Б. Вильде, В.В. Набокова и др.), так и целые районы (Карельский перешеек, прежде всего Выборг, и Ивангород), относящиеся к Русскому зарубежью. Все эти памятники архитектуры, культуры и истории нуждаются в изучении и защите, поскольку многие из них гибнут на глазах. Санкт-Петербург должен стать координационным центром для всего Северо-Запада России и сопредельных государств, где сохранились ценности Русского зарубежья (Финляндия, Эстония, Латвия, Швеция, и др.).

**П.Н. Базанов, доктор исторических наук
(Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств)**

СОДЕРЖАНИЕ

Актуальные проблемы исторической науки

Медушевский А.Н. – Когнитивно-информационная теория в современном гуманитарном познании.....	3
--	---

Имперская бюрократия и реформы начала XIX века

Чернов К.С. – «Реформа администрации должна быть предпочтительнее конституции».....	23
Манаев Г.Г. – Правительствующий Сенат в начале XIX в.: подготовка и реализация реформы 1805 г.	37

Внутренняя политика России в начале XX века

Куликов С.В. (Санкт-Петербург) – Император Николай II как реформатор: к постановке проблемы	45
Соловьев К.А. – Механизмы взаимодействия исполнительной и представительной ветвей власти, 1906–1914 гг.	60
Гайда Ф.А. – Внутриправительственные конфликты в период кризиса третьеновской системы (1911–1917 гг.).....	77

Статьи

Аврус А.И., Гапоненков А.А. (Саратов) – Саратовский университет в годы революции и Гражданской войны (1917–1920 гг.).	91
Скорик А.П. (Новочеркасск), Тикиджян Р.Г. (Ростов-на-Дону) – Красные партизаны в советской действительности 1920-х – 1930-х гг. (на материалах Юга России).....	104
Вербицкая О.М. – Население российской деревни в демографическом кризисе 1990-х гг.	114

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Вовина-Лебедева В.Г. (Санкт-Петербург) – Н.Ф. Лавров за чтением А.А. Шахматова	132
--	-----

Публикации

В августе 68-го: взгляд с другой стороны. К выходу русского перевода воспоминаний Александра Дубчека. Публикация Ю.В. Богданова.	147
---	-----

Дискуссии и обсуждения

Горский А.А. – К спорам по «варяжскому вопросу»	171
Мурашева В.В. – «Путь из ободрит в греки...» (археологический комментарий «по варяжскому вопросу»).....	174

Критика и библиография

Дурновцев В.И. – Историософия историка.	181
Трепавлов В.В. – История Удмуртии. С древнейших времен до XV в.; История Удмуртии. Конец XV – начало XX в.; История Удмуртии. XX в.	184
Бендин А.Ю. (Республика Белоруссия) – А.А. Сафонов. Свобода совести и модернизация вероисповедного законодательства Российской империи в начале XX в.	188
Попович Н.Б. (Республика Сербская (Босния и Герцеговина)) – С. Живанов. Падение Российской Империи: Т. I–II	190
Степанский А.Д. – Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1917 гг.....	191
Колоницкий Б.И. (Санкт-Петербург) – А. Рабинович. Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде	193
Зашихин А.Н. (Архангельск) – Гражданская война на Севере в биографиях ее участников	196
Токарев В.А. (Магнитогорск) – А.В. Голубев. «Если мир обрушится на нашу республику...»: Советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е гг.	197
Пушкарева И.М., Пушкарев Л.Н. – А. Давидсон. Я вас люблю. Страницы жизни	199

Из редакционной почты

Карташова М.В. (Балахна) – О происхождении Кузьмы Минина	202
Морохин А.В., Пудалов Б.М. (Нижний Новгород) – К биографии Кузьмы Минина	204

Пантелеев П.А. (Тобольск) – Сибирь: начало истории – новая версия.....	206
---	-----

Научная жизнь

Филимонов В.Я., Берговская И.Н. (Калуга), Романовский В.К. (Нижний Новгород) – III Всероссийская научная конференция «Н.В. Устрялов в истории мировой политической мысли»	209
Мельничук Г.А. – Научно-практическая конференция «Шацк: 455 лет в истории России».....	210
Марасанова В.М. (Ярославль), Пушкарева И.М. – Всероссийская научно-практическая конференция по истории российского либерализма в Ярославле	213
Кузнецов А.А., Морохин А.В., Николаев Д.А. (Нижний Новгород) – Международная научная конференция «Мининские чтения»	216
Базанов П.Н. (Санкт-Петербург) – Международная конференция «Нансеновские чтения – 2008»...	218

CONTENTS

Current issues of historical science

Medushevsky A.N. – Cognitive information theory in the humanitarian knowledge of today.	3
---	---

Imperial bureaucracy and the reforms of the early 19th century

Chernov K.S. – «We should prefer a reform of administration to the Constitution»	23
Manaev G.G. – The Governing Senate in the early 19 th century: the preparation and realization of the reform of 1805	37

Russian domestic policy in the early 20th century

Kulikov S.V. (Saint-Petersburg) – Emperor Nicolas II as a reformer: concerning the definition of the issue ..	45
Soloviev K.A. – The mechanism of interaction between executive and representative branches of power, 1906–1914	60
Gaida F.A. – Conflicts within the government during the crisis of the Third of June political system, 1911–1917	77

Articles

Avrus A.I., Gaponenkov A.A. (Saratov) – Saratov university during the revolution and the Civil war, 1917–1920	91
Skorik A.P. (Novocherkassk), Tikijian R.G. (Rostov on Don) – The red guerilla warriors in the Soviet reality of 1920–1930s (the case of Russia's South)	104
Verbitskaia O.M. – Russian village population in the demographic crisis of the 1990s.....	114

Historiography, Source Studies, Methods of Historical Research

Vovina-Lebedeva V.G. (Saint-Petersburg) – N.F. Lavrov when reading A.A. Shakhmatov	132
---	-----

Publications

In August, 68: a view from the other side. On the occasion of publication of the Russian translation of the memoirs by Alexander Dubček. <i>Published by Yu.V. Bogdanov</i>	147
--	-----

Discussions

Gorskii A.A. – Apropos the discussions on the «Varangian question»	171
Murasheva V.V. – «The route from the <i>obodrites</i> (Slavic tribe) to the Greeks...» An archeological commentary on the «Varangian question»	174

Book reviews

Durnovtsev V.I. – A historian's philosophy of history	181
Trepavlov V.V. – The History of Udmurtia. From the Ancient Times to the 15 th Century; The History of Udmurtia. Late 15 th – early 20 th Centuries; The History of Udmurtia. 20 th Century	184

Bendin A.Yu. (Belarus) – A.A. Safonov. The Freedom of Conscience and the Modernization of Religious Laws in Russian Empire in the Early 20 th Century	188
Popovic N.B. (Serbian republic (Bosnia and Herzegovina)) – S. Zivanov. The Fall of Russian Empire. Vols. 1–2.....	190
Stepanskii A.D. – L.A. Tikhomirov's Diary, 1915–1917.....	191
Kolonitskii B.I. (Saint-Petersburg) – Alexander Rabinowitch. The Bolsheviks in Power: The First Year of Soviet Rule in Petrograd.....	193
Zashikhin A.N. (Archangelsk) – The Civil War on the North in Biographies of its Participants	196
Tokarev V.A. (Magnitogorsk) – A.V. Golubev. «If the Whole World Falls upon our Republic...»: Soviet Society and the Outer Threat in the 1920s–1940s.....	197
Pushkareva I.M., Pushkarev L.N. – A.B. Davidson. I love you. The episodes from my life	199

Letters to the editors

Kartashova M.V. (Balakhna) – On the social origin of Kuzma Minin	202
Morokhin A.V., Pudalov B.M. (Nizhniy Novgorod) – Apropos Kuzma Minin's biography.....	204
Pantelev P.A. (Tobol'sk) – Siberia, early days of history: a new version.....	206

Academic Life

Filimonov V.Ya., Bergovskaia I.N. (Kaluga), Romanovskii V.K. (Nizhniy Novgorod) – The 3d conference «N.V. Ustrialov in the history of the world political thought»)	209
Melnichuk G.A. – Research and practical conference «Shatsk: 455 years of Russia's history».....	210
Marasanova V.M. (Yaroslavl'), Pushkareva I.M. – Research and practical conference on the history of Russian liberalism in Yaroslavl'.....	213
Kuznetsov A.A., Morokhin A.V., Nikolaev D.A. (Nizhniy Novgorod) – International conference «Minin readings»	216
Bazanov P.N. (Saint-Petersburg) – International conference «Nansen readings 2008»	218

РЕДАКЦИЯ

Секиринский С.С.	– Отдел Новейшей истории
Мамонов А.В.	– Отдел Новой истории
Мельникова Л.В.	– Отдел Древней и Средневековой истории
Лисейцев Д.В.	– Отдел Древней и Средневековой истории
Костина Р.В.	– Отдел истории народов
Христофоров И.А.	– Отдел историографии, источниковедения, методов исторического исследования
Шахназарова М.Г.	– Заведующая редакцией
Виккел О.Л.	– Литературный редактор
Мац А.Г.	– Младший редактор

Сдано в набор 03.04.2009	Подписано в печать 03.06.2009	Формат бумаги 70 × 100 ¹ / ₁₆
Печать офсетная	Усл.печ.л. 18,2 Усл.кр.-отт. 29,9 тыс.	Уч.-изд.л. 25,2 Бум.л. 7,0
Тираж 1620 экз.	Заказ 349	

Свидетельство о регистрации № 0110244 от 8.02.1993 г.
в Министерстве печати и информации РФ
Учредители: Российская академия наук, Институт российской истории РАН

Издатель: Академиздатцентр «Наука», 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 117036, Москва В-36, ул. Дм. Ульянова, 19
Телефон: 8-499-723-69-10
Оригинал-макет подготовлен МАИК «Наука/Интерпериодика»
Отпечатано в ППП «Типография «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6